

Лев

— ЛЕВ ДАМЕШЕК ИЗБРАННОЕ

ЛЕВ ДАМЕШЕК

Избранное

Том I

Сибирские «инородцы»
в имперской стратегии власти
(XVIII – начало XX в.)

 РОССИЯ
ГЛАВНАЯ

Лев Дамешек

А **РОССИЯ**
ЗИАТСКАЯ

Л.М. Дамешек

Избранное

В трех томах

Главный редактор
академик РАН *Б.В. Базаров*

Главная редакционная коллегия:
д.и.н., профессор *Ю.М. Гончаров*,
д.и.н., профессор *В.П. Зиновьев*,
д.и.н., профессор *А.А. Иванов*,
д.и.н., профессор *Л.В. Курас*,
д.и.н., профессор *Н.П. Матханова*,
д.и.н., профессор *М.В. Шиловский*.

Лев Дамешек

Избранное

Том I

**Сибирские «иностранцы»
в имперской стратегии власти
(XVIII – начало XX в.)**

ОЛТИСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО

2018

УДК 947.05
ББК 63.3(253.5)
Д 16

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
Администрация города Иркутска
Музей истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова

Научный редактор:
д.и.н., профессор Иванов А.А.

Рецензенты:
д.и.н., профессор Скубневский В.А.
д.и.н., профессор Шиловский М.В.

Д 16 Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.): Монография. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2018. – 456 с.

Предметом исследования монографии Л.М. Дамешека является правительственная политика в отношении сословия «сибирских инородцев» на протяжении всего периода существования империи. Особое внимание уделяется проблемам изучения численности и демографического поведения народов Сибири, аграрной политики самодержавия, организации управления, отбыванию воинской повинности и введению паспортного режима, ясачной политике. Специальный раздел посвящен изучению христианизации народов Сибири как составной части окраинной политики Российской империи.

Издание второе, исправленное и дополненное.

Редакционная коллегия приносит огромную благодарность мэру Иркутска Д.В. Бердникову за поддержку и пропаганду исторического наследия и культурной среды города.

ISBN 978-5-6040406-5-2
ISBN 978-5-6040406-6-9

© Л.М. Дамешек, 2018
© «Оттиск», 2018

*Памяти моих родителей
Людмилы Максимовны и Михаила
Леонтьевича Дамешек, учителей
русского языка, литературы
и истории посвящаю*

Оглавление

Базаров Б.В. Проблемы российской государственности в трудах профессора Л.М. Дамешака	8
Иванов А.А. От редактора	13
От автора. Уважаемые читатели, коллеги!	14
Введение: Национальный фактор во внутренней политике империи.	21
ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ	31
ГЛАВА I. Аграрное законодательство и землеустройство народов Сибири	112
1. Динамика и национальный состав коренного населения Сибири	112
2. Аграрное законодательство самодержавия и народы Сибири в пореформенный период (60–70-е гг. XIX в.)	123
3. «Инородческий вопрос» в аграрном законодательстве в эпоху политической реакции и кризиса империи (80-е гг. XIX в. – 1917 г.)	137
4. Реализация аграрного законодательства и землеустройство народов Сибири (1896–1917 гг.)	150

ГЛАВА II. Развитие системы управления народами Сибири в первой половине XIX в.	191
1. Организация управления народами Сибири в конце XVIII – начале XIX века	191
2. «Устав об управлении инородцев» 1822 года .	196
3. Вопрос о кодификации норм обычного права «инородцев» в 30–40-х гг. XIX века	211
ГЛАВА III. Управление народами Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.	223
1. Предложения о реформе управления аборигенами 60–80-х г. XIX в. Попытки пересмотра Устава 1822 г.	223
2. Закон 1898 г. о крестьянских и «инородческих» начальниках	235
3. Проведение в жизнь «Временного положения» о крестьянских и «инородческих» начальниках	243
4. Административные мероприятия правительства начала XX века. Волостная реформа	258
ГЛАВА IV. Христианизация народов Сибири как составная часть окраинной политики Российской империи	295
ГЛАВА V. Ясачная политика самодержавия в Сибири в первой половине XIX века	323
1. Виды и характер податного обложения сибирских «инородцев»	323
2. Ясачная политика в 60-е годы XVIII – начале XIX века.	334
3. Реализация «Устава об управлении инородцев» и вторая ясачная комиссия	342

Глава VI. Ясачная политика империи во второй половине XIX – начале XX в..	378
1. Налоги и повинности народов Сибири	378
2. Вопрос о преобразовании ясачного сбора в проектах Кабинета (50–60-е гг. XIX в.).	388
3. Судьбы ясачного режима в проектах сибирской администрации (70-е гг. XIX в.).	396
4. Реформа налоговой системы и ясачная политика в конце XIX – начале XX в.	422
Заключение	438
Приложение	442

Проблемы российской государственности в трудах профессора Л.М. Дамешека

Уважаемые читатели! Вы держите в руках трехтомное, уникальное в своем роде издание, подготовленное по инициативе и в рамках проекта мэрии города Иркутска. Одна из задач этого проекта заключается в том, чтобы собрать воедино и переиздать фундаментальные работы доктора исторических наук, профессора Льва Михайловича Дамешека, внесшего значительный вклад в развитие исторической науки России. И дело вовсе не в 70-летнем юбилее ученого, что предполагает публикации иного рода, получившие в народе название «датской литературы», т. е. написанной в связи с очередной датой. Перед инициаторами проекта стоит более масштабная задача: опираясь на труды профессора Л.М. Дамешека, выявить корни и укрепить традиции классического сибиреведения, показать глубокую и неразрывную связь истории Сибири с историей России.

Отметим, что продолжающееся динамичное реформирование всех сторон жизни российского общества, вызванное стремлением государства оптимально регулировать процессы и явления, происходящие в разных областях жизни, подтвердило необходимость и взаимосвязь основополагающих понятий, принципов и правовых механизмов, разработанных еще в XIX в., и основополагающих понятий нынешнего – XXI века. Сегодня специалистам-историкам, занимающимся проблемой истории строительства и укрепления российской государственности, предъявляются высочайшие требования, которые аккумулируются в понятиях «государство», «субъект Федерации», «единое правовое поле», «национальная политика». Эти понятия фактически являются калькой понятийного аппарата, введенного в оборот профессо-

ром Л.М. Дамешеком: «Россия Азиатская», «окраинная политика», «имперский регионализм», которые выявляют смысл событий и явлений и определяют их значение для современников.

Глубоко погружаясь в сферу своей практической, профессиональной деятельности, мы порой забываем о теоретических основах и ретроспективном анализе истории российской государственности, что чревато серьезными ошибками. Поэтому переиздание трудов профессора Л.М. Дамешека, ставших классическими и вполне заслуженно украшающими российскую историографию, – это как раз и есть напоминание нам, сегодняшним, о существовании базовых понятий классической исторической науки. Кроме того, это – несомненная помощь в учебном процессе, содействие доступу к документам крупнейших архивохранилищ страны и работам незаслуженно забытых историков и правоведов.

«Избранные труды» состоят из трех томов:

Том I. «Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.)». Научный ред. д.и.н., проф. А.А. Иванов;

Том II. «Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.)». Научный ред. д.и.н. М.В. Шиловский;

Том III. «Сибирские окраины Российской империи (XVIII – начало XX вв.)». Научный ред. д.и.н., проф. Л.В. Курас.

Первый том состоит из шести глав, в которых через призму национального фактора рассматривается аграрное законодательство и землеустройство, развитие системы управления, процесс христианизации народов Сибири, а также ясная политика самодержавия в отношении сибирских «инородцев». Сам факт опоры автора на нормативно-законодательную базу, созданную в XIX – начале XX вв. российскими правоведом, делает его творчество неуязвимым, несмотря на изменение методологической составляющей исторического исследования, что неоднократно отмечалось в современной российской

историографии¹. Такое построение монографии является традиционным для творчества ученого и делает ее классической как по форме, так и по содержанию.

На наш взгляд, первый том имеет прорывной характер во многом благодаря заостренности Льва Михайловича на «инородческой» тематике и его совместной работе с учеными Бурятии², которые в течение 7 лет занимаются подготовкой и публикацией документов из фондов Государственного архива Республики Бурятия «Бурятские Степные думы в документах Государственного архива Республики Бурятия»³.

Том второй состоит из трех глав, в которых российские окраины рассматриваются в системе внутренней политики империи. В нем дается подробная характеристика высших имперских институтов власти и воздействия их на Сибирь. И, наконец, важнейшая составляющая монографии – «Региональный компонент управления», в котором ученый раскрывает областническую концепцию

¹ Курас Л.В. Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX в. (историография проблемы в трудах профессора Льва Михайловича Дамешека) // Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX в. [«Азиатская Россия»]. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2013. С. 14–30; Иванов А.А. Иркутский исследователь истории Сибири // Там же. С. 31–43.

² Дамешек Л.М. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Л.М. Дамешек, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. 503 с. Серия «Россия Азиатская».

³ Ванчикова Ц.П., Матханова Н.П. Местное самоуправление у бурят в XIX – начале XX вв. в документах Государственного архива Республики Бурятия: Жалсанова Б.Ц. История Кударинской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия (1825–1903 гг.): [сб. документов, перечень документов] / автор-составитель Б.Ц. Жалсанова / науч. ред. Л.В. Курас. Улан-Удэ: НоваПринт, 2010. 248 с.; Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Аларской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1889 гг.): [сб. документов, перечень документов] / авторы-составители Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас / науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2015. 352 с.; Жалсанова, Б.Ц., Курас Л.В. История Баргузинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1889 гг.): [сб. документов, перечень документов] / авторы-составители Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас / науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2012. 352 с.; Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Хоринской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825–1904 гг.): [сб. документов, перечень документов] / авторы-составители Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас / науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2016. 592 с. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 4. С. 115–117.

как выражение сибирского самосознания; механизмы и особенности деятельности губернской администрации; место сибирских инородцев в имперской стратегии власти; управление каторгой и ссылкой как специфическую функцию местных политических институтов власти.

Особенно хочется обратить внимание читателя на первую главу, которая является по существу методологией исследования. Л.М. Дамешек совершенно обоснованно посвятил первый параграф монографии отработке категориально-понятийного аппарата, что позволило ему выявить роль ресурсного и природно-географического фактора в окраинной политике и выстроить имперскую модель управления окраинами. Не случайно, что именно этому тому предшествовал ряд монографических сочинений профессора Л.М. Дамешека по поставленной проблеме⁴. Именно поэтому за последние 10–15 лет, во многом благодаря стараниям профессора Л.М. Дамешека, в теме имперского регионализма и окраинной политики России произошел самый настоящий информационный взрыв. Тем самым ученый вплотную подошел к мысли о необходимости издания фундаментального историографического и источниковедческого труда.

Том третий состоит из трех глав, в которых рассматриваются проблемы имперства на окраинах России. Но особое внимание автор заостряет на проблеме становления имперского регионализма в Сибири через призму личности М.М. Сперанского и его реформы, что является признаком высшего пилотажа. Кроме того, важным аспектом монографии стало изучение этнического фактора в имперском измерении, что позволило профессору Л.М. Дамешеку характеризовать окраинную политику

---

⁴ Дамешек Л.М. Региональная власть и общественность Сибири, XIX – начало XX вв. / Л.М. Дамешек, А.В. Даниленко, А.В. Гимельштейн, И.Л. Дамешек. Иркутск : Вост.-Сиб. изд. компания, 2007. 256 с.; он же. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – начала XX вв. / Л.М. Дамешек. Иркутск : Вост.-Сиб. изд. компания, 2007. 320 с. Серия «Азиатская Россия»; он же. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.) / Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек. Иркутск : Репроцентр А1, 2009. 389 с. Серия «Азиатская Россия» и др.

как фактор устойчивости Российской империи в XVIII – начале XX вв.

И, наконец, заключительная глава монографии, носящая сугубо источниковедческий характер – Законодательство как источник изучения правительственной политики в Сибири», построенная на документах «Полного собрания законов Российской империи» и обзоре законодательных актов середины XIX в., действующих на территории Сибири, что делает работу по-настоящему фундированной.

Хочется поприветствовать автора трехтомного издания «Избранных трудов», которое коллеги профессора Л.М. Дамешека по историческому цеху рассматривают не иначе как стартовую площадку для новых монографий, коллективных изданий и диссертационных сочинений будущих аспирантов и докторантов. Этот вывод напрашивается сам собой, ибо, как в спорте высших достижений, профессор Л.М. Дамешек не просто пишет лучше и больше. Он, прежде всего, определяет политику и идеологию современного развития сибиреведения.

Академик РАН Б.В. Базаров

От редактора

Тема правительственной политики в отношении народов Сибири является одной из центральных в творческом наследии профессора Л.М. Дамешека. Еще будучи студентом исторического факультета ИГПИ, он написал две курсовые работы, посвященные анализу положения народов Восточной Сибири по материалам ревизии государственных имуществ в 1840–1841 гг. Уже тогда начинающий историк сосредоточил свое внимание не на вопросах социально-экономического и хозяйственного развития коренных народов – теме достаточно традиционной, а на политике правительства в отношении этих народов – организации управления, его особенностях и их компаративном анализе, ясачном режиме и т. д. В 1974 г. эти идеи вылились в кандидатскую диссертацию «Царизм и народы Восточной Сибири в конце XVIII – первой половине XIX вв.», в 1987 г. в докторскую – «Политика Российского самодержавия в отношении народов Сибири в эпоху капитализма (1861–1917 гг.)», защищенные в совете исторического факультета ИГУ. Именно им были сформулированы такие важные в теоретическом плане понятия, как окраинная политика, политика имперского регионализма, ясачная политика, сословие инородцев и др. На сегодня из почти 400 научных работ, учебников для вузов и школы, в том числе 23 монографий, большая часть научных публикаций Л.М. Дамешека посвящена изучению правительственной политики в Сибири⁵. Не случайно известные сибирские историки называли его «первооткрывателем этой темы».

А.А. Иванов

---

⁵ М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003. 262 с.; Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати второй половины XIX в. – начала XX в. Иркутск, 2007. 320 с.; Региональная власть и общественность Сибири XIX – начала XX вв. Иркутск, 2007. 256 с.; Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – начала XX вв. Иркутск, 2007. 320 с.; Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг). Palmarium Akademik Publishing is a trademark of: LAP LAMBERT Akademik Publishing GmbH 8 Co. KG Heinrich – Bochkinh - Str. 8, 66121 Saarbrücken, Germany. 441 с.

Уважаемые читатели, коллеги!

Не сразу я решился на публикацию предлагаемого Вашему вниманию трехтомника. В российском сибиреведении еще не было прижизненных изданий избранных работ историка. Однако динамичный характер развития современного историописания, междисциплинарный подход к оценке казалось бы традиционных государственных институтов, явлений и событий, общественных, национальных движений, миграций, интенсивный обмен информацией между исследователями, в том числе и зарубежными, с одной стороны, и в то же время стремление историков ввести в научный оборот новые комплексы источников, осмыслить их при помощи нетрадиционных методов исследования – все это побудило меня еще раз обратиться к ранее сделанным открытиям и обобщениям, но уже с позиций сегодняшнего дня. За 45 лет работы на историческом факультете Иркутского государственного университета мне посчастливилось опубликовать 23 монографии (естественно, часть из них в соавторстве), подготовить свыше 40 докторов и кандидатов наук, получить целый ряд престижных званий и премий, выступить с лекциями и докладами в десятке университетов мира – от Канады, Франции, Украины на западе до Грузии, Израиля, Китая, Монголии на востоке. У меня были замечательные учителя – классики российского сибиреведения и добрые отзывчивые люди. Это прежде всего Федор Александрович Кудрявцев и Виктор Григорьевич Тюкавкин. Именно они привили мне как чувство трепетного, и в то же время вдумчивого отношения к историческому источнику, так и уважение к работам своих предшественников. Без бережного отношения к прошлому, думаю, у государства и его народа нет и не будет достойного будущего.

Я рано, еще будучи школьником, не без влияния своего отца – командира взвода танковой разведки, участника героического штурма Берлина и освобождения Праги, а после войны – учителя истории, понял это. Неясность историко-партийных формулировок, их размытость, заставила меня – именного стипендиата им. К. Маркса – отказаться от гарантированного места ассистента на кафедре истории КПСС и рискнуть поступить в аспирантуру на кафедру истории СССР, где с удовольствием и работаю по сей день, последние 29 лет в качестве заведующего, но уже кафедрой истории России... Все это привело меня к мысли еще раз перечитать ранее написанное, переосмыслить его и предложить Вашему вниманию переработанные, существенно дополненные и даже никогда не публиковавшиеся монографии, статьи и разделы из еще не оконченных исследований. Естественно, никто кроме автора не знает, к чему он стремился, создавая ту или иную книгу. Никто точнее не подскажет читателю, как лучше воспользоваться ею и в чем ее особенности. Именно эти цели преследует данное небольшое предисловие.

С первых недель обучения на историческом факультете меня влекла история русской государственности. Она не просто важна, она чрезвычайно богата и поучительна. Для того, чтобы понять, почему сейчас «есть так, надобно знать, как это было тогда». Вот почему уже на первом курсе я писал курсовые работы и доклады по истории эпохи Ивана IV Грозного, а затем мной овладел образ великого реформатора М.М. Сперанского и не отпускает до сих пор. К этому следует добавить еще одно обстоятельство: я вырос в бурятском улусе Бохан, интеллектуальном центре идинских бурят и их выдающихся родоначальников, расположенном в 120 км от Иркутска. И в детском саду, куда меня определили родители-учителя, в школе, в спортзале, куда я бегать был большой любитель, мы тесно общались с одноклассниками бурятами, татарами, поляками... Шесть лет из

одиннадцати школьных годков я просидел за одной партой с бурятом Василием Александровым... Замечательными интернационалистами были мои родители. Вот почему для меня никогда не имели значения такие факторы, как цвет кожи или разрез глаз у моих друзей, их имена и фамилии. Именно поэтому я с удовольствием занимался – и делаю это сейчас – историей инородческого вопроса в России и Сибири как ее неразрывной части, вот почему среди моих учеников немало отличных исследователей отнюдь не славянского происхождения...

Говоря о своем увлечении историей русской государственности, прежде всего хочу отметить, что одной из ее важнейших особенностей был фактор «огромности». Еще одной важной исторической особенностью России стал фактор ее многонациональности. Территориальная экспансия России на протяжении XVI–XIX вв., включение в ее состав народов Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Польши, Финляндии, Кавказа, Средней Азии превратили ее в многонациональную империю. В начале XX в. на территории России проживало около 200 больших и малых народов, отличных по языку, культуре, религии, менталитету и т. д. Данное обстоятельство накладывало существенный отпечаток на этническую структуру государства. Если в середине XVII в. на долю русского населения приходилось 95 % населения России, то в начале XX в. только 44,6 %. Стремление России к расширению своих границ не было каким-то исключительным явлением, характерным только для русского государства. Этот процесс можно наблюдать на примере многих цивилизаций Европы и США.

Территориальная экспансия России на всех этапах ее истории в первую очередь объяснялась геополитическими факторами, связанными со стремлением обеспечить прочность границ государства. Процесс «оцентрирования границ» завершился во второй половине XIX в., когда окончательно устанавливаются границы империи. К осени 1917 г. российская монархия представляла собой

унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось императором. На практике же Россия являла собой конгломерат административных единиц, неравнозначных по экономическому и политическому развитию, далеко не однородных по этническому и конфессиональному составу населения. Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы империи. Именно в рамках этой системы определялись конкретные модели взаимоотношения с этносами. Однако одним из наиболее важных принципов выстраивания дискурса центр – национальная окраина (периферия) был вопрос о характере вхождения той или иной территории в Россию, о существовании или наоборот отсутствии в ней государственности, общепризнанных в Европе норм права и т. д. Именно это обстоятельство предопределило появление своеобразных политических автономий на территории Российской империи, какими, к примеру, были Польша и Финляндия. Этнический фактор накладывал несомненный отпечаток на формирование административной инфраструктуры государства. В истории России при выстраивании взаимоотношений центральной власти с окраинами имели место случаи протекционистской политики по отношению к этим регионам и их населению, предоставления им существенных налоговых льгот по сравнению с населением «внутренних» губерний империи. Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и, в соответствии с Конституцией США, не считались гражданами государства.

Продвижение русских на Восток не было исключительно русским явлением. Хронологически оно совпало со временем основания ангlosаксами первых европейских колоний на Североамериканском континенте. Рождающимся нациям было тесно в своих прежних

границах. Однако темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно разнились между собой. Продвижение русских на Восток сопровождалось распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием», пусть и подчас противоречивым, в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему этих народов. В США же, наоборот, складывающаяся рыночная экономика молодого государства поглощала индейские племена.

Анализируя влияние этнического фактора на формирование окраинной политики, следует заметить, что, как правило, действие его проявлялось не изолированно, а в сочетании с иными обстоятельствами. Наиболее значимыми из них были естественно-географические особенности региона. Небезынтересно отметить, что зачастую функциональный характер и компетенция главных органов местного управления были тем шире, чем дальше находилась от центра подведомственная территория. Известное значение в данном случае играл и внешнеполитический фактор. Структура местных органов управления и их функциональный характер в известной степени определялись и ресурсными факторами, экономическими потребностями по инкорпорации окраинных территорий в общероссийские экономические процессы. Влияние ресурсного фактора находило выражение и в законодательной политике. На протяжении XVIII и XIX вв. были приняты законы по охране сибирских лесов, временному прекращению добычи соболей для восстановления популяции этого ценного промыслового зверя и т. д.

В конце XIX в., в связи с усилившейся интеграцией окраинных земель в общероссийское экономическое и политико-административное пространство, значение этнического и географического фактора во внутренней

политике трансформируется. Стремление к экономической интеграции, которая стала рассматриваться как важнейший стимул к политической консолидации империи и изживанию национального сепаратизма, становится преобладающим. Это повлекло изменения в административной и социокультурной политике центра по отношению к периферии и, как следствие, разработку единого законодательства, исключаящего какие-либо местные особенности. Не случайно, что именно в это время появляется такое понятие, как Азиатская Россия⁶. Несмотря на определенный географизм, оно отражало те важные изменения, которые происходили во взаимоотношениях между модернизирующейся империей и обширным Зауральским краем во всех сферах – экономической, административной, социокультурной. Итогом этого стало превращение Сибири в часть России. Единство государственных учреждений с единым государственным языком и единой религией, развитие коммуникаций, распространение русской земледельческой колонизации, строительство Транссиба способствовали не только укреплению связей окраин и центра, но и дальнейшей интеграции восточных окраин в состав империи, «превращению» Сибири в Россию. Образование единого административно-правового, экономического и культурно-языкового пространства способствовало тому, что Россия как бы передвинулась за Урал.

Исходя из этих методологических положений, формировалась структура трехтомника и внутреннее содержание каждого из томов, осуществлялся подбор и анализ источников. Последние в большинстве своем являются делопроизводственными документами, извлеченными автором из бывших императорских архивов Ленинграда-Петербурга, Москвы и сибирских архивных хранилищ. Анализ политики самодержавия в отношении Сибири немыслим без тщательного изучения имперского

---

⁶ Это понятие дало название серии авторских и коллективных монографий – «Россия Азиатская», в которой и выходит настоящий трехтомник.

законодательства, источников личного происхождения, материалов периодической печати. В целом состояние источников позволяет вполне проанализировать основные направления политики империи в Сибири, выявить наиболее характерные черты, дать характеристики персоналиям.

Все три тома рассчитаны на широкий круг читателей – историков, юристов, государствоведов и всех интересующихся историей Сибири как составной части нашей России.

В заключение хочу принести глубокую благодарность коллегам и друзьям за советы и пожелания, замечания, дружескую критику и ненавязчивые подсказки: Б.В. Базарову В.В. Барышникову, С.И. Дубровину, А.А. Иванову, Л.В. Курасу. Слова особенной признательности я адресую моей дочери, доктору исторических наук, профессору Ирине Дамешек за предоставление ряда важных источников и организационно-методическую помощь при подготовке настоящего издания к печати.

Автор

Введение

Национальный фактор во внутренней политике империи

Одной из важнейших особенностей исторического развития России был фактор ее «огромности». Раскинувшись на территории двух материков – Европы и Азии – территория Российской империи к началу Первой мировой войны насчитывала 21,8 млн квадратных километров. Романовская империя по площади была крупнейшим государством мира, в котором к 1914 г. проживало 178 млн человек. На протяжении XVIII и XIX вв. площадь государства и численность народонаселения неуклонно увеличивались. Все европейские страны по росту народонаселения существенно отставали от России, и к 1914 г. каждый третий житель Европы был подданным российского монаха (32 %). Еще одной важной исторической особенностью России стал фактор ее многонациональности. Территориальная экспансия России на протяжении XVI-XIX вв., включение в ее состав народов Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Польши, Финляндии, Кавказа Средней Азии превратили ее в многонациональную империю. В начале XX в. на территории России проживало около 200 больших и малых народов, отличных по языку, культуре, религии, менталитету и т. д. Данное обстоятельство накладывало существенный отпечаток на этническую структуру государства. Если в середине XVII в. на долю русского населения приходилось 95 % населения России, то в начале XX в. Только 44,6 %.

Здесь следует отметить, что Россия со времени своего возникновения была страной многонациональной. Уже в Древней Руси славянские племена, проживавшие в районе Новгорода, были тесно связаны с племенами

неславянского происхождения, такими как чудь, карела, меря, весь... Именно с ними славяне и «ходили» за море, «к варягам, к Руси», приглашать Рюрика и его братьев Синеуса и Трувора на княжение. Дальнейшее развитие российской государственности, эволюция сословно-представительной монархии в империю происходили на протяжении длительного времени и не были результатом случайных процессов. Одним из наиболее характерных явлений этого периода стал процесс «собираания земель», а его важнейшей формой внешняя политика, со времен Олега и Святослава направленная на укрепление и расширение границ государства. Стремление России к расширению своих границ не было каким-то исключительным явлением, характерным только для русского государства. Этот процесс можно наблюдать на примере многих цивилизаций Европы и США. В большинстве случаев типология данного явления вполне сопоставима. Как правило, для территориального роста того или иного государства характерно многообразие методов — от прямого завоевания до добровольного присоединения и подписания официальных документов. В Европе период складывания единых государств ознаменовался резким усилением борьбы за новые земли. Существующее до сих пор Британское содружество, или, к примеру, Франция с ее заморскими департаментами являются в известной мере наследниками этой борьбы. Не являются исключением и США, территория которых создавалась не только в результате подписания договоров с индейскими племенами, но и путем откровенного насилия, военной экспансии. Сопоставляя процесс формирования территориальных границ на примере европейских государств, США и России, нельзя не прийти к заключению о том, что зачастую сложно отделить понятие экспансии, как насильственного присоединения земель, от мирной колонизации, как прежде всего земледельческого освоения, хозяйственного вовлечения в оборот новых территорий.

На практике эти процессы тесно переплетались и усиливались интеграционной политикой, направленной на скорейшую ассимиляцию новых территорий с «основным» историческим ядром государства. Территориальная экспансия России на всех этапах ее истории в первую очередь объяснялась геополитическими факторами, связанными со стремлением обеспечить прочность границ государства. Разумеется, в этом колониационном движении присутствовали и экономические мотивы. В то же время, сознавая всю непрочность и сиюминутность насильственных мероприятий, российские власти вслед за военной экспансией начинали властное, в первую очередь, политико-административное освоение новых территорий, затем наступала очередь экономической интеграции. Это было одно из проявлений взаимосвязей между внутренней и внешней политикой, присущих каждой стране на любом этапе ее истории.

Процесс «оцентровывания границ» завершился во второй половине XIX в., когда окончательно устанавливаются границы империи. К осени 1917 г. российская монархия представляла собой унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось императором. На практике же Россия являла собой конгломерат административных единиц, неравнозначных по экономическому и политическому развитию, далеко не однородных по этническому и конфессиональному составу населения. Еще раз подчеркнем, что к 1917 г. большую часть населения империи составляли нерусские народы, проживающие преимущественно на окраинах государства. На протяжении всей истории существования империи национальный вопрос оставался весьма сложной проблемой для правительства. Россию не раз сотрясали мощные национальные конфликты. Поэтому центральные власти были вынуждены учитывать национальный фактор в своей политике.

Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы империи. Именно в рамках этой системы определялись конкретные модели взаимоотношения с этносами. Однако одним из наиболее важных принципов выстраивания дискурса центр – национальная окраина (периферия) был вопрос о характере вхождения той или иной территории в Россию, о существовании или, наоборот, отсутствии в ней государственности, общепризнанных в Европе норм права и т. д. Именно это обстоятельство предопределило появление своеобразных политических автономий на территории Российской империи, какими, к примеру, были Польша и Финляндия. Автономии эти были различны по содержанию. Они развивались спорадически, размер самой автономии зависел от многих, в том числе внутри- и внешнеполитических факторов. Однако стратегической линией правительственной политики оставался курс на интеграцию этих территорий в экономическое, административное и социокультурное пространство империи, что особенно откровенно проявилось в эпоху контрреформ 80-х гг. XIX в. Подобная политика российского правительства по отношению к территориям, преимущественно заселенным нерусскими народами, не может быть понята вне контекста особенностей колонизационной политики России на ранних этапах складывания российской государственности.

Этнический фактор накладывал несомненный отпечаток на формирование административной инфраструктуры государства. Она была вынуждена учитывать определенные национальные традиции и особенности вплоть до названия административно-территориальных единиц и должностных лиц, традиционного «национального» законодательства. На окраинах допускалось даже «иностранческое» самоуправление на низшем уровне. Разумеется, эта система неоднократно трансформировалась в соответствии с изменениями административ-

но-территориального устройства империи в целом. Однако общим для всех национальных окраин оставалась концентрация основных властных полномочий в руках центра и лишь определенная трансляция этих полномочий местным органам власти. Соотношение полномочий центра и периферии было просто несопоставимо.

На национальных окраинах влияние этносоциального фактора особенно рельефно проявилось на начальных этапах инкорпорации территорий. Во всех регионах – Польша, Финляндия, Кавказ, Сибирь – наблюдается стремление царизма опереться на национальную элиту. После взятия Казани привилегии и земли лояльной татарской аристократии были сохранены, на национальных окраинах Урала, Сибири, Дальнего Востока шел процесс формирования местных элит, состоящих из представителей родовой знати и старшин местных народов, представители родоплеменной знати в «массовом порядке» принимались на русскую службу, им присваивались русские классные чины, вручались именные подарки и т. д. Более того, в регионах, коренное население которых до прихода русских не знало письменных законов, центральные власти официально предписывали при разборе «маловажных дел» руководствоваться нормами обычного права коренных народов. Предпринимались даже попытки их кодификации.

В истории России при выстраивании взаимоотношений центральных властей с национальными окраинами имели место случаи протекционистской политики по отношению к этим регионам и их населению, предоставления им существенных налоговых льгот по сравнению с населением «внутренних» губерний империи. Так, например, «своя» финансовая система существовала в Финляндии. Без одобрения сейма вводить новые налоги в Финляндии было нельзя. Княжество имело свою таможенную границу, а таможенное законодательство предоставляло право беспошлинной торговли с Россией в то время как российские товары облагались

пошлиной. Денежные средства княжество имело право хранить в зарубежных банках. Для другой западной окраины – Польши – конституция 1815 г. гарантировала несомненную самостоятельность в области финансов. Именно в этой важнейшей экономической сфере деятельности государства правительство Царства обладало наибольшей независимостью. В 1815–1830 гг. Царство Польское было наделено важнейшими атрибутами финансовой самостоятельности: бюджетной автономией, казной и самостоятельной ответственностью по государственному долгу. Реализацию этих же принципов, предусматривающих особую гибкость и осторожность по отношению к нерусскому населению окраин империи, можно наблюдать и в Сибири. Применительно к народам Сибири на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере втягивания аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например, земские, мало или ничем не отличающиеся от обычного крестьянского тягла. Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание.

Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и, в соответствии с конституцией США, не считались гражданами государства. США, продвигаясь с Востока на Запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих угодий. В России, по мере ее продвижения с Запада на Восток, правительственные указы наоборот требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, что обеспечива-

ло сибирским народностям возможность выполнения их основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака. Кроме того, в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров, потенциальной угрозы столкновения интересов России с государствами Центральной Азии и решения стратегической задачи – закрепления Сибири за Российским государством – московские, а впоследствии петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль. Характер взаимоотношений между аборигенами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.

Продвижение русских на Восток не было исключительно русским явлением. Хронологически оно совпало со временем основания англосаксами первых европейских колоний на Североамериканском континенте. Рождающимся нациям было тесно в своих прежних границах. Однако темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно разнились между собой. Продвижение русских на Восток сопровождалось распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием», пусть и подчас противоречивым, в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему этих народов. В США же, наоборот, складывающаяся рыночная экономика молодого государства поглощала индейские племена.

Анализируя влияние этнического фактора на формирование окраинной политики, следует заметить, что, как правило, действие его проявлялось не изолированно, а в сочетании с иными обстоятельствами. Наиболее значимыми из них были естественно-географические особенности региона. Географический фактор

оказывал непосредственное влияние на административно-территориальное устройство регионов, функции органов власти и управления, полномочия должностных лиц. В империи существовали специальные органы по управлению этими территориями. Такими, к примеру, были Кавказский, Польский и Сибирские комитеты в центре и институты наместников, генерал-губернаторов и главных управлений на местах. В этой структуре окраинного управления особое значение имел институт генерал-губернаторов как «главных блюстителей неприкосновенности верховных прав самодержавия, ...и точного исполнения законов и распоряжений правительства». Наряду с генерал-губернаторами в ряде территорий, как, например, на Кавказе, существовал институт наместников, обладающих широкими военными и административными правами по управлению регионом. Несмотря на стремление к централизации, петербургские власти реально признавали невозможность концентрации всех властных функций по управлению окраинными территориями в столице и были вынуждены делиться частью из них с высшими должностными лицами регионов. Небезынтересно отметить, что зачастую функциональный характер и компетенция главных органов местного управления были тем шире, чем дальше находилась от центра подведомственная территория. Известное значение в данном случае играл и внешнеполитический фактор. Эта особенность хорошо прослеживается на примере сопоставления должностных функций и обязанностей генерал-губернаторов Западной и Восточной Сибири. Так, генерал-губернатор Восточной Сибири начиная со времени Н.Н. Муравьева (впоследствии Амурского) обладал известными дипломатическими полномочиями, специальной дипломатической канцелярией, чего не было у его западно-сибирского коллеги. Характерно, что местная власть зачастую была далеко не безгрешна в использовании и истолковании этих полномочий. Исследование корпо-

ративной этики чиновничества свидетельствует о том, что масштабы злоупотреблений по службе в немалой степени зависели от удаленности от центра и, как следствие, отсутствия действенного контроля.

Структура местных органов управления и их функциональный характер в известной степени определялись и ресурсными факторами, экономическими потребностями по инкорпорации окраинных территорий в общероссийские экономические процессы. В Сибири, например, были открыты Алтайский и Нерчинский горные округа, в связи с началом активной добычи золота в структурах Главных управлений Западной и Восточной Сибири были учреждены специальные горные отделения, с началом массового переселения на местах начали действовать специальные переселенческие отделы.

Влияние ресурсного фактора находило выражение и в законодательной политике. На протяжении XVIII и XIX вв. был принят ряд законов по охране сибирских лесов, о временном прекращении добычи соболей для восстановления популяции этого ценного промыслового зверя и т. д.

На характер взаимоотношений центра и окраинных регионов несомненное влияние оказало и интенсивное железнодорожное строительство, в частности, развитие средств связи, системы коммуникаций в целом, что открывало перспективу активной экономической эксплуатации окраин империи. В конце XIX в. в связи с усилившейся интеграцией окраинных земель в общероссийское экономическое и политико-административное пространство значение этнического и географического фактора во внутренней политике трансформируется. Стремление к экономической интеграции, которая стала рассматриваться как важнейший стимул к политической консолидации империи и изживанию национального сепаратизма, становится преобладающим. Это повлекло изменения в административной и социокультурной политике центра по отношению к пе-

риферии и, как следствие, разработку единого законодательства, исключаяющего какие-либо местные особенности. Не случайно, что именно в это время появляется такое понятие, как Азиатская Россия. Несмотря на определенный географизм, оно отражало те важные изменения, которые происходили во взаимоотношениях между модернизирующийся империей и обширным зауральским краем во всех сферах – экономической, административной, социокультурной. Итогом этого стало превращение Сибири в часть России. Единство государственных учреждений с единым государственным языком и единой религией, развитие коммуникаций, распространение русской земледельческой колонизации, строительство Транссиба способствовали не только укреплению связей окраин и центра, но и дальнейшей интеграции восточных окраин в состав империи, «превращению» Сибири в Россию. Образование единого административно-правового, экономического и культурно-языкового пространства способствовало тому, что Россия как бы передвинулась за Урал.

Историко-типологические модели интеграции окраинных территорий в состав Российской империи формировались и развивались на протяжении всего периода существования государства и отличались существенным разнообразием. В основе дифференцированного подхода правительства к окраинам и народам Европейской и Азиатской России лежали особенности геополитического положения конкретного региона, природно-климатические условия, этнический и религиозный факторы, сословный состав населения и др.

1. Историография проблемы

А. Вопросы истории народов Сибири в освещении отечественной историографии

В дореволюционный период история народов Сибири привлекала внимание авторов различных идейных течений. Интерес правящих кругов к Сибири, практические задачи по организации управления краем породили официальное направление в историографии.

Наиболее полный свод фактических данных о Сибири середины XIX в. содержится в обширной компиляции Ю.А. Гагемейстера «Статистическое обозрение Сибири». Во вторую часть его «Обозрения» включены сведения по демографии коренного населения, данные по истории колонизации края, хозяйственной статистике аборигенов. В третьей части излагается история управления Сибирью. Хотя большая часть статистического материала относится к 1840–1851 гг., эти сведения имеют значение как «отправные точки» для суждения о последующих изменениях в численности, экономике и других сторонах быта аборигенов.

Гораздо менее удачное издание подобного же рода было осуществлено правительством к 300-летию юбилею дома Романовых. Преследуя цель прославления политики самодержавия в Сибири, трехтомная «Азиатская Россия» содержала более скромный, по сравнению с «обозрением» Ю.А. Гагемейстера, статистический материал, заимствованный из отчетов губернаторов и царских министров о поездках в Сибирь. Хотя авторы книги и заявляли, что «справедливость не позволяет умолчать» им о том, что отдельные мероприятия правительства в отношении народов Сибири «не отвечали духу христианского учения», однако это был типичный демагогический прием, призванный создать у читателя впечатление объективности исследования. Против такого объективизма буржуазной науки, стремившейся «не исследовать социальные законы и сводить их в цельную

систему, а ограничиться протокольным описанием отдельных социальных фактов прошлого и настоящего», выступал В.И. Ленин. На самом деле общая монархическая, шовинистическая по отношению к местным народам направленность книги не вызывает сомнений. Рассматривая Сибирь как обычную колонию Европейской России, авторы, оправдывая колонизаторскую политику царизма, отмечали, что для правительства было необходимо не только завоевать эту страну «оружием огнестрельным, но и подчинить ее святой православной церкви». Поэтому «русская церковь в Сибири в борьбе с иноверием была вооружена и властью и разнообразными материальными средствами», а губернаторы являлись настоящими «хозяевами-руководителями внутренней жизни вверенных им губерний».

Официальное направление в историографии особенно оживилось на рубеже XIX и XX столетий в связи с началом массового переселения и землеустройства в Сибири. Авторы этого направления, проповедуя тезис о монархической власти как основе исторического прогресса Сибири, активно защищали переселенческую политику царизма и земельный грабеж местного населения. Прикрываясь лживыми заявлениями заботы об аборигенах и необходимостью перехода их к оседлости, Г. Чиркин, М. Соколов, И. Иконников и другие надеялись за счет обезземеливания сибирских «инородцев» создать необходимый переселенческий земельный фонд и тем самым сохранить помещичье землевладение в Европейской России. Работы этих авторов, помещенные в органе переселенческого управления «Вопросы колонизации» и сборнике «Переселение и землеустройство за Уралом», носят в основном обзорно-описательный характер, и статистический материал требует критического отношения. Представители официального направления явно идеализировали политику правительства, условия жизни и взаимоотношения русского и коренного населения региона.

Первое последовательное изложение рассматриваемого вопроса в домарксистской историографии связано с именем А.П. Шапова. Вклад ученого заключается в указании на противоборство местной администрации и купечества «за преимущественное право эксплуатировать народ». Борьба между этими «классами», по мысли А.П. Шапова, определяла сущность правительственного подхода к нуждам аборигенов. Демократизм концепции ученого проявился в констатации резкой имущественной и социальной поляризации «инородческой» общины, в положительной оценке взаимовлияния русского и коренных народов Сибири. А.П. Шапов одним из первых обратил внимание на прямую связь масштабов и темпов колонизации с изменениями в хозяйстве у коренных жителей. В отличие от официальной историографии, история народов выступала у А.П. Шапова не статическим объектом изучения, а средством борьбы за улучшение его положения. Именно в этом смысле следует понимать призыв А.П. Шапова к гуманности и дальнейшему изучению жизни аборигенов, с помощью чего историк надеялся приобщить их к цивилизации.

Дальнейшее изучение темы продолжалось в рамках областнической концепции истории Сибири. В методологическом отношении областники находились на позиции отрицания исторической закономерности и не понимали определяющей роли экономического фактора в социальных процессах. На первое место у них выступали исторический и географический факторы. В своем развитии сибирское областничество прошло эволюцию от раннего демократического к позднему буржуазно-либеральному, а впоследствии откровенно контрреволюционному течению. В соответствии с этим изменялись и оценки рассматриваемой исторической проблематики.

На первом этапе наиболее весомые достижения в изучении национально-колониальной политики связаны с именем Н.М. Ядринцева. Его подход к «инородческому вопросу» характеризуется наличием острой разоблачи-

тельной струи государственной политики, страстной защитой права аборигенов на самостоятельное существование.

Н.М. Ядринцев прежде всего отметил эволюцию правительственной политики по отношению к аборигенам от прямых методов военного истребления до вовлечения в сферу совместной с русским населением хозяйственной деятельности. В основе такой тенденции, по мысли Н.М. Ядринцева, лежали не гуманные, а фискальные мотивы, стремление правительства к бездоимочному сбору ясака. Это порождало несоответствие ясачных окладов уровню платежеспособности аборигенов, приводило к упадку их хозяйства и обнищанию. Следует отметить, что в распоряжении исследователя имелся фактический материал, объективно ведущий к такому выводу.

Н.М. Ядринцев выступил с резкой критикой существующей системы управления аборигенами, привел примеры вопиющего бюрократизма, злоупотреблений и грабежа нерусских народов многочисленными представителями царской администрации и купечества. Однако крайности областнической теории не позволили исследователю развить эти положения. Вступая в противоречие с тезисом о вовлечении аборигенов в систему общесибирских хозяйственных связей и положительном влиянии народной колонизации на этот процесс, Н.М. Ядринцев в то же время не понял исторического прогрессивного значения присоединения народов Сибири к России. По его мнению, все русское население во взаимоотношениях с аборигенами руководствовалось теми же «корыстными побуждениями», что и правительство. Поэтому русские не могли принести ничего положительного, скорее наоборот, аборигены «погибали от соприкосновения с русской цивилизацией». Непонимание сущности государства обусловило противоречия исторической концепции Н.М. Ядринцева. Демократическая критика основ правительственной политики переплеталась у него с иллюзиями о возможности улучшения экономического положения и

управления аборигенами в рамках этой же политической системы. Трудовому русскому населению в этом прогрессе отводилась пассивная роль носителя гуманной нравственности.

В конце XIX в. развивающийся капитализм внес существенные коррективы в процесс формирования социальных отношений и общественного движения в России. В условиях Сибири одним из проявлений этого процесса стала эволюция демократического областничества к либерализму. Хотя представители позднего областничества продолжили некоторые традиции Н.М. Ядринцева в изучении народов Сибири, однако в целом их подход к проблеме характеризуется резким снижением демократизма, сужением круга рассматриваемых вопросов. Из творческого наследия Н.М. Ядринцева активно использовался лишь наиболее слабый тезис о вымирании аборигенов и пагубном влиянии русской цивилизации на их исторические судьбы. В работах, выполненных в подавляющем большинстве на материалах Восточной Сибири, И.И. Серебренников доказывал сокращение численности аборигенов. Акцентируя внимание на усиливающемся обрусении бурят, И.И. Серебренников видел в этом процессе лишь отрицательный результат воздействия русской государственности. Все это, утверждал исследователь-областник, приводило к тому, что многие племена находились на «пути вымирания». В полном соответствии с областнической концепцией, выход из создавшегося положения он видел в образовании Сибирской областной думы, которая мероприятиям по улучшению быта аборигенов придавала бы «наиболее скорое и целесообразное начало».

Примерно такой же подход к исследованию истории нерусских народностей содержится в трудах П.М. Головачева. Он, правда, признавал, что степень прогрессивного влияния русских на коренное население зависит немало от того, с кем именно – русским трудовым народом или торговцами и промышленниками – сталки-

вались аборигены. В качестве положительных примеров влияния русского крестьянства П.М. Головачев отмечал факты развития у аборигенов земледелия и оседлости. Однако размеры такого влияния были, по его мнению, невелики. Они с лихвой перечеркивались отрицательными последствиями прихода русских в Сибирь. Основное проявление этого процесса П.М. Головачев видел в вымирании аборигенов. Применяя формально-количественный метод группировки статистического материала, игнорируя процессы миграции и ассимиляции, П.М. Головачев, как и другие представители областничества, пытался доказать вымирание аборигенов. Именно это положение областнической концепции было впоследствии использовано в качестве источника реакционной зарубежной историографией. В то же время П.М. Головачев был одним из немногих представителей позднего областничества, который, наряду с вышеизложенным, коснулся ясачной политики царизма. По его мнению, ясачный вопрос был важен для сибирской истории, ибо в нем, как в фокусе, сосредотачиваются все отношения русских с «иностранцами». Отметив в общих чертах «бесовестную эксплуатацию иностранцев русскими торговцами», П.М. Головачев констатировал, что даже в его время встречались факты злоупотребления администрации. До более широких обобщений, как это сделал Н.М. Ядринцев, представитель позднего областничества не смог подняться.

Иной подход к демографическим проблемам аборигенов содержится в трудах Н.Н. Козьмина. Проанализировав материалы по обследованию «иностранцев» Минусинского уезда Енисейской губернии, он пришел к выводу, что «миграция является главной причиной предположений о вымирании». Не отрицая отдельных фактов сокращения численности аборигенов, Н.Н. Козьмин отмечал, что имеются районы, «где население в короткое сравнительно время удваивается и утраивается». Однако, как и все областники, историк не понимал прогрессивного

характера взаимного влияния русского и коренных народов Сибири. Это отражало убеждение областников в пагубности подобного влияния. Не случайно Г.Н. Потанин ратовал за создание для аборигенов «особых законодательных учреждений», что было необходимо для «общественного возрождения» этих племен, для их «защиты в борьбе за существование».

В отличие от официального направления, областники в целом внесли существенный вклад в изучение политики самодержавия по отношению к народам Сибири, ввели в научный оборот ряд новых данных, преимущественно обобщающего характера. Их заслуга определяется прежде всего критикой расистских теорий, государственной политики, защитой права аборигенов на самостоятельное существование с указанием на возможность их прогресса. Однако методологические ошибки, незрелость теории предопределили противоречивость, а подчас и реакционность их исторической концепции, неспособность объяснить изучаемые социальные явления действием экономического фактора, развитием капиталистических отношений, вскрыть классовую сущность самодержавия. Фактический материал публикаций, особенно по вопросам демографии и величине налогов, методика его обработки требуют критического анализа.

В период империализма важное место в историографии Сибири заняло кадетское направление, представляющее интересы либеральной буржуазии. Обострение классовой борьбы в стране за и против сохранения монархии и помещичьего землевладения обусловило особый интерес буржуазных исследователей к проблеме землеустройства сибирских народностей. Наиболее отчетливо это проявилось в исторической концепции А.А. Кауфмана – видного деятеля кадетской партии, «истого либерала» ... непомерно почтительного к бюрократии крепостников. Методологические позиции А.А. Кауфмана определялись философией неокантианства, отказом от признания объективных закономерностей общества.

В политическом плане он выступал как «кадет... достаточно осторожно относящийся к помещичьим землям». Эти обстоятельства предопределили близость, а подчас и совпадение позиции А.А. Кауфмана в области землеустройства аборигенов с представителями официальной историографии.

В работе «Переселение и колонизация», опубликованной перед революцией 1905-1907 гг., А.А. Кауфман предостерегал правительство от соблазна видеть в переселении возможность решения аграрного вопроса. Защищая многоземелье аборигенов, буржуазный ученый отмечал, что колонизация «может легко оказаться в противоречии с малоземельной частью туземного населения», нуждающегося в расширении своего землевладения за счет «тех самых свободных земель, которые рассматриваются как колонизационный фонд». В патетических тонах А.А. Кауфман восклицал, что туземное население местностей, куда направляется поток переселенцев, — это «свое население, к которому ни русское правительство, ни русское общество не могут отнестись так, как испанцы отнеслись к ацтекам или инкам». А раз это население «свое», то по отношению к нему «немыслимы такие меры, как систематическое обезземеливание».

Как и в целом представители буржуазного направления, А.А. Кауфман критиковал лишь крайности переселенческой политики, когда интересы «туземного населения приносились в жертву обрусительным видам общегосударственной политики».

Переход буржуазии на контрреволюционные позиции после поражения первой русской революции в полной мере отразился на мировоззрении А.А. Кауфмана, в частности, на оценке им землеустройства аборигенов. Его помещичье-буржуазная позиция была всецело направлена на защиту переселенческой политики царизма. В 1908 г., когда переселенческое управление приступило к массовому обезземеливанию аборигенов, он выступа-

ет в защиту принципа государственной собственности за земли, занятые «инородцами». А.А. Кауфман утверждает, что «притязания» аборигенов на земли далеко превышают их «действительные потребности», а юридические акты, на которые они ссылаются, не имеют «достоверно-юридического характера». Единственное, что, по мнению А.А. Кауфмана, доказывают эти документы – это «право на оброчное пользование государственной землею». Правительство «совершенно... правильно не признает за инородцами прав собственности на землю», – утверждает он. Отсюда вытекал и искомый буржуазным исследователем вывод о том, что земельные отрезки, приведшие к «стеснению привычного старожилам земельного простора», были делом «совершенно законным».

С аналогичных позиций рассматривали переселение в Сибирь И.Л. Ямзин и В.П. Воцинин. Применительно к теме обращает на себя внимание вывод авторов о переселении аборигенов на окраины региона под натиском русского колонизационного потока, отдельные фактические данные о размерах земельных отрезков у коренного населения.

Некоторые вопросы аграрной политики царизма в отношении народностей Сибири затронул П.И. Лященко. В его работах были впервые опубликованы данные о разработке аграрного законодательства для аборигенов в пореформенный период. Анализируя аграрное законодательство 90-х гг. XIX в., исследователь отмечал, что в результате его осуществления интересы «аборигенов-инородцев и землеустройство должны были столкнуться с интересами быстро идущей сюда переселенческой волны». Однако дальше этого вывода П.И. Лященко не пошел, хотя объективно такая возможность существовала. Непонимание классового характера аграрной политики, объективной обусловленности его интересами помещичьего землевладения проявилось в надеждах «легально-

го марксиста» на то, что в будущем землеустройство в Сибири пойдет иными путями.

Буржуазная концепция заключалась в защите правительственной аграрной политики в Сибири. Она критиковала лишь ее крайности, считая их местными аномалиями, а не закономерным порождением существующего классового общества. Социально-экономическая сущность аграрной политики не была вскрыта буржуазными исследователями. Статистический материал о размерах земельных отрезков заимствовался, по преимуществу, из официальных данных и критически не анализировался. Все это обусловило сближение, а подчас и совпадение позиций буржуазной и официальной историографии, что свидетельствовало об их кризисе.

В истории Сибири конца XIX – начала XX вв. видное место занимало народническое течение. Представленное по преимуществу ссыльными, бывшими непосредственными наблюдателями изучаемых процессов, это мелкобуржуазное направление сохраняло в основе методологические положения своей доктрины. В конкретных условиях сибирской ссылки, дальнейшего размежевания классовых сил в стране народническая идеология переплеталась с демократическими и реакционными началами других общественных течений. Это обусловило противоречивость народнической концепции истории народов Сибири.

По сравнению с буржуазной историографией работы исследователей мелкобуржуазного направления отличались большей критической заостренностью и более содержательным фактическим материалом. С позиций левонароднического толка оценивал политику царизма в отношении народов Сибири Д.А. Клеменц. В серии статей «Заметки о кочевом быте» ученый резко выступил против землеустроительной политики самодержавия, прикрывающейся демагогическими заявлениями о необходимости перевода кочевников в оседлое состояние. Внимание ссыльного народника привлекла и проблема

взаимоотношений русского и коренного населения. В отличие от областников, при оценке взаимного влияния он разграничивал политику царского правительства и воздействие русского трудового населения на хозяйство и быт аборигенов. Применительно к местным народам в качестве положительного результата такого влияния Д.А. Клеменц отмечал развитие земледелия, оседлости, рост общей культуры.

Д.А. Клеменц выступил против реакционной концепции областничества о вымирании аборигенов. Однако в целом его позиция в отношении народов Сибири находилась в границах буржуазного реформаторства. Не случайно, апеллируя к правительству, он писал, что сибирские «иностранческие» племена нуждаются в «нашей помощи, но... помощи культурной», а потому нужно указать аборигенам «пути и возможности» извлекать пользу из своего быта.

Левонароднические традиции Д.А. Клеменца в освещении «иностранческого вопроса» были продолжены В.С. Арёфьевым, отбывавшим ссылку в Енисейской губернии. Он выступил с решительной критикой царской администрации, многочисленные представители которой постоянно обманывали «безответных дикарей» и в короткий срок наживали «целые состояния». В.С. Арёфьев был противником теорий, утверждавших неизбежность вымирания северных народов в силу биологической предопределенности. На примере ангарских эвенков он подчеркивал, что они вымирают не в силу каких-то особых законов, а из-за ненормальной обстановки, в которой живут, беспощадной эксплуатации, спаивания и полного отсутствия медицинской помощи. Однако действенных методов выхода из этого положения народник не предлагал, ограничившись рекомендациями изучения быта и обычаев аборигенов для того, «чтобы знать, что и как можно для них сделать».

Особое место в мелкобуржуазной историографии «иностранческого вопроса» принадлежит представителю

левых эсеров Д.И. Голенищеву-Кутузову (псевдоним Д. Илимский). Политику самодержавия в отношении аборигенов Д. Илимский оценивал с демократических народнических позиций, используя и некоторые положения Н.М. Ядринцева. Отметив эволюцию правительственных принципов взаимоотношений с аборигенами в XVII–XIX вв., он подчеркивал, что на всех этапах для царского правительства было характерно чисто фискальное отношение к «инородцам». История северных народов в XIX в. представляла собой, по мнению Д. Илимского, систематическое выжимание соков из аборигенов. В этой политике участвовало «все русское население Сибири, при деятельном руководстве денежных тузов и молчаливом безучастии государства». Такое недифференцированное употребление слова «русские», когда под этим понятием подразумевались царские чиновники, золото-промышленники и крестьяне, было характерно и для областников. Однако, в отличие от них, Д. Илимский признавал наличие противоположных хозяйственных групп в сибирской деревне и отмечал, что зажиточное крестьянство в первую очередь повинно в хищничестве наряду с купечеством. Прямым следствием этой политики было вымирание аборигенов – печальная участь тех, «кому судьба приготовила... роль стригомой овцы».

Иную позицию в вопросах демографии аборигенов занимал либеральный народник С.П. Швецов. Его исследования базировались на солидном статистическом материале обследования алтайских дючин. Задавшись целью выяснить «постепенный рост или... убыль» коренного населения Горного Алтая, он пришел к выводу, что несмотря на тяжелые условия, в которых находятся аборигены, тем не менее об их вымирании не может быть и речи.

С критикой землеустроительной политики царизма в Сибири с мелкобуржуазных народнических позиций выступил известный публицист и исследователь Н.П. Огановский. На материалах забайкальской области он от-

мечал, что для скотоводческого хозяйства 15 десятин земли на душу «слишком мало». Располагая материалами многих статистико-экономических обследований, Н.П. Огановский справедливо отмечал, что на практике требование 15-десятинного надела соблюдалось не всегда, нередко нарезалось 10 и даже 8 десятин, отрезки шли в переселенческий фонд. Однако подлинные причины этой классовой землеустроительной политики не были вскрыты исследователем. Н.П. Огановский также выступил против реакционной концепции областничества о вымирании аборигенов. В качестве источника данных он использовал материалы переписи 1897 г. и отчеты губернаторов. Исследователь доказывал увеличение численности в конце XIX – начале XX в. примерно на 0,6–0,75 % в год. Эти цифры, как и сама методика расчетов, заслуживают внимания.

Из работ мелкобуржуазного направления, не связанных специально с изучением политики самодержавия в отношении аборигенов, но представляющих определенный интерес с точки зрения фактического материала, следует отметить книги и статьи Ф.Я. Кона, Н.А. Виташевского, И.И. Майнова и др.

В целом в работах мелкобуржуазных исследователей встречаются верные характеристики политики самодержавия по отношению к аборигенам, введены новые источники, особенно демографические, что способствовало дальнейшему изучению рассматриваемой проблемы. Однако ошибочные методологические установки обусловили неспособность подлинно научного осмысления собранного материала, непонимание зависимости политики от социально-экономических процессов, классовой основы российского государства. Данное обстоятельство предопределило и противоречивость этой исторической концепции, априорность, а подчас и ошибочность выводов. Грани между различными оттенками буржуазной историографии были подчас весьма условными.

Важным событием досоветской историографии Сибири явилось возникновение ленинской исторической концепции. В Сибири вслед за В.И. Лениным ее первыми представителями были ссыльные марксисты, большевики. С точки зрения тогдашней академической науки труды соратников В.И. Ленина не только по содержанию, но и по своей источниковой базе, состоянию научно-справочного аппарата не являлись строго научными. Ссыльные большевики черпали материалы для исследования, как правило, из опыта личных наблюдений над аборигенами в отдаленных районах Сибири, с которыми современная ссыльным большевикам наука была мало знакома. Е.М. Ярославский, совершивший летом 1916 г. поездку на р. Олекму, в дневнике сделал следующую запись: «...я считал полезным записывать все и заносить в свой дорожный дневник всякую мелочь, имея в виду, что многие местности Якутской области... не посещались путешественниками-исследователями, что я могу натолкнуться на совершенно новое, не отмеченное другими».

В плане становления марксистской концепции истории народов Сибири важное место занимает статья Л.Б. Красина «Судьбы капитализма в Сибири», опубликованная в 1896 г. Важно указание Л.Б. Красина на проникновение капитала в хозяйство и быт аборигенов, под напором которого трещали «остатки родовых организаций и первобытного строя». Это замечание свидетельствует о признании Л.Б. Красиным единых экономических закономерностей развития русского и коренных народов края. Характеризуя состояние охоты и рыболовства – традиционных промыслов аборигенов, – наблюдательный исследователь отметил крайне низкие «первобытные формы труда» в этих отраслях хозяйства, что явилось результатом эксплуатации отсталых народов «крупными торговыми фирмами».

В то же время с некоторыми положениями Л.Б. Красина нельзя согласиться. Он недооценивал степень про-

грессивного влияния русского трудового народа на аборигенов Сибири, отмечая, что «кабала, водка и сифилис явились чуть ли не единственными формами, которые несет инородцу цивилизация».

Правильному пониманию политики царизма в Сибири способствовали статьи В.А. Ватина-Быстрянского. Заслуживает внимания оценка ссылкой марксистом сибирских реформ 1822 г., которые должны были «лишь вновь наладить работу пришедшего в негодность бюрократического механизма». В.А. Ватин замечает, что все сибирские преобразования вносили только «частные изменения», но не затрагивали «основ» существования далекой окраины. Историк подверг беспощадной критике сибирскую администрацию, являющуюся «костью от кости, плотью от плоти» российского дворянства и его политической системы – самодержавия. У В.А. Ватина, в отличие от областников, злоупотребления местной администрации выступают прежде всего как порождение существующего в России царского режима. Именно эти обстоятельства, а не какие-либо местные аномалии приводили к тому, что на далеких окраинах «махровым цветком расцветали произвол и всевозможные злоупотребления». В статье, посвященной юбилею Г.Н. Потанина, В.А. Ватин вскрыл «глубокий антагонизм, существующий в рядах сибирского населения».

Имущественное и социальное неравенство существовало не только у русских, но и у хакасов. Исследователь отметил существование батрачества у аборигенов, распространение наемного труда. «Вредной политической иллюзией» считал В.А. Ватин надежды областников на возможность решения «сибирских проблем без постановки на очередь общероссийских». В то же время В.А. Ватин не смог в полном объеме оценить глубокое положительное значение взаимного влияния русских и хакасов, стремление последних к добровольному вхождению в состав России.

В плане обоснования единства закономерностей развития России и Сибири важное место занимали социально-экономические исследования А.Г. Шлихтера. На материалах статистического обследования кустарных промыслов Енисейской губернии и рыбопромысловых хозяйств Туруханского края он убедительно показал смену «прежних натуральных форм крестьянского хозяйства новыми, капиталистическими формами производства». В отличие от кадета А.А. Кауфмана, избегавшего вопросов социальной группировки, в основу своего статистического исследования рыбопромысловых хозяйств русского и коренного населения Туруханского края А.Г. Шлихтер положил принцип хозяйственной состоятельности. Это позволило ему определить степень проникновения капиталистических отношений в хозяйство и социальные отношения коренного населения, обосновать неизбежность усиления этого процесса. Идентичные явления исследователь отметил и у русского крестьянства. А.Г. Шлихтер подчеркнул противоречивость «экономических интересов между массой... инородческого населения, как поставщиков сырья, с одной стороны, и представителями торгового капитала... с другой». Тем самым он отметил неизбежность обострения классовой борьбы в сибирской деревне. Вывод работ А.Г. Шлихтера был направлен против областников, отрицавших единство экономических и политических закономерностей развития Европейской России и Сибири, и подтвердил правильность положений В.И. Ленина об общности основных социально-экономических и политических процессов в центре России и на ее окраинах.

Я.М. Свердлов, отбывавший ссылку в Туруханском крае Енисейской губернии, дал характеристику хозяйственного уклада и осветил процессы проникновения капиталистических отношений в экономику и общественный быт местного населения. Отметив исключительное значение рыболовства и охоты для коренного населения края, Я.М. Свердлов указал на чудовищную эксплуата-

цию аборигенов «различными торговцами-скупщиками», «рыцарями» «первоначального накопления». Следствием грабительской политики самодержавия были невозможные санитарные условия жизни аборигенов, что порождало высокую смертность.

Аналогичные выводы содержатся в работах В.Н. Соколова, посвященных анализу экономической политики царизма на сибирских окраинах. На примере коренного населения Туруханского края он показал, что подати с аборигенов были настолько велики, что не могли не вести к истощению и вымиранию даже самых культурных рас. В.Н. Соколов с марксистских позиций выступил против пропагандируемого официальной и буржуазной историографией тезиса о благих результатах для аборигенов русской колонизации Сибири. Он отметил неизбежную противоречивость этого процесса в условиях царского режима, зависимость от классовых интересов буржуазно-помещичьего лагеря. Именно поэтому В.Н. Соколов подчеркивал, что переход кочевников-скотоводов к оседлости и земледелию, как «к совершенно новым формам хозяйствования, отражается на них весьма болезненно».

Е.М. Ярославский оставил этнографические замечания, свидетельствующие о серьезных изменениях в хозяйстве и быту якутов и эвенков, происходивших под влиянием русского крестьянства, отметил развивающееся под влиянием капитализма имущественное и социальное неравенство аборигенов. Он подверг резкой критике национально-колониальную политику царизма по отношению к нерусскому населению области. Следствием самой жестокой эксплуатации были крайне низкий уровень подавляющего большинства коренного населения и очень высокая детская смертность. Отсутствие необходимого статистического материала не позволило ему в полной мере разобраться в сложной проблеме демографии эвенков, однако Е.М. Ярославский допускал мысль о сокращении их численности, отмечая, что это

убеждение соответствовало и «официальному взгляду и статистическим данным».

Существование крупных капиталистических хозяйств и развитого денежного обращения у якутов в конце XIX в. отметил М. Ольминский. Он дал резкую критику произвола якутских родоначальников, показал неспособность даже «лучших» представителей царской администрации изжить эти злоупотребления, порожденные самой сущностью классового общества.

Представители официального, буржуазного, мелкобуржуазного направлений также внесли известный вклад в изучение правительственной политики в отношении аборигенов. Как само появление, так и научная проблематика этих течений определялись характером развития капитализма и дальнейшим размежеванием классовых сил. Поэтому подход к проблеме, методология исследования определялись прежде всего идейно-политическими позициями и экономическими потребностями тех классов, интересы которых они выражали. В областнической историографии одно из главных мест занимал вопрос о вымирании аборигенов, что рассматривалось как важное доказательство колониального положения Сибири и отрицания цивилизирующей роли России на окраинах. Представители официального и буржуазного направлений сосредоточили свое внимание на аграрной политике правительства, всячески оправдывали ее, что отвечало интересам сохранения помещичьего землевладения в Европейской России. В целом анализ политики царизма в отношении народов Сибири отечественной историографией представляется далеко не полным. Об этом свидетельствуют отмеченные ранее противоречия в оценке вопросов демографии аборигенов, аграрной политики и др. Критика ведется по преимуществу полемически, без должного, за отдельными исключениями, фактического обоснования. Источниковая база исследований узка, а методика обработки статистического материала – ошибочна. Подлинно научное изучение рассматривае-

мой в пособии проблемы стало возможно лишь на основе марксистско-ленинской методологии и на базе широкого круга источников.

Примечания

1. См.: Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 2, 3. СПб., 1854.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 149.
3. Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 207, 203; Т. 2. С. 45.
4. См.: Переселение и землеустройство за Уралом в 1906-1910, 1911-1915 гг. СПб., 1911-1913; Пг., 1914-1915; Чиркин Г. Забайкалье в колониационном отношении // Вопросы колонизации. 1910. № 6. С. 21, 39; Он же. О задачах колониационной политики в Сибири // Там же. 1911. № 8. С. 1-38; Иконников И. Колониационные работы в Иркутской губернии // Там же. 1908. № 3. С. 144-156; Соколов М. Землеустройство иркутских бурят в связи с колонизацией Иркутской губернии // Там же. 1909. № 5. С. 138-158.
5. См.: Щапов А.П. Соч. СПб., 1908. Т. 3. С. 663, 670.
6. Щапов А.П. Соч. Доп. том. Иркутск, 1937. С. 202, 206, 235.
7. Щапов А.П. Соч. СПб., 1906. Т. 2. С. 415-525.
8. См.: Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 150, 159.
9. Там же. С. 189; Он же. Сибирские инородцы. СПб., 1891. С. 203, 210, 211.
10. См.: Серебренников. И.И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. Верхнеудинск, 1926. С. 27.
11. См.: Серебренников И.И. Инородческий вопрос в Сибири. Иркутск. С. 7, 14.
12. См.: Головачев П.М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1902. С. 136.
13. См.: Головачев П.М. Взаимное влияние русского и коренного населения Сибири // Землевладение. М., 1902. Кн. 2-3. С. 58, 64, 68.
14. Lengyel E. Siberia. Garden city publishing Garden city. New York. 1943; Lessner E. Cardie of conquerors; Siberia. Garden city. New York. 1955.
15. См.: Головачев П.М. К истории ясака в Сибири. Тобольск, 1896. С. 2.
16. Козьмин Н.Н. К вопросу о вымирании инородцев // Сиб. зап. 1916. № 2. С. 100.
17. Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 267.
18. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 77.
19. Там же. С. 16. С. 405, прим.
20. Там же. С. 207.

21. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 8-10.
22. Кауфман А.А. Земельный вопрос и переселение // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 95, 96.
23. Ямзин И.Л., Воштинин В.П. Учение о колонизации и переселении. М., 1926. С. 149.
24. Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции в России. Т. 2. Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика. Ч. 1. Первоначальное наделение и осуществление крестьянской собственности. СПб., 1913. С. 592, 599.
25. Клеменц Д.А. Заметки о кочевом быте // Сиб. вопр. 1908. № 49-52.
26. Клеменц Д.А. Население Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1907. С. 53, 54, 78.
27. См.: Арефьев В.С. Описание Сибири: Очерки для народного чтения. Вып. 2. Краткое описание губерний и областей Сибири. Томск, 1901. С. 4-14.
28. А-в В. О прошлом и настоящем ангарских аборигенов // Сиб. сб. Иркутск, 1900. Вып. 1. С. 131-132.
29. Илимский Д. Национальная политика в Сибири // Сев. зап. Литературно-политический ежемесячник. 1916. Февр. С. 171-175.
30. См.: Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т. 1. Кочевники Бийского уезда. Вып. 1. Барнаул, 1900. С. 43-44.
31. Огановский Н.П. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. 1. Население. Переселенческий вопрос. М., 1914. С. 171-172.
32. См.: Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. Омск, 1921. С. 23.
33. См.: Горюшкин Л.М. Аграрные отношения Сибири периода империализма (1900-1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 138; ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 51. Д. 32. Л. 7.
34. Кон Ф.Я. Поправка к статье «К вопросу о развитии земледелия в Якутской области» // Памятная книжка Якутской области на 1896 г. Якутск, 1895; Он же. Никольская слободка Немского улуса Якутского округа. Иркутск, 1898 и др.; Виташевский Н.А. Старая и новая Якутская ссылка. СПб., 1907; Майнов И.И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб., 1912.
35. См.: Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири. Иркутск, 1984. С. 67.
36. Ярославский Е.М. О тунгусах Олекминского округа (из дорожных заметок при поездке по р. Олекме летом 1916 г.) // О Якутии. Якутск, 1979. С. 60.
37. Красин Л.Б. Судьбы капитализма в Сибири // Вост. обозрение. 1896. 18 окт.

38. Ватин В.А. Ачинский округ по сибирской ревизии 40-х годов XIX века // Сиб. архив. 1915. № 2. С. 61.
39. См.: Ватин В.А. Восточная Сибирь в начале XIX века // Сиб. архив. 1916. № 3-4. С. 151.
40. Ватин В.А. Ачинский округ... С. 71.
41. Ватин В.А. Минусинский край в XVII веке: Этюд по истории Сибири. Минусинск, 1913. С. 92, 128, 130.
42. Ватин В.А. Юбилей Г.Н. Потанина и молодая Сибирь // Сиб. архив. 1915. № 7. С. 416.
43. Ватин В.А. Минусинский край... С. 8.
44. Шлихтер А.Г. Кустарные промыслы в Енисейской губернии. Красноярск, 1915. С. 5.
45. Шлихтер А.Г. Экономическое положение крестьян Туруханского края. Красноярск, 1916. Ч. 2. С. 97.
46. Отклики Сибири. 1915. 4 март.
47. См.: Свердлов Я.М. Туруханский край // Избр. произв. М., 1957. Т. 1. С. 47; Отклики Сибири. 1915. 13 янв.; 17 янв.
48. См.: ЦГАЛИ. Ф. 1361. Оп. 2. Д. 26. Л. 4 об.
49. Там же. Д. 42. Л. 9.
50. Ярославский Е.М. О Якутии... С. 62-65, 67.
51. См.: Ольминский М. Из истории общины в Сибири // Правда (журнал). 1904. Июль. С. 155-160.

Б. Разработка вопросов истории народов Сибири советской историографией

На протяжении послеоктябрьского десятилетия развития советской исторической науки основными формами изучения и освещения прошлого были не монографические исследования, а публицистические работы. Это был необходимый и неизбежный этап развития молодой науки. В советском сибиреведении первый этап в становлении марксистского направления связан с именем С.В. Бахрушина, оставившего яркую характеристику политики царизма в отношении аборигенов XVIII – начала XIX в. В советской историографии не раз давалась оценка трудов этого выдающегося ученого. Исследования С.В. Бахрушина посвящены более раннему периоду и имеют некоторые методологические ошибки, тем не менее постановка вопроса о характере русской колонизации, ее

влиянии на народы Сибири имеет важное значение для анализа последующего этапа сибирской истории.

В 20–30-х гг. методологические ошибки С.В. Бахрушина, связанные с преувеличением роли «торгового капитализма» в колонизации Сибири, были характерны и для работ Е.Я. Драбкиной и Л.П. Мамета. Эти авторы критиковали национальную политику царизма в Сибири и отмечали связь сибирского землеустройства со стремлением правительства сохранить помещичье землевладение в центре страны. Однако уже тогда в результате усвоения марксистско-ленинской методологии истории сделали ряд важных научных обобщений и пришли к выводу, что закономерным следствием активизации национально-колониальной политики самодержавия в Сибири явилось характерное для всех национальностей усиление революционной борьбы с царизмом. На основе анализа материалов о политике царизма на Камчатке С.Б. Окунь высказал мысль о принадлежности ясака с конца XVIII в. не государству, как верховному собственнику сибирских земель, а императорскому Кабинету, как совладельцу этой собственности. Главным итогом развития историографии на первом этапе явилось утверждение марксистско-ленинской методологии, новая постановка вопроса о связи политики царизма в Сибири с интересами помещиков и буржуазии, влиянии русской колонизации на народы Сибири.

С середины 30-х гг. начинается новый этап развития советской исторической науки. В этот период сибиреведение обогатилось рядом трудов по социально-экономической истории народов Сибири, без чего невозможно было создание целостной концепции истории аборигенов. Исследователи выделили проблему проникновения капиталистических отношений в хозяйство и социальный быт бурят, якутов, хакасов, отметили интенсификацию скотоводства, рост земледелия и оседлости под влиянием русского крестьянства. Полученные выводы основывались в значительной мере на неопубликованных

материалах областных архивов. Политика царизма в отношении нерусских народностей анализировалась лишь по ходу изложения других проблем. В связи с изучением процесса заселения Сибири В.В. Покшишевский указал на прямую связь между методами сбора ясака на ранних этапах колонизации и задачами первоначального накопления капитала, охарактеризовал податную политику самодержавия как грабительскую, отметил обезземливание аборигенов и старожилов в конце XIX в. в результате проведенного землеустройства. Однако документальное обоснование этих положений ограничивается лишь отдельными фактами.

В.И. Дулов и Ф.А. Кудрявцев, рассматривая вопрос о первой русской революции в Восточной Сибири, в общих чертах отметили усиление колонизаторской политики царизма в начале XX в. Эту тенденцию авторы методологически верно объясняют стремлением самодержавия к сохранению классового господства помещиков и буржуазии. Усиление национального гнета выразилось в насильственном обезземеливании нерусских народностей, русификации и насаждении христианства, росте административного произвола. Последнему в значительной степени способствовало введение в 1898 г. в Сибири института крестьянских начальников. В.И. Дулов и Ф.А. Кудрявцев справедливо отмечают прямую связь закона 1898 г. о крестьянских начальниках Сибири с законом 12 июля 1889 г. о земских начальниках Европейской России. Тем самым они подчеркивают классовое единство политического курса царизма в Сибири с внутренней политикой в масштабах всего государства. Однако оценка социального состава крестьянских начальников как исключительно дворянского, мнение о том, что служба в Сибири была для них наказанием за должностные преступления в Европейской России, представляется сомнительной, тем более, что фактического обоснования этого положения авторы не приводят.

Аналогичные высказывания содержатся и в другой книге В.И. Дулова, посвященной изучению революционной борьбы сибирского крестьянства в 1905–1907 гг. Некоторые оценочные положения политики самодержавия в отношении народов Сибири содержатся в главе, написанной В.И. Дуловым и С.А. Токаревым в коллективном труде.

На материалах Енисейской губернии закон 1898 г. рассматривает В.А. Степынин. Привлекая архивные материалы, исследователь отчасти проанализировал историю разработки и само содержание закона, уделив значительное внимание его реализации. В.А. Степынин обратил внимание на то обстоятельство, что чиновникам, наряду с крестьянами, поручалось заведование аборигенами. Однако вопросы о том, что нового внес этот институт власти в систему управления аборигенами, какие меры предпринимались царизмом для его совершенствования и другие, остались неисследованными.

В рассматриваемый период истории приступили и к изучению налоговой политики царизма в отношении аборигенов. На материалах Хакасии этот вопрос освещается в кандидатской диссертации Ц.В. Гринберга. К сожалению, при анализе проблемы автор подчас абстрагировался не только от общероссийских процессов, но и от политики царизма в других национальных районах Сибири – Алтае, Бурятии и др. Ц.В. Гринберг ограничился лишь общими высказываниями об усилении податного гнета. Вопросы о связи налоговой политики с аграрными мероприятиями, социально-экономической сущности и характере податей остались неисследованными. Узость источниковой базы диссертации, выполненной только на материалах архива Хакасской автономной области, не позволила автору провести необходимые сопоставления с другими национальными районами и обусловила ряд ошибочных высказываний. Ц.В. Гринберг не видит разницы между государственными и кабинетскими доходами, закон 18 января 1898 г. ошибочно трактуется

им как акт, положивший конец сбору ясака с аборигенов. Неверно и утверждение о введении воинской повинности у хакасов уже в 1872 г.

В середине 50-х гг. были опубликованы первые крупные работы по истории отдельных народов Сибири. Их достоинство заключается в комплексном рассмотрении проблем социально-экономического и политического развития, выяснении прогрессивной роли русского народа в исторических судьбах аборигенов, разработке вопроса о проникновении капитализма в хозяйство и социальные отношения, введении в оборот нового материала. Были поставлены конкретные вопросы о поземельном и административном устройстве коренного населения, попытках привлечения его к воинской повинности, совместной революционной борьбе народов. Дальнейшая углубленная разработка этих сюжетов была продолжена в последующем.

Главным итогом развития историографии темы в середине 30-50-х гг. явилось дальнейшее расширение проблематики исследования, постановка вопроса о связи политики в отношении аборигенов с общим внутриполитическим курсом царизма, классовыми интересами самодержавия, проблемами социально-экономического развития и классовой борьбы. В научный оборот были введены неопубликованные еще источники сибирских и отчасти центральных архивов.

В конце 50-х гг. советское общество вступило в новый этап своего развития. Решения XX съезда партии, постановления ЦК КПСС по дальнейшему развитию общественных наук, усилению идеологической работы, издание Полного собрания сочинений В.И. Ленина обусловили начало качественно нового этапа развития исторической науки, дальнейшее совершенствование методологии и методики, расширение проблематики и источниковой базы исследований. Изучению рассматриваемой проблемы в значительной мере способствовала работа по созданию пятитомной «Истории Сибири».

В 60-70-х гг. особое внимание сибиреведов привлек вопрос об уровне развития капитализма и формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции в деревне. Работы велись на базе широкого круга источников с учетом трудов обобщающего характера. Проведенные исследования подготовили ту необходимую основу, без которой было невозможно создание объективной и полной картины основных направлений политики самодержавия в Сибири. Следует особо отметить монографию И.А. Асалханова, написанную на основе широкого круга ранее не использованных источников, хорошо иллюстрированную таблицами социальной группировки. Автор убедительно доказал, что аграрная политика царизма в крае носила «крепостнический... и колониальный характер», но несмотря на это, «аграрный строй... принимал все более буржуазный характер». Он был пропитан «классовым, буржуазным содержанием», и капиталистические отношения «прокладывали путь и развивались во всех зонах и среди всех разрядов населения». В ряде других работ И.А. Асалханов в общих чертах охарактеризовал процесс разработки сибирского аграрного законодательства конца XIX в., отмечая при этом, что само издание этих законов имеет длинную историю и требует специального изучения. Исследователь привел общие итоги землеустройства в Сибири, не ставя перед собой задачи специального изучения самого хода землеустройства у аборигенов, связи его с остальными сторонами политики царизма.

Выводы И.А. Асалханова нашли подтверждение в работах Н.П. Егунова. Н.П. Егунов проследил процесс разработки и принятия забайкальского землеустроительного закона, дал характеристику административной реформе у бурят и эвенков, ввел в научный оборот новые архивные материалы делопроизводственного характера, а также источники, свидетельствующие о классовой борьбе: жалобы и прошения крестьянства, программные требования различных общественных организаций и др.

Н.П. Егунов отметил связь закона 1898 г. о крестьянских начальниках с историей крестьянского законодательства в России после отмены крепостного права. Основную причину реформы он видит в стремлении правительства к усилению «военно-колониального аппарата власти» в условиях подготовки аграрных преобразований. Справедливо утверждение Н.П. Егунова о том, что закон 1898 г. значительно расширил пределы власти царской администрации над русским и коренным населением края. В то же время мнение о том, что в результате введения закона сибирские крестьяне, не знавшие над собой власти помещика, «оказались в непосредственном подчинении у дворян, экспортируемых из Европейской России», представляется сомнительным, тем более, что фактически оно не подтверждается.

В 60-х гг. интересующий автора вопрос разрабатывался П.Т. Хаптаевым. Оценивая значение «Временного положения о крестьянских и инородческих начальниках», историк замечает, что с его помощью правительство пыталось упрочить бюрократические порядки, передать власть из рук тайшей и зайсанов в руки крестьянских начальников. Такая трактовка закона, отчасти справедливая, на самом деле обедняет его внутреннее содержание и не в полной мере учитывает те социально-экономические и политические изменения, которые проходили в пореформенной Сибири и России в целом. В работе П.Т. Хаптаева встречаются отдельные ошибочные утверждения фактического характера, в частности, о строгом проведении административной реформы вслед за землеустройством, о потере бурятами при перечислении в оседлые прав «кочевых инородцев» и некоторые другие.

В конце 60-х гг. выходит «История Сибири». Впервые в литературе политика самодержавия в отношении «инородцев» получила освещение как целостная марксистско-ленинская концепция в истории Сибири. Однако необходимость тщательного отбора конкретного материала обусловила известный схематизм в изложении пробле-

мы, материалы по хозяйству, социальным отношениям народов края преобладали над другими вопросами истории аборигенов. Авторский коллектив стоит на точных методологических позициях, связывая процесс формирования политики царизма в отношении аборигенов не только с чисто сибирскими, но прежде всего с общероссийскими процессами. «История Сибири», представляющая итог развития сибиреведения за 50 лет советской власти, рельефно показала необходимость исследования политики царизма по отношению к аборигенам в тесной связи с социально-экономическими процессами.

Дальнейшее изучение вопросов находилось в неразрывной связи с теми задачами, которые были поставлены перед советской исторической наукой постановлениями ЦК КПСС 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» и 1969 г. об основных направлениях научно-исследовательской работы института истории СССР и института Всеобщей истории.

Начавшаяся в этот период подготовка многотомной «Истории крестьянства Сибири» стимулировала решение указанных проблем. В материалах симпозиумов, проведенных Институтом истории, филологии, философии СО АН СССР, в других изданиях нашли отражение вопросы истории народов Сибири и политики самодержавия по отношению к аборигенам. Л.М. Горюшкин отметил, что имеющийся в распоряжении советских исследователей статистический материал «не показывает абсолютное... вымирание аборигенов». Он предполагает, что это «видимо, было связано с особенностью колониальной политики царского правительства, проводимой в более смягченной форме, чем, например, в испанских и португальских колониях».

Т.П. Прудникова обратила внимание на неоднократные попытки царского правительства покончить во второй половине XIX в. с сословной обособленностью «оседлых инородцев», уравнивать их в платежах податей с кре-

стями, привлечь к отбыванию воинской повинности. Причину провала этих попыток автор видит отчасти в недовольстве самого реформируемого населения, что справедливо. Однако основная причина, по мнению Т.П. Прудниковой, это «малочисленность местных оседлых народов, их разбросанность на огромной территории и отсутствие усовершенствованных путей сообщения». Думается, что вряд ли это так. Отмеченные Т.П. Прудниковой факторы сохраняли свое значение и в начале XX в., когда реформа была проведена. Очевидно, причину задержки реформы следует искать в ином.

В.В. Воробьев выступил против теории «массового вымирания инородцев», подчеркнув, что различия в уровне естественного прироста народов Сибири следует объяснять не биологическими и расовыми, а исключительно экономическими причинами. Он также подчеркнул, что взаимное влияние и сближение русского и коренных народов осуществлялось вопреки реакционной политике царизма.

В рассматриваемый период продолжалось изучение вопросов социально-экономического положения народов Сибири накануне 1917 г. Известный вклад в их разработку внес З.В. Гоголев, показавший глубокое проникновение капиталистических отношений в хозяйство и социальные отношения якутов. Исходя из ленинского учения о противоречивом характере развития капитализма, З.В. Гоголев отметил наличие двух социальных войн в якутских наслехах и как следствие этого – обострение классовой борьбы. Он также обратил внимание на тяжесть налогового гнета, результатом чего было широкое обнищание широких народных масс, своеобразие системы управления якутами, которое вплоть до 1917 г. основывалось на принципах Устава М.М. Сперанского. К сожалению, вопросы политики царизма, поднятые З.В. Гоголевым, не получили обстоятельного освещения, но уже сама постановка их указывает на необходимость дальнейших научных исследований в этом направлении.

Мнение З.В. Гоголева о степени развития капиталистических отношений в Якутии вызвало энергичные возражения Г.П. Башарина, выходящие за рамки научной полемики. Отрицая расслоение крестьянства в Якутии конца XIX – начала XX в., Г.П. Башарин в то же время выдвинул теорию о существовании там фактической частной собственности тойонов на землю, превращении тойонов в класс феодалов, а улусного населения – в зависимых от них крестьян. Фактически это означало признание лишь первой социальной войны в якутской деревне, т. е. борьбу крестьянства против пережитков феодализма, и отрицало вторую социальную войну в любых ее формах и проявлениях. Эти методологические ошибки Г.П. Башарина были подвергнуты жесткой критике советскими исследователями.

Вопросы, связанные с изучением некоторых аспектов ясачной политики царизма в период капитализма, нашли отражение в оригинальном исследовании Г.П. Жидкова, который впервые использовал неопубликованные источники фонда императорского Кабинета – главного финансового органа коронной фамилии. Историк отметил, что в начале XX в. ясак по своему содержанию являлся «пережитком даннических отношений сибирских аборигенов к русскому царю». Исследователь рассматривает ясачную подать как собственность российской короны. Он указывает, что ясак «по экономическому содержанию в кабинетский период являлся формой феодальной земельной ренты», а «кабинетские доходы покоились на самой архаичной форме феодальной эксплуатации». Однако идея о коронной принадлежности ясака в исследованиях Г.П. Жидкова не получила дальнейшего развития. Вывод Г.П. Жидкова о принадлежности ясака императорскому Кабинету разделяет Л.М. Горюшкин. Рассматривая вопрос о развитии и характере земельной собственности в Сибири, последний указывает, что Кабинет, как совладелец земель, взимал ясак с кочевых народов Сибири вплоть до 1917 г.

Однако не все исследователи разделяют эту точку зрения. Например, Г.Г. Макаров характеризует ясак как феодальную ренту за землю, которую обязаны были платить все крестьяне верховному собственнику земли, т. е. государству. Если Г.П. Жидков и Л.М. Горюшкин идею о коронной принадлежности ясака подкрепляют солидным фактическим обоснованием, то Г.Г. Макаров в подтверждение своей позиции обстоятельных доказательств не приводит. Он исходит из факта признания за государством верховного права собственности на земли Якутии, совершенно не учитывая, что совладельцем сибирских земель наряду с казной выступал и Кабинет. К тому же «верховную собственность государства на землю» Г.Г. Макаров характеризует лишь как юридическую категорию. Фактически же в Якутии, по его мнению, существовала частная собственность тойонов на землю. Получается, что в Якутии было одновременно два собственника на основные средства производства, т. е. землю: государство и тойоны, что само по себе методологически неверно. К тому же непонятно, как в таком случае государство реализовывало право экономической собственности на землю, т. е. получало ренту (ясак), если оно выступало лишь как юридический собственник земли. В данном случае Г.Г. Макаров по сути дела повторяет рассуждения Г.П. Башарина о характере земельной собственности в Якутии, подвергнутые справедливой критике в историографии. Что же касается самого ясака, то нельзя согласиться с утверждением Г.Г. Макарова о его «незначительной доле», тем более что этот вывод подтверждается суммой размера ясака только за 1911 г. Такая постановка вопроса не учитывает степени глубокого классового расслоения в якутских улусах, когда абсолютное большинство якутских крестьян в результате сильнейшей эксплуатации и обнищания были совершенно не в состоянии уплачивать налоги. Не случайно недоимка по ясачным платежам в области

носила устойчивый характер и составляла в конце XIX в. около 36 % в год.

Состояние хозяйства и развитие социальных отношений у алтайцев в конце XIX – начале XX в. на статистическом и архивном материале проследил В.А. Демидов, отметив прогрессирующий процесс классового капиталистического расслоения и сохранение в то же время известных патриархально-родовых, феодальных отношений. В.А. Демидов справедливо отметил, что народы Сибири не прошли стадии промышленного капитализма, но были вовлечены в орбиту капиталистических отношений, в общий процесс экономического развития России. Землеустройство у алтайцев, по мнению В.А. Демидова, нанесло чувствительный удар по прерогативам феодальной знати, но не уничтожало их. Административные преобразования у народов Сибири конца XIX в. исследователь связывает с развитием капиталистических отношений, упадком родового строя и оценивает как прогрессивные. Он отмечает и обратную сторону реформы, определяющуюся политикой антагонистического государства, в силу чего реформы наряду с прогрессивными моментами усиливали административно-полицейскую власть в национальных районах. Такая диалектическая постановка вопроса заслуживает внимания.

Некоторые важные положения, связанные с методологическими принципами анализа и оценки политики самодержавия в отношении нерусского населения окраин империи, были высказаны авторами коллективной монографии «Современные этнические процессы в СССР». Обращает на себя внимание обоснование особого рода административно-юридического положения сословия «иностранцев», оценка административной системы царизма применительно к нерусскому населению империи, роли христианства в проведении основных устоев политики самодержавия.

Некоторые вопросы разработки аграрного законодательства и закона о крестьянских начальниках рассматриваются в монографии А.Т. Топчего. Написанная на опубликованном и архивном материале, она представляет интерес в плане воссоздания истории сибирских преобразований конца XIX в. Думается, однако, что автор недооценивает буржуазную направленность этих реформ, влияние борьбы различных правительственных группировок на законопроекты для Сибири.

В 70-80-х гг. наряду с проблемами социально-экономической истории тщательной разработке подверглась аграрная политика царизма в Сибири, что нашло отражение в ряде статей. Учет этих публикаций безусловно необходим для правильного понимания основных принципов аграрной политики самодержавия в отношении аборигенов как особой сословной группы сельского населения Сибири. Однако проблемам аграрной политики непосредственно в отношении нерусского населения были посвящены лишь небольшие публикации М.Б. Шейнфельда и Г.А. Елбачевой. Преимущественно на местном архивном материале авторы кратко проанализировали итоги землеустройства у хакасов и алтайцев, отметили связь землеустройства с переселенческой политикой.

Ценный фактический материал о народах Сибири и некоторые оценочные положения политики царизма содержатся в историко-этнографических работах Д.П. Потапова, И.С. Вдовина, других авторов.

Исследователи истории партии обратили внимание на существование глубокого имущественного и социального неравенства у аборигенов в конце XIX в., отметили общность исторических судеб русского и коренных народов Сибири, объективную закономерность их совместной борьбы с царизмом.

Известное значение для понимания сущности основных направлений и особенностей правительственной политики в отношении народов Сибири в период капитализма имеют результаты исследований предшествую-

щего феодального этапа сибирской истории. Это работы В.И. Шункова, Б.А. Александрова, Ю.С. Булыгина, Е.М. Залкинд, А.Н. Копылова, Н.А. Миненко, А.А. Преображенского, Ф.Г. Сафронова, других авторов, в которых рассматриваются вопросы соотношения социальных структур народов Сибири, ясачная политика, организация управления, христианизация.

Показателем состояния историографии проблемы конца 80-х гг. XX в. является обобщающий труд по истории крестьянства Сибири периода капитализма, который рассматривается в органическом взаимодействии с общероссийскими процессами. В методологическом отношении важно указание авторского коллектива на подчиненную роль аграрной политики царизма в Сибири аграрной политике в Европейской России, оценка этой политики как дворянско-крепостнической. На широком историческом фоне показано состояние и изменение налоговой системы управления крестьянами, влияние на эти процессы реформы 1861 г. Крестьянство национальных районов, как и Сибири в целом, рассматривается преимущественно в социально-экономическом плане, под углом развития капитализма вширь. Основное внимание уделяется исследованию хозяйства и социальных отношений народов края, появление в них новых капиталистических черт. Политика самодержавия в отношении аборигенов характеризуется главным образом оценочными определениями. «Крестьянство Сибири» показывает достижения советской историографии в изучении рассматриваемого вопроса и в то же время свидетельствует, что тема далеко не исчерпана. Об этом же свидетельствуют исследования, опубликованные после выхода «Крестьянства Сибири».

Таким образом, за годы советской власти в изучении истории народов Сибири периода капитализма были достигнуты значительные успехи. Они стали возможны в результате использования марксистско-ленинской методологии, введения в научный оборот широкого ком-

плекса архивных источников, применения новых методов исследования. Предметом наибольшего изучения стали вопросы экономического развития, степень проникновения капиталистических отношений в хозяйство и социальные отношения, сохранение патриархального родового строя у аборигенов. Абсолютное большинство исследователей едины во мнении о том, что народы Сибири не прошли стадии промышленного капитализма, но капиталистические отношения активно проникали в экономический и социальный уклад их жизни. Тем самым создавались объективные предпосылки для развития второй социальной войны в национальных районах.

Правительственная политика в отношении аборигенов в эпоху капитализма изучена далеко не равномерно. Исследователи поставили вопрос только о связи этой политики с общим политическим курсом самодержавия в Сибири и России в целом, о влиянии на эту политику субъективных и объективных факторов. В большей мере по сравнению с другими аспектами изучена аграрная политика. Советские исследователи убедительно доказали ее производный характер в крае по отношению к аграрному курсу в центре страны, реакционный характер сибирского землеустройства, русификаторскую сущность внутриполитического курса самодержавия. В общем плане поставлены вопросы о политике в области управления и проведении в жизнь законодательства об управлении аборигенами, налоговой политике, ее классовой направленности. Однако в комплексном проблемном плане политика самодержавия в отношении народов Сибири до сих пор не исследовалась. В литературе практически отсутствуют сведения о разработке аграрного законодательства для аборигенов и итогах их землеустройства в общесибирском масштабе, зависимости землеустройства аборигенов от переселения, слабо прослеживается связь между аграрной политикой и административными мероприятиями, ясачной политикой, попытками переложения ясачной подати на землю и замены ясака другими

видами податного обложения. Остается спорным вопрос о социально-экономической сущности ясака, трансформации системы управления аборигенами и влиянии на этот процесс развивающихся буржуазных отношений. Такие сюжеты, как проведение закона о крестьянских и инородческих начальниках в жизнь, распространение на аборигенов действия паспортного режима и привлечение их к воинской повинности, практически не изучались. Ползузабытым сюжетом в историографии является деятельность православной церкви в отношении аборигенов. Таким образом, задача изучения проблемы существует и сегодня. Ее решение на основе марксистско-ленинских принципов партийности и историзма существенно расширит наши представления о сложных социально-экономических и политических процессах, протекавших в национальных районах Сибири на стыке XIX и XX столетий.

Примечания

1. См.: Сахаров А.М. Изучение отечественной истории за 50 лет Советской власти // Методология истории и историография: Статьи и выступления. М., 1981. С. 157.
2. См.: Шунков В.И. Труды С.В. Бахрушина по истории Сибири // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 2. Ч. 1. М., 1955; Шейнфельд М.Б. С.В. Бахрушин и историография Сибири советского периода. Красноярск, 1980.
3. См.: Драбкина Е.Я. Национальный и колониальный вопрос в царской России. М., 1930. С. 63–64; Мамет Л.П. Колониальная политика царизма в Якутии в XVII–XIX веках // 100 лет Якутской ссылки. М., 1934. С. 26–78.
4. См.: Мамет Л.П. Ойротия. М., 1980. С. 7.
5. Окунь С.Б. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л., 1935. С. 102–110.
6. См.: Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа. М.; Л.; Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. М., 1940; Мохова Г.А. Социально-экономический очерк истории Хакасии (вторая половина XIX в.). Абакан, 1958.
7. См.: Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951. С. 26, 27.

8. См.: Дулов В.И., Кудрявцев Ф.А. Революционное движение в Восточной Сибири в 1905-1907 гг. Иркутск, 1955. С. 116, 24.

9. См.: Дулов В.И. Крестьянство Восточной Сибири в годы первой русской революции. Иркутск, 1956. С. 53, 76.

10. См.: История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856-1894). Ч. 2. История народов. М., 1952. С. 609-621.

11. См.: Степынин В.А. Крестьянские начальники Енисейской губернии // Учен. зап. Красноярск. пед. ин-та. Т. 9. Вып. 1. Красноярск, 1957. С. 135.

12. См.: Гринберг Ц.В. Налоговая политика царизма в Хакасии в XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1952. С. 114, 200, 201.

13. См.: История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1, Улан-Удэ, 1954; История Якутской АССР. Т. 2. М., 1957.

14. См.: Складаров Л.С. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962; Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962; Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963; Горюшкин Л.М. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне. Новосибирск, 1961; Он же. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX вв. Новосибирск, 1967; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.

15. См.: Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962; Он же. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века). М., 1969; Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства в начале XX в. М., 1963; Он же. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975; Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60-80-е годы XIX в.). М., 1966; Он же. Утверждение капитализма в России. М., 1973; Ковальченко И.Д. Милос Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX века: Опыт количественного анализа. М., 1974; Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861-1880 гг. М., 1978.

16. Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963. С. 201-203, 324.

17. См.: Асалханов И.А. Об аграрной политике царизма в Сибири в конце XIX в. // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ, 1968. С. 82-98.

18. См.: Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 1975. С. 44, 51, 56, 65, 69.

19. См.: Егунов Н.П. Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии в эпоху империализма. Улан-Удэ, 1963. С. 20-90.
20. Егунов Н.П. К вопросу о введении института крестьянских начальников в Забайкалье // Учен. зап. Бурят. пед. ин-та. Вып. 25. Историко-филол. сер., Улан-Удэ, 1962. С. 129.
21. См.: Хаптаев П.Т. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. Улан-Удэ, 1964. С. 87-89.
22. См.: История Сибири. Л., 1968. Т. 3. С. 78-109.
23. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 8-е, доп. М., 1981. Т. 9. С. 342-357.
24. В Центральном Комитете КПСС // Вопр. истории КПСС. 1969. № 4.
25. См.: Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство в эпоху капитализма (проблемы и направления исследования) // Проблемы истории советского общества Сибири: Материалы ноябрьского 1969 г. симпозиума по истории рабочего класса и крестьянства Сибири. Вып. 2. История крестьянства Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1970. С. 52.
26. См.: Прудникова Т.П. Основные проблемы истории крестьянства пореформенной Сибири (60-80-е гг.) // Там же. С. 148-149.
27. Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. С. 195-196.
28. Гоголев З.В. Якутия на рубеже XIX-XX вв. Новосибирск, 1971. С. 155, 167.
29. Кудрявцев Ф.А., Новгородов А.М., Тюкавкин В.Г. Против ненаучных приемов критики // Вопр. истории. 1975. № 7. С. 195-199.
30. См.: Башарин Г.П. Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX – начала XX века: По поводу книги З.В. Гоголева «Якутия на рубеже XIX-XX вв.». Якутск, 1974.
31. См.: Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. Новосибирск, 1983. Изд. 2-е доп. С. 19-20.
32. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1737-1917): Автореф. дис. д-ра ист. наук. Новосибирск, 1969. С. 22.
33. См.: Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири в период империализма (1900-1917 гг.). С. 250, 256.
34. См.: Макаров Г.Г. Октябрь в Якутии. Якутск, 1979. С. 147.
35. См.: Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири... С. 250.
36. Макаров Г.Г. Указ. соч. С. 84.
37. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. С. 354.
38. См.: Сафронов Ф.Г. Вопрос о собственности на землю в сибирской исторической литературе // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 277-284.

39. См.: Макаров Г.Г. Указ. соч. С. 147.
40. Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск, 1963. С. 112.
41. См.: Демидов В.А. Переход алтайцев на оседлость. Барнаул, 1968. С. 18.
42. См.: Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. С. 36.
43. Демидов В.А. К социализму, минуя капитализм. Новосибирск, 1970. С. 10-11.
44. Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. С. 47.
45. См.: Современные этнические процессы в СССР. Изд. 2-е. М., 1977. С. 41, 69, 70-73.
46. См.: Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861-1699). Томск, 1979. С. 65-69, 184-188, 252.
47. См.: Сухотина Л.Г. Землеустроительная политика правительства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. (по материалам Томской губернии) // Вопросы истории Сибири. Вып. 2. Томск, 1965. С. 62-72; Худяков В.Н. К вопросу об аграрной политике царизма пореформенного периода в Сибири // Крестьянство России периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1978. С. 34-48; Сафронов Ф.Г. Вопрос о собственности на землю в сибирской исторической литературе // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 266-285; Островский И.В. Земельная и фискальная политика царизма в Сибири в период империализма // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1980. С. 57-68; Федорова Е.Д. Организация переселения крестьян в Иркутскую губернию в начале XX в. // Там же. С. 70-72; Храмов А.А. Вопрос о праве собственности государства на надельные крестьянские земли в Сибири при выработке закона 23 мая 1896 г. // Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул, 1980. С. 83-103; Корнева Г.А. Разработка о землеустройстве 23 мая 1896 г. и вопрос о поземельной собственности в Сибири // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX – 1917 г.). Красноярск, 1982. С. 15, 29; Когут М.Т. К вопросу о характере столыпинской аграрной политики царизма в Сибири // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1984. С. 48-58.
48. См.: Шейнфельд М.Б. Землеустройство и введение волостных учреждений у хакасов в 1908-1914 гг. // Вопросы истории Хакасии. Абакан, 1977. С. 106-108; Елбачева Г.А. Землеустроительная политика Кабинета в Горном Алтае в 1897-1913 гг. // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма.

Новосибирск, 1981. С. 68-82; Он же. Землеустройство в Горном Алтае (1911-1913 гг.) // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX в. – 1917 г.). Красноярск, 1982. С. 54-64.

49. См.: Потапов Л.П. Народы Южной Сибири. Новосибирск, 1953; Он же. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан, 1952; Народы Сибири. М.; Л., 1956.

50. Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965; Хомич Л.В. Ненцы: Историко-этнографические очерки. М., 1966; Народы Дальнего Востока в XVII–XX вв.; Историко-этнографические очерки. М., 1985.

51. См.: Бударин М.Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952; Он же. Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму. Омск, 1968; Увачан В.Н. Путь народов Севера к коммунизму. М., 1971; Санжиев Б.С. Сближение наций в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма (на материалах Сибири). Улан-Удэ, 1966; Балицкий В.Г. От патриархально-общинного строя к социализму (о переходе к социализму малых народов Северо-Востока РСФСР). М., 1969; Санжиев Г.Л. В.И. Ленин о национально-государственном строительстве в Сибири (1917–1937). Улан-Удэ, 1971; Батуев Б.Б. Борьба за власть Советов в Бурятии. Улан-Удэ, 1977; Родионов А.И., Забирев В.А. Великий Октябрь и народы Севера. Томск, 1982.

52. См.: Шунков В.И. Очерки истории земледелия Сибири. XVII в. М., 1956; Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969; Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974; Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958; Он же. Общественный строй бурят XVIII – первой половины XIX века. М., 1970; Копылов А.Н. К вопросу о принципе ясачного обложения и порядка сбора ясака в Сибири // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. Вып. 1. Новосибирск, 1969. № 1; Миненко. Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в XVI – начале XVIII в. М., 1972; Сафронов Ф.Г. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1978.

53. См.: Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 108-157, 284-305.

54. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и русской Америки до конца XIX в. М., 1982; Сергеев О.М. Казачество на русском Дальнем Востоке. М., 1983.

В. Зарубежная историография истории народов Сибири эпохи капитализма

Советские историки проделали значительную работу по изучению зарубежной буржуазной литературы по проблемам истории Сибири конца XIX – начала XX в. Итоги этих исследований отражены в работах В.А. Федорова, Л.Ф. Складорова, Л.М. Горюшкина, В.Н. Разгона, С.В. Передерия и др. Историки сосредоточили свои усилия на изучении освещения зарубежной историографией проблем аграрной колонизации края, промышленного развития Сибири, политической ссылки и расстановки классовых сил в Сибири накануне Октябрьской революции. Однако вопрос об освещении буржуазной наукой истории Сибири в этих критических обзорах и рецензиях не был затронут.

В зарубежных изданиях конца XIX в. мы почти не находим сведений по рассматриваемой проблеме. Только в статье «Сибирь», помещенной в английской «Новой энциклопедии универсальной информации», процесс вхождения народов Сибири в состав России рассматривается под углом завоевания. И лишь в нескольких словах упоминается о существовании племен бурят, якутов, татар и некоторых других народностей. Именно в этот период в зарубежной историографии наметилась тенденция к характеристике Сибири как колонии в экономическом и политическом смысле, сравнению методов колонизации Сибири с Канадой, Алжиром, другими колониями западноевропейских стран, механическому перенесению на сибирскую почву тех оценочных положений «грубейшего насилия», которые, по словам К. Маркса, были характерны для колониальной системы Западной Европы. Например, по мнению английского исследователя Р. Джефферсона, в основу колонизации Сибири русское правительство положило те же принципы, что и Англия в отношении Канады. Тезис получил развитие в начале XX в., когда в связи со строительством сибирской железной дороги резко возрос интерес

иностранцев к восточным окраинам России, где они надеялись найти выгодное приложение своим капиталам.

Французский экономист К. Оланьон рассматривает Сибирь как типичную колонию XX в. По его мнению, Сибирь для России имела точно такое же значение, как Алжир для Франции или Канада и Австралия для Англии. В соответствии с этим общими были и методы колонизации. Могучая волна русских переселенцев, пишет К. Оланьон, буквально сметала туземные племена, которые, занимаясь охотой, рыболовством и скотоводством, не могли оценить природного плодородия своих земель. Только «русская колонизация придала ценность землям Северной Азии», заключает К. Оланьон. Рассматривая последствия взаимоотношений социальных структур русского и коренного населения, К. Оланьон буквально сбрасывает в один «колониционный поток» действия царского администратора, торговца-предпринимателя и русского крестьянина, между которыми он не видит никакой разницы. В силу своей неразвитости аборигены ничего не переняли у русских. В Сибири, как и в Канаде, масса европейских переселенцев поглощала «самые жизненные элементы туземного населения», остальные вытеснялись в районы Крайнего Севера, где и вымирали. К. Оланьон не смог понять глубокого положительного значения взаимовлияния русского и коренного населения Сибири, роли народной колонизации в основании Сибири. Имея в виду именно это обстоятельство, академик Е.М. Жуков писал, что «важнейшим фактором исторического развития Сибири явился прямой контакт местного населения Сибири с трудовыми слоями русского народа». Главным следствием этого была совместная революционная борьба народов против царизма. Ничего подобного не было в колониях Западной Европы. «Поэтому у индейцев росла ненависть к Англии, как к угнетателю, у африканцев росла ненависть к Франции, как к угнетателю, а в Сибири нерусские народы сплачивались

в общей революционной борьбе с трудовыми массами русского народа».

С еще более консервативных позиций результат русской колонизации Сибири оценивает американский исследователь А. Глейнер. Начальный этап колонизации Сибири рисуется им как наплыв в край мощного потока авантюристов, которые без конца воевали с туземцами. Сущность взаимоотношений русских и аборигенов в современной ему Сибири А. Глейнер определил как вытеснение туземцев в малоплодородные местности и вымирание их. Из всех сибирских племен А. Глейнер выделяет бурят, быт которых напоминает ему быт североамериканских индейцев. Такое сравнение рождает у американского исследователя и далеко идущие аналогии. Поскольку в Северной Америке индейцы вымирают под напором англо-саксонской расы, то и в Сибири «буряты вымирают под натиском русских».

Используя ошибочную аргументацию областников, А. Глейнер совершенно игнорирует работы других русских исследователей, убедительно доказавших увеличение численности народов Сибири на протяжении всего рассматриваемого периода.

Английская литература начала века по нашей теме представлена пространной статьей в «Энциклопедии Британики». Источником ее написания служили сочинения А.Ф. Миддендорфа, Я. Черского, Дж. Кеннана, И.В. Щеглова, В.И. Вагина, Н.М. Ядринцева, материалы переписи 1897 г. и др. В статье дается достаточно подробная характеристика сельского хозяйства, промыслов, путей сообщения. Все это делается не без умысла показать английскому читателю возможность выгодного помещения капитала в Сибири. По данным энциклопедии, в конце XIX в. абсолютное большинство населения края составляли русские – 81,4 %. Авторы статьи дают достаточно точную картину расселения аборигенов, приводят данные об их численности, но совершенно не упоминают о внутренней миграции, происходившей под влиянием

русских переселенцев. По мнению авторов, Сибирь колонизовалась двумя путями. Первым был военный путь, когда «правительство отправляло отряды казаков основывать границы крестьянских поселений... и удерживать коммуникации вдоль рек». Этот путь был связан с большими опасностями и материальными жертвами. Гораздо «большой успех» приносила свободная колонизация. В статье нет упоминания о добровольном присоединении народов Сибири к России, совместном выступлении трудовых масс русского и коренного населения против царского режима, ничего не говорится о последствиях взаимовлияния русских и аборигенов в материальной и культурной сфере.

Последняя проблема обстоятельно излагается в книге М. Прайса. В качестве примера русского влияния английский исследователь приводит данные о развитии у аборигенов земледелия, сенокосения, распространения русской одежды. Исследователь справедливо связывает этот процесс с масштабами и темпами колонизации, подчеркивая, что «тенденция датьномадам жизнь по русскому образцу» особенно сильно проявилась на Алтае. В то же время в самых общих чертах М. Прайс пишет об эволюции взаимоотношений представителей государственной власти с нерусскими народами, в результате чего в XIX в. они становятся «сдержанными, но не сердечными». Правительственная политика в отношении аборигенов характеризуется в самом розовом цвете, а многочисленные примеры злоупотреблений царских властей при организации переселения и землеустройства откровенно замалчиваются.

Обстоятельная характеристика этнографического состава, расселения и отчасти численности аборигенов дана в книге Чаплинской. Источниками для нее послужили работы русских путешественников, областников и политических ссыльных. Книга Чаплинской по преимуществу – этнографическое исследование. Автор энергично отстаивает широко распространенную на Запа-

де концепцию сравнения Сибири с Канадой, исходит из позиции завоевания народов Сибири русскими, активно употребляя такие термины, как «оккупация», «захват» и др.

С аналогичных позиций процесс колонизации Сибири, историю развития взаимоотношений русского и коренных народов рассматривает исследователь из США А. Летбридж.

После Великой Октябрьской социалистической революции история России, и Сибири в частности, стала объектом ожесточенной идеологической борьбы, нападок разнузданной империалистической пропаганды, пытавшейся доказать случайный, незакономерный характер революции.

Зарубежная литература 20-30-х гг. представлена книгой эмигранта С.Г. Сватикова. В идейном отношении автор стоит на позициях старой мелкобуржуазной школы историков России. Это выразилось в идеалистическом подходе к вопросу о статусе Сибири. Историк подробно описывает процесс трансформации управления краем с екатерининских времен до Александра II, в результате чего «исчезло само имя Сибирь, как административный термин». Однако эти преобразования не уничтожили самовластия местной администрации, произвол которой в конце XIX в. свирепствовал с «удесятеренной силой». Пессимистически оценивая период правления последнего русского самодержца, С.Г. Сватиков замечает, что «царствование Николая II... дало Сибири много такого, чего она не хотела и чего... даже опасалась». К числу таких явлений историк относит печально знаменитых крестьянских начальников, которые «должны были заменить для Сибири земских начальников Европейской России». Однако мысль эта далее не развивается, а итог всех административных преобразований в крае сводится С.Г. Сватиковым к жалкому сохранению «разрозненных обломков некогда стройного сибирского учреждения» М.М. Сперанского. Под внешней формой С.Г. Сватиков не

видит тех социально-экономических сдвигов, которые мощно заявили о себе в экономике и общественных отношениях Сибири после 1861 г. Это один из наиболее важных теоретических просчетов автора. Эти же просчеты, связанные с недооценкой классовых противоречий в крае накануне 1917 г., непониманием сути протекавших в России и Сибири экономических и социальных процессов, наблюдаются в трудах последующего поколения зарубежных сибиреведов.

В середине 30-х гг. на страницах «Славянского и Восточно-Европейского обозрения» эмигрант А.В. Байкалов доказывал отсутствие в Сибири предпосылок социалистической революции и возможность дальнейшего прогресса местного населения и при существующем режиме. Крестьянство Сибири накануне 1917 г. рисуется им как единое бесклассовое общество, добившееся после отмены крепостного права и строительства транссибирской железнодорожной магистрали исключительных успехов в развитии экономики и культуры. Вопросы о классовом расслоении, обнищании беднейших слоев деревни, национально-колонизаторской политике царизма объявляются несуществующими. Оценивая социалистическую революцию как величайшее зло в судьбе сибирского крестьянства, Байкалов утверждает, что мировая война и большевистская революция прервали экономический и культурный прогресс местного населения.

Отсутствие какого-либо прогрессивного влияния русского крестьянства на народы Сибири «показывается» в книге Е. Линея. Автор отмечает, что «иностранцы» Сибири играли более важную роль в жизни своего края, чем индейцы в Соединенных Штатах, однако это не мешает Линею переносить на сибирскую почву оценочные положения колониальной политики западноевропейских стран. Колонизация Сибири, по его мнению, шла по традиционным схемам – солдатские команды, священники и масоны. Такая трактовка исходит из факта признания Сибири не составной, неразрывной частью

России, а ее типичной колонией. Поэтому в работе Линея нет даже намек на значение вольнонародной колонизации края и влияние этого процесса на исторические судьбы нерусских народностей.

Теорию военного, насильственного происхождения Октябрьской революции в национальных районах Сибири отстаивает Дж. Морей. Буржуазный историк акцентирует внимание на отсталости и забитости инородческих племен, их географической и культурной отдаленности от российской цивилизации, что не могло не сказаться на их политической активности. Когда под влиянием «хаотических причин войны» местное население пришло в движение, то оно сплотилось вокруг областников, лозунги которых, по мнению Морей, устраивали всех. Большевики же просто узурпировали власть. Такие утверждения не только противоречат общеизвестным фактам о борьбе крестьянства всех национальностей с царизмом и буржуазией, но являются откровенной апологетикой интересов сибирского кулачества, которые и выражали областники.

С аналогичных позиций написана и книга Е. Леснера. Автор, правда, довольно обстоятельно освещает историю становления отношений русских пришельцев с «инородцами», приводит примеры смешанных браков, форм сотрудничества, однако его выводы ничем не отличаются от высказывания Морей.

В зарубежной историографии 60–80-х гг. вопросы национально-колониальной политики царизма в Сибири нашли отражение в работах ряда авторов. Наиболее обстоятельными являются исследования историка из США М. Раева. Первое поколение историков-эмигрантов распространило за рубежом представление об исключительности исторических судеб России. Утверждение об особой косности, «традиционности» русской истории объясняется длительным господством абсолютизма. М. Раев признает такой взгляд поверхностным. На примере Сибири эта мысль иллюстрируется изменениями в ус-

ловиях местной жизни, протекавшими на протяжении XVII–XIX вв. По замыслу М. Раева, само название частей и глав книги должно подтверждать не статичность, а динамизм сибирской жизни: «Изменение ситуации в XVIII в.», «Изменение условий для туземцев», «Новый подход к туземной администрации». Если сибирская действительность XVII в. представляла собой «печальную историю жестокостей, варварства и эксплуатации, особенно для неразвитых племен Северо-Востока», то к началу XIX в. туземцы были уже втянуты в «основные течения русской сибирской жизни». Существенные изменения претерпели их отношения с русским населением и властями. Внешним выражением этого явились сибирские преобразования М.М. Сперанского. Таким образом, американский историк отказывается от концепции «статичности» русской сибирской истории и стремится показать, что система управления русскими провинциями и государством в целом на протяжении XVIII и начала XIX в. претерпела определенные изменения. Однако изменимость эта доказывается не анализом социально-экономических устоев хозяйства аборигенов, а ссылкой на трансформацию государственных институтов по управлению ими. С точки зрения историка-марксиста такая постановка вопроса является неверной. Высказанные ранее идеи были вновь воспроизведены М. Раевым в опубликованной в 1969 г. биографии М.М. Сперанского. Как и в первой книге, туземные народы Сибири М. Раев делит на менее развитые, изолированные и подверженные вымиранию племена (Туруханский край, Камчатка) и более развитые, увеличивающиеся племена бурят, якутов и др. Экономический упадок некоторых сибирских племен «приводил к административным и фискальным затруднениям, требовал принять меры для их поддержки», это и вызвало преобразования М.М. Сперанского и другие реформы. В данном случае историк, точно фиксируя и излагая факты, не видит, что трудности сибир-

ской жизни являлись лишь местным проявлением общих противоречий царской России.

М. Раев не принадлежит к числу американских историков, писания которых носят откровенный антисоветский характер. Он свободно владеет оригинальными русскими источниками, хорошо осведомлен о нашей литературе, в творческом отношении он исповедует идеалистическую философию позитивизма, что и отразилось на содержании его работ, подходе к теме и конечных выводах.

С консервативных позиций написана книга Т. Армстронга. Прежде всего автор отрицает прогрессивное влияние русской колонизации на малые народы Сибири. Даже в тех случаях, когда Т. Армстронг вынужден признать наличие такого влияния, он оценивает его как явно недостаточное. «Русские могли бы внести большой вклад в развитие передовой технологии», — пишет он. По его мнению, царское правительство проводило по отношению к «иностранцам» либеральную политику, а преобразования 1822 г. вообще стали для них прямой дорогой к светлой и лучшей жизни. К сожалению, замечает Т. Армстронг, этот процесс был прерван начавшейся мировой войной и последующей русской революцией. Как видим, идея о возможности процветания населения Сибири при царском режиме, выдвинутая историками-эмигрантами в первое послеоктябрьское десятилетие, популярна и сегодня. В различных вариантах она преподносится читателю как начинающими исследователями, так и достаточно известными авторами, в частности В. Конолли — автором большого количества работ о Северной Азии. Хотя в оценке русской колонизации В. Конолли расходится с Т. Армстронгом — она признает положительное влияние на якутов не только русской крестьянской колонизации, но и политической ссылки, тем не менее основные положения работ этих исследователей совпадают. В XIX в., отмечает В. Конолли, народы Сибири добились значительных успехов в разви-

тии хозяйства и культуры, установили прочные связи с внешним миром, у них появилась своя национальная интеллигенция. Но этот процесс был прерван Октябрьской революцией, в результате которой сибирские народности оказались в большевистской изоляции. Идея о большевистской изоляции, которая противопоставляется якобы свободному этническому развитию народов Сибири до 1917 г., проводится и в других исследованиях этого же автора.

Говоря о процветании народов Сибири под властью самодержавия, буржуазные историки ничего не пишут о развитии у них капиталистических отношений, классового расслоения. Тем самым они пытаются отрицать существование социально-экономических предпосылок социалистической революции в национальных районах Сибири, а саму революцию представить как результат заговора большевиков. Особенно отчетливо это проявилось в одной из последних работ американских «сибиреведов» – книге Р. Сноу «Большевики Сибири, 1917–1918». Без всякого доказательства Р. Сноу поставил под сомнение не только факт существования классовой дифференциации в сибирской деревне, но и саму возможность исследования данной проблемы, назвав этот вопрос «открытым». О национальных и политических противоречиях в Сибири Р. Сноу говорит лишь мимоходом, зато категорически отвергает существование двух социальных войн в сибирской деревне. Таким образом, вопросы о причинах борьбы сибирского крестьянства с феодально-крепостническими пережитками и борьбы беднейшего крестьянства с кулачеством повисают в воздухе и объявляются несуществующими. Революцию в Сибири, по мысли Р. Сноу, породили не глубокие социально-экономические и политические противоречия, присущие этому региону как неразрывной части России, а лишь тяготы Первой мировой войны, которыми и воспользовались большевики. Трудно представить революцию в России, если бы не было войны, замечает он. Отстаивая уже не

новую концепцию военного происхождения Октябрьской революции, Р. Сноу утверждает, что в Сибири революции в полном смысле этого слова вообще не было, а царские чиновники «...просто вышли из учреждений... и передали власть различным революционным комитетам» после того, как стало известно о победе революции в Петрограде.

Аналогичный подход к оценке революционной активности крестьянства прослеживается в книге известного американского «советолога» Р. Пайпса. Отметив, что сибирские «инородцы» входили в категорию государственных крестьян, Р. Пайпс далее утверждает, что последним больше всего отравляло жизнь не правительство в целом, а отдельные «вымогатели-чиновники», поэтому крестьяне «...не так уж сильно были настроены против крепостничества как такового». Таким образом, политика самодержавия в отношении крестьянства идеализируется, а многочисленные злоупотребления царских властей, порождаемые существующим в России общественным строем, представляются как местные аномалии. Оценка Р. Пайпсом революционной борьбы крестьянства направлена на то, чтобы принизить размах и сознательность этой борьбы, показать ее аполитичность. Даже во время революции 1905 и 1917 гг., утверждает он, крестьянские бунты были направлены на конкретные объекты, но «...не на строй» в целом, ибо крестьяне не имели ни малейшего понятия о его «существовании». Классовый подход буржуазного историка проявляется в стремлении отрицать борьбу крестьян с феодально-крепостническими пережитками, оторвать крестьянское движение от рабочего и большевистской партии, представить его забитым, неорганизованным мелкособственническим течением.

Таким образом, из широкого круга проблем политики самодержавия в отношении народов Сибири зарубежные исследователи поставили лишь отдельные вопросы: влияние русской колонизации на аборигенов, сравнение

методов колонизации Сибири с колониями западноевропейских государств, влияние деятельности «просвещенных» администраторов на судьбы аборигенов и некоторые другие. Политика самодержавия в отношении нерусских народностей оценивается с апологетических позиций. Такой подход историографии наблюдается как в XIX в., так и в наши дни. В методологическом отношении большинство зарубежных авторов исходит из идеалистических позиций позитивизма. Они отрицают классовую дифференциацию крестьянства, существование двух социальных войн в сибирской деревне, не понимают исторического и экономического единства Сибири и России, предопределившего общность социально-экономических и политических процессов.

Источниковая база зарубежной историографии проблемы достаточно ограничена. В большинстве случаев она представлена работами русских авторов официального и буржуазного направлений, причем никакого различия между ними не делается. Из областнической историографии активно используется лишь тезис о пагубности русского влияния на народы Сибири, а критика областниками национальной политики царизма замалчивается. Такой подход противопоставляется марксистско-ленинскому направлению работ советских исследователей, которые, за редким исключением, не используются.

В качестве источников сравнительно широко привлекаются сборники документов XIX и начала XX вв., содержащие односторонний отбор фактов и скрывающие классовую сущность национально-колониальной политики самодержавия. Документальные материалы, опубликованные советскими исследователями, и архивные источники практически не используются. Все это свидетельствует о классовой направленности работ зарубежных буржуазных авторов, противоречии их исторической концепции задачам объективного изучения, подчиненной роли буржуазного обществоведения интересам капитала и монополий.

Литература

1. См.: Федоров В.А. История заселения Сибири в интерпретации реакционного американского историка // История СССР. 1959. № 4. С. 200-203; Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной политики. Л., 1962. С. 20-30; Золников Д.М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1969. С. 21-22; Дубовский Г.Я. Критика буржуазной фальсификации истории сибирской деревни кануна Великой Октябрьской революции // Бахрушинские чтения, 1973 г. Вып. 1. Вопросы истории Сибири советского периода. Новосибирск, 1973. С. 162-168; Фоминых С.В. Американские буржуазные историки о причинах поражения сибирской контрреволюции в гражданской войне // Вопросы истории Сибири. Томск, 1972. Вып. 6. С. 85-91; Он же. Сибирское крестьянство в период Великой Октябрьской Социалистической революции и гражданской войны в освещении англо-американских буржуазных историков // Проблемы истории сибирской советской деревни. Новосибирск, 1977. С. 166-168; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири... С. 32-42; Горюшкин Д.М., Сагайдачный А.Н. Современные англо-американские буржуазные историки о социально-экономическом развитии Сибири в конце XIX – начале XX в. // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1963. С. 216-234; Горюшкин Л.М. Американские буржуазные историки о сибирской деревне в дооктябрьский период // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии, философии. 1984. № 3. Вып. 1. С. 14-20; Разгон В.Н. Современная американская буржуазная историография о социально-экономическом развитии Сибири периода капитализма // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. Барнаул, 1984. С. 194-205; Передерий С.В. К вопросу об освещении истории Сибири в период капитализма в современной англо-американской буржуазной историографии // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX в. Томск, 1980. С. 164-178; Он же. Англо-американская литература 20-40 гг. о Сибири периода империализма // Вопросы методологии истории, историографии, источниковедения. Томск, 1984. С. 155-156; Ананьев Д.А. Западная историография XX века: основные концепции и теоретические подходы к изучению сибирской колонизации конца XVI – XIX века. Исторический ежегодник. Новосибирск, 2008. С. 19-29.
2. Siberia. Blackie's modern cyclopedia of universal information. London-Glasgue, Edinburg and Dublin. 1890. Vol. 4n. P. 482-483.
3. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 760-765.
4. Jefferson R. Roughing it in Siberia with the same account of the Transsiberian railway and the gold-mining industry of Asiatic Russia. London, 1897. P. 25.

5. Оланьон К. Сибирь и ее экономическая будущность. СПб., 1903. С. 5, 76, 77, 250.
6. Жуков Е.М. Основные проблемы исторической науки в свете решения XXI съезда КПСС и задачи изучения истории Сибири и Дальнего Востока // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 12; См. также: Фадеев А.В. Россия и народы Северной Азии. М., 1968. С. 62-63.
7. Глейнер А. Сибирь, Америка будущего. По сочинению Джона Фостера Фразера. Киев, 1906. С. 9, 10.
8. Siberia. The Encyclopedia Britannica. New-York. The Encyclopedia Britannica company. 1911. Vol. 25. P. 10-18.
9. Price M.P. Siberia. London, 1912. P. 8, 196-200.
10. Czaplicka M.A. Aboriginal Siberia. A study in social antropology. Oxford at in Clarendon. Press, 1914. P. 21.
11. Lethbridge A. The new Russia. From the white sea to the Siberian Steppe. New-York, 1915. P. 253-254.
12. Сватиков С.Г. Россия и Сибирь (к истории сибирского областничества). Прага, 1950. С. 78, 98, 99.
13. Baikalov A.V. The conquest and colonisation of Siberia // The Slavonic and East European Review, 1932. Vol. 1. № 30. P. 563, 565, 571; Baikalov A.V. Siberia since 1894 // The Slavonic and East European Review. 1933. Vol. 1. № 32. P. 331, 338, 340.
14. Lengyel E. Siberia Garden sity publishing Garden sity. New-York, 1943. P. 29, 57.
15. Morlay J.M. The Russian Revolution in the Amur Bastu // The american Slavonic and East European Review. 1957. Vol. 13. № 4. P. 452, 455.
16. Lessner E. Cradle of conquerors: Siberia. Garden sity. New-York. 1955. P. 3, 309. 356.
17. Raeff M. Siberia and the reforms of 1922 // University of Wash. Press. 1956. P. 9-96, 104-106, 112-129.
18. Raeff M. Michail Sperancy. State man of imperial Russia (1772-1859). Hafuc, 1969. P. 247, 267-278.
19. Armstrong T. Russian settlement in the north. Cambridge, at university press. 1965. P. 97, 121, 117.
20. Connolly V. The Iakutsk // Problems of communism. Nationalisme in USSR. Special issue. Wash., 1967. Vol. 16, № 5. P. 84-85.
21. Connolly V. Siberia today and tomorrow. Colluns. London and Glasgow, 1975. P. 183.
22. Snow B.E. The Bolsheviks in Siberia, 1917-1918. London, 1977. P. 27, 36, 48.
23. Пайпс П. Россия при старом режиме. Кембридж, Массачусетс. 1980. С. 190, 201, 207, 208.

Г. Источники по истории народов Сибири эпохи капитализма

Основные методологические принципы отбора источникового материала для анализа исторических процессов были сформулированы В.И. Лениным. В работе «Статистика и социология» он отмечал, что «Факты, если их взять в целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь». Развивая эту мысль, Владимир Ильич указывал, что для анализа «явлений общественных» необходимо установить «фундамент из точных и бесспорных фактов». При этом он подчеркивал необходимость «брать не отдельные факты», а именно «всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения». Только такой подход позволяет объективно судить о взаимосвязанности исторических процессов и явлений.

Первостепенное значение среди источников имеют труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, основанные на широкой источниковой базе, содержащие основные методологические положения, богатый фактический материал. Проблемы истории в них освещаются с позиций партийности и историзма, задач революционной борьбы пролетариата, в динамике и связи описываемых событий с конкретными условиями, породившими их. Эти же черты характерны для документов РСДРП (материалов съездов, конференций, совещаний), в которых дается глубокая и всесторонняя оценка национальной политики царизма.

Известный интерес для изучения внутренней политики царизма представляют опубликованные документы мелкобуржуазных оппозиционных партий. В их программах, протоколах съездов, иных материалах нашли отражение взгляды мелкобуржуазных революционеров на национальный вопрос в России и способы его решения, содержатся характеристики государственного строя, системы управления империей.

Опубликованные источники, исходящие от крестьянства национальных районов Сибири, немногочисленны. По преимуществу они представлены материалами хроник крестьянского движения и тематическими сборниками. Материалы о национально-освободительном движении народов Сибири – приговоры, наказания, заявления, описания совместных с русскими крестьянами выступлений – раскрывают характер национально-колониальной политики царизма и программные требования нерусских народностей, свидетельствуют об общности классовых интересов трудящегося крестьянства различных национальностей. В классовом отношении они являются одним из наиболее надежных исторических источников, так как характеризуют политику царизма с позиций демократического лагеря.

Важное значение для понимания классовой сущности политики самодержавия в отношении сибирских «иностранцев», уяснения их правового положения в составе Российской империи имеют нормативные акты царского правительства, юридически характеризующие сословное положение аборигенов.

Наиболее полно нормативные акты отложились в «Полном собрании законов Российской империи». Всего нами было выявлено около 60 основных законодательных актов самодержавия, регламентирующих правовое положение народов Сибири на протяжении рассматриваемого периода. Наиболее крупными из них являются «Устав об управлении иностранцев» 1822 г., наказания и инструкции второй ясачной комиссии и ревизии сенатора И.Н. Толстого, указы об административном устройстве и ясачном сборе 60-70-х гг., комплекс законов, связанных с проведением поземельного устройства, административных и финансовых преобразований 90-х гг. XIX в.

Ценность собрания законов как источника заключается прежде всего в том, что оно позволяет проследить изменения правового положения и административного устройства аборигенов на протяжении всего рас-

смаатриваемого периода. Если издаваемые периодически для практических нужд местной бюрократии различные сборники и своды узаконений представляют собой лишь тематическую подборку законодательных актов правительства, то собрания законов позволяют значительно полнее проследить эволюцию юридических норм самодержавия в отношении народов Сибири за счет включения в них широкого круга документов, отражающих иерархию нормативных актов – манифестов, регламентов, рескриптов, инструкций и т. д.

Важным дополнением юридических актов Полного собрания законов являются сенатские указы по второму (крестьянскому) департаменту, не вошедшие в само собрание и опубликованные в сводах законов и специальных изданиях. Они дополнили и конкретизировали действующее законодательство с учетом его применения на практике. В хронологическом отношении эти указы охватывают период с 1905 по 1917 г.

Необходимость единообразного применения правовых актов на местах, потребность в ускорении текущего делопроизводства повлекла за собой ведомственную систематизацию законодательства. Примером такой деятельности являются неоднократно издаваемые в конце прошлого века «Сборники главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью», содержащие текущие инструкции, повеления, не вошедшие в собрание законов, но требующие от чинов местной администрации оперативного разрешения.

Изучение этого комплекса источников позволяет заключить, что учет и использование нормативных актов самодержавия для решения поставленных задач безусловно необходимы. Следует однако иметь в виду, что сами законы подчас не позволяют выявить причины их происхождения, характер обсуждения законопроектов в правительственных инстанциях. Законы фиксируют лишь конечный результат этой деятельности и не выявляют различные тенденции в правительственной поли-

тике. Некоторые законы неточно отражают фактическое положение вещей, так как, в силу длительной процедуры разработки и принятия, уже не отвечали требованиям времени и являлись «вчерашним днем». Ряд законов или их отдельные положения никогда не были претворены в жизнь. Поэтому необходима проверка и дополнение нормативных источников другими, в первую очередь, архивными материалами.

Динамику, национальный состав коренного населения характеризуют различные статистические источники. Издания Центрального статистического комитета МВД представлены материалами «Волостей и населенных мест 1893 г.», содержащими разнообразные сведения о сословном составе и половозрастной структуре народонаселения, развитии хозяйства, доходности угодий, соотношении доходов и расходов населения. Сведения о демографии и сословном составе населения содержатся в статистических ежегодниках России, материалах ревизий, статистических таблицах империи, переписях населения. К сожалению, в материалах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. интересующие нас сведения отложились далеко не полно. Сами переписчики отмечали, что «хозяйства кочевых инородцев были переписаны не сплошь, а приблизительно в 10 % общего их числа». Наиболее отдаленные местности Сибири «не подвергались переписи совсем».

Указанные статистические источники создают лишь приблизительную картину динамики народонаселения, и исследователи этого вопроса убедительно доказали возможность их использования при условии критического анализа.

Опубликованные источники по аграрному вопросу, законодательству и землеустройству, кроме нормативных актов, представлены делопроизводственными материалами, исходящими от представителей царской администрации различных учреждений и ведомств. Принципы подхода правительственных организаций и отдель-

ных чиновников к вопросам аграрной политики и землеустройству аборигенов отражают различные отчеты, обзоры и т. д. О взглядах сибирской администрации на задачи земельной политики свидетельствуют материалы губернских и областных совещаний. Эти документы содержат подборку мнений различных категорий чиновничества по вопросам сибирского землеустройства. В ряде случаев приводимые мнения не совпадают, но расхождение касается второстепенных деталей. В целом же они дают наглядное представление о классовой сущности землеустроительной политики царизма в Сибири, в основе которой лежали интересы дворянско-помещичьего лагеря.

Масштабы и темпы работ по землеустройству характеризуют планы работ переселенческого управления. Комплекс этих материалов хорошо отражает период с 1905 по 1917 г., когда проводилось интенсивное обезземеливание аборигенов. Систематический характер публикаций, единообразие сообщаемых в них сведений дают исследователю возможность воссоздания общей картины землеустройства нерусских народностей, выделения его основных этапов и центров. Однако информативная нагрузка этих материалов неравнозначна. В них преобладают обобщающие цифровые показатели, об общественно-политической обстановке в местах землеустройства сообщается очень скупо.

В документах этого же типа отложились материалы по управлению Сибирью. Среди наиболее важных отметим обзор деятельности Государственного совета при Александре III, ряд изданий об изменении в распределении административных единиц «со списками начальствующих лиц», отчеты по земскому отделу МВД, материалы по выборам в Государственную думу. Названные источники характеризуют как отдельные звенья системы управления аборигенами, так и общее направление политики в этом вопросе. Они содержат описание правительственных мероприятий по усилению админи-

стративно-полицейского надзора за аборигенами, сведения о деятельности органов их «самоуправления». В большинстве эти документы вышли от представителей различных эшелонов царской администрации – центральной, губернской, уездной. Тем не менее на всех уровнях отчетливо прослеживаются русификаторские тенденции, поправление национальных традиций и чувств народностей.

В опубликованных материалах нашли отражение вопросы взаимоотношения государства и сибирских епархий, христианизации аборигенов. Обращает на себя внимание публикация А.Н. Львова, содержащая материалы о насильственном крещении аборигенов и преследовании «инакомыслящих». Для изучения церковной политики в крае большое значение имеют «обзоры» ведомства православного исповедания, документы Всероссийского православного миссионерского общества, отчеты общества сибирских епархий. Эти документы дают общее представление о сибирских епархиях пореформенного периода, содержат статистические данные о материальном положении православной церкви и источниках ее доходов, характеристику религиозных верований народов Сибири с позиций официальной церковной идеологии.

Эти же характеристики следует отнести и к синодальным «Церковным ведомостям» и неофициальной части этого издания – «Прибавлениям к «Церковным ведомостям», в которых наряду с чисто церковными материалами публиковались статьи по злободневным для Сибири и России политическим вопросам.

В опубликованных источниках материалы о налоговой политике в отношении аборигенов представлены значительно скромнее. Самостоятельное значение имеют лишь два документа – данные бюджетной комиссии Государственной думы о размерах и способах уплаты ясака накануне Первой мировой войны и материалы о раскладке государственной оброчной подати в Томской губернии.

Среди воспоминаний современников для характеристики политики царизма в Сибири особое значение имеют мемуары С.Ю. Витте, А.А. Половцева и неопубликованные воспоминания А.Н. Куломзина. Их значение для исследуемой темы определяется не только наличием характеристик внутривластного курса царизма в целом, но и рядом важных замечаний и оценок непосредственно сибирских сюжетов, к которым эти сановники имели отношение как современники и непосредственные участники событий. Особенно важны воспоминания А.Н. Куломзина, под непосредственным руководством которого разрабатывались основы землеустройства населения Забайкальской области. Несмотря на известный субъективизм, воспоминания довольно точно воссоздают картину настроений высшего эшелона власти на задачи землеустроительной политики по отношению к нерусским народам, вскрывают связь сибирского землеустройства с задачами сохранения помещичьего землевладения в Европейской России.

Эпистолярное наследие представлено, главным образом, перепиской С.Ю. Витте с К.П. Победоносцевым и Николая II с П.А. Столыпиным. В ней отложились материалы по вопросам административной реформы в Сибири, проведению в жизнь закона о крестьянских и «иностранческих» начальниках, организации переселений. Политику самодержавия в отношении народов Сибири в известной степени отражают материалы центральной и местной периодической печати различных направлений. Отдельные публикации встречаются на страницах «Московских ведомостей», «Гражданина», «Русского слова». Основное обсуждение вопросов шло на страницах сибирских журналов и газет – «Сибирские записки», «Сибирский архив», «Сибирский земледелец», «Сибирь», «Восточное обозрение» и др. Количество материалов различного характера о народах Сибири на страницах местной печати было достаточно велико, что свидетельствует об

устойчивом интересе общественности к положению коренного населения.

Анализ этих материалов показывает, что основное внимание корреспондентов привлекали вопросы этнографического характера. На втором месте шли материалы о хозяйстве и социальных отношениях. Вопросам чисто политического характера уделялось гораздо меньше внимания. Следует учитывать, что многие публикуемые на страницах газет и журналов материалы, особенно статистического характера и о землеустройстве, полемически заострены и не могут быть отнесены к категории полностью достоверных. Отсюда вытекает необходимость комплексного системного использования различных источников.

Ведущее место в изучении истории народов Сибири принадлежит архивным источникам. Необходимые материалы по данной проблеме отложились во всех сибирских и некоторых центральных архивах. Из последних наиболее важное значение имеют архивные фонды ЦГИА, ЦГАОР, ЦГВИА и АГО.

Абсолютное большинство архивных источников – делопроизводственного характера. Их можно подразделить на документы высших и центральных правительственных учреждений, сибирской губернской и уездной (окружной) администрации и исходящие от самих «иностранцев» и их «общественных» организаций.

Делопроизводственные документы высших, центральных и губернских правительственных учреждений, занятых выработкой и осуществлением политики в отношении аборигенов, имеют особый интерес. Абсолютное большинство их не предполагалось для публикации. Поэтому обсуждение как текущих, так и прогнозируемых мероприятий в различных комитетах, комиссиях носило весьма откровенный характер. Это обстоятельство позволяет понять не только психологию царских чиновников – авторов источников, но прежде всего выявить их классовые, политические позиции, которыми

они руководствовались в своей деятельности. Анализ этих позиций показывает, что они были всецело на стороне самодержавия. Не случайно эта группа источников содержит глухие сведения об общественно-политической обстановке в стране, и лишь после 1905 г. в документах можно встретить материалы о влиянии революционного движения на внутреннюю политику. По содержанию делопроизводственные документы высших, центральных и местных учреждений четко подразделяются на источники по аграрной политике, организации управления и христианизации, ясачному режиму. Разумеется, деление это условно, так как в одних и тех же источниках встречаются материалы по различным аспектам государственной политики.

Официальные документы правительственных учреждений, занятых разработкой и осуществлением аграрных мероприятий, являются одним из основных источников для изучения классовой сущности земельной политики царизма в Сибири. Для периода 60-80-х гг. XIX в. наибольшую ценность представляют материалы межведомственной комиссии под председательством барона Медема. Комиссия была создана в 1873 г. по инициативе министра государственных имуществ П.А. Валуева. В ее состав вошли представители министерств государственных имуществ, финансов, внутренних дел. Основная задача комиссии состояла в разработке вопроса о возможности распространения в Сибири ряда положений крестьянской реформы 1861 г.

Наибольшую ценность представляют рабочие журналы комиссии – своего рода протоколы заседаний, четко фиксирующие борьбу различных мнений по вопросам формирования аграрной политики в огромном зауральском крае. Протокольные записи заседаний содержат сведения по таким принципиально важным вопросам, как права аборигенов на занимаемые земли, размеры земельных наделов. Особый интерес представляют конкретные предложения авторов законопроекта по разви-

тию земельной политики. Они содержат первое в официальных источниках обоснование необходимости приравнивания оседлых и кочевых «инородцев» в отношении прав землепользования к русскому крестьянству. Полнота обоснований, точность формулировок свидетельствуют о том, что новому законопроекту придавалось особое значение. Социальная направленность программы преобразований убедительно вскрывает исходные позиции ее авторов, свидетельствует об усилении шовинистических и русификаторских тенденций в национальной политике царизма. На это же указывают материалы, ведущие свое происхождение от высших государственных чиновников.

Для характеристики взглядов сибирской администрации на предмет и задачи аграрной политики несомненный интерес представляют материалы губернских и областных комиссий, созданных для рассмотрения проектов центральной администрации. Наиболее ценным является разбор местными чиновниками правительственного законопроекта. Он касается таких принципиально важных проблем, как права сибирского крестьянина на землю, сословно-правовое положение аборигенов и др.

Объектом внимания центральной и сибирской администрации был вопрос о возможности полного приравнивания коренного населения к русскому крестьянству. Решение этой задачи власти видели в ограничении земельных наделов аборигенов, сокращении перекочевок и в развитии земледелия. Поэтому одно из главных мест анализируемого комплекса источников занимают вопросы о норме надела для коренного населения, характере их хозяйства. В материалах губернских комиссий есть данные о развитии земледелия и скотоводства, сдаче земли в аренду, характере предпринимательской деятельности аборигенов. Политическая заостренность этих проектов в пользу интересов самодержавия не вызывает сомнений. Поэтому статистический материал о развитии земледелия и скотоводства требует критического анализа. Задавшись целью ограничить земельные наделы

«иностранцев», власти сознательно подчеркивали успехи последних в земледелии и умаляли значение скотоводства. На это неоднократно обращали внимание сами «иностранческие общества» в жалобах и приговорах, а также отдельные чиновники в «особых мнениях».

Вопросы реализации аграрного законодательства отражены в отчетах переселенческого ведомства. Деятельность этого управления предполагала ежегодную отчетность, однако материалы отчетов публиковались лишь частично. Наиболее ценная часть отчетов, содержащая данные о размерах до- и пореформенного землепользования, о количестве и качестве земли, об отношении «иностранцев» к землеустройству не публиковалась. Эта часть отчетов составлялась на основании материалов поземельно-устроительных партий, действующих непосредственно на местах. Для выяснения достоверности этих материалов необходимо отметить, что определение размеров и ценности сельскохозяйственных угодий возлагалось на чиновников поземельно-устроительных партий и отрядов. Последним при необходимости разрешалось требовать нужные сведения у аборигенов. Понятно, что «иностранческие общества» не были заинтересованы давать царским чиновникам правдивые данные о состоянии своего хозяйства, размерах площадей, урожае и т. д. Сведения, как правило, были заниженными. Решение о размерах душевого надела и земельных отрезков принимались уже поземельно-устроительной комиссией. В случае, если «иностранческое общество» отказывалось согласиться с ее предложениями, вопрос переносился в губернское управление, где и принималось окончательное решение. Размеры земельных отрезков, душевого надела фиксировались в специальных документах – отводных записях, которые выдавались «иностранческому обществу». Именно эти сведения составляли основу статистической части ежегодных губернских отчетов о землеустройстве. Анализ их показывает, что наиболее полно отложились материалы о размерах зе-

мельных отрезков, передаваемых в колонизационный фонд, и величине душевого надела. Эти сведения фиксировались особенно тщательно, поскольку на их основе правительство организовывало водворение переселенцев. Статистические же данные о размерах дореформенного землепользования не всегда точны, так как в силу различных причин (сложные топографические условия, нехватка времени и др.) землемеры подчас пользовались отдельными сведениями «инородческих» правлений. В то же время целые группы фактов не вызывают сомнений. Это касается, прежде всего, отрицательного отношения коренного населения к землеустройству. Отчеты пестрят сведениями об отказах аборигенов от участия в межевых работах, порче межевых и тригонометрических знаков и т. д. Эти сведения подтверждаются многочисленными жалобами и прошениями аборигенов, свидетельствами офицеров губернских жандармских управлений.

Наибольшей полнотой о землеустройстве коренного населения отличаются сведения Иркутского губернского правления, которые наряду с общими данными содержат специальные таблицы об итогах землеустройства аборигенов. Это же характерно для материалов, отложившихся в фондах Министерства земледелия и канцелярии Временного правительства. Наряду с отчетами, содержащими различные цифровые данные, они включают сведения об отношении аборигенов к землеустройству, их борьбе за возвращение земельных отрезков. Особый интерес представляют документы губернских земельных комитетов, содержащие программные требования аборигенов в области землепользования.

Комплекс источников по управлению аборигенами включает в себя различные материалы. Большей частью они отложились в фондах министерства внутренних дел. Для пореформенного периода 60-80-х гг. важны документы сибирских губернских комиссий, образованных для обсуждения вопроса о возможности изменения системы управления аборигенами и причисления их к

русским волостям. Наиболее полно представлены материалы Тобольской и Томской губерний. Они содержат заключения окружных комиссий и губернского совета, описание первых попыток губернской администрации по введению у аборигенов волостного и сельского управления по крестьянскому образцу.

Дополнением этих материалов являются многочисленные «личные» представления начальников губерний в различные правительственные инстанции, позволяющие раскрыть взгляд высших чинов губернской администрации на характер будущей реформы, выявить степень их личного участия в разработке программы преобразований. Характерно, что в этих материалах мы не встречаем сведений об отношении аборигенов к разрабатываемой реформе. Авторы законопроектов эта сторона дела совершенно не интересовала.

Последующий этап в развитии системы управления аборигенами представлен делопроизводственными материалами, отложившимися в архивах различных ведомств. Для начала 80-х гг. особую ценность имеет программа преобразований местного управления иркутских генерал-губернаторов А.П. Игнатьева и А.Д. Горемыкина, содержавшая развернутые предложения о введении в Сибири по образцу Европейской России института крестьянских начальников и распространении его компетенции на аборигенов.

Ход разработки закона о крестьянских начальниках и проведении его в жизнь отражает разнообразная документация министерств финансов и внутренних дел. Это проекты штатного расписания и программа испытаний на право занятия должности, статистические сведения о размерах участков крестьянских начальников, предложения чиновников различных рангов по «совершенствованию» деятельности этого института власти. Особый интерес представляют формулярные списки крестьянских начальников, содержащие подробные сведения о перемещениях по службе, социальном происхождении,

образовании, вероисповедании, материальном положении. Эта группа источников не вызывает сомнений в достоверности.

Характер деятельности этих чиновников отражают материалы ревизий крестьянских начальников, проводимые представителями местных губернских и центральных учреждений. В них содержатся многочисленные свидетельства о вопиющих злоупотреблениях чиновников – кражах общественных сумм, вымогательстве, прямом надругательстве над трудовым русским и коренным сельским населением. Об отношении аборигенов к крестьянским начальникам и другим царским чиновникам дают подробное представление материалы отдела по делам местного управления, а также земского и национального отделов министерства внутренних дел Временного правительства. Среди документов выделяется проект о преобразовании управления оседлыми и кочевыми народами Сибири, составленный по прямому указанию министра И.Д. Горемыкина делопроизводителем земского отдела министерства И.И. Крафтом в 1899 г. Новый проект – своего рода свод основных норм хозяйственной и административной жизни аборигенов, предполагавшихся ко введению. Хотя по широте рассматриваемых вопросов он уступал уставу М.М. Сперанского, тем не менее явился важным документом, отразившим правительственный подход к управлению аборигенами на рубеже XIX и XX вв., и заслуживает внимания.

В анализируемый комплекс источников органически входят материалы обсуждения проекта Крафта в губерниях и областях Сибири. Ознакомление с мнением лиц, непосредственно обслуживающих нужды аборигенов, является необходимым для воссоздания подлинной картины состояния управления народами региона. Информативная нагрузка анализируемых материалов достаточно широка. Кроме критических высказываний в адрес предложений Крафта, они содержат проекты реорганизации управления аборигенами Томской, Тобольской,

Енисейской и Иркутской губерний. Составной их частью являются «особые мнения» чиновников, не согласных с решениями губернских комиссий. Это свидетельствует о столкновениях в рядах реформаторов по вопросам преобразования старого аппарата управления аборигенами, приспособления его к новым историческим условиям.

Для характеристики подхода высших чинов царской бюрократии к проблемам «иностранческого» населения Сибири имеют большое значение материалы Государственного совета и Сената, относящиеся к концу XIX в., т. е. ко времени активизации русификаторской политики самодержавия и очередных реформаторских потуг в Сибири. Наибольшую ценность представляют материалы делопроизводства комиссий и совещаний, специально занимающихся рассмотрением сибирских вопросов: об устройстве суда по делам «иностранцев», о «видах на жителство» для аборигенов, о привлечении их к отбыванию воинской повинности и т. п. Эти материалы отложились в различных фондах и архивах. Важность обсуждаемых вопросов требовала обширной дополнительной информации. Поэтому в материалах обсуждения имеются сведения о численности и соотношении полов коренного населения, развитии хозяйства, состоянии управления и деятельности должностных лиц, четко прослеживается политическая заинтересованность царизма в скорейшем обрусении аборигенов. Особенный интерес в этом плане представляют документы о попытках привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности. Охватывающие период с 60-х гг. XIX в. и до 1917 г., они недвусмысленно отражают правительственный подход к этому вопросу, в основе которого лежали соображения отнюдь не военного, а чисто политического, обрусительного характера. Эти же материалы содержат цифровые данные о привлечении аборигенов к тыловым работам в годы Первой мировой войны, распределении их по районам работ, характере деятельности, свидетельствуют

о резко негативном отношении аборигенов к отбыванию новой повинности.

Архивные источники, характеризующие ясачную политику, весьма разнообразны по содержанию и качеству, они отложились в фондах императорского Кабинета – главного финансового органа коронной фамилии. Особенностью этих материалов является систематичность, полнота и регулярность данных, их сопоставимость, что открывает путь к эффективному использованию. Эти особенности объясняются формализацией отчетности, царившей в Кабинете. Сведения о поступлении ясачных платежей и размерах недоимок собирались губернскими казенными палатами по нескольку раз в год. При этом принципиальное значение уделялось характеру поступавшей информации, которая требовалась со всех «иностранческих» стойбищ и кочевий. В ведомостях о поступлении ясачного сбора фиксировалось количество и качество поступавших мехов, размеры денежных платежей. Кроме того, в первичные сведения нередко вносились данные о количестве земли, соотношении различных угодий, численности налогоплательщиков. Однако методика сбора показателей казенными палатами была несовершенна. При отсутствии у палаты необходимой документации в качестве информаторов выступали земские чиновники, крестьянские начальники, «иностранческие» старосты. Вопрос о соотношении ясача с размерами общих доходов аборигенов осложняется тем, что трудно до конца выяснить подлинные доходы различных категорий коренного населения – оседлых, кочевых и бродячих, а также соотношение бюджетов бедняков, середняков и кулаков. Массовое статистико-экономическое обследование «иностранческих» хозяйств Сибири во второй половине XIX в. не проводилось. Наиболее полным источником по этому вопросу являются опубликованные в конце XIX в. материалы по обследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Сибири. Однако в них отражены данные

преимущественно о бюджетах оседлых «иностранцев». Из сохранившихся в архивах бюджетных карточек обследования далеко не все могут быть использованы из-за крайней небрежности и ошибок в заполнении, отсутствия сопоставимых сведений.

Своеобразие ясачной политики царизма наложило отпечаток на весь используемый комплекс источников по истории ясачного режима в Сибири, существовавшего вплоть до сокрушения монархии в 1917 г. Последнее обстоятельство отмечено не случайно. Даже в 1917 г. ясачная подать с аборигенов собиралась по складным книгам, составленным второй ясачной комиссией в 1835 г. Это вызывает необходимость наряду с документальными материалами, отражающими ясачную политику царизма в период капитализма, привлекать источники по ясачной политике предшествующего периода, в частности материалов 30-40-х гг. Из них наиболее важны отчеты членов ясачной комиссии, на основе которых составлялись окладные книги. Эти документы содержат подробные сведения о величине ясака, соотношении его натуральной и денежной форм, способах уплаты ясачной подати, доходах и расходах аборигенов, численности налогоплательщиков.

Взгляды царизма на судьбы ясачного режима в предреформенный период отражают документы сенаторской ревизии И.Н. Толстого. Наряду с разнообразными статистическими данными, они содержат описание ряда важных правительственных мероприятий по увеличению ясачного сбора натурой: попытках ограничения свободной торговли с аборигенами, предложениях ряда чиновников о введении на землях ясачных системы управления, тождественной кабинетским землям. Материалы ревизии проясняют финансовые взаимоотношения казны и Кабинета, недвусмысленно указывают на их известную противоположность. Особенно интересны сведения о взаимных расчетах казны и Кабинета, которые осуществлялись в связи с перечислением части аборигенов

в категорию оседлых и обложением их крестьянскими податями и окладами.

К числу наиболее важных источников, характеризующих ясачную политику пореформенного периода, относится группа дел фонда Кабинета под общим названием «Об улучшении ясачного сбора...» Из этих материалов отметим «Соображения по предмету улучшения ясачного сбора» управляющего сбором ясака Полонского. Эти «Соображения...» наглядно отражают борьбу в правительственном лагере по вопросам ясачной политики в пореформенный период. Они содержат подробную историческую справку о становлении и развитии ясачного режима в Сибири, критику преобразований М.М. Сперанского, первое развернутое «обоснование» необходимости замены ясака податными окладами русского крестьянства.

В этот же комплекс материалов входит проект Кабинета о реорганизации ясачного сбора, представляющий собой рецидив политики консервации, преследовавший цель увеличения ясачного сбора натурой, другие разнообразные документы – отчеты казенных палат, министерств и ведомств, свидетельствующие о дальнейшей коммутации ясака, несоответствии размеров ясачной подати платежеспособности аборигенов и росте ясачной недоимки. Указанные материалы в хронологическом отношении охватывают период до начала XX в. В целом же в фондах Кабинета отложились материалы по ясачной политике до 1917 г. включительно.

Формирование налоговой политики царизма в отношении народов Сибири в 1900–1917 гг. наиболее полно представлено материалами высших и центральных органов управления, что объясняется проведением в это время в Сибири податной реформы. Сведения об этом отложились в ряде фондов министерств земледелия и финансов. Принципиальную важность имеют документы, характеризующие организацию системы «выкупа» ясака государственным казначейством в ходе землеустройства и распространения на аборигенов податей и повинностей

русского крестьянства. Они раскрывают механизм проведения «выкупа», содержат данные о взаиморасчетах казны и Кабинета свидетельствуют об укоренившейся практике паразитирования монархии на общегосударственном счету.

В этих же материалах отложились годовые ведомости о поступлении ясачных платежей по всем сибирским губерниям, соотношении денежной и натуральной форм ясака. В большинстве случаев эти данные хорошо сопоставимы и могут являться источником изучения ясачной политики, прежде всего с точки зрения соответствия размеров ясака уровню платежеспособности аборигенов, соотношения его с остальными податными обязанностями нерусских народностей.

Для характеристики ясачной политики накануне ее краха в 1917 г. важны материалы о рассмотрении судеб ясачного режима в Государственной думе, переводе ясака на денежную основу. Эти документы убедительно показывают стремление коронного ведомства хотя бы и в именной форме сохранить свои доходы с народов Сибири, его скрупулезность и мелочность в денежных делах. Источники неопровержимо доказывают, что даже в буржуазную эпоху доходы коронного ведомства носили полуфеодалный характер, а монархия как политический институт всячески цеплялась за рушившиеся остатки феодального периода.

Архивные источники, характеризующие деятельность ведомства православного исповедания в отношении аборигенов, условно подразделяются на две группы. Первые отложились в фондах центральных и местных учреждений непосредственно церковного управления – канцелярии обер-прокурора Синода, канцелярии Синода и губернских консисторий. Ко второй группе следует отнести документы, сохранившиеся в фондах ряда государственных центральных и местных учреждений, научных обществ, в которых материал о церковной политике отложился «попутно», по ходу их основной де-

тельности, а также в личных фондах деятелей церкви и краеведов. Многие материалы первой группы дублируются между собой.

В первой группе отложились документы, характеризующие состояние сибирских епархий, систему управления ими, деятельность центрального и местных отделов Всероссийского православного миссионерского общества, самих православных миссий. Они содержат разнообразный цифровой материал: о численном составе миссий, количестве церквей и миссионерских станом и др. Особую ценность представляют документы о насаждении православия среди нерусских народов. Прежде всего, это протоколы миссионерских съездов, подробно рисующие ход заседаний без преднамеренных изъятий. Протоколы передают характер прений и взаимоотношений участников дискуссии, общую атмосферу съездов.

Цели и задачи церковного ведомства в отношении сибирских народов отражают программные документы миссионерского общества: его устав и программа деятельности, программы, разработанные для подготовки миссионеров в церковных и высших гражданских учебных заведениях, выступления и воззвания высших церковных иерархов, планы проведения торжеств.

Из документальных материалов этой же группы следует отметить отчеты о деятельности православных миссий, систематически представляемые в Синод главами епархий. Однако данные этих отчетов плохо сопоставимы вследствие их крайней противоречивости и неполноты. Это замечание в полном объеме применимо и к архивным документам фондов второй группы. По преимуществу это «всепопданнейшие» отчеты губернаторов, которые включали раздел об «успехах» насаждения православия среди аборигенов. Одной из основных причин цифрового разночтения следует считать крайне противоречивую первичную информацию о количестве крещенных, поступавшую непосредственно от миссионеров, церковных служителей и земских чиновников.

Они были заинтересованы в том, чтобы приукрасить свои успехи в «святом» деле, так как репутация ревнителя православия сулила им награды и продвижение по службе. Нередки были случаи массового крещения, когда учесть количество «новообращенных» было практически невозможно. Противоречивость цифровых данных об общем количестве крещенных наглядно обнаруживается после 1905 г., когда источники отмечают массовый отход аборигенов от православия, что и подтверждается материалами фондов научных обществ и многочисленными частными свидетельствами.

Из источников фондов второй группы следует также отметить документальные материалы Государственного совета, министерств внутренних дел, земледелия, финансов, которые на примере сибирских епархий раскрывают механизм взаимоотношения церкви и государства, доказывают активное участие государственных органов всех степеней в насаждении православия в Сибири.

Анализируемые архивные материалы являются в основном делопроизводственными источниками, исходящими от официальных учреждений различного ранга. Несмотря на неодинаковую степень широты и достоверности отражения действительности, они едины по политическому, классовому характеру. В то же время среди делопроизводственных источников отложились документы, ведущие свое происхождение от противоположного дворянско-помещичьему правительству класса — крестьян. Они представлены индивидуальными и коллективными жалобами, прошениями, приговорами. В классовом отношении они доносят до нас наиболее объективную информацию, ибо оценивают политику царизма с точки зрения демократического крестьянства. Эта группа источников возникла в процессе активного воздействия надстроечной системы антагонистического государства на социально-экономический уклад жизни, быт и культуру народов Сибири. В соответствии с этим определяется и их содержание — отражение националь-

но-колониальной политики царизма на судьбах аборигенов. Данные источники охватывают весь исследуемый период от 60-х гг. XIX в. до 1917 г. включительно. Однако внутри этого периода количество источников распределяется неравномерно, например, количество их резко возрастает по мере активизации политики самодержавия в отношении нерусских народностей в конце XIX – начале XX в. Это был закономерный результат взаимодействия базиса и надстройки в условиях империализма, выражавший резкое обострение отношений антагонистических классов общества и их идеологий.

Первые коллективные приговоры аборигенов появились в 60-х гг. XIX в. и были связаны с начавшимся в Тобольской и Томской губерниях упразднением оседлых «иностранческих» волостей и причислением аборигенов к волостям русских крестьян. За приговорами, как правило, следовал отказ от переселения и причисления к новым административным единицам. Однако социальная сторона конфликта в этих приговорах отражена еще слабо. В качестве основных мотивов отказа от повиновения властям выступают ссылки на различие религий.

Последующие приговоры раскрывают более широкую картину наступления самодержавия на права народов Сибири. В 80-х гг. выделяются составленные на основе общественных приговоров «заявления» и «докладные записки» доверенных бурятских родов Хоринской и Агинской степных дум Забайкальской области. Они выражают несогласие бурятского крестьянства с основами разрабатываемого правительством землеустройства, которое не принимало «в соображение самые существенные условия образа жизни и экономического строя» кочевых народов. Документы доносят характер сходов, свидетельствующий об упорном стремлении бурятского крестьянства добиваться признания своих законных прав на землю, содержат ссылки на ранее изданные правительством нормативные акты, что свидетельствует о знакомстве народов Сибири с законодательством. Вера в царскую

законность порождала убеждение аборигенов в социальной несправедливости правительственных мероприятий, в то, что «казна не в праве распоряжаться инородческими землями». Это свидетельствует о существовании у аборигенов монархических иллюзий, веры в объективность царского законодательства. В то же время в заявлениях содержатся недвусмысленные замечания о противоположности подлинных интересов аборигенов и разрабатываемой правительством земельной политики, что свидетельствует о росте классового самосознания нерусских народностей. Это отчетливо проявилось в ходе революции 1905–1907 гг. и в последующий вплоть до 1917 г. период. В «инородческих» приговорах того времени содержится широкий спектр характеристик основных направлений политики самодержавия. В них находятся конкретные требования об увеличении земельных наделов, мотивированные отказы подчиниться новой системе управления и др. Обычно такие приговоры сопровождались подачей жалобы в различные инстанции.

По содержанию и причинам происхождения жалобы и прошения коренных жителей близки к приговорам. Количество их резко возрастает в начале XX в. как ответная реакция народов Сибири на усиление национально-колониальной политики царизма. По сведениям товарища министра внутренних дел А.М. Лыкошина, только на введение новой системы управления в иркутское губернское управление подали жалобы 25 % бурятских ведомств, в томское губернское правление поступило 57 жалоб, в тобольское – 31. Много жалоб поступало на действия должностных лиц, тяжесть налогового гнета, насильственное крещение. Изучение практики землеустроительных работ свидетельствует, что абсолютное большинство землеотводных операций сопровождалось жалобами и прошениями. К сожалению, точное число жалоб в масштабах всей Сибири пока не поддается учету. По-видимому, одни из них не сохранились, другие отложились в различных фондах, так как жалобы подава-

лись в разные инстанции и разным лицам. Большинство жалоб представляет собой источник с более или менее устойчивым формуляром, что открывает возможность их сопоставления.

Анализ содержания жалоб, ознакомление с позициями сторон позволяет заключить, что они были одной из форм проявления протеста народов Сибири против политики царизма. Для большинства жалоб характерно подчеркивание сословной «низости» просителей, выделение своих верно-подданных чувств. Выступая, как правило, инициативным документом, открывающим делопроизводство, жалобы преследовали определенные и четко обозначенные цели, что сказывалось на аргументации жалобщиков. Поэтому вряд ли можно говорить об абсолютной точности этих документов. Стремление добиться желаемого исхода дела порождало определенное искажение действительности. На противоречивый характер жалоб оказывала влияние и двойственная психология крестьянина, наличие в крестьянской среде имущественной и социальной неоднородности. В то же время в классовом отношении жалобы довольно точно отражают реальные результаты правительственной политики по отношению к аборигенам, свидетельствуют о растущей пропасти между интересами трудового крестьянства и самодержавия.

Источники

1. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 350, 351.
2. КПСС в резолюциях... 8-е изд. М., 1970. Т. 1. С. 70-71, 131, 213, 329, 344-345, 377, 387-389, 405-410, 448-449, 472-473; Т. 2. С. 45-46, 124-125, 147-148 и др.
3. Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. СПб., 1906. С. 3, 120, 283, 286 и др.
4. См.: Гирченко В. Этапы революционного движения в Бурятии // Жизнь Бурятии. Верхнеудинск, 1925. № 1-2. С. 23-32; Баинов А.Б. Хроника аграрного движения в Бурят-Монголии (март 1917 – июль 1918) // Зап. Бурят-Монгольского НИИЯЛИ. Вып. 5, 6. Улан-Удэ, 1941. С. 92-115; Крестьянское движение в Сибири 1861-1907 гг.: Хроника и историография. Новосибирск, 1985. С. 187, 189, 190, 196, 199 и др.; Крестьянские волнения в Алтайском округе в 1906-1907

гг. Барнаул, 1951; Революционное движение в Иркутской губернии в период первой русской революции. Иркутск, 1955; Революционное движение в Бурят-Монголии в период революции 1905 г. Улан-Удэ, 1955; Документы о революционных событиях 1905-1907 гг. в Якутии. Якутск, 1957; Революция 1905-1907 гг. в национальных районах России. М., 1955; Революционное движение в Тобольской губернии в 1905-1914 гг. Тобольск, 1981.

5. См.: ПСЗ-1. Т. 38. № 29126; ПСЗ-2. № 1611; ПСЗ-3. Т. 19. Отд. 1. № 16991; Т. 23. Отд. 1. № 23320 и др.

6. См., напр.: Сборник узаконений об устройстве крестьян и иногородцев в губерниях Сибири. СПб., 1899.

7. См.: Переселение и землеустройство в азиатской России: Сборник законов и распоряжений. Пг., 1915.

8. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1883. Вып. 1; 1884. Вып. 1. Т. 1.

9. Волости и населенные места 1893 г. Вып. 4. Иркутская губерния. СПб., 1894; Вып. 11. Енисейская губерния. СПб., 1895; Вып. 8. Забайкальская область. СПб., 1896; Вып. 12. Томская губерния. СПб., 1894; Вып. 10. Тобольская губерния. СПб., 1894.

10. См.: Статистический ежегодник России 1913 г. СПб., 1914; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915.

11. См.: Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России Петра Кеппена. СПб., 1857.

12. См.: Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2. Населенное население империи на 1858 г. СПб., 1863.

13. См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 73. Енисейская губерния. 1904; Т. 74. Забайкальская губерния. СПб., 1904; Т. 75. Иркутская губерния. СПб., 1904; Т. 78. Тобольская губерния. 1905; Т. 79. Томская губерния. СПб., 1904.

14. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Вып. 3. Степной край, Сибирь и Дальний Восток. Пг., 1917. С. 11.

15. См.: История Сибири. Т. 3. Л., 1968; Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Сибири за 50 лет (1863-1913 гг.) // История СССР. № 4. С. 50-69.

16. См.: Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 53. Тобольская губерния. СПб., 1903; Т. 54. Енисейская губерния. СПб., 1903; Т. 55. Иркутская губерния. СПб., 1903; Т. 56. Томская губерния. СПб., 1904.

17. См.: Записка по крестьянскому делу Председателя Высочайше утвержденного Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности статс-секретаря С.Ю. Витте. СПб., 1904;

Обзор деятельности Кабинета его императорского величества за 1906-1915 гг. Пг., 1916; Землеотводное и землеустроительное дело за Уралом в 1909 г. СПб., 1910; Итоги работ за последнее пятилетие (1900-1913). Главное управление землеустройства и земледелия. СПб., 1914; Статистико-экономические исследования переселенческого управления 1893-1909 гг. СПб., 1910; Отчет начальника Алтайского округа Действительного статского советника В.П. Михайлова по ознакомлению с Горным Алтаем в лето 1910 г. Барнаул, 1910; Ведомость селений Алтайского округа Бийского уезда, устроенных по закону 31 мая 1899 г. Барнаул, 1916.

18. См.: План работ переселенческого управления на 1908 г. СПб., 1908.

19. См.: Обзор деятельности Государственного совета в царствование государя императора Александра III, 1881-1894; Всеподданнейший отчет Председателя Государственного совета. СПб., 1895; Европейская и Азиатская Россия со включением губерний Прибалтийских и царства Польского, Кавказа, Сибири и Средней Азии. Губернии и области с их уездами и округами. СПб., 1888; Указатель изменений в распределении административных единиц в границах империи с 1860 по 1887 г. СПб., 1887; Исторические данные об образовании губерний, областей, градоначальств и других частей внутреннего управления империей, с указанием высших чинов этого управления в хронологическом порядке с 1 ноября 1902 г. СПб., 1902; Министерство внутренних дел, Департамент полиции исполнительный. 19 января 1875 г. Б.г.; Отчет по Земскому отделу: Краткий обзор его современной деятельности. 1861-1911. СПб., 1911; Материалы по учреждению Государственной думы 1905. Б.м., б.г.

20. Львов А.Л. Князья церкви // Красный архив. 1930. Т. 2. (39).

21. См.: Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901; Всероссийское православное миссионерское общество по поводу 25-летия его деятельности (1870-1895). СПб., 1895; Всероссийское православное миссионерское общество в 1914 г. М., 1916; Отчет переводческой комиссии православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве Св. Гурия в Казани в 1876 г. за 1906 г. Казань, 1906; За 1911-1912 гг. Казань, 1913; Иркутская духовная миссия в 1867 году. М., 1868; Ухтомский Э. О состоянии миссионерского дела в Забайкалье. СПб., 1902.

22. См.: Стенографический отчет Государственной думы: Доклады бюджетной комиссии 1913-1914 гг. Четвертый созыв. Сессия вторая. СПб., 1914. Доклад № 49; Раскладка государственной оброчной подати по сельским обществам и инородным управам Томского, Мариинского и Канского округов Томской губернии, произведенная

окружными по крестьянским делам присутствиями на основании Высочайше утвержденного 19 января 1898 г. именем Государственного совета на пятилетие 1898-1903 гг. Томск, 1899.

23. Витте С.Ю. Воспоминания. В 3-х т. М., 1960; Куломзин А.Н. Мемуары // ЦГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 203, 204; Дневник Государственного секретаря А.А. Половцева в двух томах. Т. 1. М., 1966.

24. Переписка С.Ю. Витте и К.П. Победоносцева (1895-1905) // Красный архив. М.; Л. 1928. Т. 5 (30). С. 101-102; Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина // Красный архив. М., 1924. Т. 5. С. 102-128; Из переписки П.А. Столыпина и Николая Романова // Красный архив. 1928. М.; Л. Т. 5. С. 80-88.

25. ЦГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739. Ч. 2.

26. Там же. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 203 и др.

27. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2036. Д. 112/2.

28. ЦГИА. Ф. 391. Оп. 4, 5.

29. ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1160 и др.; ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1358; ЦГАОР. Ф. 102. ДП-4, 1910 г. Д. 21.

30. ЦГАОР. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 150«а», 152, 221 и др.; Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1012 и др.

31. ЦГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 14. Ч. 2, 1896 г.

32. ЦГАОР. Ф. 915. Оп. 1. Д. 34; ЦГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 141.

33. Библиотека ЦГИА. Печатные записки. № 131; ЦГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5.

34. ЦГИА. Ф. 1291. Оп. 30, 31; ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 102.

35. ЦГИА. Ф. 1291. Оп. 30, 1903 г. Д. 183; ЦГАОР. Ф. 1788. Оп. 2-4.

36. ЦГИА. Ф. 1291. Оп. 84, 1896 г. Д. 15. Ч. 1, 2.

37. ЦГВИА. Ф. 1468, 1450; ЦГИА. Ф. 1284, 1291.

38. Там же. Ф. 468. Оп. 9. Д. 907-911, 1039-1055 и др.

39. Там же. Ф. 573. Оп. 3; Ф. 385. Оп. 11, 47.

40. Там же. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1325.

41. Там же. Ф. 796, 797; ЦГА ТАССР. Ф. 4; ЦГА БАССР. Ф. 218, 340; ГАИО. Ф. 50; ГАТО. Ф. 184; Библиотека ЦГИА. Печатные записки. № 3203 и др.

42. АГО. Разряд 57. Д. 66; Разряд 62. Д. 46; ГАКК. Ф. 217; РО ГБЛ. Ф. 369. Д. 42.2.

43. Библиотека ЦГИА. Печатные записки. № 2325, 2712.

44. ЦГИА. Ф. 1291. Оп. 84, 1896 г. Д. 15. Ч. 2.

45. Там же. Ф. 385. Оп. 16. Д. 8634.

46. Там же. Ф. 1291. Оп. 84, 1908 г. Д. 154.

ГЛАВА I

Аграрное законодательство и землеустройство народов Сибири

1. Динамика и национальный состав коренного населения Сибири

Исследование политики российского самодержавия в отношении коренных народов Сибири целесообразно начать с выяснения вопросов динамики и национального состава этих народов, ибо хорошо известно, что первая предпосылка всякой человеческой истории – это существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, – телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе. В России после падения в 1861 г. крепостного права в конечном итоге утвердился капиталистический способ производства, определяющий собой действие капиталистического закона народонаселения. В Сибири действие этого закона проявлялось в процессе преимущественного развития капитализма вширь⁷. Поэтому основные закономерности и особенности формирования и движения народонаселения региона были тесно связаны с положением Сибири как колонизируемой земледельческой окраины Российской империи.

Специальное изучение демографических процессов сибирского населения в период капитализма – одна из важных задач, стоящих перед исследователями Сибири⁸.

---

⁷ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 133.

⁸ Там же. С. 134.

Задача нашей работы представляет несколько иную постановку вопроса – дать обзор основных статистических данных о народах Сибири в период с 1861 по 1917 гг. и на этой основе охарактеризовать процессы динамики, национальный состав и т. д. коренного населения региона.

Для изучения этих вопросов необходимо, прежде всего, определить общую численность русского и коренного населения. Из табл. 1 видно, что высказанное в литературе мнение о том, что в начале XIX в. в Сибири «русские и местные народности имели примерно одинаковую численность», не подтверждается фактическим материалом. В то же время представляется обоснованным утверждение В.В. Воробьева, что в дальнейшем «в XIX в. с каждым годом преобладание русских становилось все заметнее»⁹. Данные табл. 1 указывают на рост численности коренного населения Сибири на протяжении всего XIX в. За 81 год с 1816 (7-я ревизия) по 1897 г. (1-я Всероссийская перепись) оно увеличилось с 220 тыс. душ м. п. до 413 тыс. душ м. п., или на 87,7 %. За этот же отрезок времени численность пришлого, главным образом русского, населения возросла с 651 тыс. душ м. п. до 2310 тыс. душ м. п., или на 354,8 %. Темпы прироста пришлого населения в 3,5 раза превышали темпы роста коренных народностей. Данное обстоятельство привело к снижению удельного веса аборигенов в общей численности народонаселения региона с 25 % в 1816 г. до 15 % в 1897 г., несмотря на увеличение их абсолютной численности. Важно подчеркнуть хотя и не высокие, но устойчивые темпы прироста численности коренных жителей, как в дореформенный, так и в пореформенный период. За время с 1816 по 1858 гг. они составили примерно 1 %, а с 1858 по 1897 гг. – 0,8 % в год. Эти цифры подтверждаются и расчетами, выполненными на основании сведений И.А. Асалханова¹⁰, согласно которым за 46 лет с 1851 по 1897 гг. численность коренного населения

⁹ Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. С. 96.

¹⁰ Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 16.

Сибири увеличилась на 47,6 % или примерно на 1 % в год. Чиновники военного ведомства в 80-х годах XIX в. ежегодный прирост мужского аборигенного населения определяли в 0,5 % в год¹¹.

Приводимые по второй половине XIX в. результаты получены, главным образом, путем сопоставления данных 9 и 10 ревизий с материалами первой переписи населения России 1897 г. Однако в исторической литературе существует и иная методика определения численности народностей Сибири, предложенная советским исследователем Б.О. Долгих¹². Согласно этой методике для определения общей численности коренного населения необходимо число плательщиков ясака умножить на коэффициент 4. Такая система подсчета, апробированная Б.О. Долгих на материалах XVII в., получила признание широкой научной общественности¹³. В нашем распоряжении имеются сведения о численности плательщиков ясака второй ясачной комиссии и казенных палат сибирских губерний соответственно за 1827 и 1887 гг. Произведя необходимые расчеты, увидим, что на этом отрезке времени численность аборигенного населения увеличилась примерно на 0,8 % в год¹⁴. Это был естественный прирост, ибо в отличие от XVII столетия, о котором пишет Б.О. Долгих, в рассматриваемый нами период «приток населения из-за рубежа»¹⁵ был практически исключен. Можно утверждать, что на протяжении всего XIX столетия коренное население Сибири обнаруживает тенденцию к увеличению численности примерно в 1-0,8 % ежегодного прироста.

Сложнее определить динамику аборигенного населения в начале XX в. Если в качестве нижней хронологической даты здесь можно использовать материалы

¹¹ РГ ВИА. Ф. 1648. Оп. 1. Д. 88. Л. 38.

¹² См.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 13-14.

¹³ История Сибири. Т. 2. Л., 1968. С. 17.

¹⁴ Рассчитано по материалам РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1055. Л. 42; Ф. 381. Оп. 47. Д. 458. Л. 70-71, 74-75, 86-89, 90-93, 94-95.

¹⁵ Долгих Б.О. Указ. соч. С. 16.

переписи 1897 г., то при определении источников сведений за военные 1914-1917 гг. встречаются существенные трудности. В материалах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. данные о сибирских аборигенах не выделены. Кроме того, сами составители материалов отмечали, что хозяйства кочевых аборигенов – большей части коренных жителей – «были переписаны не сплошь, а приблизительно», в 10 % общего числа, а наиболее удаленные и малочисленные местности Сибири не подвергались переписи совсем¹⁶. Бродячие аборигены переписчиками вообще не учитывались.

Существенными неточностями страдают и материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.¹⁷, в которых сведения о коренном населении Томской и Енисейской губерний вообще отсутствуют. Поэтому, думается, не случаен тот факт, что в ряде изданий, в которых хотя бы в какой-то степени рассматривается вопрос о численности аборигенного населения Сибири в конце XIX – начале XX вв., в качестве конечной даты берется 1897 г.¹⁸ Именно узость, а подчас и неточности используемых статистических сведений привели ряд отечественных и зарубежных исследователей вопроса к совершенно неверному выводу о вымирании аборигенов. Между тем, еще в досоветском сибиреведении существовали исследования, авторы которых, разделяя известные концепции областничества, к решению данного вопроса подходили с иных позиций и на базе широкого круга источников. Например, Н.Н. Козьмин, автор ряда исследований о хакасах, отмечал, что «по-видимому, миграция является главной причиной предположений о вымирании». С известной долей

¹⁶ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Петроград, 1917. Вып. III. Степной Край, Сибирь и Дальний Восток. С. 11, XVI.

¹⁷ Поездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи по 57 губерниям и областям. М., 1923; Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной поземельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям. М., 1921. С. 72-73.

¹⁸ История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954. Т. 1. С. 306, 308, 310, 311, 315; История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 78.

критики в адрес своих собратьев-областников Козьмин писал, что у них «население считается вымирающим не только тогда, когда претерпевает количественные изменения в сторону уменьшения. Племенная группа, утратившая язык, костюм, обычаи предков, считается вымершей»¹⁹.

Несмотря на отмеченные противоречия статистического материала, уже в первые годы советской власти Н.П. Огановским были выполнены расчеты, свидетельствующие об увеличении численности аборигенов и в период империализма. В качестве отправных данных Н.П. Огановскому послужили материалы переписи 1897 г. и цифровые данные из отчетов губернаторов 1911 г. Согласно его подсчетам, «у самых стойких и многочисленных инородцев» естественный прирост населения в конце XIX – начале XX в. составлял примерно 0,9 %²⁰. По мнению исследователя, «сельское инородческое население» Сибири за 17 лет (1896–1915 гг.) увеличилось на 150 тыс. человек, т. е. на 10 %. В соответствии с этими данными среднегодовой естественный прирост аборигенов исследователь определял в 0,6 %²¹, у русского и казачьего населения – 1,8 %. Результаты наших расчетов представлены в табл. 2. Ее материалы позволяют заключить, что за 14 рассматриваемых лет коренное население Западной Сибири возросло в среднем на 18 %, Восточной Сибири – на 12 %.

¹⁹ Козьмин Н. К вопросу о вымирании инородцев // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 100.

²⁰ Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. Омск, 1921. С. 39. Для расчета этого показателя Н.П. Огановский использовал цифровые данные по 12 сибирским губерниям и областям. С. Патканов материалы переписи 1897 г. считал в «высокой степени достоверными». Это утверждение не вызвало принципиальных возражений у последующих исследователей вопроса. Что же касается губернаторских отчетов, то В.И. Пронин показал возможность их использования «в вопросе определения общей численности населения». См.: Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 1. С. 141; Пронин В.И. Население Сибири за 50 лет (1863–1913) // История СССР, 1981. № 4. С. 56.

²¹ Огановский Н.П. Основные тенденции сельскохозяйственной эволюции в Сибири. ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 51. Д. 32. Л. 7.

Результаты определения показателей о ежегодном изменении численности коренного населения по губерниям представлены в табл. 3. Данные таблицы свидетельствуют, что в начале XX в. наблюдается рост численности аборигенов в пределах 0,9 % в год. Хотя темпы прироста русского населения были гораздо выше²², нельзя не признать наличие устойчивой тенденции увеличения коренного населения на протяжении всего XIX и начала XX вв. Более быстрые темпы прироста аборигенного населения были невозможны по ряду причин, в числе которых следует назвать высокую степень эксплуатации аборигенов самодержавием, эпизодические неурожаи и падежи скота, подрывающие основу благосостояния коренного населения. Немаловажную роль в сдерживании темпов прироста коренного населения Сибири играло и неудовлетворительное состояние системы медицинского обслуживания, высокая детская смертность. В 70-х гг. XIX в. у бурят Иркутского округа из 100 родившихся младенцев в живых оставалось только 23, в Балаганском округе – 26, в Верхоленском – 30. В Якутской области число детей, умерших в возрасте от младенчества до 5 лет по отношению ко всему числу умерших, составляло 32,6 %, в возрасте от 5 до 10 лет – 10 %²³. Иными словами, детская смертность была исключительно высокой.

Для изучения динамики аборигенов известное значение имеет установление не только численности, размещения, но и национального состава коренного населения. К сожалению, далеко не всегда можно точно определить национальный состав коренных жителей, удельный вес народности в общей массе народонаселения. Еще Б.О. Долгих отмечал²⁴ существующую путаность

²² В рассматриваемый период русское население Сибири увеличивалось в среднем на 5,6 % в год. Рассчитано автором по материалам: Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. С. 39.

²³ Сборник историко-статистических сведений о Сибири, о сопредельных с ней странах. СПб., 1876. Т. 1. Вып. 11. С. 97. Табл. 12. Проценты подсчитаны автором; Подсчитано автором по данным: Памятная книжка Якутской области за 1896 г. Якутск, 1895. Вып. 1. Ст. Территория и население. С. 12.

²⁴ Долгих Б.О. Указ. соч. С. 7.

в названиях различных групп и родов аборигенов. Для рассматриваемого нами периода суммарные сведения о численности и национальном составе аборигенов наиболее полно отложились в первой переписи народонаселения России 1897 г. Результаты анализа материалов переписи представлены в табл. 4. Они свидетельствуют, что более трети всей численности коренного населения приходилось на долю бурят, на втором месте следовали якуты, далее алтае-саянские народы (алтайцы, хакасы), эвенки, сибирские татары и т. д. Всего же за 250 лет, прошедших со времени присоединения народов Сибири к России и до начала XX в., численность бурят возросла примерно в 10,6 раза, якутов – 7,9, алтае-саянских народов – 6,5, татар – 3,1, хантов и манси – 1,5 раза. Приведенные цифры, разумеется, не означают, что у всех народностей и этнографических групп аборигенов прослеживается тенденция к увеличению численности. По сведениям Б.О. Долгих за этот же период времени численность юкагиров, ительменов, энцев не возросла, а наоборот, уменьшилась²⁵. Однако отнюдь не каждый факт сокращения численности аборигенов следует рассматривать под углом их вымирания. Известную роль в подобных случаях играли процессы миграции и ассимиляции, усиливающиеся по мере возрастания притока в Сибирь русского населения. Подтверждается это не только многочисленными свидетельствами современников²⁶, участниками различных обследований аборигенов²⁷, но и значительным распространением среди аборигенов русского языка и языка соседних народностей. Количество «иностранцев», признавших своим родным языком русский, по отношению ко всей численности коренных жителей данной губернии или области по материалам переписи 1897 г. выглядит следующим образом: Тобольская – 3,4 %, Томская – 22 %, Енисейская

²⁵ Рассчитано по материалам: Долгих Б.О. Указ. соч. С. 615–818.

²⁶ АГО. Разряд 57. Оп. 1. Д. 66; Разряд 62. Оп. 1. Д. 46.

²⁷ Волости и населенные места 1893 г. Вып. 12. Томская губерния. СПб., 1893. С. 68.

– 10,6 %. Иркутская – 12,2 %, Забайкальская – 13,3 %, Якутская – 0,1 %²⁸.

Можно констатировать, что на протяжении второй половины XIX в. и начала XX в. прослеживается увеличение численности аборигенов Сибири. Главной причиной роста численности большинства народностей и этнографических групп следует считать распространение между ними земледелия, возрастание оседлости, происходившие под влиянием русского крестьянства. Эти процессы быстрее протекали в районах более тесного общения аборигенного и пришлого, в подавляющем большинстве русского, населения.

Приросту аборигенного населения благоприятствовало и соотношение мужского и женского полов, которое у коренного населения в принципе не отличалось от русского (табл. 5). В целом у жителей Тобольской губернии в конце XIX в. на 100 мужчин приходилось 100,2 женщины, в Томской соответственно 100,4, Енисейской – 90,7, Иркутской – 87,6, Забайкальской – 78,3²⁹. По мере продвижения на восток численность женщин в народонаселении сокращалась. К началу XX в. соотношение полов в губерниях Сибири, особенно в восточных, несколько выравнивалось и стало более благоприятным для воспроизводства населения. На 1 января 1914 г. соотношение мужчин и женщин в составе населения было равным. В Томской губернии от количества жителей мужского пола женщины составляли 97,9 %, Енисейской – 95 %, Иркутской – 94,6 %, Забайкальской области – 90,3 %³⁰. Особенности исторического развития и естественного движения населения наложили отпечаток на возрастную структуру коренных жителей. У оседлого населения она в принципе не отличалась от русского. По материалам переписи 1887-1888 гг., у оседлых «иностранцев» Иркут-

²⁸ Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 1. С. 168-169.

²⁹ Соловьева Е.И. Указ. соч. С. 71.

³⁰ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири... С. 142; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. С. 54-56.

ской губернии возрастная структура приближалась к возрастной структуре пришлого населения. У аборигенов удельный вес детей в возрасте до 7 лет составлял 19,3 %, молодежи до 18 лет – 47,9 %. Взрослое население от 18 до 60 лет – 45,4 %, свыше 60 лет – 6,6 %³¹. В целом по Сибири удельный вес молодежи в этот период равнялся 46,6 %, свыше 60 лет – 7,8 %, от 20 до 59 лет – 45,8 %³².

У кочевых «инородцев» возрастная структура выглядела иначе. Дети до 7 лет составляли 14,3 %, молодежь до 18 лет – 34,1 %, старшая возрастная группа свыше 60 лет – 6,9 %. Подавляющее большинство принадлежало к так называемой рабочей группе от 18 до 60 лет – 58,9 %. Сравнивая соотношение возрастных групп детей в возрасте до 7 лет и молодежи до 18 лет оседлого и кочевого «инородческого» населения, нельзя не заметить, что у кочевников она была существенно ниже – соответственно на 5 % и 13,8 %³³. Следовательно, детская смертность у этой категории коренного населения по сравнению с оседлым была выше.

На протяжении всего XIX и начала XX в. доля аборигенов в общей массе народонаселения Сибири продолжала сокращаться, несмотря на увеличение их абсолютной численности. Подобное явление было вызвано интенсивным притоком пришлого населения, составившего в 1911 г. 87,8 % всего населения Сибири. Абсолютное большинство пришлого населения составляли русские – 84,7 %³⁴.

В силу исторических особенностей развития хозяйства и быта народов Сибири, преобладания сельского хозяйства (скотоводство, земледелие) и промыслов (охота, рыболовство) над другими видами хозяйственной деятельности, абсолютное большинство аборигенов проживало в сельской местности (табл. 6).

³¹ Подсчитано по материалам: ЦГВИА. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 112. Л. 4-28.

³² Соловьева Е.И. Указ. соч. С. 71.

³³ Подсчитано по материалам: ЦГВИА. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 112. Л. 4-28.

³⁴ Подсчитано по: Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 86-87.

Внутри сословий сельского народонаселения следует различать несколько категорий жителей: старожилы, переселенцы, казаки и аборигены. Соотношение между этими категориями в начале XX в. показано в табл. 7.

По официальным данным, в конце XIX в. среди основных сословных групп сельского народонаселения в губерниях Тобольской, Енисейской и Иркутской аборигены находились на втором месте после крестьян. В Томской губернии и Забайкальской области – на третьем. В этих районах на следующей за крестьянами позиции находились соответственно мещане и казаки³⁵. Все перечисленные сословные категории составляли основную массу сельского населения, среди которых в целом по Сибири крестьяне составляли 74 %, аборигены – 15,8 %, казаки – 4,6 %. На долю остальных жителей сельской местности приходилось примерно 5,6 %³⁶.

В начале XX в. территория Сибири делилась на 43 уезда. Распределение коренного населения по уездам этих районов представлено в табл. 8. Ее материалы дают представление о соотношении пришлого и коренного населения и расселении их по округам губерний и областей Сибири в конце XIX в. Сам процесс расселения аборигенов, равно как и внутренние миграции, был далеко не случайным явлением. С одной стороны, они обусловились историческими традициями, основными видами и способами хозяйственной деятельности, природно-климатическими особенностями зоны проживания. С другой – усилением притока переселенцев, под воздействием чего происходили процессы внутренней миграции. Так, например, в степной полосе Тобольской губернии – уездах Курганском, Ишимском – аборигены почти не проживали. По мере усиления потока переселенцев они

³⁵ Волости и населенные места 1893 г. Вып. 4. Иркутская губерния. СПб., 1894. С. 24; Вып. 11. Енисейская губерния. СПб., 1895. С. 45; Вып. 8. Забайкальская область. СПб., 1896. С. 38–39; Вып. 12. Томская губерния. СПб., 1914. С. 65–68; Вып. 10. Тобольская губерния. СПб., 1894. С. 55.

³⁶ Соловьева Е.И. Указ. соч. С. 73. См. также: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. 1. СПб., 1905. С. 184–187.

постепенно переселялись в район киргизских степей. В лесостепной полосе Ялуторовского и Тарского уездов удельный вес коренного населения колебался между 2,6 % и 7,4 %. В лесной полосе губернии – Тобольском, Туринском и Тюменском округах – коренное население составляло соответственно 20 %, 5,7 % и 9,7 %.

В Томской губернии, кроме Нарымского края, аборигены проживали преимущественно в южной и восточной частях края. Это были гористые местности, малопригодные для земледелия. В Бийском и Кузнецком округах коренные жители составляли примерно 14 и 17 % всего народонаселения. В остальной части губернии удельный вес коренных жителей был значительно ниже.

В Енисейской губернии аборигены селились преимущественно в степной западной части – Минусинском и Ачинском уездах. В этих местах их удельный вес был значительно выше (соответственно 13,3 % и 8,9 %), чем в остальных уездах. Однако наибольшее количество проживающих в Енисейской губернии аборигенов было сосредоточено в северном Туруханском крае – 71,7 % от всего народонаселения края.

В Иркутской губернии в большинстве округов количество проживающего коренного населения было велико. Его удельный вес колебался от 19,9 % в Иркутском и до 36,5 % в Верхоленском округах. Наиболее крупной народностью являлись буряты. Именно они определяли большой удельный вес коренного населения в Иркутском, Балаганском и Верхоленском округах. Кроме бурят, на севере губернии в Киренском округе проживали якуты, а в Нижнеудинском округе немногочисленное племя карагасов (тофаларов).

В Забайкальской области аборигены проживали большей частью в западных округах: Селенгинском и Верхнеудинском. Там они составляли соответственно 61,3 % и 31,1 % численности народонаселения этих административных единиц. В то же время в Нерчинско-Заводском округе аборигенов почти не было. Из предста-

вителей наиболее крупных народностей области следует отметить бурят и эвенков.

В Якутской области во всех округах, кроме Олекминского, коренное население значительно превышало пришлое. Самой крупной народностью были якуты, составляющие по переписи 1917 г. 87,1 % народонаселения края. Далее следовали русские – 6,2 %, эвенки – 4,9 %, различные малые народности³⁷.

Анализ таблицы показывает, что Сибирь не представляла собой единого этнографического целого. Как между губерниями и областями, так и внутри этих районов коренное население распределялось неравномерно – от 98,6 % в Вилуйском округе Якутской области до 1,1 % в Барнаульском округе Томской губернии. Характерно, что нельзя назвать ни одного округа (уезда), где бы совершенно отсутствовало коренное население. Существенное влияние на расселение аборигенов оказывали система ведения хозяйства, тесно связанная с почвенно-климатическими зонами, а также все возрастающий поток переселенцев, порождающий внутреннюю миграцию народонаселения.

2. Аграрное законодательство самодержавия и народы Сибири в пореформенный период (60–70-е гг. XIX в.)

В пореформенную эпоху Сибирь и ее население являлись неразрывной частью русского государства. Сложный и динамичный характер развития капиталистических отношений вширь оказывал непосредственное воздействие и на народности Сибири, что вело к упадку патриархально-феодалных отношений и возникновению капиталистического уклада. Хотя народы Сибири и не прошли стадию промышленного капитализма, а

³⁷ Соколов М.П. Якутия по переписи 1917 года. Вып. I и II. Иркутск, 1925. С. 100.

капиталистические отношения у них существовали подчас в примитивной форме, тем не менее это был определяющий социально-экономический процесс у бурят, алтайцев, хакасов, других народов, который постепенно проникал во все стороны жизни и деятельности аборигенов³⁸. Общность экономических и политических процессов России и Сибири предопределила и единство дворянско-крепостнических методов решения основного вопроса русской действительности середины XIX в. – аграрного. Именно поэтому в январе 1866 г. Государственный совет, принимая решение о преобразовании поземельного и административного устройства государственных крестьян 36 губерний Европейской России, поручил министрам государственных имуществ и внутренних дел представить предложения о возможности распространения этих положений на население губерний и областей, «на особом положении управляемых», в том числе и сибирских³⁹. В марте 1866 г. министр государственных имуществ А.А. Зеленый предписал сибирским генерал-губернаторам М.С. Корсакову и А.Д. Дюгамелю рассмотреть вопрос о возможности применения названного решения к государственным крестьянам Сибири⁴⁰.

Корсаков нашел «весьма полезным» распространение на сельское население Восточной Сибири Общего положения от 19 февраля 1861 г. Однако желания немедленно приняться за реформу не высказал, сославшись на «особенные условия» вверенного его управлению края и предложил предварительное обсуждение провести в губернских и областных советах⁴¹.

Около пяти лет тянулось в Иркутске это обсуждение, но так и не было завершено. В апреле 1871 г. Н.П. Синельников, сменивший незадолго до этого Кор-

³⁸ См.: Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос... С. 35–40.

³⁹ РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739. Ч.1. Л. 13–13 об., 80.

⁴⁰ Сб. главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1883. Вып. 1. Т. 6. С. 1–2.

⁴¹ См.: Дамешек Л.М. Аграрное законодательство самодержавия и народы Сибири в пореформенный период (60–70-е гг. XIX в.) // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск, 1984. С. 36–37.

сакова, ответил министру государственных имуществ, что распространение в полном объеме закона о поземельном устройстве от 24 ноября 1866 г.⁴² в Восточной Сибири «еще надолго будет неосуществимо»⁴³. Одну из основных причин этого генерал-губернатор видел в отсутствии в крае специального штата чиновников министерства государственных имуществ. Это приводило к тому, что заведование сельским русским и коренным населением «оставалось за губернскими и областными управлениями»⁴⁴. Нехватка чиновников порождала вопиющий произвол, совершенно извративший, по словам Синельникова, «понятие о законности как у управляющих, так и в населении»⁴⁵.

Генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель планируемые правительством преобразования признал вполне своевременными и нужными. Контроль за проведением будущей реформы он предлагал поручить вновь вводимому в крае институту мировых посредников. Предполагалось, что они будут действовать на основе положений 19 февраля 1861 г.⁴⁶

Обсуждение поставленных вопросов в губернских советах показало отсутствие у местной администрации четкой программы преобразований. Тобольский губернский совет считал необходимым распространить новое поземельное устройство только на русских крестьян и оседлых аборигенов. Поземельные отношения кочевых и бродячих «инородцев» рекомендовалось оставить без изменений, обязав лишь за пользование землей уплачивать душевой оброк – ясак.

Члены Томского губернского совета отказались рассматривать вопрос по существу, отметив, что введение нового поземельного устройства у русского и коренного

⁴² ПСЗ-2. Т. 41. № 43888. См.: Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 272-276.

⁴³ Сб. главнейших официальных документов... С. 12; ЦГИА. Ф. 1149. Оп. 12. Д. 30. Л. 2.

⁴⁴ Сб. главнейших официальных документов... С. 4.

⁴⁵ Там же, 1884. Вып. 1. Т. 1. С. 56.

⁴⁶ См.: Дамешек Л.М. Аграрное законодательство самодержавия... С. 36-37.

населения невозможно «до приведения... в известность межеванием земель».

Противоречивость суждений губернских советов сказалась и на заключении Главного управления Западной Сибири. В представлении в 1872 г. в министерство проведение реформы землеустройства русских и аборигенов рекомендовалось осуществлять «не вдруг, а постепенно». Распространение преобразований на кочевых и бродячих «иностранцев» не предполагалось. Административная реформа, связанная с введением в крае управления государственными имуществами, должна была предшествовать землеустройству⁴⁷.

Для рассмотрения предложений сибирской администрации по инициативе министра государственных имуществ П.А. Валуева в 1872 г. и была образована межведомственная комиссия под председательством барона Медема. Важнейшей ее задачей являлось обсуждение вопроса «в какой степени и на каких основаниях» возможно распространять на государственных крестьян Сибири положение указов 18 января и 24 ноября 1866 г. Комиссия обязывалась вынести рекомендации для организации будущего управления государственными крестьянами региона⁴⁸.

По указанию П.А. Валуева, комиссия начала свою деятельность с обсуждения плана работы. Составление его не являлось пустой формальностью, так как программе следовало придать четко выраженную экономическую и политическую направленность. Члены комиссии своей первоочередной задачей считали рассмотрение вопроса о целесообразности составления отдельных предложений для каждой части Сибири, возможности выработки единого проекта. План работы комиссии предусматривал определение тех категорий сельского населения, на которые следовало распространить будущие реформы. В этом аспекте особое внимание предполагалось уделить аборигенам. Важным был вопрос об очередности раз-

⁴⁷ РГИА. Ф. 385. Оп. II. Д. 6739. Ч. 1. Л. 242 об.-243, 247-248.

⁴⁸ РГИА. Ф. 385. Оп. II. Д. 6739. Ч. 2. Л. 8-10, 16, 25, 36.

работки законопроектов аграрных и административных преобразований.

Члены комиссии прежде всего отметили, что в рассматриваемый период области Севера управлялись на основе единого положения – «Сибирского учреждения» 1822 г. Они не отрицали существования некоторых особенностей в частях края, вместе с тем подчеркивали, что «инородцы» и вообще сельское население Восточной и Западной Сибири находятся в «одинаковом положении». Исходя из этого, рекомендовали «начертать общее для обеих частей Сибири положение», составление «отдельных правил об устройстве населения для Западной и Восточной Сибири» считалось нецелесообразным.

Члены комиссии формулируют свою позицию и в отношении оседлых и кочевых аборигенов. По их мнению, хозяйственный быт этих двух категорий «инородцев» ничем существенным не отличается от положения местных крестьян. Поэтому авторы проекта считали необходимым положение о поземельном и административном устройстве русского крестьянства «распространить в полной мере... на... оседлых и кочевых инородцев». Обосновывая целесообразность этого решения, члены комиссии руководствовались «экономическими и административными» соображениями.

Экономические выгоды правительства в случае утверждения проекта были несомненны. Поземельное устройство аборигенов на одинаковом с крестьянами «основании» должно было послужить не только «прямым средством для перехода инородцев к правильной оседлой жизни», но и «уравнению их с государственными крестьянами в отношении отбывания податей и повинностей»⁴⁹. Наиболее верным и доступным средством достижения поставленных целей должно было послужить точное определение границ кочевий коренных жителей. Поэтому члены комиссии предлагали провести поземельное устройство коренных жителей «тем же порядком», что и русского крестьянства. Ссылку на «административные соображения»

⁴⁹ РГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 456. Л. 1об.-2об.

следует понимать как прямой призыв к насильственному перечислению скотоводов в категорию оседлых жителей. Являясь одним из проявлений русификаторской политики, эта тенденция отражала не только экономические, но и политические интересы самодержавия. Стремление последнего к обрусению «иностранческого» населения окраин империи было традиционным. При рассмотрении программы поземельного устройства коренного населения комиссия столкнулась с необходимостью решения вопроса о правах аборигенов на занимаемые земли. В свете предполагавшегося землеустройства этот момент приобретал не только практическое, но и политическое значение. Сибирь со времени присоединения к русскому государству стала объектом эксплуатации, организованной центральной властью. Объявив себя сувереном и собственником земли, феодальное государство требовало за пользование землей уплату ренты продуктами⁵⁰. На практике это означало реализацию земельной собственности, ибо присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность. Поэтому высказанное отдельными членами комиссии мнение, что «в Сибирском крае есть земли, предоставленные царскими грамотами и указами целым обществам в давние времена, например бурятам», не было поддержано большинством участников обсуждения, которые предлагали такие земли рассматривать лишь как предоставленные в пользование⁵¹, но не в собственность. В конечном итоге комиссия постановила: «за исключением небольшого количества земель, всемиловейшее пожалованных частным лицам и удельному ведомству, вся масса земель в Сибири признается собственностью казны». Таким образом, государство еще раз заявило о своем праве на все сибирские земли, занимаемые аборигенами. Ввиду особенностей образа жизни бродячих аборигенов составители проекта считали «неудобным постановлять какие-либо правила о позе-

⁵⁰ См.: Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. М., 1956. С. 362.

⁵¹ РГИА. Ф. 385. Оп. II. Д. 6739. Ч. 2. Л. 380-381.

мельном и административном устройстве» этой категории коренного населения. Решение всех проблем, связанных с бродячими аборигенами, членам комиссии виделось «во времени», а «до тех пор» рекомендовалось «оставить их при настоящем порядке управления»⁵². Это означало признание царской администрацией своего бессилия в возможностях прогнозирования судьбы бродячих аборигенов.

Комиссия подвергала сомнению вывод сибирской администрации о первостепенности административных реформ над поземельным устройством, признав учреждение в Сибири особого управления государственными имуществами «крайне желательным». Основную задачу будущей системы управления члены комиссии видели в усилении надзора и попечительства. Таковы были исходные моменты комиссии Медема при разработке плана землеустройства сельского населения Сибири. Осуществление выдвинутых идей должно было упорядочить систему землепользования, повысить экономическую отдачу казенных земель, унифицировать землепользование русского и коренного населения, сильнее связать Сибирь с Россией. Итоговый проект реформы был представлен П.А. Валуеву через полтора года.

Авторы проекта указывали, что в Сибири оседлые аборигены, как и русские крестьяне, сохраняют все «предоставленные в надел и состоящие в их постоянном пользовании земли и угодья» в размере 15 десятин на ревизскую душу с прибавлением еще трех «на прибылые после ревизии души».

При определении размеров наделов кочевых «иностранцев» составители проекта руководствовались «экономическими и административными соображениями», конечной целью имевшими полное приравнивание коренного населения к русскому. Поэтому в качестве первоочередной задачи члены комиссии выдвинули предоставление кочевникам земли «на одинаковых основаниях с оседлыми иностранцами». В то же время проект учитывал

⁵² РГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 456. Л. 2об.-4об.

особенности хозяйственного быта этой категории населения Сибири. В нем подчеркивалось, что кочевникам во владение предоставляются «все действительно занимаемые ими под кочевья земли и угодья».

Авторы проекта были довольно последовательны в проведении принципа собственности государства на все земли, населенные аборигенами. Земельные наделы предоставлялись им при условии ежегодной уплаты в казну государственной оброчной подати. На право пользования землями и угодьями каждому сельскому обществу крестьян и оседлых аборигенов, а у скотоводов – кочевью, улусу или стойбищу предполагалось выдавать особый документ (акт), именуемый «владенной записью». До выдачи актов оброчную подать с крестьян и кочевых аборигенов следовало взимать на «существующем ныне основании»⁵³. По владенным записям земля должна была отводиться не отдельным лицам, а сельским или «иноподродческим» обществам. Следовательно, и повинности за пользование землей предполагалось взимать с общества. Принцип круговой поруки в отношении повинностей на практике приводил к фактическому закреплению крестьян и «иноподродцев» общиной.

В течение пяти лет после получения «владенных записей» крестьянам и аборигенам запрещалось «переступать земли лицам, не принадлежащим к тому же обществу». Лишь по истечении указанного срока предполагалось разрешить «отчуждать земли своего надела... не только общественникам, но и сторонним лицам». Однако права сельских и «иноподродческих» обществ на отчуждение находящихся в их пользовании земель авторы проекта оговорили целым рядом условий⁵⁴. Составление владенных записей предполагалось поручить чиновникам министерства государственных имуществ. Сроки составления записей определялись «не менее 10 лет».

⁵³ РГИА. Ф. 385. Оп. II. Д. 6739. Ч. 2. Л. 478-480об., 449.

⁵⁴ См.: Дамешек Л.М. Аграрное законодательство... С. 44-45.

Размеры государственной оброчной подати предполагалось фиксировать во владенных записях. За основу обложения брался «нормальный размер подесятинного оклада», устанавливаемый для каждой местности с учетом мнения сибирской администрации. Чиновникам министерства государственных имуществ предоставлялось право «по местным хозяйственным выгодам или невыгодам отдельных селений и мест увеличивать или уменьшать на 20 % общую сумму оброчной подати, исчисленную с таковых селений по нормальным подесятинным окладам»⁵⁵. Предполагалось, что размер оброчной подати не должен изменяться в течение первых 20 лет со дня издания настоящих правил. Крестьянским и «иностранческим» обществам разрешалось выкупать находящиеся в их пользовании земли в частную собственность посредством взноса в губернское или уездное казначейство суммы, процент с которой равнялся бы сумме оброчной подати, говоря иными словами, суммы, равной капитализированной оброчной подати. Выкупленные таким образом земли предоставлялись в «полную собственность их владельца...»

Таковы были основные положения проекта о поземельном устройстве крестьян и аборигенов Сибири. Эта программа была сформулирована в период, когда выдача владенных записей на территории Европейской России была по существу завершена. Сравнивая положение крестьянской реформы 1861 г. с проектом комиссии Медема, можно заключить, что они близки по духу. И.А. Асалханов справедливо отмечает буржуазный характер проекта комиссии⁵⁶. Думается, что в основе этого совпадения лежит общая направленность внутри-политического курса самодержавия, которое в середине 60–70-х гг. было вынуждено заняться подготовкой и проведением серии реформ, носивших буржуазный характер.

В мае 1874 г. министр государственных имуществ П.А. Валуев потребовал от генерал-губернаторов Западной и

⁵⁵ РГИА. Ф. 385. Оп. II. Д. 6739. Ч. 2. Л. 474, 485.

⁵⁶ Асалханов И.А. Об аграрной политике царизма... С. 86.

Восточной Сибири обсудить предложение комиссии Медема. Особое внимание предписывалось уделить вопросам о разделении сибирских губерний на земледельческие и не земледельческие зоны, определению размеров поземельного оброка и ясачного сбора с «иностранческих селений» с указанием, «какая часть онаго причитается собственно за пользование землею».

В Западной Сибири сбор необходимых данных тянулся 3 года. В конечном итоге для рассмотрения собранных сведений была образована комиссия, представившая свое заключение в министерство. Однако Петербург резко отрицательно оценил ее «труды». Министерство, как отмечалось в документе, «не могло не убедиться в совершенной недостаточности и ошибочности собранных сведений», что повлекло за собой «неточность и гадательность» сделанных комиссией выводов⁵⁷.

В Восточной Сибири комиссия в составе чиновников Главного управления была образована в конце 1875 г. Ее возглавил начальник окружного штаба генерал-майор Мосолов. Свое заключение по проекту Медема в комиссию Главного управления представили Иркутский губернский, Забайкальский и Якутский областные советы. Енисейский губернский совет «ни одного вопроса в ясной форме не разработал» и ограничился лишь общими замечаниями⁵⁸.

Наиболее обстоятельным является проект Иркутского совета. В начале проекта дается общая характеристика коренного населения губернии, отмечается, что «условия экономического их быта и занятий тождественны с крестьянским населением. Поэтому... нет основания оставлять их при прежнем поземельном устройстве и платеже ясака». Губернский совет считал «полезным и необходимым» применить новое поземельное устройство к оседлым и к кочевым «иностранцам». Кроме экономических последствий, эта мера должна была оказать известное воздействие и на распространение христианства

⁵⁷ ТФ ГАТО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 146. Л. 25.

⁵⁸ ГАИО. Ф. 24. К. 2036. Оп. 9. Д. 119 1/2. Л. 900, 907.

среди бурят. По мнению царских чиновников и миссионеров, перекочевки аборигенов мешали распространению православия. Отсюда следовал «логический» вывод – нужно было если не запретить, то, по крайней мере, существенно ограничить их. Исходя из таких соображений, губернский совет рекомендовал наделять кочевников землей «в тех же размерах и с теми же условиями в платеже оброчной подати», что и русских крестьян. Правда, замена ясака оброчной податью влекла за собой увеличение размеров платежей с 43 198 тыс. до 60 505 руб. Однако это обстоятельство нисколько не смущало членов совета. Единственная оговорка, сделанная ими, касалась принадлежности предполагаемой ко введению оброчной подати. Поскольку ясак, уплачиваемый «иностранцами», поступал в Кабинет, то и будущая подать должна была поступать туда же⁵⁹. Вопрос о перечислении оброчной подати, уплачиваемой за пользование земель, в государственное казначейство даже не ставился. По существу это означало признание противоположности финансовых интересов казны и Кабинета.

Авторы проекта Забайкальского областного управления утверждали, что «одной из главных причин, удерживающих инородцев от перехода в оседлое состояние», является меньший, по сравнению с оброчной податью, размер ясака. Руководствуясь стремлением «подвинуть инородцев к скорейшему переходу», составители проекта предлагали уравнивать аборигенов «насколько позволят их особенности быта» в размерах землевладения с крестьянами. Поскольку земледелие у коренного населения области являлось подсобным занятием, а главная роль в хозяйстве принадлежала скотоводству, предлагалось наделить бурят и эвенков наделом в 36 дес. Наделение земельными угодьями рекомендовалось проводить не по родам, а по отдельным стойбищам и улусам. Ясак предлагалось преобразовать в поземельную подать «сообразно достоинству инородческих земель». Ввиду низ-

⁵⁹ ГАИО. Ф. 24. К. 2036. Оп. 9. Д. 119 1/2. Л. 741-742 об.

кой платежеспособности аборигенов, размер будущей подати за землю предлагалось установить в четвертую часть крестьянского оклада. Иными словами, в проекте делались попытки учесть некоторые особенности развития хозяйства и быта коренного населения.

Однако такой подход разделялся не всеми членами областного присутствия. Вице-губернатор Берестов считал более целесообразным наделить бурятское население землей и обложить поземельным налогом наравне с русскими крестьянами. Обрусительный пыл этого администратора шел настолько далеко, что он предлагал «всех инородцев, живущих между русским населением, перечислить в сословие государственных крестьян с равно количественным душевым наделом». Органы управления аборигенами, введенные «Уставом об управлении инородцев», Берестов советовал упразднить, введя вместо них волости «на общем основании с крестьянами». Даже военный губернатор области И.К. Педашенко назвал эти предложения слишком крутыми⁶⁰.

В Якутской области решающую роль в разработке проекта сыграл областной землемер Зенков, предложивший провести землеустройство кочевых «инородцев» Якутского, Вилюйского и Олекминского округов. Бродячих аборигенов Верхотурского и Колымского округов рекомендовалось оставить при старых порядках землепользования и отбывания повинностей. Согласившись с рекомендациями Зенкова, члены областного присутствия в то же время в качестве важнейшей превентивной меры землеустройства выдвинули требование приведения в известность «инородческих» земель, о чем местная администрация имела самое приблизительное представление⁶¹. Однако осуществление этого предложения требовало длительного времени и немалых денежных затрат. Кроме того, незадолго до этого Главное управление Восточной Сибири приняло решение о нераспространении на Якут-

⁶⁰ ГАИО. Ф. 23. К. 2036. Оп. 9. Д. 119 1/2. Л. 92об.-93, 87, 98-100.

⁶¹ Там же. Л. 64-69.

скую область общего положения о крестьянах⁶². Поэтому предложения Якутского областного правления о реформе землеустройства не были приняты во внимание при составлении итогового заключения. Остальные проекты были переданы в комиссию Мосолова.

Общим для них было то, что вопрос о передаче земель аборигенам в собственность – одна из основных идей комиссии Медема – не вызвал разногласий. Объединяло их и убеждение губернских чиновников в необходимости ограничения размеров «иностранческого» землепользования.

В мае 1879 г. комиссия Восточной Сибири представила в Главное управление свои заключения по рассмотренным проектам. В целом предложения Петербургской комиссии Медема местные авторы оценивали довольно скромно и представили на него множество поправок и замечаний. Наиболее важным из них было предложение о порядке и нормах наделения аборигенов землей. Если оседлых «иностранцев» предлагалось уравнивать с крестьянами в размерах землепользования и наделить участком в 15 дес., то кочевникам рекомендовалось предоставить надел в 30 дес. удобной земли.

Особенно внимательно комиссия изучала вопрос о плате за пользование землей. Разделяя идею комиссии Медема о предоставлении аборигенам ограниченного права пользования находящейся в их распоряжении землей, сибирские реформаторы вместе с тем совершенно четко отмечали разницу между государственными сборами и ясачным платежом. Ясак, по их мнению, составлял «совершенно особый предмет от оброчной подати» и скорее должен был заменить подушную, но не оброчную подать⁶³.

В связи с планируемым уравниванием податных обязанностей русского и аборигенного крестьянства комис-

⁶² Майнов И.И. Русские крестьяне и оседлые иностранцы Якутской области. СПб., 1917. С. VI.

⁶³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2036. Д. 119 1/2. Л. 959, 980.

сия рекомендовала обязать «инородцев» платить оброчную подать за пользование землей.

Рекомендовалось установить такой размер налога, «который не был бы обременительным для инородцев и представлял бы выгоду казне». В целом по Восточной Сибири проектируемая оброчная подать в 4,5 раза превышала размеры ясачных платежей аборигенов. Реальное значение проектируемых окладов можно проиллюстрировать следующими показателями. По официальным данным за 1879 г., ясачные поступления в Иркутской губернии составляли лишь 87 %, в Енисейской – 67 %, в Забайкальской области – 75 % оклада⁶⁴. Предлагаемое Советом Главного управления увеличение размеров податных платежей неминуемо повлекло бы за собой полное разорение коренного населения. Рассуждения членов комиссии Мосолова о «необременительности» будущего оклада для аборигенов нельзя назвать иначе, как лживыми и лицемерными. В данном случае на первом месте у чиновников стояли выгоды казны и Кабинета, интересы аборигенов предавались забвению.

В начале 1880 г. предложения совета Главного управления Восточной Сибири были представлены в Министерство государственных имуществ. Однако вскоре новый генерал-губернатор А.Г. Анучин попросил вернуть проект, считая «полезным лично ознакомиться с этим делом...»⁶⁵. Просьба Анучина была удовлетворена, однако к рассмотрению законопроекта землеустройства народов Сибири местная и центральная администрация вновь обратилась уже в иную эпоху.

Появившиеся в пореформенный период проекты аграрного законодательства и землеустройства народностей Сибири несли в себе идеи буржуазного характера, предусматривавшие предоставление аборигенам ограниченного права собственности на занимаемые земли. Осуществление этой программы должно было стимулировать

⁶⁴ Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск, 1983. С. 112.

⁶⁵ ЦГИА. Ф. 385. Оп. 16. Д. 8634. Л. 4-4об., 10об.

в хозяйстве и быту нерусских народов развитие капиталистических отношений и привести к упадку родовых связей. Землеустройство коренного населения по аналогии с русским крестьянством повлекло бы за собой усиление трудовых и бытовых контактов этих народов, укрепление связей «исторического ядра» и окраин государства.

В то же время следует подчеркнуть, что в основе всех осуществляемых и прогнозируемых в отношении народов Сибири мероприятий лежали имперские интересы внутренней политики, обусловленные стремлением к сохранению и упрочению монархии и связанного с ней общественного строя.

3. «Инородческий вопрос» в аграрном законодательстве в эпоху политической реакции и кризиса империи (80-е гг. XIX в. – 1917 г.)

Общий характер аграрного строя России на рубеже 80-х гг. определялся господствующими в стране закономерностями капитализма. Это, однако, не означало отсутствие депрессоров, сдерживающих рост капиталистического производства. И после падения крепостного права в России сохранялись крепостнические пережитки

После исчерпания второй революционной ситуации аграрная политика российского самодержавия характеризуется ярко выраженной продворянской направленностью⁶⁶. В русле дворянско-крепостнического курса формировалась и аграрная политика царизма в Сибири. Правда, на протяжении пореформенного периода в этой политике можно было заметить и некоторые вынужденные отступления⁶⁷, однако в целом эпоха политической реакции оказала непосредственное влияние на развитие основных направлений аграрной политики самодержавия на Востоке.

Известное место в этой политике занимал «инородческий вопрос». Его значение определялось местом хозяй-

⁶⁶ Симонова М.С. Борьба течений в правительственном лагере по вопросам аграрной политики в конце XIX в. // История СССР. 1963. № 1. С. 65, 66.

⁶⁷ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 110.

ства аборигенов в аграрном строе зауральского региона и той ролью, которая отводилась царизмом нерусским народам в социально-экономическом развитии края. В связи с подготовкой землеустроительных работ и массовым переселением крестьян в Сибирь правительство все пристальнее вглядывалось в состояние дел по землепользованию коренного населения. Этот интерес поддерживался прежде всего надеждами на значительные земельные изъятия у «иностранцев» для образования переселенческого фонда. При этом правительство руководствовалось убеждениями о том, что занятые аборигенами земли являются собственностью казны и Кабинета и лишь находятся в «бессрочном пользовании иностранцев»⁶⁸.

Немаловажную роль в формировании основных аспектов аграрной политики по отношению к аборигенам играло все возрастающее с 80-х гг. стремление к обрушению «иностранцев». Изменение форм хозяйствования и экономического быта аборигенов рассматривалось правительством как важная предпосылка к слиянию нерусских народов «с коренным (русским. – Л. Д.) населением» империи⁶⁹. Такой подход породил серию законодательных актов, регламентирующих вопросы землепользования, нормы наделов и т. д. коренного населения Сибири.

Как уже отмечалось, разработанный сибирскими властями проект аграрной реформы в 1880 г. был выслан по просьбе генерал-губернатора А.Г. Анучина из Петербурга в Иркутск. Там он пролежал без всякого движения до 1885 г. Сменивший Анучина А.П. Игнатьев в июне 1886 г. сообщил министру государственных имуществ М.Н. Островскому: «Вступив в прошлом году в управление Восточной Сибири, я обнаружил, что дело это с 1880 г. до прибытия моего в Иркутск осталось без всякого движения»⁷⁰. А.Т. Топчий подобную медлительность в рассмотрении

⁶⁸ Библиотека РГИА. Печатные записки. № 2888. Всеподданнейший отчет о состоянии Томской губернии за 1884 г. Л. 5.

⁶⁹ Там же. Записка № 4. Записка, найденная в делах Н.Х. Бунге. 1881-1894. С. 18.

⁷⁰ РГИА. Ф. 385. Оп. 16. Д. 8634. Л. 50.

проекта объясняет тем, что предложения комиссии Медема и Мосолова существенно разнились между собой⁷¹. Думается, однако, причиной были иные мотивы.

В начале 80-х гг. власть оказалась в руках очень могущественной, сплоченной партии непреклонных сторонников самодержавия. Начавшаяся эпоха контрреформ сопровождалась серией реакционных законодательных актов и правительственных распоряжений, имевших целью ограничение последствий буржуазных преобразований 60-х гг. Становилось очевидным, что в этих условиях о продвижении проектов комиссий Медема и Мосолова, содержащих, хотя бы и в ограниченном объеме, идеи буржуазных преобразований, не могло быть и речи.

Необходимо отметить и еще одно обстоятельство. В Восточной Сибири разработка проектов аграрных законов для аборигенов получила определенный общественный резонанс. По распоряжению министра государственных имуществ с проектами будущей реформы были ознакомлены доверенные хоринских и агинских бурят Забайкальской области. В докладной записке в министерство они настолько резко отозвались о законопроекте, что М.Н. Островский вынужден был признать эти замечания «заслуживающими внимания» и предписал Анучину «иметь их в виду» при разработке будущих проектов землеустройства «иностранцев»⁷². Думается, что вышеназванные два обстоятельства явились решающими факторами, предопределившими судьбу разработанных в середине 70-х гг. законопроектов.

К новой разработке проектов землеустройства крестьянства Сибири правительство и местная администрация обратились в конце 80-х гг. В 1885 г. А.П. Игнатьев образовал особую комиссию, которой поручалось рассмотреть вопрос о поземельном устройстве крестьян и аборигенов. В состав комиссии вошли гражданские губернаторы, управляющие казенными палатами, другие чиновники. Представляя в 1886 г. в министерство свои

⁷¹ Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861-1899). Томск, 1979. С. 190.

⁷² РГИА. Ф. 385. Оп. 16. Д. 8634. Л. 8-13 об., 21об., 29.

предложения, Игнатъев отмечал «неотложную» необходимость «правильного поземельного устройства населения». Генерал-губернатора особенно беспокоили «начинающиеся укореняться в населении превратные понятия... о количестве находящейся в его пользовании земли и объеме прав на нее», так как крестьяне и аборигены считали землю своей собственностью.

Одновременно с этим в Комитете Министров слушался отчет Игнатъева по управлению краем за 1885-1886 г., в котором прямо ставился вопрос о «справедливости и необходимости сохранения того исключительного положения», в каком, по мнению генерал-губернатора, находились аборигены со времени принятия устава 1822 г.⁷³ Однако предложения Игнатъева не были рассмотрены. Министерство не располагало необходимыми материалами для суждений об «экономическом быте» сибирского крестьянства. С целью подготовки будущего землеустройства было организовано обследование сибирских губерний конца 80-х гг., результаты которого хорошо известны⁷⁴.

Дальнейшая судьба законопроектов по землеустройству сельского населения Сибири находилась в неразрывной связи с разработкой правительством аграрной политики для Европейской России с одной стороны, и процессом развития капитализма вширь – с другой. Примерно с середины 80-х гг. развитие капитализма вширь стало протекать быстрее, возросли темпы переселения в Сибирь. Если в период с 1861 по 1885 г. в Сибирь ежегодно переселялось около 12 тыс. человек, то в 1886-1895 гг. – свыше 39 тыс. человек⁷⁵. Возрастающий поток переселенцев выявил наметившееся в районах массовой крестьянской колонизации малоземелье.

Бедственное положение крестьян Европейской России, трагические последствия неурожайных лет и голода

⁷³ РГИА. Ф. 385. Оп. 16. Д. 8634. Л. 50б., 51об., 56.

⁷⁴ Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Материалы по исследованию хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний.

⁷⁵ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири... С. 116.

1891-1892 гг. — все это вынудило правительство в самом начале 90-х гг. приступить к очередному пересмотру действующего законодательства о крестьянах⁷⁶. Именно в это время иркутский генерал-губернатор А.Л. Горемыкин представил в Министерство государственных и земельных имуществ свой проект «Положения о поземельном устройстве в Иркутской и Енисейской губерниях».

Проект Горемыкина неоднократно анализировался исследователями. Последующий этап обсуждения законопроектов до их утверждения Николаем II в 1896 г. также описан сибиреведами⁷⁷. Поэтому отметим, что иркутский генерал-губернатор являлся сторонником землеустройства как оседлых, так и кочевых «иностранцев». Замечание это важно не только для уяснения позиции Горемыкина в вопросах землеустройства нерусского населения. Дело в том, что почти одновременно с появлением проекта Горемыкина Николаем II была образована специальная межведомственная комиссия под председательством министра государственных имуществ А.С. Ермолова, в задачу которой входило рассмотрение всех имеющихся в министерстве проектов сибирского землеустройства. Итоговый проект этой комиссии и был внесен на обсуждение Государственного Совета в 1895 г. По этому проекту земельное устройство, наряду с русским крестьянством, получали оседлые «иностранцы». Кочевые и бродячие «иностранцы» из сферы действия законопроекта исключались. Однако по настоянию Горемыкина Государственный Совет принял решение о распространении законов о землеустройстве и на кочевых аборигенов. Утвержденное Николаем II, положение «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и иностранцев...»⁷⁸ приобрело силу закона 23 мая 1896 г. В июне 1898 г. были утверждены «Правила о порядке определения земельных наделов...»⁷⁹

⁷⁶ Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л., 1984. С. 46.

⁷⁷ Топчий А.Т. Указ. соч. С. 192; Корнева Г.А. Указ. соч. С. 20; Асалханов И.А. Об аграрной политике... С. 88.

⁷⁸ ПСЗ-З. Т. 16. № 12998.

⁷⁹ Там же. Т. 18. Отд. 1. № 15539.

Таким образом, прошло три десятилетия со времени решения Государственного Совета о распространении на Сибирь положения о поземельном и административном устройстве государственных крестьян 36 губерний Европейской России, прежде чем такие законы были приняты. Главную причину длительной задержки разработки законов о землеустройстве следует видеть в борьбе внутри правительственного лагеря различных дворянско-помещичьих группировок по вопросам аграрной политики в стране в целом. В Сибири, где аграрная политика рассматривалась правительством как производная от курса, выработанного для Европейской России⁸⁰, эти перипетии борьбы находили непосредственное выражение в появлении различных законопроектов. Разумеется, при этом не следует забывать и о своеобразных природно-климатических и исторических особенностях развития региона, инертности администрации, наложивших известный отпечаток на формирование аграрной политики.

Не подлежит сомнению внешняя связь сибирского аграрного законодательства с крестьянской реформой 1861 г. Однако разница в общественно-политической ситуации в стране – эпоха буржуазных реформ 60-70-х гг. и контрреформ 80-90-х гг. – существенным образом сказалась на содержании разрабатываемых законопроектов. Непосредственным толчком, заставившим самодержавие в несколько лет завершить разработку затянувшихся законопроектов, явилось резкое обострение аграрного кризиса в Европейской России, совпавшее по времени с подъемом рабочего движения, несущего в себе качественно новые черты. В этой сложной ситуации выход из создавшегося положения правительство видело в переселении малоземельных крестьян на окраины и поэтому поспешило завершить разработку законопроектов.

На всех этапах разработки реформы в ней присутствовал «иностранческий вопрос», однако решался он по-разному. В конечном итоге правительство решило урав-

⁸⁰ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма... С. 110.

нять оседлых и кочевых аборигенов в отношении прав и размеров землепользования с русскими крестьянами. Подоплеку такого решения следует видеть в фискальных и ассимиляторских интересах самодержавия.

В соответствии с законодательными актами 1896 и 1898 гг. землеустройству, наряду с русскими крестьянами, подлежало нерусское оседлое и кочевое население Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний. Наделы следовало отводить «сельским обществам, а равно селениям крестьян и тех инородцев, которые не принадлежали к числу бродячих». Данный закон не распространялся на «инородцев» Забайкальской области, «бродячих» аборигенов Березовского и Сургутского округов Тобольской, Нарымского края Томской, Туруханского края Енисейской губерний и земли Кабинета⁸¹. В законе нигде прямо не говорилось о собственности казны на земли, занимаемые крестьянами и «инородцами», однако по существу все его содержание исходило из этой идеи. По мнению Г.А. Корневой, такой подход был вызван опасением законодателей, что «категоричная формулировка закона вызовет активное противодействие крестьян, призывших считать землю своей на основе обычного права»⁸². Земельные наделы русским и аборигенам отводились в пользование, а не в собственность. На право пользования наделом выдавался «особый акт, именуемый отводной записью». За пользование землей крестьяне и инородцы обязывались «вносить в казну определенный законом платеж, под названием государственной оброчной подати». Размеры земельного надела и повинности за него должны были фиксироваться в отводных записях. Законом размер надела определялся в 15 дес. «на наличную мужского пола душу». В случае, если отводимый надел был менее установленной нормы, то он «мог быть увеличен, но не свыше упомянутого размера» при условии, «когда такая прирезка окажется возможною». Уже в самой этой фор-

⁸¹ ПСЗ-З. Т. 16. № 12998.

⁸² Корнева Г.А. Указ. соч. С. 24.

муле в завуалированном виде выражалась конечная цель землеустройства – отрезки крестьянских и «инородческих» наделов для формирования переселенческого фонда. Ст. 9 дополняла и конкретизировала это положение. Если отводимые земельные наделы превышали 15 дес., то излишки земли могли быть оставлены только в том случае, если поселяне согласятся «допринять такое число членов, какое будет соответствовать излишине отводимому количеству земли...» Лесные наделы отводились «по мере возможности» в пределах 3 дес. на душу. За пользование ими крестьяне и «инородцы» обязывались уплачивать в казну особый лесной налог⁸³.

Важные дополнения Главных оснований 1896 г., касающиеся нерусского населения, содержали правила 4 июня 1898 г. Ст. 2 раздела II правил предоставляла министру земледелия и государственных имуществ право приостанавливать «применение узаконений об отводе наделов тем кочевым инородцам..., поземельное устройство которых по условиям их быта признано будет преждевременным». Это отступление от традиционной практики насильственного перевода кочевников в разряд оседлых земледельцев объясняется опасением потенциально возможных антиправительственных выступлений аборигенов, не раз вспыхивавших в предшествующий период. В данном случае объективно прогрессивная идея перехода кочевников на положение оседлых земледельцев извращалась реакционными политическими целями самодержавия.

Логическим продолжением и дополнением этих аграрных законоположений явился закон 19 января 1898 г. «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчною и поземельною податями»⁸⁴. Он более четко, чем главные основания 1896 г., выразил убеждение законодателей в незыблемости прав государства на сибирские земли. «Взамен отменяемых душевых сборов,

⁸³ ПСЗ-3. Т. 18. № 14908.

⁸⁴ . Отд. 1. № 14908.

– говорилось в ст. III, – *взимать за отведенные от казны земельные наделы государственную оброчную подать...*»

31 мая 1898 г. было принято «Положение о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся в Алтайском округе на землях Кабинета е.и.в.». Применительно к коренному населению округа закон провозглашал те же принципы землеустройства, что и главные основания 1896 г. для аборигенов четырех сибирских губерний. Разница состояла лишь в том, что в данном случае право собственности на землю сохранялось за Кабинетом – главным финансовым органом коронной фамилии, а не государством. Ст. 14 закона подчеркивала, что «недра земли, отведенные в надел крестьянам и инородцам, считаются собственностью Кабинета», который сохранял за собой право разработки вновь открытых рудников и копей. Наделяемому же населению закон гарантировал лишь соответствующее «вознаграждение... за отходящие от них под горные разработки земли»⁸⁵.

Новый закон распространялся только на оседлое и кочевое население Горного Алтая. Так называемые «бродячие инородцы» не подлежали землеустройству. Закон предусматривал после окончания землеустройства перечисление кочевых инородцев в категорию оседлых. Это положение свидетельствует об активизации ассимиляторских тенденций в политике царизма в конце XIX в. В царском законодательстве этого периода четко отразилось наметившееся изменение. Не случайно примечание 2 к ст. 26 «Положения об инородцах» 1912 г., в отличие от примечания 1 1892 г., гласило следующее: «В губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской кочевые инородцы, получив поземельное устройство, при выдаче им отводных записей перечисляются в разряд оседлых»⁸⁶.

Аграрные законы конца XIX в. распространялись на территорию 4-х сибирских губерний. Забайкальская область под их действие не попадала. Однако еще при раз-

⁸⁵ ПСЗ-З. Т. 19. Отд. 1. № 16991.

⁸⁶ Свод законов Российской империи. Т. II Изд. 1892 г.

работке главных оснований 1896 г. предполагалось распространить их действие на этот регион. По мнению А.Н. Куломзина, необходимость издания землеустроительного закона для Забайкалья диктовалась тем обстоятельством, что среди местного бурятского населения широко «укоренилось» вредное убеждение в незыблемости их прав на занимаемые земли⁸⁷. Поэтому по указанию Куломзина для членов комиссии по исследованию землепользования области была составлена специальная «Записка о земельных правах Забайкальских инородцев».

По мнению авторов документа, до 20-х годов XIX в. русское законодательство почти не касалось земельных прав сибирских аборигенов, а правительственные предписания на этот счет ограничивались требованиями «не стеснять инородцев» в земельном отношении. Подобную индифферентность властей авторы записки объясняли тем «незначительным интересом, который представлял для правительства тот или другой характер землепользования инородцев», занимавших «отдаленную от центра политической жизни территорию».

По мере земледельческого освоения сибирских территорий стал сказываться недостаток пригодных для хлебопашества земель. Именно тогда правительство принимает первые шаги по ограничению «инородческого» землепользования. Небезынтересно отметить, что такие действия составители записки видели в мерах правительства по ограничению перекочевков и привлечению аборигенов к оседлости. Это признание наглядно иллюстрирует лживый и лицемерный характер заявлений царских властей о якобы гуманных целях перевода кочевников на положение оседлых земледельцев. Как бы подтверждая это, авторы документа отмечали, что Устав 1822 г. рассматривал землепользование сибирских аборигенов как срочное, находившееся у них в пользовании «лишь во время пребывания их в кочевом состоянии», а сами составители устава отнюдь не имели «в виду предоставлять ино-

⁸⁷ ЦГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 204. Л. 101.

родцам право собственности на занимаемые ими земли...» Исходя из этой посылки, авторы записки признавали за нерусским населением области лишь «право пользования землею», собственником которой считалось государство. Конечный вывод составителей документа полностью соответствовал правительственному подходу к вопросам землеустройства конца XIX в.: «при введении в Забайкалье поземельного устройства, — гласил он, — инородческое население подлежит наделению землею на общих основаниях, которые для сего будут выработаны»⁸⁸.

Вскоре такие «основания» были разработаны и получили форму закона 5 июня 1900 г. «Об утверждении главных оснований поземельного устройства населения Забайкальской области»⁸⁹. Новый документ имел два существенных отличия от ранее принятого законодательства. Во-первых, максимальная норма надела для аборигенов области определялась не в 15, а в 30 дес. при условии, что «такое увеличение будет признано необходимым...» Во-вторых, он не требовал обязательного перечисления кочевников в категорию оседлых. В то же время в законе подчеркивалось, что «кочевые инородцы Забайкальской области получают поземельное устройство, хотя бы перечисление их в разряд оседлых не могло быть осуществимо немедленно». Это положение неопровержимо свидетельствует о том, что новый закон, как и прочие законодательные акты, был издан в интересах осуществления переселенческой политики самодержавия.

Аграрные законы конца XIX — начала XX в. являлись выражением долгосрочной программы сибирского землеустройства и содержали в себе ее основные принципы. Практическая реализация их повлекла за собой необходимость принятия ряда частных нормативных актов, дополняющих и конкретизирующих общие положения.

⁸⁸ РГИА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 21. Л. 16, 42об.

⁸⁹ ПСЗ-З. Т. 20. Отд. 1. Л. 18735. О разработке этого закона и деятельности совещания и комиссии А.Н. Куломзина см.: Егунов Н.П. Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии. Улан-Удэ, 1963. С. 90-130.

Всего за период 1905-1917 гг. было принято свыше двух десятков актов, относящихся к землеустройству коренного населения Сибири. Дополнения касались преимущественно главных оснований 1896 г. и Забайкальского землеустроительного закона. Абсолютное большинство актов было принято в форме указов правительствующего Сената по второму (крестьянскому) департаменту.

Анализ этих указов показывает, что они служили дополнительными рычагами по осуществлению реакционных целей аграрной политики царизма в Сибири. При этом особое внимание уделялось убеждению аборигенов в том, что устав 1822 г. «не служит препятствием к применению» законов о поземельном устройстве. В указе от 18 марта 1909 г. подчеркивалось, что устав 1822 г. «вовсе не закреплял за кочующими инородцами права владения на вечные времена землею»⁹⁰. Отметим еще одно положение данного указа. Ст. 3 раздел II правил 1898 г. предусматривала обязательное перечисление кочевых «инородцев» в разряд оседлых по окончании землеустройства⁹¹. Сенатский указ 1909 г. вносил на этот предмет существенное уточнение, подчеркивая, что «оседлые инородцы Сибири сравниваются с россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступают, и управляются на основании общих законов с теми только изъятиями, какие определены в учреждении управления инородцев». Особо отмечалось, что «положение это применяется и к кочевым инородцам со времени приступа к их поземельному устройству»⁹². Для уяснения реального значения этого пояснения укажем, что в ст. 26 «Положения об инородцах» 1892 г. о кочевых инородцах говорилось следующее: они «составляют особенное сословие в равной степени с крестьянским, но отличного от оно

⁹⁰ Указ правительствующего Сената по 2 Департаменту. 18 марта 1909 г. № 2615 (Далее: Ук. пр. Сен.).

⁹¹ ПСЗ-3. Т. 18. Отд. 1. Л. 15539.

⁹² Ук. пр. Сен. по 2 Деп. 18 марта 1909 г. № 2615.

в образе управления»⁹³. Следовательно, в соответствии с сенатским указом, кочевые «инородцы» теряли какую-либо сословную обособленность и теперь практически ничем, кроме освобождения от воинской повинности, не отличались от русского крестьянина.

В ряду сенатских указов обращают на себя внимание те из них, которые конкретизировали практику применения одного из основных положений «Главных оснований» – требование 15 дес. земли на наделную душу. Эти нормы для скотоводческого хозяйства народов Сибири были явно недостаточны. Однако указ от 31 ноября 1906 г. 15 дес. норму рассматривал лишь как максимальную, обязательного предоставления которой землеустроительные законы отнюдь не требовали⁹⁴. В 1909–1913 гг. сенат издал шесть указов, подтверждающих это положение. В последнем из них, в указе от 31 декабря 1913 г., отмечалось, что землеустроительный закон лишь предусматривает возможность максимального наделения землей. Однако само по себе предоставление максимальной нормы не обязательно⁹⁵. В связи с непрекращающимися протестами бурят против земельной реформы 15 марта 1913 г. последовало сенатское разъяснение о том, что «заявления бурят о недопустимости применения к ним закона о поземельном устройстве не заслуживают уважения...»⁹⁶.

К числу мероприятий царского правительства, направленных на расширение географии применения выработанного аграрного законодательства о народах Сибири, относится попытка распространить землеустройство на Якутскую область. В 1907 г. по личному указанию Столыпина Якутский губернатор И.И. Крафт составил записку о ближайших целях русской колонизации этой части Сибири. Отмечая «признаки стремления... переселенцев пока из соседних местностей Сибири», Крафт,

⁹³ Св. зак. Т. II. Изд. 1892 г. и по продл. 1912.

⁹⁴ Ук. пр. Сен. по 2 Деп. 31 октября 1906 г. № 6998.

⁹⁵ Ук. пр. Сен. по 2 Деп. 12 и 16 октября 1909 г. №№ 6909, 7318; 15 апреля и 20 мая 1911 г. №№ 1741, 3852; 31 декабря 1913 г. №№ 10800 и 10806.

⁹⁶ Ук. пр. Сен. по 2 Деп. 15 марта 1913 г. № 3134.

как и Столыпин, предполагал, что по мере заселения «свободных пространств Сибири русский колонизаторский гений проникнет и в пустынные дебри Якутской области». Эта точка зрения совпадала с мнением Кривошеина. Хотя реальных действий по землеустройству населения области не было предпринято, тем не менее земли Якутии рассматривались царизмом как своеобразный резервный фонд, куда в случае необходимости можно было направить поток переселенцев⁹⁷.

В итоге отметим, что в конце XIX – начале XX в. царское правительство осуществило разработку и принятие ряда земельных законов для Сибири, знаменующих собой победу дворянско-крепостнического курса аграрной политики самодержавия. Законы были направлены на защиту интересов переселенческой политики царизма, стремившегося после первой русской революции сбыть побольше беспокойных крестьян в Сибирь.

4. Реализация аграрного законодательства и землеустройство народов Сибири (1896-1917 гг.)

Исследователи аграрной политики империи пришли к обоснованному выводу о том, что на протяжении всей истории капиталистической России в «аграрных планах и начинаниях царизма Сибири отводилась второстепенная роль»⁹⁸. Противоречивость и непоследовательность этой политики, не раз перестраивавшейся на протяжении последних десятилетий существования романовской империи, отразилась и на характере землеустройства народов Сибири, занимавшего видное место в системе аграрных мероприятий царского правительства.

Особенное значение этому обстоятельству придают два момента. Во-первых, землеустройство было тем стержнем, на котором основывались остальные мероприятия

⁹⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84, 1907 г. Д. 18, Л. 1-18.

⁹⁸ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 109-110.

самодержавия в отношении сибирских народов в области ясной политики, управления, русификации и т. д.

Во-вторых, известно, что в общественной сфере «результат действия выступает не только, а подчас и не столько функцией поставленной цели, сколько средством, использованным для ее достижения»⁹⁹. Отсюда следует, что изучение практических итогов землеустройства позволяет глубже осмыслить сложные процессы вызревания предпосылок и особенностей крушения империи в национальных районах Сибири.

Исследователи аграрной политики самодержавия в Сибири обосновали необходимость порайонного изучения итогов землеустройства¹⁰⁰. В нашем конкретном случае изучение землеустроительной политики в отношении народов Сибири целесообразнее начать с бурятского населения Иркутской губернии и Забайкальской области, составляющего более трети всей численности коренного населения Сибири.

Планомерные работы по заготовке переселенческих и запасных участков в губернии начались в 1896 г. К 1899 г. была заготовлена 18921 душевая доля для переселенцев¹⁰¹. Земли бурятских ведомств в соответствии с «Временными правилами» для образования переселенческих и запасных участков в районе сибирской железной дороги в состав переселенческих участков не включались¹⁰². Предполагалось, что заготовленных переселенческих участков хватит на несколько лет. Однако возросший поток переселенцев привел к значительному сокращению свободных душевых долей¹⁰³. Активизация земле-

⁹⁹ Кузнецов А.С. Царизм и политика «штрафной колонизации» Сибири в конце XVIII - первой половине XIX века // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX - начале XX века. Иркутск, 1984. С. 89.

¹⁰⁰ Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX - начала XX века. Новосибирск, 1975. С. 48.

¹⁰¹ Вопросы колонизации. 1908. № 3. С. 144.

¹⁰² Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу в губерниях и областях Азиатской России (до 1 августа 1909 г.). СПб., 1909. С. 16.

¹⁰³ Федорова Е.Д. Организация переселения крестьян в Иркутскую губернию во второй половине XIX - начале XX века // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1980. С. 76.

устроительных работ в крае убедила местную администрацию в том, что в губернии «нет такого земельного запаса, который был бы вполне готов для водворения всех желающих переселяться»¹⁰⁴.

В целях создания необходимого земельного колонизационного фонда для переселенцев заведующий Иркутской временной партией включил в план землеотводных работ на 1898 г. земли четырех бурятских ведомств Балаганского уезда. Путем отрезки «излишков» у бурят предполагалось получить в переселенческий фонд до 120 тыс. дес. земли¹⁰⁵. Это предложение вызвало неоднозначную реакцию местного чиновничества. Генерал-губернатор Горемыкин назвал его «новостью, противоречившей установившейся в крае земельной политике...» В то же время он признал «весьма желательным и справедливым» образование переселенческих участков из «иностранческих» земель.

Осенью 1901 г. для обсуждения вопроса о возобновлении в губернии работ по отводу земель для переселенцев было открыто частное совещание под председательством управляющего государственными имуществами А.П. Пятницкого. Участниками совещания были: старший чиновник по составлению отводных записей А.Н. Ушаков, непременные члены общего губернского управления по крестьянским делам А.Г. Допельмайер и А.Н. Юган, заведующие поземельно-устроительными партиями П.М. Крюков, И.С. Иконников и др. Ведущую роль на совещании играл член ученого комитета министерства земледелия и государственных имуществ А.А. Кауфман.

Охарактеризовав ход работ по заготовке в губернии переселенческих участков, приостановленный в 1899 г. из-за нехватки обследованных районов, Пятницкий и Кауфман высказались за безусловное их возобновление. В соответствии с такой постановкой дела перед участниками совещания стоял вопрос о начале работ по об-

¹⁰⁴ Поземельное устройство и переселенческое дело в Сибири (Из отчета министра земледелия о поездке в Сибирь) // Сведения о Сибири (сб. статей «Сельского вестника» о Сибири и переселении). СПб., 1897. С. 285.

¹⁰⁵ Вопросы колонизации. 1908. № 3. С. 144.

разованию переселенческих участков в районах «ино-родческого» землепользования. Однако в данном случае мнения участников обсуждения разошлись. Наиболее последовательным сторонником немедленного изъятия земельных излишков аборигенов выступал Ушаков, доказывавший, что оттяжка сроков землеустройства бурят будет «равносильна отсрочке на неопределенное время». Ушаков убеждал членов совещания в том, что ввиду медленного прироста численности бурятского населения в обозримом будущем нельзя ожидать существенных изменений в формах землепользования и хозяйства бурят. Это обстоятельство, отмечал чиновник, являлось «существенным тормозом» к началу землеустройства.

Иначе смотрела на дело другая группа участников совещания: Кауфман, Иконников и Крюков. Они высказывали опасение, что реализация подобных планов без должного обследования бурятского землепользования «может привести к слишком существенному нарушению... интересов инородческого населения». На совещании не было принято конкретных рекомендаций по обсуждаемому вопросу¹⁰⁶. Тем не менее отметим, что все чиновники сходились во мнении о необходимости изъятия земель аборигенов в колонизационный фонд. Расхождения касались только вопроса о том, как эту меру осуществить.

Спор отразил распространенную тогда в кругах сибирского чиновничества неясность представлений, как приступить к землеустройству аборигенов. Опубликование Главных оснований и особенно правил 4 июня 1898 г. вызвало мощный поток просьб бурятских ведомств о приостановлении землеустройства. Весной и летом 1899 г. на имя Иркутского генерал-губернатора поступило 11 таких ходатайств от бурятских ведомств Иркутского, Балаганского и Верхотурского округов¹⁰⁷. Однако 27 июня 1899 г. от имени генерал-губернатора просителям было объявлено, что поскольку существующее законодательство запре-

¹⁰⁶ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. К. 83. Д. 2562. Л. 101-107

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 391. Оп. 221. Л. 3-5, 36-38, 45-46 и др.

щает подачу прошений «скопом», их коллективное ходатайство «оставлено без движения»¹⁰⁸. После этого в октябре 1899 г. представители 16 бурятских ведомств губернии обратились с аналогичным ходатайством в Министерство земледелия и государственных имуществ. Немало прошений поступило в Министерство внутренних дел¹⁰⁹.

В начавшейся по этому поводу переписке между А.С. Ермоловым и А.Д. Горемыкиным активную роль играл А.Н. Ушаков. Его значение в деле определялось тем, что Горемыкин отдавал чиновнику на предварительное заключение ходатайства бурят, присланные в Иркутск из Петербурга. Нам уже приходилось отмечать агрессивность Ушакова в вопросах землепользования аборигенов, однако и он в конечном итоге вынужден был признать, что «твердо судить о последствиях введения поземельного устройства в том или ином ведомстве в настоящее время было бы преждевременным» и предложил принятие окончательного решения отложить до начала межевых работ¹¹⁰. Такая позиция чиновника, в прямые должностные обязанности которого входило землеустройство сельского населения, оказала определенное влияние и на генерал-губернатора. В конце декабря 1899 г. Горемыкин писал Ермолову, что в настоящее время было бы осторожнее и правильнее отложить принятие решения по ходатайству бурят «впредь до производства... дополнительных исследований». В мае 1900 г. поземельное устройство бурятского населения губернии было приостановлено «до собрания... подробных данных об условиях их экономического быта»¹¹¹. На этом этапе царское правительство решило не нарушать традиционных форм землепользования коренного населения. Споспоровали этому как широкие протесты самих бурят, так и то обстоятельство, что центром переселенческого движения губернии в этот период являлся Нижнеудин-

¹⁰⁸ ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. К. 194. Д. 3671. Л. 13.

¹⁰⁹ Там же. Ф. 1291. Оп. 84, 1900 г. Д. 13. Л. 1-3.

¹¹⁰ ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. К. 193. Д. 3671. Л. 24об.

¹¹¹ Там же. Ф. 171. Оп. 5. Д. 188. Л. 1.

ский район, колонизационные емкости которого не были исчерпаны. В подобном подходе правительства к вопросам землепользования бурят не следует видеть какие-то гуманные черты или же принципиальное отличие методов колонизации Сибири от Северной Америки, как это делают некоторые исследователи¹¹². Попытки провести такие параллели представляются излишне надуманными. Это подтверждается тем фактом, что сразу после принятия решения о приостановке землеустройства 8 июня 1901 г. последовал циркуляр о производстве в бурятских ведомствах губернии так называемых первоначальных поземельно-устроительных действий¹¹³.

В ходе первой русской революции национальное движение народов Сибири значительно активизировалось. В этот период всеобщего брожения жители ряда бурятских ведомств вновь подали Иркутскому генерал-губернатору ходатайство о приостановлении землеустройства. Обстановка в улусах была настолько накалена, что губернское чиновничество опасалось открытых выступлений бурятского крестьянства. Оценивая создавшееся положение, новый генерал-губернатор Алексеев доносил в августе 1906 г. в Главное управление землеустройства и земледелия, что «для предупреждения со стороны бурят каких-либо волнений и демонстративных действий приходится в иных случаях удовлетворять их домогательства и приостанавливать работы»¹¹⁴. Именно потенциальная опасность одновременных активных выступлений русского и бурятского крестьянства, а не какие-то иные мотивы, заставили генерал-губернатора приостановить землеустроительные работы в бурятских ведомствах губернии.

В начале июня 1906 г. чиновник особых поручений Бобровников представил генерал-губернатору доклад по

¹¹² Мангутов Н.Р. Об аграрной политике царизма в Западной Бурятии в период империализма // Тр. БКНИИ СО АН СССР. Вып. 10. Из истории народов Бурятии. Улан-Удэ, 1962. С. 62; Федорова Е.Д. Переселение крестьян в Иркутскую губернию во второй половине XIX – начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1982. С. 14.

¹¹³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. К. 184. Д. 3671. Л. 87-96.

¹¹⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 221. Л. 143-143об.

вопросу о предотвращении бурятских выступлений. Отмечая растущее недовольство бурят землеустроительными работами, он рекомендовал «на некоторое время воздержаться не только от поземельного устройства бурят, ...но и от таких подготовительных работ, которые могли бы смущать инородческое население опасением убавки принадлежащих им земель». Возможная активизация бурятских выступлений под влиянием «либеральной литературы и ярых сторонников освободительных движений» внушала Бобровникову особые опасения. Чиновник полагал, что «если неосторожными действиями будут затронуты земельные», т. е. самые насущные интересы бурят, то это может вызвать «серьезные беспорядки» и «опасное народное движение». Этот доклад был положен в основу деятельности губернской администрации по землеустройству бурят в период 1905-1907 гг.

3 августа 1906 г. генерал-губернатор Селиванов потребовал от Иркутского и Енисейского гражданских губернаторов составить общий план землеустроительных работ на будущее. Им предписывалось «лично ознакомиться на отдельных сходах каждого улуса с желанием или нежеланием населения иметь у себя землеустройство...» Старший чиновник Иркутского поземельно-устроительного отряда И.С. Иконников расценил это распоряжение как «недоразумение», «состоявшееся вследствие неопытности в делах...»¹¹⁵ Сообщая об этом в Главное управление, он отмечал, что такие предписания ставят деятельность чинов землеустройства на шаткую почву «инородческих» желаний. Однако специальным циркуляром от 22 сентября Главное управление одобрило действия Селиванова, а Иконникову было предписано выехать в Балаганский уезд для ознакомления с положением дел на месте¹¹⁶. О том, насколько серьезными были опасения царской администрации «инородческих» выступлений, свидетельствует и то обстоятельство, что

¹¹⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. К. 194. Д. 3671. Л. 81об., 73, 108.

¹¹⁶ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 88-90

вплоть до установления в стране третьеиюньского режима местная администрация требовала от землеустроительных чинов неукоснительно руководствоваться материалами данного циркуляра.

После подавления первой буржуазно-демократической революции в стране установился столыпинский режим, когда царизм попытался решить аграрный вопрос в России путем переселения.

Из серии указов центральных министерств и ведомств в адрес сибирской администрации по вопросам землеустройства аборигенов в послереволюционный период обращает на себя внимание предписание главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина на имя иркутского генерал-губернатора от 18 января 1908 г. «Необходимо твердо уяснить, — писал он, — что по ныне действующему закону кочевые инородцы четырех сибирских губерний в общем правиле подлежат обязательному поземельному устройству, как и крестьяне». Министр особенно подчеркивал, что «совершенно недостаточно для приостановления поземельного устройства заявления бурят о нежелании или несогласии на это». Теперь, в период разгула реакции, можно было не опасаться столь нежелательных еще недавно «инородческих» волнений. Поэтому Кривошеин без обиняков заявил, что «нет никакой необходимости спрашивать мнение инородцев относительно введения у них землеустройства». Наоборот, подобных опросов следовало «всемерно избегать, чтобы не посеять у инородцев преувеличенного понятия об их правах на земли и не внедрять в их сознание мысли, будто бы достаточно им, инородцам, не пожелать или отказаться от поземельного устройства, как таковое и будет отменено или отложено на неопределенное время». Министр требовал от генерал-губернатора оказать всяческое содействие чиновникам землеотводных партий по «обращению земельных избытков» бурят в переселенческие участки¹¹⁷.

¹¹⁷ ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. К. 194. Д. 3671. Л. 130-132.

Примерно тогда же был опубликован «План работ переселенческого управления на 1908 г.», предусматривающий широкое включение земель бурятских ведомств в землеустроительные работы¹¹⁸. Начавшемуся обезземеливанию бурятского населения правительство стремилось придать идеологическое обоснование. Местная периодическая печать, по замечанию современников, буквально «терроризируемая администрацией»¹¹⁹, отказывалась печатать критические материалы по землеустройству. Зато на страницах «Вопросов колонизации» чины землеустройства опубликовали серии статей¹²⁰, доказывающих, что скотоводство у иркутских бурят сокращается, а землеустройство принесет неописуемые благие результаты.

Для этого периода характерны многочисленные рекомендации правительства по активизации землеустройства аборигенов, подчеркивание юридического обоснования этих работ¹²¹. Вспоминая это время, активный деятель сибирского землеустройства Н.Н. Комзин позднее писал, что именно тогда «стал упорно проводиться взгляд, что при поземельном устройстве недостаточно соблюдаются интересы казны и недостаточно бережно расходуется земельный фонд, что крестьяне получают земельное обеспечение в размере, не вызываемом действительной хозяйственной надобностью». При этом из Петербурга «настойчиво указывали», что 15 дес. – норма не обязательная, что это лишь максимум, придерживаться которого вовсе не следует¹²². Начиная с 1908 г., источники отмечают непрерывное расширение землеотводных работ у коренного населения Сибири. По характеристике современника, «переселенческое управление... закусило удила по части изыскания излишков земель, находящихся в пользовании инородцев»¹²³. План землеустроительных работ на 1908 г.

¹¹⁸ План работ переселенческого управления на 1908 г. СПб., 1908. С. 38–47.

¹¹⁹ Сибирские вопросы. 1908. Л. 25. С. 42.

¹²⁰ Вопросы колонизации. 1908. № 3. С. 144–156; 1909. № 5. С. 38–157 и др.

¹²¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 221. Л. 271, 274; ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 71, Л. 1, 5.

¹²² Козьмин Н.Н. Земельный вопрос в Енисейской губернии. Красноярск, 1917. С. 7.

¹²³ Сибирские вопросы. 1910. № 5. С. 18.

в пределах Иркутского, Балаганского и Верхоленьского округов предусматривал обращение в колонизационный фонд 235 тыс. дес., расположенных преимущественно в бурятских ведомствах¹²⁴. На содержание 35 чиновников землеотводной партии ассигновалось 60 850 руб. В 1909 г. штаты землеустроительных чиновников были увеличены до 51 человека, а ассигнования на работы — до 101 850 руб.¹²⁵ С целью скорейшего окончания землеустроительных работ в основных районах — Балаганском и Верхоленьском округах — была организована особая, «инородческая», землеустроительная партия. Ее образование сопровождалось прямой установкой заведующего землеустройством и переселением в губернии Иконникова на обезземеливание бурятских хозяйств. На состоявшемся в Иркутске совещании чинов землеустройств он заявил, что в губернии пригодных для колонизации земель, кроме бурятских, «нет совершенно». Поэтому, наставлял своих подчиненных Иконников, «если в какой-либо части губернии буряты будут устраиваемы в земельном отношении не на одинаковых основаниях с крестьянами», то наделение их большим количеством земли повлечет уменьшение земельного фонда «для переселенцев»¹²⁶.

Такой подход незамедлительно сказался на масштабах и темпах землеустройства. Уже в год создания партии в 13 ведомствах Балаганского и Верхоленьского округов из земель бурят было запроектировано переселенческих участков емкостью 15 925 душевых долей. В одном Унгинском ведомстве для нужд переселения было изъято 125 000 дес., значительными были отрезки земель в Аларском и Куйтунском ведомствах. Официальные лица не без гордости констатировали, что в результате этих действий там сложились «очень благоприятные для переселенцев условия»¹²⁷.

¹²⁴ План работ переселенческого управления... С. 46.

¹²⁵ Сибирские вопросы. 1908. № 35-36. С. 26-28.

¹²⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 443.

¹²⁷ Землеотводное и землеустроительное дело за Уралом в 1909 г. СПб., 1910. С. 107-110.

К 1910 г. в Иркутском уезде землеустроительными работами было охвачено 20 волостей и ведомств из 29, в Балаганском – 26 из 35, в Верхоленском – 6 из 19. План 1911 г. в 5 ведомствах Балаганского и Верхоленского уездов предусматривал отрезки в переселенческий фонд 169 000 дес.¹²⁸ В отчете о землеустроительных работах в губернии за 1913 г. отмечалось, что они велись по всем волостям и ведомствам Иркутского, Балаганского, Верхоленского и Нижнеудинского и в одной волости Киренского уездов¹²⁹.

Особое место в землеустройстве коренного населения губернии занимает 1915 г. В марте этого года последовало распоряжение главноуправляющего землеустройством и земледелием «о расширении работ по окончательному отграничению наделов инородцев, за счет сокращения проектных работ по наделам крестьян...» Необходимость этой меры мотивировалась призывом русского крестьянского населения в армию и невозможностью, в связи с этим, выделять рабочих для землеустроительных работ. Это привело к тому, что вплоть до 1917 г. землеустроительные работы в губернии велись исключительно в инородческих ведомствах¹³⁰.

Важнейшей стороной марксистского исследования землеустроительной политики является изучение конкретных результатов землеустройства, выразившихся в изменении размеров фактического землепользования сельского населения, форм хозяйственной деятельности и эволюции социальных отношений у аборигенов.

В Сибири фактически не было помещичьих земель, главной формой землепользования являлось крестьянское. В Иркутской губернии по официальным сведениям в начале 90-х гг. соотношение размеров землепользования основных сословных групп населения: крестьян, казаков с одной стороны и аборигенов с другой, находи-

¹²⁸ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 221. Л. 2,5.

¹²⁹ РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1311. Л. 209.

¹³⁰ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 244.

лось в такой пропорции: 51,66 % и 44 %¹³¹. По сведениям отчета о землеустройстве за 1913 г., всего в распоряжении населения было 4 211 059 дес. удобной и неудобной земли, в том числе у крестьян и казаков 2 200 294 дес. (52,75 %), у коренного населения – 2 010 765 дес. (47,25 %). В результате землеустройства это соотношение составило соответственно 2 632 290 дес. (62,5 %) у крестьян и казаков и 1 065 950 дес. (25,3 %) у аборигенов¹³². Таким образом, в целом по губернии в результате землеустройства наделы бурят сократились на 944 815 дес. или на 46,9 %¹³³. Из табл. 9 видно, что в результате землеустройства по уездам губернии размеры бурятского землепользования сократились почти наполовину. Поскольку наделы крестьян и казаков выросли только на 10 %, а коренного населения сократились на 22 % по сравнению с дореформенным, можно утверждать, что бурятские земли были использованы преимущественно для образования колонизационного фонда. Приведенные цифры существенно уточняют высказанное в литературе мнение о том, что у бурят предбайкалья «было отнято под переселение» около 600 тыс. дес. земли¹³⁴. Как видим, отрезки только к 1913 г. были существенно больше – примерно на 350 000 дес. или на 27 %. Однако в губернии землеустроительные работы на бурятских землях продолжались до 1917 г. включительно¹³⁵, следовательно, продолжались и отрезки. Итоги работы Верхотенской инородческой землеустроительной партии к 1 января 1917 г. представлены в табл. 10, 11.

Материалы таблиц свидетельствуют, что если в целом по губернии землепользование бурят сократилось на 47 %, то в основных районах их расселения этот показатель был еще выше – 53,5 %. Сравнивая нормы на-

¹³¹ Волости и населенные места 1893 года. Вып. 4. Иркутская губерния. СПб., 1894. С. 31.

¹³² Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 68–69; ЦГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1311. Л. 233–233об.

¹³³ Подсчитано по материалам сн. 37.

¹³⁴ История Сибири. Т. 3. Л., 1968. С. 303.

¹³⁵ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 153. Л. 1–3.

деления русского и бурятского населения, нельзя не заметить, что у бурятских крестьян они были несколько выше. В Балаганском уезде на 1 наделную душу у бурят приходилось по 15 дес., у русских – от 11,1 до 15 дес., в Верхотенском у бурят по 15–17 дес., у русских – от 8,5 до 15 дес.¹³⁶ При значительной, а подчас и преобладающей роли скотоводства в хозяйстве бурят такие размеры земельных наделов, как считают исследователи вопроса, были недостаточны¹³⁷. Следует отметить и существенную пестроту земельных наделов, особенно в Иркутском уезде. Здесь жители Торского, Китойского ведомств и Алагуевского отдельного рода получили по 15 дес. на душу. В то же время в густонаселенном Тункинском крае и Хорибятском ведомстве приходилось по 11 дес, в Комарском – 9,5 дес. на душу. В отдельных улусах земельные наделы колебались от 6,2 до 6,5 дес. на душу. Лесные наделы, за небольшим исключением, были менее 3 дес.¹³⁸

Своим последствием землеустройство имело еще один результат – резкое увеличение числа наделных единиц. В Верхотенском уезде из 17 земельных дач было образовано 100 земельных наделов и 45 переселенческих участков. В Балаганском уезде 39 земельных дач были преобразованы в 151 надел и 428 переселенческих участков¹³⁹. Такие результаты землеустройства в известной мере способствовали ломке родовых отношений и отразили развитие новых буржуазных тенденций в хозяйственном и социальном быту коренного населения.

В восточной Бурятии первые попытки реализации землеустроительного закона были предприняты вскоре после опубликования положения о землеустройстве и административной реформе коренного населения¹⁴⁰. Однако мощное национальное движение, вспыхнувшее

¹³⁶ Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 69.

¹³⁷ Егунов И.П. Первая русская революция и второй этап национального движения... С. 99; Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 73–74.

¹³⁸ РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1311. Л. 235–235об.

¹³⁹ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 184.

¹⁴⁰ ГАЧО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 42. Л. 103; ЦГА БАССР. Ф. 79. Оп. 1. Д. 40. Л. 139.

в области как выражение протеста против земельной реформы, и последовавшие затем события первой русской революции заставили правительство отложить дальнейшее проведение землеустройства. По признанию властей в сложной политической ситуации будущая реформа «при насильственном введении ее» могла вызвать весьма нежелательные для правительства последствия. Не случайно царский наместник на Дальнем Востоке предписал Забайкальскому военному губернатору И.П. Надарову при проведении реформы не только «наблюдать должную осторожность», но и «принять требуемые обстоятельствами меры к подготовке инородцев исключительно на добровольное подчинение закону»¹⁴¹.

В этом плане не лишена интереса резолюция Николая II по поводу одного из докладов министра внутренних дел о положении в Забайкалье. «Желаю, – писал царь, – чтобы при проведении в действие... законов 1900 и 1901 годов, были соблюдаемы необходимая осторожность и постепенность и принимаемы во внимание интересы бурятского населения»¹⁴². Эти указания, по мнению царя, должны были обеспечить успешное проведение реформы, сдерживать рост народного недовольства. Что же касается последней части резолюции, то ее нельзя называть иначе, как красивым жестом, тем шагом, который был необходим для создания у населения впечатления о благодетельном монархе. Об этом убедительно свидетельствуют два документа. Первый из них – воззвание военного губернатора области Надарова от 24 января 1904 г. Призывая бурят к покорности, он от имени царя заявлял: «Опомнитесь, говорю вам! Опомнитесь, пока еще не поздно! Горе сопротивляющимся царским повелениям... реформа вводится у вас бесповоротно и горе сопротивляющимся»¹⁴³.

Другой документ в первопричине имеет то же происхождение. Однако появление его связано с лицом, зани-

¹⁴¹ См.: История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. Улан-Удэ, 1954. С. 384–386.

¹⁴² ГАЧО. Ф. 20. Оп. 3. Д. 33. Л. 22, 30, 75об.

¹⁴³ Там же. Д. 18. Л. 32.

мающим одну из высших должностей в системе иерархии романовской империи. Министр внутренних дел И.Л. Горемыкин, напутствуя А.Н. Куломзина перед поездкой в Забайкалье, советовал провести для этой «сволочи» (так Горемыкин называл бурят) реформу таким образом, чтобы они могли «мало по малу сойти с лица земли»¹⁴⁴.

Ко времени третьеиюньского государственного переворота в Забайкальской области результаты землеустроительных работ были невелики (табл. 12). Между тем возрастающий поток переселенцев требовал наличия значительного колонизационного фонда. На это указывал главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин в представлении в Государственную Думу 4 ноября 1910 г. «Поземельное устройство крестьян и инородцев, — писал он, — тесно связанное с устройством новых переселенцев и поэтому требующее возможно быстрого завершения, идет крайне медленно»¹⁴⁵. Необходимость ускорения темпов колонизации области, по мнению правительства, диктовалась и обострением международной обстановки на Дальнем Востоке, задачами обрусительной политики бурят. Сами чины землеустройства во главе с начальником переселенческого управления Чиркиным в обезземеливании бурят видели мощный источник создания переселенческого фонда. Заведующий землеустройством и переселением в области Д.И. Головачев в качестве основных районов землеустроительных работ у бурят предлагал выделить Читинский, Верхнеудинский и Нерчинско-Заводской уезды. В первом из них в 7 инородческих волостях планировалось отрезать для переселенцев 1 100 000 дес. удобной земли, или 47,8 %, в пяти волостях Верхнеудинского уезда предполагалось изъять 450 000 дес. — 37,6 % всей удобной земли. В Нерчинско-Заводском уезде для переселенцев планировалось отвести 284 000 дес. земли. Осуществление этих замыслов должно было дать в переселенческий

¹⁴⁴ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 203. Л. 138 об.

¹⁴⁵ Библиотека РГИА. Печатные записки. № 2923. Л. 65.

фонд около 120 000 душевых долей¹⁴⁶. Всего же по расчетам современников реализация землеустроительного закона 1900 г. должна была привести к отрезкам у бурят и эвенков около 5 000 000 дес. земли из 6 780 676,53 дес., находившихся в их пользовании¹⁴⁷.

Правительство постоянно напоминало местным властям о необходимости значительного ускорения темпов колонизации районов Дальнего Востока. С этой целью в сентябре 1908 г. на Дальний Восток был командирован товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатор Б.Е. Иваницкий. На состоявшемся в Хабаровске под его председательством совещании этот вопрос был «подвергнут тщательному обсуждению». В итоге главноуправляющий землеустройством Кривошеин потребовал от Иркутского генерал-губернатора обсудить предложения Иваницкого применительно к условиям Забайкальской области,

В местных бюрократических кругах вопрос о необходимости усиления землеустроительных работ не вызывал разногласий. Участники созванного по инициативе Селиванова совещания высказались за «решительное» ускорение темпов землеустройства аборигенов. При обсуждении конкретных мероприятий тон совещанию был задан самим генерал-губернатором. Селиванов настойчиво проводил мысль о том, что «за наделением инородцев... землей, в распоряжении правительства останется значительный колонизационный фонд». Для ускорения землеустроительных работ в бурятских улусах он по примеру Иркутской губернии предлагал образовать специальную землеустроительную партию и поручить ей «исключительно землеустройстве инородцев»¹⁴⁸.

Принципиально важным для совещания был вопрос о норме наделов. Забайкальский землеустроительный закон предусматривал увеличение нормы надела до 30 дес. А.Н. Куломзин, характеризуя это положение закона, в

¹⁴⁶ Вопросы колонизации, 1917. № 6. С. 237.

¹⁴⁷ Разумов Н.И. Забайкалье. СПб., 1899. С. 86-87.

¹⁴⁸ ЦГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 443. Л. 1.

своих воспоминаниях пишет: «Исследование показало, что главным источником благосостояния сельского населения служит не столько хлебопашество, сколько обширное скотоводство как у инородцев, так и у оседлого населения. Поэтому большинство совещания предлагало сохранить за населением всю используемую ими землю. В Государственном Совете, где мне пришлось защищать выработанный проект, от меня потребовали указания какого-либо высшего предела такого землепользования. Пришлось пределом этим определить 30 дес. с тем, чтобы в исключительных условиях было разрешено оставлять за населением и больший размер владения»¹⁴⁹. Как видим, в первоначальном варианте даже автор законопроекта душевой надел 30 дес. не считал предельной нормой.

Однако теперь, на совещании в Иркутске, этот вопрос встал вновь. Селиванов считал целесообразным при землеустройстве бурят проводить принцип уравнивания их в земельных правах с крестьянами и наделять 15 дес. наделом. Важно отметить, что и само главное управление в инструкциях сибирским губернаторам рекомендовало не придерживаться установленных законами максимальных норм наделов. На предложения Селиванова Кривошеин ответил: «...если Ваше высокопревосходительство, руководствуясь государственными соображениями, признает целесообразным применить при землеустройстве в Забайкалье 15-десятинную норму без отступлений от последней, то от вас будет зависеть преподать местным землеустроительным органам соответствующие указания к осуществлению означенной меры». Таким образом, взгляды лиц правительственной верхушки и высшей местной администрации на вопрос о норме земельного надела в Забайкалье совпали.

В декабре 1910 г. совместное предложение главноуправляющего и генерал-губернатора рассматривалось Забайкальским областным присутствием. Считая себя не вправе вдаваться в подробное обсуждение предложений

¹⁴⁹ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 204. Л. 96.

своих начальников, члены областного присутствия смотрели на это дело теми же глазами. Прикрываясь лживыми заявлениями о необходимости перевода кочевников на оседлость, они признали крайне желательным признать в виде общего правила, что наделы кочевым инородцам должны отводиться в пределах 15 дес. на душу¹⁵⁰.

После принятия такого решения перед местной бюрократией в качестве генеральной линии землеустроительной политики встала борьба за его осуществление. Характерным для этого этапа является систематическое вмешательство высших чинов губернской администрации в ход землеустроительных работ. В Барун-Харганатской волости Верхнеудинского уезда землеустроительная комиссия наделила местное бурятское население максимальной нормой – от 39 до 49 дес. на душу. Однако же генерал-губернатор такое решение признал «неверным» с точки зрения «государственных интересов» и потребовал его пересмотра. Отмечая подобное вмешательство, газета «Санкт-Петербургские ведомости» от 20 октября 1909 г. писала, что в Забайкалье бурят «третируют, отбирают их лучшие земли, расчищенные годами от леса своим трудом...»¹⁵¹. Для ускорения землеустройства бурятских ведомств была проведена реорганизация землеустроительных партий, увеличены их штаты. В 1910 г. в район землеустройства было вовлечено население 37 волостей 4 уездов области. На площади в 1 546 000 дес. наделению подлежали 69 031 душ м. п., проживающих в 179 улусах и селах¹⁵². В 1911 г. землеустроительные работы активизировались и велись в 43 волостях, 270 улусах на площади в 2 023 000 дес.¹⁵³ Курс самодержавия на активизацию землеустройства наталкивается на растущее сопротивление бурятского крестьянства.

В отчете о землеустроительных работах в области за 1910 г. отмечается, что отношение населения к ним худ-

¹⁵⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 443. Л. 4об., 53, 85.

¹⁵¹ Там же. Ф. 1291. Оп. 84, 1909 г. Д. 195 «б». Л. 1, 15, 33.

¹⁵² Переселение и землеустройство за Уралом в 1906-1910 гг. СПб., 1911. С. 422-456.

¹⁵³ Переселение и землеустройство за Уралом в 1911 г. СПб., 1912. С. 296.

шается с каждым годом¹⁵⁴. В Харганатской волости Верхнеудинского уезда бурятские крестьяне «всеми мерами пытались препятствовать работам», не выделяли рабочих, лошадей. Аналогичные события произошли в Барун-Харганатской волости. Там пассивное сопротивление крестьян длилось несколько месяцев. В конечном итоге в волость для «содействия гражданским властям были командированы войска» и прибыл сам военный губернатор, арестовавший восемь человек. Только после этого крестьяне обязались «исполнять беспрекословно все требования начальства относительно землеустройства»¹⁵⁵. Дело о сопротивлении землеустройству бурятского населения Онгоцайской волости Читинского уезда дошло до военного губернатора, который был вынужден отправить на имя местного волостного старшины телеграмму, пригрозив в ней в случае отказа от продолжения работ выслать из волости «зачинщиков». То же было в Татауровской и Николаевской волостях. Сопротивление бурятского и эвенкийского крестьянства землеустроительной реформе продолжалось и в последующие годы¹⁵⁶.

Дальнейшей реализации замыслов Селиванова по обезземеливанию бурят помешала его отставка и назначение на должность генерал-губернатора нового лица — Л.М. Князева. Предшествующий послужной список и деятельность Князева на новом посту не оставляет сомнений в том, что это был верный слуга престола. Однако на дело землеустройства бурятского населения Забайкалья он смотрел несколько иначе.

Осенью 1911 г. забайкальское областное по крестьянским делам присутствие рассмотрело вопрос о наделении земель «иностранцев» Кубдутской и Урульгинской волостей Верхнеудинского уезда. Крестьяне этих улусов получили от 29 до 36 дес. на душу. Имея в виду постановление областного правления о наделении аборигенов земель в пределах 15 дес. и обосновывая вновь приня-

¹⁵⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1161. Л. 22об.

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП-4, 1910 г. Д. 21. Ч. 1, Л. 7, 17-19.

¹⁵⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84, 1909. Д. 195 «в». Л. 15; Ф. 391. Оп. 6. Д. 48, Л. 6 и др.

тые нормы надела, Князев писал Кривошеину, что и в этом случае земельные наделы бурят по сравнению с дореформенными сократились в 2-4 раза. Дальнейшее сокращение «иностранческого» землепользования могло привести к «значительному нарушению установившихся сельскохозяйственных приемов и необходимости крайне спешного перехода к иным формам хозяйства». Все это могло вызвать «большое недовольство» населения, чего особенно опасался генерал-губернатор.

Нельзя не заметить, что Князев более трезво смотрел на вещи. Если для Селиванова на первом месте стояла задача полного обезземеливания бурят и перевода скотоводов на положение оседлых земледельцев, то Князев, очевидно, понимал, что нельзя рубить сук, на котором сидишь, и мгновенно сделать из бурята-скотовода крестьянина-пахаря. Кроме того, он серьезно опасался массовых выступлений бурятского крестьянства, начавшихся в ряде районов области сразу после принятия областным присутствием решения о сокращении нормы земельного надела. Именно этими обстоятельствами, но отнюдь не заботой о подлинных интересах бурятского крестьянства, следует объяснить подход Князева к вопросу о норме земельного надела коренного населения Забайкалья. Красноречиво свидетельствует об этом и заявление самого генерал-губернатора, что опасения экономического упадка хозяйства аборигенов «едва ли устранятся и при доведении нормы надела иностранцев до 30 дес. на душу», зато возможность массовых выступлений будет предотвращена.

Программа землеустроительных действий Князева вызвала нескрываемое раздражение Кривошеина. Оценивая ее, в октябре 1911 г. он писал Князеву, что взгляды последнего «о поземельном устройстве иностранческого населения... далеко не соответствуют той постановке колонизационного дела, какая была дана ему в полном согласии на сей предмет со взглядами министерства, ... Вашим предместником». По «глубокому убеждению»

Кривошеина, отступление Князева «от установившихся в последнее время в Забайкальской области приемов отвода наделов инородческому населению при поземельном устройстве» было не только нежелательным, но даже опасным¹⁵⁷. Для этого спора характерна справка, составленная земским отделом министерства внутренних дел по указанию возглавившего это ведомство после убийства Столыпина А.А. Макарова. В ней отмечается, «что конечная цель правительства ликвидация кочевого образа жизни инородцев и уравнивание их, в смысле управления, с русским населением не может быть достигнута, раз только не будет принято решительных мер к ограничению их земельного простора». Выступая против «каких бы то ни было уступок кочевому хозяйству», составители документа высказались в то же время в пользу именно 30 дес. надела, отмечая, что эта «норма сама по себе уже есть уступка»¹⁵⁸. Как видим, позиции Князева и Кривошеина противоположны, но в сущности оба администратора «пекутся» об одной проблеме изъятия в переселенческий фонд земель, находящихся в пользовании бурятского крестьянского населения. Разногласия касаются вопроса о том, как безболезненно для социальных организмов империи осуществить эту меру.

В ходе землеустройства в большинстве волостей бурятского и эвенкийского населения были проведены или планировались значительные земельные отрезки. В улусах Урульгинской волости наделы населения сократились от 72 до 84 %¹⁵⁹. В Харганатской волости, где на душу приходилось 20-30 дес., землеустроители в переселенческий фонд отрезали 6000 дес.¹⁶⁰

В булуках Хаоцайской и Кубдутской волостей Верхнеудинского уезда и Чикойской волости Селенгинского уезда чины Нерчинско-Заводской партии планировали

¹⁵⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84, 1909 г. Д. 195 «В». Л. 11-15.

¹⁵⁸ Там же. Л. 21об.-22.

¹⁵⁹ Подсчитано по материалам: ЦГИА. Ф. 1291. Оп. 84, 1909 г. Д. 195 «В». Л. 11-11об.

¹⁶⁰ Переселение и землеустройство за Уралом в 1914 г. Пг., 1915. С. 368.

отвести 224 600 дес. на 8766 душ м. п., примерно по 25,6 дес. на душу¹⁶¹. Не случайно современники отмечали, что в Забайкалье землеустройство бурят в сущности сводилось к отмежеванию миллионов десятин. Обращает на себя внимание высокий удельный вес неудобных земель в наделах инородцев. Так, например, в Цугальской волости он составил 45-50 %, в Кударо-Бурятской – 50-65 %, в наделах Гочитской, Харганатской, Агинской волостей – около 30 %¹⁶².

Несмотря на то, что к 1917 г. землеустроительные работы не были завершены, а во многих волостях области даже не начаты, тем не менее землепользование бурятского населения сократилось с 6 780 000 дес. до 4 719 000 дес, или на 30,4 %¹⁶³. Характерно, что часть этих земель так и не была занята переселенцами, и буряты арендовали их у казны. Только падение царизма остановило дальнейшее земельное ограбление коренного населения Забайкальской области.

Важнейшей задачей землеустройства коренного населения Енисейской губернии – хакасов, по признанию властей, было «освобождение из пользования инородцев имеющих у них заведомых земельных излишков». Несмотря на стремление губернской администрации скорее начать землеустройство аборигенов, работы были начаты в Аскызской инородной управе в 1909 г., в остальных ведомствах в 1910 г. Основной причиной затяжки с началом землеустройства была неуверенность губернской администрации в возможности «без чрезвычайного ущерба для инородцев» наделить их 15 дес. нормой¹⁶⁴. Этот аргумент не был стереотипным оправданием нерасторопности местных властей. Источники убедительно свидетельствуют о преобладании в хозяйстве хакасов экстен-

¹⁶¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 48. Л. 70-72 об.

¹⁶² Штенберг Л. На заре национальной революции // Формы национального движения в современных государствах. СПб., 1910. С. 538.

¹⁶³ Цагин Э.М. Октябрьская революция в деревне Восточных окраин России (1917 – лето 1918 гг.). М., 1974. С. 34.

¹⁶⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1923. Л. 1об.; ГАРК. Ф. 595. Оп. 53. Д. 617. С. 13об.

сивного скотоводства¹⁶⁵. Несмотря на бюрократический подход к делу, именно это обстоятельство «смущало» губернскую администрацию, сознававшую пагубность огульного перевода скотоводов на 15 дес. надел.

В 1909–1910 гг. переселенческое управление организовало статистико-экономическое обследование хакасских ведомств. В районах массовых переселений подобные обследования в конце XIX – начале XX в. проводились неоднократно. Преследуя различные цели, они, по официальному признанию, «на первом месте» везде преследовали цели «выяснения вопроса об излишках, находящихся в пользовании коренного населения государственных земель... могущих быть обращенными... под переселенческие участки». В соответствии с этим составлялась и программа обследования¹⁶⁶. Имея в виду указанные особенности таких экспедиций, М.Б. Шейнфельд справедливо замечает, что обследование хакасских хозяйств «было непосредственно подчинено задачам столыпинской аграрной и колонизаторской политики»¹⁶⁷.

Обработка материалов обследования затянулась. На это обратил внимание управляющий земским отделом министерства внутренних дел Литвинов во время ревизии губернии в 1911 г., потребовавший ввиду «крайней необходимости» принять «все меры» к скорейшему завершению землеустройства хакасов¹⁶⁸. В 1911 г. на основе материалов обследования Н.Н. Козьминым была составлена записка «О порядке поземельного устройства и определении земельных норм...» коренного населения

¹⁶⁵ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний, 1883. Т. III. Иркутск, 1883–1894. Т. IV. Вып. 1–6; АГО. Разряд 64. Оп. 1. Д. 23; Разряд 57. Оп. 1. Д. 66.

¹⁶⁶ См.: Статистико-экономические исследования переселенческого управления 1883–1909 гг. СПб., 1910. С. 21–22.

¹⁶⁷ Шейнфельд М.Б. Материалы статистико-экономического обследования хакасских хозяйств 1909–1910 гг. (некоторые вопросы источниковедения и историографии Хакасии начала XX в.) // Учен. зап. Красноярск. пед. ин-т. Т. 13. Серия историко-филологическая. Вып. 1. Красноярск, 1958. С. 35.

¹⁶⁸ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1944. Л. 28.

губернии¹⁶⁹. Эта записка доказывала абсолютное преобладание скотоводства в хозяйстве хакасов. В ней отчетливо формулировалась мысль о необходимости наделения аборигенов значительно большими, по сравнению с устанавливаемыми законами, земельными нормами. Нормы для жителей Абаканского ведомства Козьмин определял в 61,3 дес., Аскызского – в 41,3 дес.¹⁷⁰

В августе 1912 г. заведующий землеустройством и переселением губернии Григорьев сообщил Чиркину о результатах обработки материалов обследования, сопроводив отношение своими комментариями. Высказывания губернского чиновника очень осторожны. С одной стороны, он не без укоризны замечает, что предложенные участниками обследования повышенные нормы наделов должны носить массовый характер. Между тем, по мнению чиновника, спрос государства на земли в губернии «далеко не прекратился». Поэтому значительное увеличение земельных наделов хакасам могло сказаться на размерах колонизационного земельного фонда для переселенцев. Оценивая предложения Козьмина, он замечает, что «по изложенным данным исчисление нормы» нельзя назвать преувеличенным. Если после землеустройства аборигенов и останутся «некоторые излишки», то они «едва ли могут быть велики». Поэтому наделение аборигенов повышенными нормами, по мысли чиновника, «сколько-нибудь серьезного значения... с точки зрения государственных интересов иметь не будет». Очевидно, не зная как поступить в этом случае, Григорьев просил у начальника переселенческого управления разъяснений на этот счет.

В середине июня 1911 г. Чиркин «преподал» Григорьеву подробные инструкции на предмет оценки записки Козьмина. Выражая непреклонное стремление осу-

¹⁶⁹ РГИА. Д. 1923. Л. 8-52. Основные положения этого документа были опубликованы автором в 1918 г. См.: Козьмин Н.Н. Материалы для определения земельных норм скотоводческого населения Минусинского края // Сибирские записки. 1918. Л. 1. Приложения. С. 1-47.

¹⁷⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1944. Л. 2.

ществовать землеустройство хакасов в пределах 15 дес. нормы, Чиркин писал о «недопустимости прирезки инородцам ...излишних земель на том только основании, что сейчас эти земли представляют из себя мало пригодный колонизационный фонд»¹⁷¹. Непригодное сейчас могло с успехом пригодиться в последующем. Утверждение исследователей быта хакасов о том, что наделение их по 15 дес. на душу будет «равносильно созданию условий необходимости безотлагательной ликвидации скотоводческого хозяйства»¹⁷², во внимание не принималось.

В октябре 1911 г. постановлением Енисейского губернского управления хакасы были перечислены из кочевых в оседлые. Это ускорило ход земельной реформы и дало возможность губернскому присутствию настаивать на сокращении размеров надела. Всего в Абаканском ведомстве насчитывалось 79 100 душ м. п. Из этого количества 3597 душ м. п. получили наделы от 25,8 до 33,1 дес.¹⁷³ О значительных колебаниях земельных наделов хакасов свидетельствуют данные начальника управления земледелия и государственных имуществ губернии С.Н. Велецкого. В улусах Усть-Ташбийском, Аскировском и др. они равнялись 36,5 дес. на душу м. п., в улусах Усть-Коксинском, Сарговском – 32,5 дес, в улусе Усть-Камыштинском – 33,1 дес., в улусе Капкаевском – 17,3 дес. Однако не все члены губернского правления были согласны с таким решением. Тот же Велецкий писал Чиркину, что «необходимо оставлять инородцам минимальные, а не максимальные наделы»¹⁷⁴. В этом отношении глава переселенческого ведомства был полностью согласен с губернским чиновником. Закрепление за хакасами «таких огромных площадей казенной земли» по его убеждению должно было непременно затруднить насаждение в Сибири

¹⁷¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1923. Л. 2-5, 55.

¹⁷² Григорьев В.Ю. К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края. СПб., 1906. С. 118; См. также: Козьмин Н.Н. Материалы для определения... С. 27; ГАКК. Ф. 595. Оп. 53. Д. 617. Л. 14.

¹⁷³ Козьмин Н.Н. Из итогов поземельного устройства инородцев в Минусинском уезде // Сибирские записки. 1918. № 2-3. С. 86.

¹⁷⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1923. Л. 5-59, 69.

«культурного скотоводства». Настаивая на сохранении 15 дес. надела, Чиркин предлагал губернскому правлению еще раз пересмотреть этот вопрос. После этого Иркутский генерал-губернатор предписал Н. Григорьеву и Н. Козьмину сделать специальные доклады о землеустройстве хакасов¹⁷⁵. Принятое по рассмотрении этих докладов решение не изменило нормы наделов в Абаканском ведомстве, однако в Аскызском ведомстве, где числилось 10 708 наделных душ, они были существенно понижены. По данным Н. Козьмина, 2270 душ м. п. получили от 10,9 до 14,1 дес.¹⁷⁶, в отдельных улусах размер наделов был менее 8 дес.¹⁷⁷ Лицемерная политика переселенческого ведомства и его местных чиновников, прикрывающаяся фразами о необходимости развития у хакасов «культурного скотоводства» и перехода к оседлости, сопровождалась значительными земельными отрезками.

В литературе, как итог землеустройства у хакасов к 1914 г., обычно фигурирует цифра в 500 000 дес. земельных отрезков¹⁷⁸, а в качестве примеров приводятся разрозненные факты, не воссоздающие целостной картины земельного грабежа хакасов царским правительством¹⁷⁹. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют существенно уточнить цифровые показатели. Отметим, что в данном случае можно говорить только об Аскызском и Абаканском ведомствах Минусинского уезда. У хакасов Кизильской волости Ачинского уезда землеустроительные работы начались только в 1910 г., и к началу мировой войны там было выполнено лишь 40 % работ¹⁸⁰.

Для уточнения итоговых показателей прежде всего отметим изъятие в начале 1900-х гг. в Абаканском ведомстве в казенные заказники 164 368 дес. земли, использованных ранее в качестве сенокосных выпасов. По свиде-

¹⁷⁵ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1923. Л. 89об., 165-165об.

¹⁷⁶ Козьмин Н.Н. Из итогов поземельного устройства... С. 86.

¹⁷⁷ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1923. Л. 167.

¹⁷⁸ История Сибири. Т. 3. Л., 1968. С. 303; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 293.

¹⁷⁹ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 293.

¹⁸⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 2113. Л. 145, 147.

тельству Н. Григорьева, в Койбальской степи в колонизационный фонд отошли «все излишние земли», находившиеся в пользовании хакасов по левой стороне от Абакана – 100 000 дес. Кроме того, по Абаканской волости в запасные участки было отрезано 162 970 дес.¹⁸¹ В улусах Верхний Карасук – 9936 дес, Баджа-Коса – 29 104 дес, в улусах северной части волости – 60–70 тыс. дес.

Тот же источник отмечает, что в Аскызском ведомстве в результате землеустройства землепользование хакасов «подверглось значительному сокращению». Там в государственные заказники было изъято 47 тыс. дес, в наделы русским крестьянам и казакам отмежевано 25 000 дес. земель аборигенов. Всего же по аскызскому и абаканскому ведомству в переселенческий фонд было изъято 518 тыс. дес. хакаских земель. К этому следует добавить «изъятие излишков» у хакасов Ачинского уезда – 74 тыс. дес. и Красноярского – 75 тыс. дес.¹⁸² В общем итоге из землепользования хакасов было изъято 670 000 дес. земли, а не 500 тысяч дес., как отмечалось ранее. Реальные отрезки были больше на 170 тысяч дес., т. е. на 28,3 %. По исчислению В.Ю. Григорьева, общая площадь землепользования хакасов Минусинского уезда составляла 1 834 272 дес. Таким образом, только в этом уезде отрезки составляли 32,6 %¹⁸³. По мнению генерал-губернатора, было «возможно ожидать, что... переход от бывшего простора... к ограниченным определенными рамками наделам будет для кочевников-номадов далеко не легким»¹⁸⁴.

В конце XIX в. Томская губерния делилась на две части. К ведомству министерства государственных имуществ относились Томский, Каинский, Мариинский округа. Остальные три округа – Барнаульский, Бийский, Кузнецкий – и 5 волостей южной части Томско-

¹⁸¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1923. Л. 167 об.

¹⁸² Козьмин Н.Н. Земельный вопрос в Енисейской губернии. Красноярск, 1917. С. 12.

¹⁸³ Григорьев В.Ю. Поземельное устройство инородцев минусинского края. СПб., 1906. С. 39–40.

¹⁸⁴ ОГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1923. Л. 191.

го округа входили в состав Алтайского горного округа, принадлежащего Кабинету¹⁸⁵.

Землеустройству на основании законов 1896 и 1898 гг. подлежали только казенные земли. В Томском и Каинском уездах землеустроительные работы начинались сразу после опубликования законов, в Мариинском уезде – только в 1910 г. Как и в Восточной Сибири, здесь переселенческое управление упорно проводило мысль о необходимости соблюдения 15 дес. нормы надела. В марте 1910 г. Кривошеин писал Столыпину, что в Сибири «не во всех районах воспринимаются в полной мере предписания о возможно экономном расходовании земельного фонда». Он просил Столыпина оказать соответствующее воздействие на подведомственных министерству внутренних дел губернаторов с тем, чтобы «стремиться к проектированию наделов по... возможно экономному расчету»¹⁸⁶. В министерстве внутренних дел просьба Кривошеина встретила полное сочувствие. Товарищ министра А.И. Лыкошин не только «предписал» гражданским властям продолжать всяческое содействие работам по землеустройству «иностранцев», но и отметил от себя, что «многие инородческие общества владеют весьма значительными земельными площадями..., несомненные излишки которых могли бы быть использованы для русских переселенцев».

В Томской губернии было немало чиновников, «чутких» к подобным предписаниям начальства. Одним из них являлся управляющий государственными имуществами В. Князев. Резюмируя свое мнение по поводу многочисленных жалоб аборигенов на обезземеливание, в отношении от 20 августа 1911 г. на имя начальника департамента государственных земельных имуществ А.А. Риттиха он писал: «Надо полагать, домогательства иностранцев кончатся для них в отрицательном смысле».

Осенью 1911 г. в земском отделе министерства внутренних дел была составлена справка об «иноподанных»

¹⁸⁵ Волости и населенные места 1893 г. Вып. 12. Томская губерния. СПб., 1894. С. 2.

¹⁸⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 713. Л. 1об.-2.

ведомствах Томской губернии, в которых землеустроительные работы следовало завершить в «скорейшем времени». По Томскому уезду в этом списке значились 60 юрт и селений Николаевской и Щепецкой волостей. По Кузнецкому – коренные жители Кондомо-Бирсиатской и Кондомо-Бежбоякской и других управ, по Мариинску – 19 юрт и селений Тутальско-Чулымской и другие¹⁸⁷. Однако такие указания министерства выполнялись не везде, ввиду враждебного отношения населения к работам, нехватки чиновников и по другим причинам¹⁸⁸. Все это сдерживало ход землеустройства. К августу 1913 г. в Томском уезде из 81 инородческого селения (6130 душ м. п.) были землеустроены жители только 21 села (2450 душ м. п.), т. е. 39,9 %, в Каинском уезде – из 55 сел (5400 душ м. п.) – 29 сел (2861 душ м. п.) или 52,9 %, в Мариинском уезде из 31 села (2443 душ м. п.) – 9 сел (1788 душ м. п.), т. е. 73,1 %¹⁸⁹. Таким образом, к началу Первой мировой войны около 45 % коренного населения губернии не было землеустроено.

Ход землеустроительных работ в губернии в 1914–1916 гг. показан в табл. 13. Данные ее свидетельствуют, что отрезки от инородческих земель в губернии проводились ежегодно. В результате у коренных жителей к 1 января 1917 г. было отрезано 57 433 дес., в то время как площадь крестьянского землепользования возросла на 22 416 дес. В подавляющем большинстве отрезки «инородческих» земель проводились в Каинском уезде. По данным отчета за 1915 г., здесь коренные жители до землеустройства владели 192 000 дес. земли. В результате землеустройства у них было отрезано 64 000 дес., а прирезано 5 тыс. дес.¹⁹⁰, т. е. площадь землепользования сократилась на 59 000 дес. (34 %). В Томском уезде отрезки и прирезки были невелики – соответственно 2478 дес. и 6027 дес. В результате в 28 селах из 36 размеры

¹⁸⁷ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 713. Л. 41–42об., 35об., 55.

¹⁸⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 10. Л. 227, 230.

¹⁸⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84, 1904 г. Д. 78. Л. 108. Проценты подсчитаны автором.

¹⁹⁰ Там же. Ф. 391. Оп. 6. Д. 45. Л. 63–63об.

землепользования на одну надельную душу остались без изменения – 15 дес., к 12 селам были сделаны прирезки из казенных земель, в результате чего наделы на душу м. п. увеличились с 7,22 до 9,2 дес. В пяти многоземельных селениях, в которых были сделаны отрезки, размер душевого надела составлял 19,15 дес.¹⁹¹ В Мариинском уезде землепользование аборигенов на окончательно отграниченных землях увеличивалось с 7461 дес. до 10 649 дес. или на 30 %. Прирезки удобной земли составляли 2296 дес. – 72 %. Средняя душевая норма у коренного населения до землеустройства составляла 8,6 дес., а по уезду – 9,3 дес. В результате землеустройства эти данные соответственно составили 11,9 и 10,6 дес.¹⁹²

В губернии большая часть земельных отрезков у аборигенов была использована для создания переселенческого фонда – примерно 70 %, около 15 % пошло на прирезки малоземельным селениям и столько же на создание лесных дач¹⁹³. Опубликованное на страницах «Сибирских вопросов» письмо неизвестного автора из Томска наглядно подтверждает приводимые выше цифры. «Отыскание во что бы то ни стало свободных участков земли для отвода на них переселенцев... заставило экспроприировать у сибирских инородцев и кочевников-скотоводов лучшие их земли»¹⁹⁴.

В отличие от коренных жителей казенной части Томской губернии, аборигенное население Алтайского округа землеустраивалось по закону 31 мая 1899 г. Первые наделы русским старожильческим селениям в Горном Алтае были отведены в 1902–1903 гг. Однако тогда поземельноустроительная комиссия, ссылаясь на кочевой образ жизни аборигенов, высказалась против их землеустройства на одинаковых основаниях с крестьянами¹⁹⁵. Министерство внутренних дел и переселенческое управ-

¹⁹¹ Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 55; ЦГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 45. Л. 35.

¹⁹² РГИА. Ф. 391. Оп. 10. Д. 9. Л. 100об.-101.

¹⁹³ Там же. Оп. 6. Д. 45. Л. 63об.

¹⁹⁴ Сибирские вопросы. 1911. № 20–21. С. 66.

¹⁹⁵ РГИА. Ф. 391. Оп. 10. Д. 33. Л. 213.

ление, наоборот, требовали «поставить дело устройства местного населения возможно шире, дабы этим путем освободить необходимые» для переселения земли

В мае 1903 г. Томское губернское управление решило кочевых «инородцев» 13 административных единиц Бийского уезда «не подвергать, впредь до времени, землеустройству», которое у этой части коренного населения предлагалось провести только в случае их собственного согласия. Попытка поставить землеустройство аборигенов в зависимость от их желания вызвала негативную реакцию Петербурга. В апреле 1904 г. министр императорского двора писал В.К. Плеве, что «организация землеустроительных работ... вовсе не считается с желанием отдельных крестьян или инородцев получать душевые наделы»¹⁹⁶. Принятое решение министр двора расценивал как ошибку. Трения между двумя ведомствами завершились принятием 12 мая 1904 г. «Правил устройства кочевых инородцев Бийского уезда Томской губернии», которые временно приостанавливали землеустройство кочевого населения горного Алтая. В то же время предусматривалось землеустройство на общих основаниях аборигенов Кумандинской волости. Землеустройство этой части коренного населения было завершено к 1908 г.

Дальнейшее развитие землеустройства населения Алтайского округа находилось в тесной связи с мероприятиями Кабинета по усилению роли земельной собственности как главной материальной опоры короны. Революционная обстановка 1905-1907 гг., критика «левых» партий потребовала от монархии некоторых жертв, широко разрекламированных реакционной печатью как очередные акты «монаршей» милости. Одной из таких мер явилось принятие в 1906 г. «Правил составления и рассмотрения государственной росписи», определивших размер денежных «дотаций» из государственного казначейства министерству императорского двора в 16 359 595 руб. Однако общий бюджет министерства

¹⁹⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84, 1904 г. Д. 28. Л. 14об.; ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 4033. Л. 1.

постоянно возрастал¹⁹⁷. По официальному признанию чиновников Кабинета, «для предотвращения финансового кризиса бюджета министерства... необходимо было принятие особых мер», главным образом, в Алтайском и Нерчинском горных округах. В разработанной Кабинетом аграрной программе важное место занимает указ от 14 ноября 1906 г., передававший свободные земли Алтайского округа под переселение¹⁹⁸. Однако Кабинет передавал земли не безвозмездно. Поступавший в переселенческое управление земельный фонд должен был выкупаться государственным казначейством у Кабинета на началах указа от 31 мая 1899 г. Теперь одним из основных направлений аграрной политики Кабинета становилось ускорение землеустройства. «То, что прежде делалось годами, теперь делается в один год», — отмечали современники¹⁹⁹. Именно в это время вновь встал вопрос о землеустройстве коренного населения Горного Алтая.

В июне 1907 г. начальник округа сделал представление в губернское управление о необходимости скорейшего землеустройства алтайцев. Однако члены губернского присутствия вновь высказались против сплошного землеустройства населения Горного Алтая. Они считали, что «с большой натяжкой» можно было устроить лишь 20 % населения. Землеустройство остальных на общих основаниях с крестьянами могло дать «совершенно противоположные результаты»²⁰⁰.

Важным этапом в разработке земельной политики Кабинета на Алтае явилась поездка летом 1907 г. заведующего земельно-заводским отделом Е.Н. Волкова, имеющая целью личное ознакомление с ходом землеустройства. На состоявшемся по возвращении Волкова совещании в Кабинете отмечалось, что указ 14 сентя-

¹⁹⁷ Обзор деятельности Кабинета его императорского величества за 1906-1915 годы. Пг., 1916. С. 5.

¹⁹⁸ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 403. Л. 1.

¹⁹⁹ Сибирские вопросы. 1911. № 28-29. С. 9.

²⁰⁰ Отчет начальника Алтайского округа действительного статского советника В.П. Михайлова по ознакомлению с Горным Алтаем в лето 1910 г. Барнаул. С. 82,83.

бря 1906 г. о передаче земель округа под переселение осуществляется медленно. Поэтому начальнику округа было указано на «первенствующее государственное» значение землеустроительных работ и необходимость их окончания в кратчайший срок²⁰¹. Новому заведующему землеустройством округа В.П. Михайлову поручалось разработать «иную организацию работ». В апреле 1908 г. Кабинет утвердил новую инструкцию о ведении землеустройства в округе. Документ требовал «устранить все, невызывающиеся существом дела лишние обрядности». Процедуры снятия земель на планы, определения их ценности были значительно упрощены. Имея в виду это обстоятельство, современники отмечали, что теперь о качестве работ не было и «помина»²⁰². На страницах периодических изданий все чаще стали появляться статьи официальных лиц, авторы которых доказывали своевременность сплошного землеустройства кочевого населения Горного Алтая²⁰³. С целью «психологической» подготовки аборигенов к землеустройству резко активизировала деятельность алтайская духовная миссия. Архиепископ Томский и Барнаульский Макарий сообщал Томскому губернатору К.С. Нолькену, что отцы-миссионеры «давно уже готовят своих ново-крещенных к землеустройству», советами и убеждениями заставляя их «принять надельную землю...»²⁰⁴. Однако участники статистического обследования Горного Алтая 1908 г., осуществленного под руководством М.М. Безуглова, высказались против сплошного землеустройства аборигенов. 13 июля 1908 г. Кабинет принял решение о прекращении переселения в Горный Алтай²⁰⁵.

В условиях третьейеюньского режима и коммерческих начинаний Кабинета приостановка землеустройства на Алтае могла быть мерой только временной. Результаты

²⁰¹ Обзор деятельности Кабинета... С. 39-40.

²⁰² Сибирские вопросы. 1911. Л. 28-29. С. 9.

²⁰³ Вопросы колонизации. 1909. № 5. С. 158-178.

²⁰⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84, 1907 г. Д. 116. Л. 15-15об.

²⁰⁵ Там же. Ф. 391. Оп. 3. Д. 752. Л. 61-72.

обследования 1908 г. в основной их части – о невозможности сплошного землеустройства – не удовлетворили Кабинет и переселенческое управление. Поэтому 30 мая 1909 г. было принято совместное решение Кабинета и переселенческого ведомства об организации нового обследования под углом отмены правил 12 мая 1904 г., приостановивших землеустройство алтайцев. Особо подчеркивалось, что землеустройство коренного населения желательно провести на основании закона 31 мая 1899 г., так как разработка специального закона для алтайцев могла потребовать много времени²⁰⁶. Организация и проведение обследования были возложены на заведующего переселением и землеустройством округа В.П. Михайлова. Формальная цель экспедиции заключалась в выяснении вопроса о возможности сплошного землеустройства аборигенов, однако не подлежит сомнению, какие выводы ждали в Кабинете. По оценке чиновника переселенческого управления Н.Я. Овчинникова, обследование 1910 г. «явилось лишь сводкой уже имевшихся данных...»²⁰⁷ Но вывод Михайлова из этой сводки был совершенно иной. По его мнению, было безразлично, по какому закону проводить землеустройство аборигенов Горного Алтая. В любом случае, отмечал Михайлов, «на результатах инородческого хозяйства должно будет очень заметно отразиться подчинение инородцев наделу». Тем не менее, в угоду требованиям Кабинета, Михайлов утверждал, что закон 31 мая 1899 г. «вполне применим» к населению Горного Алтая и предлагал немедленно начать там землеустроительные работы²⁰⁸.

Землеустройство алтайцев было осуществлено в 1911 г. Всего по Горному Алтаю было землеустроено 263 селения аборигенов (26 014 душ м. п.), которым отвели 1 948 934 дес. земли. Из этого количества 484 205 дес. было удобной земли (24,8 %), остальная часть – 1 464 728 дес. – неудобной. Из земель фактического

²⁰⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1316. Л. 30 об.

²⁰⁷ Там же. Оп. 10. Д. 33. Л. 215, 226.

²⁰⁸ Отчет В.П. Михайлова... С. 216.

пользования аборигенов было отрезано в пользу Кабинета еще 121662 дес. (25,1 %) ²⁰⁹. Расчеты, проделанные на основании официальных сведений за 1916 г. ²¹⁰, выявляют следующие размеры удобной земли на 1 душу м. п.: по инородным управам Бийского уезда – Уймонская – 21,9 дес., Калмыцкие стойбища – 25,7 дес., Сарасинская – 16,6 дес., Миютинская – 15,3 дес., Улалинская – 13,7 дес. и т. д. В Кузнецком уезде в Кондомской волости средний размер земельного надела составлял 16,7 дес., в Мрасской волости – 15,6 дес. Отметим высокий удельный вес неудобных земель. В Бийском уезде он составлял 77 %, в Кузнецком – 37 %, в районе Кумандинских волостей – 56 %. Лесные наделы в Горном Алтае из 263 землеустроенных селений получили 145 сел (56 %). Оседлые аборигены Кузнецкого уезда вообще лесные наделы не получали, а из 119 селений скотоводов лесные наделы получили только 12 % ²¹¹. В результате землеустройства коренное население Алтайского округа лишилось четвертой части своих земель. Не случайно исследователи отмечают земельную экспроприацию алтайской деревни в результате землеустройства ²¹².

Накануне землеустройства коренное население Тобольской губернии проживало во всех 10 уездах, однако четвертая часть аборигенов селилась в северных Сургутском и Березовском округах, где землеустройство не проводилось. В Тобольском уезде, расположенном в северной таежной зоне, где проживало 28,7 % аборигенов, землеустроительные работы были начаты только в 1910 г. Вследствие тяжелых топографических условий работы шли медленно, большая часть аборигенов

²⁰⁹ Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 65, проценты подсчитаны автором.

²¹⁰ Ведомость селений Алтайского округа Бийского уезда, устроенных по закону 31 мая 1899 г. Барнаул, 1916.

²¹¹ ЦГИА. Ф. 391. Оп. 10. Д. 33. Л. 245, 248-251.

²¹² Жидков Г.П. Февральская революция и ликвидация Кабинетского землевладения на Алтае // Научная сессия, посвященная 50-летию свержения самодержавия в России. Доклады. Секция 1. Социально-экономические предпосылки Февральской революции в России. М., Л., 1967. С. 94.

уезда не была охвачена землеустройством. Сплошному землеустройству подверглось лишь коренное население Ишимского, Курганского и Ялуторовского уездов. Однако удельный вес аборигенов там был невелик – 3,8 %. В Тарском, Туринском, Тюкалинском, Тюменском уездах проживало 37,5 %, там землеустройством было охвачено около половины земель.

В «иностранческих» волостях землеустроительные работы начинались, как правило, позднее по сравнению с русскими селами. План работы по губернии на 1908 г. предусматривал только выяснение прав коренного населения Тобольского, Тарского, Тюменского, Ялуторовского уездов на занимаемые ими земли, в то время, когда в том же Ялуторовском уезде землеустроительные работы у русского населения шли с 1898 г.²¹³ Необходимость обследования землепользования аборигенов, по мнению А.А. Кауфмана, вызывалась тем, что «иностранцы» почти повсеместно по отношению к занимаемым ими землям предъявляли «притязания на право собственности»²¹⁴. Опровержение таких «притязаний», по мнению переселенческого управления, должно было создать «твердые основания к поземельному устройству иностранческого населения губернии». Переселенческое управление не считало нужным скрывать истинные цели землеустройства аборигенов губернии. «В связи с устройством иностранцев предвидится возможность ...изъять ...значительную часть их земель для колонизации», – отмечалось в плане работ на 1908 г. Таким образом, и в этом регионе землеустройство преследовало цель сокращения землепользования аборигенов в интересах создания переселенческого фонда. Из общей суммы в 10 тыс. руб. на обследование аборигенов Тобольского, Тарского, Тюменского, Ялуторовского уездов выделялось 7,5 тыс. Планировалось обследовать 450 селений с 15 000 дворами. Однако на деле под руководством И.А. Андронникова

²¹³ РГИА. Ф.391, оп.6, д.44, л.1.

²¹⁴ Кауфман А. Земельный вопрос и перенаселение // Сибирь, ее современное состояние и нужды. – СПб., 1908. С.95.

в 1908 г. было обследовано 10 тыс. дворов. Программа и сам характер обследования определялись его задачами – выяснением размеров «излишков земель, могущих быть обращенными под колонизацию»²¹⁵. Результаты обследования, опубликованные в 1911 г.²¹⁶, были положены в основу землеустройства аборигенов.

Материалы обследования убедили Андронникова в том, что большая часть коренного населения губернии – татары, вели оседлый или полuosедлый образ жизни. У этой части населения значительное развитие получило земледелие и скотоводство. Поэтому Андронников считал необходимым осуществить землеустройство коренного населения губернии на одинаковых с крестьянами основаниях.

По итогам землеустройства к 1 января 1916 г. размеры землепользования русского и коренного населения в Тюкалинском, Тюменском, Туринском, Тарском уездах не изменились. Кажущееся увеличение землепользования населения Туринского и Тарского уездов следует объяснять включением в наделы большого количества неудобных земель²¹⁷. Лишь в Ялutorовском уезде, где, по мнению землеустроителей, землепользование аборигенов «всегда было значительным и далеко превышало высшие нормы душевого надела», было отрезано 27 407 дес. (1,8 %) земли. В итоге в уезде размеры душевых наделов аборигенов сократились с 45 до 17 дес.²¹⁸, а в некоторых, как например, в Асланинских юртах Авазбакевской волости, даже меньше²¹⁹. Это порождало многочисленные жалобы населения. Однако только после свержения самодержавия землеустроительные работы в губернии были прекращены²²⁰.

²¹⁵ План работ переселенческого управления на 1908 г. С. 13–14; Статистико-экономическое обследование... С. 10, 21.

²¹⁶ Андронников И.А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. Тобольск, 1911.

²¹⁷ Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 53; ЦГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 44. Л. 109.

²¹⁸ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 44. Л. 110, 114.

²¹⁹ Там же. Оп. 5. Д. 803. Л. 133об.

²²⁰ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 221. Л. 62.

Таким образом, землеустройство народов Сибири проводилось в два этапа. Первый – с 1898 г. и до буржуазно-демократической революции 1905-1907 гг. Революция сузила размах колонизаторской политики царизма, приостановила земельный грабеж коренного населения. Второй этап землеустройства аборигенов охватывает период 1908-1917 гг., когда оно было полностью подчинено интересам переселенческой политики.

В результате землеустройства народы Сибири лишились 3 884 188 дес., что составляло 28,5 % дореформенного землепользования. Интенсивность землеустройства была неодинаковой. Особенно велики были земельные отрезки у иркутских и забайкальских бурят. Большая часть земельных отрезков была использована для создания колонизационного фонда.

Своим практическим результатом землеустройство имело подрыв скотоводческого хозяйства нерусских народностей. Этот процесс особенно сильно проявился в местах массового землеустройства. У бурят Забайкальской области число голов скота на 100 душ населения сократилось с 1170 голов в 1897 г. до 891 головы в 1917 г. или на 26 %, В Иркутской губернии соответственно с 381 до 184 голов, или на 51,3 %²²¹. В условиях экстенсивного хозяйства кризис переживало прежде всего табунное скотоводство, требующее значительных площадей. Например, у хакасов Енисейской губернии удельный вес лошадей снизился с 23,1 % в 1890 г. до 15,3 % в 1917 г.²²² Упадок наиболее прибыльных отраслей скотоводства, общее сокращение поголовья животных приводили к расшатыванию бюджетов «иностранческих» хозяйств. Материальные потери в результате сокращения скотоводства не

²²¹ Подсчитано автором по данным: Серебренников И.И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. Верхнеудинск, 1925. С. VI; ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. К. 194. Д. 3671. Л. 5; Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственно-поземельной переписи в 1917 г. по 52 губерниям и областям. М., 1921. С. 72-73.

²²² Подсчитано по данным: Отдел управления Енисейского губернского исполнительного комитета. Приложения к № 10 «Известий Енисейского отдела управления». Вып. 2. Хакасский уезд. Красноярск, 1923. СТО.

могли компенсироваться за счет расширения запашки, так как для этого необходимы были свободные денежные средства. К тому же экстенсивное скотоводство с его сезонными перекочевками препятствовало накоплению в хозяйствах тяжелого сельскохозяйственного инвентаря и не способствовало росту материальной заинтересованности в развитии земледелия.

Землеустройство в известной степени нанесло удар по земельным правам «родовой аристократии», ослабило ее экономическое и политическое значение, но не уничтожило власти богатой верхушки. На смену отмирающей родовой знати приходили кулаки, ведущие свое хозяйство капиталистическими методами. Да и сама родовая знать сохраняла определенные возможности для захвата общинных земель. Этому в немалой степени способствовала позиция царских властей, видевших в «иностранцах»-богачах свою социальную опору среди нерусских народностей. Не случайно во всеподданнейшем докладе царю в июне 1912 г. Кривошеин подчеркивал необходимость наделять большим, по сравнению с установленным законом, наделом земли тех кочевников, которые ведут обширное скотоводческое хозяйство, предоставлять им в аренду на льготных условиях казенные оброчные статьи²²³. Поэтому землеустройство наиболее тяжело сказалось на положении бедняцко-середняцкой части населения. Неравномерность в распределении земельных угодий между различными социальными категориями аборигенов сохранялась. Этот факт подтверждается многочисленными свидетельствами современников, работами исследователей²²⁴. Концентрация фактического землепользования в руках богатой верхушки способствовала более широкому развитию классовой борьбы,

²²³ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1900. Л. 105.

²²⁴ Солдатов В.В. Фонды общинного землепользования в Забайкальской области // Вестник Европы. 1913. Кн. 75. С. 245; Аппаятов Ч. Путь батрака // Борьба трудящихся Горного Алтая за установление Советской власти. Горно-Алтайск. кн. изд-во, 1957. С. 7; Шейнфельд М.Б. Материалы статистико-экономического обследования... С. 49.

что в объективно-историческом смысле имело прогрессивное значение.

Эти же черты были характерны для аграрной политики империи в других колонизируемых районах России. В Башкирии проводившееся в конце XIX в. размежевание башкирских земельных дач имело целью изыскание земельных излишков для переселения²²⁵. С этой же целью у казахов было отрезано около 50 млн дес. земли²²⁶. В этих районах, как и в Сибири, в переселенческий фонд изымались лучшие земли с оросительными каналами, нормы земельного надела коренного населения не соблюдались. Характерно, что в ходе землеустройства царизм и здесь стремился учесть интересы местного кулачества, баев и т. д.²²⁷ Особенность взаимодействия экономических интересов самодержавия и его аграрной политики четко прослеживается на примере Туркестана²²⁸, Кавказа²²⁹, других районов.

В итоге отметим, что на протяжении всей второй половины XIX и начала XX вв. наблюдается тесная связь развития аграрного законодательства и земельной политики в отношении нерусских народностей края с аграрным курсом самодержавия в Сибири и России в целом. Если в первые пореформенные десятилетия можно говорить о некотором запаздывании в развитии аграрного законодательства в отношении аборигенов по сравнению с русским крестьянством, то с середины 90-х гг. правительство отказалось от признания особых прав аборигенов на занимаемые земли и взяло курс на приравнивание их в отношении объема прав и размеров землепользования к русскому крестьянскому населению. Это нашло выражение в землеустройстве нерусских народностей,

²²⁵ Раимов Р.М. Аграрная революция в Башкирии 1917-1923 гг. // Исторические записки, 1950. Т. 32. С. 40-65.

²²⁶ Кучкин А.П. Земельная реформа в Казахстане в 1925-1927 годах // Вопросы истории. 1954. № 9. С. 25.

²²⁷ Вапонов О.Л. Земельная политика царского правительства в Казахстане (1907-1914 гг.) // Исторические записки, 1950. Т. 31. С. 74, 82, 83, 87.

²²⁸ Костельская З.Д. Из истории Туркестанского края. М., 1980. С. 39-54.

²²⁹ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968, Т. 6. С. 390.

в результате которого они лишились значительной части «породных» земель. Характер землеустройства и его ход определялись имперскими интересами и состоянием общественно-политической обстановки в стране в целом и в Сибири в частности. В землеустройстве народов Сибири, поскольку оно вливалось в столыпинскую аграрную политику, в известной мере проявилось буржуазное содержание.

ГЛАВА II

Развитие системы управления народами Сибири в первой половине XIX в.

1. Организация управления народами Сибири в конце XVIII – начале XIX века

Со времени присоединения Сибири к русскому государству одной из важнейших задач правительства являлась организация местного управления в соответствии с нуждами и потребностями феодального государства.

Во взглядах на вновь присоединенные племена правительство руководствовалось в основном финансовыми соображениями, что и предопределило его подход к вопросам управления жителями края. Организация местного управления строилась с учетом социально-экономической отсталости сибирских племен и невозможности полного подчинения их русскому законодательству.

В первой половине XVIII в. руководящим актом, в котором излагались правовые основы управления ясачными народами, была «Инструкция пограничным дозорщикам» Фирсову и Михалеву графа С.Л. Владиславича-Рагузинского от 22 июля 1728 г.²³⁰ Хотя инструкция предназначалась для управления только пограничными племенами, исследователи отмечают, что на нее ссылаются в своих общественных приговорах и другие народы²³¹. Это свидетельствует о более широком распространении действия инструкции.

---

²³⁰ Сычевский. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицкосавского пограничного управления Сычевским в 1846 г. М., 1875. С. 32–36.

²³¹ См.: Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа. М.; Л., 1940. С. 130; История Сибири. Т. 2. С. 310.

В соответствии с инструкцией из ведения родовых властей были изъяты так называемые «криминальные дела». Суд и расправа в «малых делах» – воровство, драки и т. п. – по-прежнему оставались в компетенции родоначальников. Ясак следовало собирать натурой или деньгами. Обязанности по сбору ясачной подати возлагались на родоначальников. Ясачные плательщики закреплялись за определенным родом. «Перебежки» из одного рода в другой запрещались²³².

Документом, характеризующим управление и суд народностями Сибири во второй половине XVIII в., является инструкция Сената, данная «за высочайшим подписанием» лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майору Щербачеву, командированному в 1763 г. в Сибирь для урегулирования ясачного сбора²³³. Основные положения этого документа соответствуют инструкции Рагузинского: «Ближайшее» управление по улусам и стойбищам вверялось родоначальникам «иноверцев», им же предоставлялась расправа в «делах тяжбленных и маловажноуголовных». Сбор ясака осуществлялся родоначальниками в натуральной и денежной форме. Ясачные народы закреплялись за определенным родом как основной административной и хозяйственной единицей.

Обе инструкции предписывали с «начальниками верноподданных обходиться приятельски». Так правительство стремилось заручиться поддержкой родоплеменной знати, которая являлась проводником политики самодержавия.

Попытки сохранить род как основную административную и хозяйственную единицу определялись политическими и финансовыми интересами царизма.

Инструкции разрешали уплачивать ясак не только пушниной, но и деньгами, что указывало, с одной стороны, на сокращение значения пушного промысла у коренных жителей, с другой – на развитие товарно-денежных отношений²³⁴.

²³² Сычевский. Историческая записка о китайской границе... С. 32.

²³³ Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856. Ч. 1. С. 251-264.

²³⁴ См.: Залкинд Е.М. Общественный строй бурят XVIII и первой половины XIX века. М., 1970. С. 60.

Обе инструкции формально ограничивали вмешательство русской администрации во внутриродовые дела народов Сибири, однако, впоследствии Сибирский комитет на основании ревизии М.М. Сперанского отмечал, что на практике «все управление инородцами перешло большею частию в зависимость земских чиновников и сделалось поводом к великим злоупотреблениям»²³⁵.

Инструкция 1763 г. не только подтвердила основные положения инструкции Рагузинского, но была наиболее полным законодательным актом правительства в отношении народов Сибири до принятия в 1822 г. «Устава об управлении инородцев». Она определяла порядок сбора ясака, регламентировала вопросы торговли с аборигенами, ограничивала въезд в «иноверческие» кочевья и улусы торговых людей одним разом в год во время сулганов и ярмарок, «когда комиссары для сбора ясака тамо находиться будут»²³⁶. Однако торговать с ясачными не разрешалось до тех пор, «пока они всей положенной ясашной суммы комиссарам не заплатят»²³⁷. Ограничением свободной торговли с аборигенами правительство стремилось обеспечить максимальный сбор ясака пушнинной. Однако М.М. Сперанский отмечал, что «из дел не видно, чтобы правило сие когда-либо строго было наблюдаемо»²³⁸.

В начале XIX в. сибирская губернская администрация издала ряд частных актов по управлению народами региона. Представляет интерес «Положение о выборе иноверческих начальников и правах их» (1812 г.) иркутского гражданского губернатора Трескина, ярого поборника консервативно-охранительной системы.

По существующему законоположению «иноверцы» должны были занимать «старшинские» должности по выбору. При этом допускалось и наследование должностей. В обоих случаях право окончательного утверждения в

²³⁵ Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. СПб., 1899. С. 175.

²³⁶ Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири. С. 258.

²³⁷ Там же.

²³⁸ Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения, с. 7-8.

должности оставалось за губернской администрацией. В новом положении Трескин стремился доказать, что наследственный родоначальник «бывает уважаем иноверцами и слово его имеет лучший вес, нежели простолюдина», который, по его мнению, «не имеет способностей и навыка в делах управления»²³⁹. Трескин предписывал «постановить неперменным правилом», чтобы назначение «иноверческих» родоначальников было наследственным: «малолетство сына или ближайшего родственника не есть препятствие к его назначению»²⁴⁰. В этом случае полагалось избрать опекуна, который обязывался «иметь попечение в образовании малолетнего так», чтобы по достижении совершеннолетия он мог приступить к управлению. Избрание в родоначальники рядовых улусников допускалось только в случае отсутствия возможных наследников. Положение предусматривало отстранение от должности «за нерадение в исполнении своей обязанности, худое правление своим родом»²⁴¹.

В целом положение отражало интересы потомственной родовой знати, которая являлась опорой самодержавия и вместе с царизмом угнетала рядовых улусников.

Свое положение родоначальники нередко использовали для внеэкономической эксплуатации налогоплательщиков. Наиболее типичной формой злоупотреблений являлись различные незаконные сборы. В 1776 г. поверенные ясачных Кульменского рода жаловались в Балаганское воеводское казначейство, что их родовой шуленга Шадар Челодаев сверх положенной на их род «ясашной суммы пяти сот сорока рублей собрал излишнего в первых два года в каждом году по пятнадцати рублей, но объявил... своим родовым, что сумма ясашная на роду нашем состоит пятьсот пятьдесят рублей»²⁴².

Нередки были случаи прямого надругательства над личностью. В 1803 г. ясачный Василий Чемесов жаловал-

²³⁹ РГИА, ф. 1281, оп. 11, д. 45, л. 282; ГАИО, ф. 7, оп. 1, д. 24.

²⁴⁰ РГИА, ф. 1281, оп. 11, д. 45, л. 282 об.

²⁴¹ Там же.

²⁴² ГАИО. Ф. 534. Оп. 11. Д. 1. Л. 133.

ся шуленге «Олзоеву роду» Балаганского ведомства Аменхену Далдаеву на избивание жены его старшиной Распопиным. Распоясавшийся старшина, будучи в «хмельном образе», избил беременную женщину «бесчеловечно имеющейся для дверей запоркою» до такой степени, что она «имеющегося в утробе ее младенца выкинула, отчего последовал... тогда чрезвычайный обморок»²⁴³.

Огромных размеров злоупотребления чиновников и родовых старшин достигли в период пребывания в должности сибирского генерал-губернатора И.Б. Пестеля (1806-1819)²⁴⁴. Беспорядки в управлении, сокращение поступления в казну денежных и натуральных налогов, жалобы на злоупотребления чиновников, волнения среди коренного населения – все это заставило правительство обратить внимание на Сибирь. Положение И.Б. Пестеля, управляющего огромным краем из Петербурга, пошатнулось. Правительство Александра I, заявлявшее прежде, что оно в «усердии Пестеля никогда не сомневалось», перестало верить его объяснениям по поводу многочисленных жалоб. Комитет министров признал необходимым сменить Пестеля и назначить в Сибирь нового генерал-губернатора, которому и поручить произвести ревизию и об «открывшемся донести государю».

В марте 1819 г. последовал именной рескрипт М.М. Сперанскому о назначении его сибирским генерал-губернатором. Сперанскому предписывалось «сделать осмотр сибирских губерний», обличить лиц, «предающихся злоупотреблениям», предать «кого нужно, законному суждению».

Ревизия М.М. Сперанского вскрыла вопиющие картины злоупотреблений и произвола сибирской администрации и иноверческих «начальников». В отчете в Сибирский комитет Сперанский указывал, что общим пред-

²⁴³ ГАИО. Ф. 534. Оп. 11. Д. 5. Л. 66.

²⁴⁴ См.: Отчет тайного советника Сперанского в обозрении Сибири. В кн.: Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения.

метом следственных дел «было лихоимство во всех его видах»²⁴⁵.

Результаты ревизии Сперанского хорошо известны²⁴⁶. В злоупотреблениях по расходу общественных сумм, в притеснении родовичей и в других преступлениях было выявлено 680 человек, в том числе 250 тайшей, зайсанов, лам и «других инородческих начальников»²⁴⁷.

«Первую причину» беспорядков и злоупотреблений Сперанский видел в «образе управления краю сему свойственном»²⁴⁸, а также в отсутствии общественного мнения, носителем которого, по Сперанскому, является дворянство. Побочные причины ревизор сводил к недостатку «уставов» для отдельных мест Сибири. «Где нет законов, там всем управляет личная власть», — писал он²⁴⁹. В силу классовой ограниченности Сперанский не мог понять, что злоупотребления «сибирских сатрапов» порождались самим существованием бюрократического государства и были одним из проявлений колониальной политики самодержавия по отношению к Сибири и ее населению.

Отправляя Сперанского в Сибирь, Александр I предписывал ему наряду с ревизией «сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края и сделать оному начертание на бумаге»²⁵⁰.

2. «Устав об управлении инородцев» 1822 года

Для рассмотрения отчета М.М. Сперанского по обозрению Сибири указом от 21 июня 1821 г. был образован «особый комитет» под названием Сибирского²⁵¹. По указу царя

²⁴⁵ Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. С. 24.

²⁴⁶ См.: Корф М. Указ. соч.; Вагин В. Указ. соч.; Ядринцев Н.М. Указ. соч.; История Сибири. Т. 2 и др.

²⁴⁷ Прутченко С. Указ. соч. С. 21.

²⁴⁸ Там же. С. 23.

²⁴⁹ Там же. С. 24.

²⁵⁰ Корф М. Указ. соч. Т. 2. С. 175–176.

²⁵¹ ПСЗ-1. Т. 37, № 28706.

в Комитете были сосредоточены все сведения о Сибири, имеющиеся в распоряжении правительства. В состав его вошли крупнейшие государственные сановники: Аракчеев, Гурьев, Голицын, Кочубей, Компенгаузен и Сперанский. Делопроизводителем был назначен Батеньков²⁵².

На заседании Комитета 3 ноября 1821 г. был составлен план работы и конкретизированы обязанности нового органа по управлению Сибирью.

В марте 1822 г. Сибирский комитет рассмотрел проект «Устава об управлении инородцев». Устав дает возможность понять правительственный взгляд на коренное население Сибири, определить ту роль, которую отводило самодержавие народам края в социально-экономическом развитии восточных окраин империи.

Аборигены играли заметную роль в экономике Сибири, а налоговые поступления с них, особенно пушнина, составляли важную статью кабинетских доходов. Это вынуждало правительство с особой тщательностью подойти к реформе управления народами Сибири.

Не случайно устав Сперанского регламентировал все стороны жизни коренного населения – экономическую, административную, судебную-правовую и культурно-бытовую.

Стремясь обосновать необходимость изменения и регламентации жизни народов края, члены Сибирского комитета указывали, что существующее законодательство об «инородцах» «не объемлет многих необходимых потребностей», отчего происходят значительные «неудобства». Последние, по мнению членов Комитета, сводились к следующему: по составу управления – отсутствие четких обязанностей родоначальников, отчего «все управление инородцев перешло большею частию в руки земских чиновников и сделалось поводом к великим злоупотреблениям», отсутствие дифференцированного подхода к племенам с различным уровнем хозяйственного и общественного развития; по хозяйству – существую-

²⁵² ПСЗ-1. Т. 37, № 28706.

щее законодательство не учитывало изменений в хозяйстве народов края, которые происходили на протяжении XVIII и первой четверти XIX в.; запрещение свободной торговли с аборигенами явилось поводом к установлению монополии чиновников и грабежу нерусского населения; по суду – обычное право аборигенов, на основе которого осуществлялось судопроизводство в родах, не было систематизировано и письменно оформлено, что порождало споры ясачных «о смысле и силе их правил», право это не всегда соответствовало нормам человеческой гуманности²⁵³. Объективные потребности развития народов Сибири требовали устранения этих недостатков.

В основу проекта были положены следующие принципы: 1) разделение коренного населения на три разряда в соответствии с родом занятий и образом жизни (оседлые, кочевые, бродячие); 2) ограничение опеки над аборигенами со стороны русской администрации и полиции (власть ее должна была состоять отныне только в осуществлении «общего надзора»); 3) введение свободной торговли с аборигенами, что соответствовало объективным потребностям экономического развития народов Сибири; 4) количество налогов и податей предполагалось привести в соответствие экономическим потребностям каждого племени и впредь основываться на данных общей ревизии, по временам производимой»²⁵⁴. «Устав об управлении инородцев» был подтвержден Александром I 22 июня 1822 г. Для характеристики экономической политики царизма важны разделы Устава, посвященные хозяйственной жизни коренных народов.

В главе «О разделении инородцев» дается обоснование необходимости деления коренного населения на три разряда. В этом делении проявилась попытка дифференцированного подхода авторов Устава к различным группам сибирских народов по уровню их хозяйственного развития. При определении степени экономического развития

²⁵³ Прутченко С. Указ. соч. С. 176.

²⁵⁴ Там же. С. 176.

основным критерием явился вид хозяйственной деятельности, составляющий «главный способ их пропитания»²⁵⁵, а не эпизодические доходы.

К разряду оседлых Устав относил народы, живущие в городах и селениях, основными занятиями которых были земледелие и торговля²⁵⁶. Поразрядная система обусловила и гражданское состояние народов Сибири. Оседлые аборигены приравнивались к сословию государственных крестьян, сравниваясь с ними во всех «правах и обязанностях». «Они управляются на основе общих узаконений и учреждений», – говорилось в Уставе²⁵⁷. Но вместе с тем оседлые жители освобождались от рекрутской повинности²⁵⁸.

Уставом за оседлыми закреплялись те земли, которыми они владели «по древним правилам», по праву первоначального заселения. Узаконивая 15-десятичную пропорцию, Устав требовал наделения землей за счет близлежащих пустошей тех аборигенов, у которых земельные наделы были меньше указанной нормы²⁵⁹.

Разряд кочевых составляли коренные жители, «занимающие определенные места, по времени года перемняемые», т. е. ведущие полуоседлый образ жизни. Кочевые жители составляли «особенное сословие в равной степени с крестьянами, но отличное от оногo в образе управления». Иными словами, приравнивая кочевых к государственным крестьянам в налоговом обложении, составители Устава сохранили для них самостоятельность в управлении и суде.

Вопросы владения землей разрешались у кочевых по аналогии с оседлыми жителями. «Кочующие инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли»²⁶⁰. Правило «давности», т. е. первоначального заселения применялось не только к оседлым, но и к коче-

²⁵⁵ ПСЗ-1. Т. 38, № 29126, § 11.

²⁵⁶ Там же, § 1.

²⁵⁷ Там же, § 13.

²⁵⁸ Там же, § 19.

²⁵⁹ Там же, § 20.

²⁶⁰ ПСЗ-1. Т. 38, № 29126, § 1, 26.

вым народам. Формы и способы передела родовой земли определялись самими аборигенами.

Третью группу коренного населения составляли «бродячие инородцы» или «ловцы», переходящие с одного места на другое «по рекам и урочищам»²⁶¹. В отношении прав бродячих аборигенов в Уставе говорилось, что на них распространяются «правила, для кочующих постановленные». Допускалось лишь несколько незначительных исключений из этих «правил», обусловленных образом жизни народов²⁶².

Конечная цель разрядной системы заключалась в переходе бродячих и кочевых жителей в категорию оседлых «инородцев» по мере успехов их в хозяйственном развитии. «Позволяется кочующим, — говорилось в Уставе, — если которые из них водворятся оседло по собственной их воле, вступать в сословие государственных крестьян, равно в городовые жители и записываться в гильдии»²⁶³. Перечисление из одного разряда в другой приурочивалось к очередной ревизии. Вместе с тем в Уставе особое внимание уделялось тому, чтобы внушить аборигенам, что они «без собственного их желания не будут включаться в какое другое сословие»²⁶⁴.

Перевод «инородцев» в разряд оседлых преследовал защиту фискальных интересов самодержавия, так как он сопровождался возведением в более высокий оклад государственных крестьян. Наряду с этим разрядная система преследовала и ассимиляторские цели. Однако нельзя не отметить, что «приравнивание» народов Сибири к русскому населению имело и прогрессивное значение. Задача постепенного перехода бродячих и кочевых жителей в категорию оседлых была основана на успехах хлебопашества, а распространение земледелия в хозяйстве коренного населения уже само по себе было положительным явлением. Мысль об уравнивании в правах

²⁶¹ ПСЗ-1. Т. 38, № 29126, § 1.

²⁶² Там же, § 61.

²⁶³ Там же, § 57.

²⁶⁴ Там же, § 25.

русского и коренного населения была внесена в Устав Г.С. Батеньковым. Будущий декабрист неоднократно говорил о необходимости «вторичного» присоединения Сибири к России. Говоря так, он имел в виду те усилия и мероприятия, которые должны быть направлены к приобщению коренных народов Сибири к более высокой русской культуре²⁶⁵.

Приравнивание коренного населения Сибири к русскому выгодно отличает Устав Сперанского от законодательства западноевропейских государств в отношении населения колоний, которое подвергалось национальной дискриминации.

Правительственную позицию в отношении хозяйственного развития народов Сибири авторы Устава формулируют, исходя из стремления обеспечить большую доходность и устойчивость «инородческих» племен. Поэтому Устав предусматривал наделение земель аборигенов всех разрядов. Хотя данная мера и определялась фискальными интересами казны, однако имела и положительное значение.

Определенные преимущества давались аборигенам Уставом и в отношении воинской повинности. В то время как на западе в колониальных странах формировались целые туземные армии (зуавы в Африке, сипаи в Индии), народы Сибири освобождались от рекрутчины.

Вторая часть Устава посвящена организации управления народами Сибири. Характерной особенностью является не просто стремление авторов Устава реформировать управление, а построить его «на основе учета некоторых национальных особенностей» нерусского населения края²⁶⁶.

Устав предусматривал создание ратуш и словесных судов для «торговых» аборигенов и специальных воло-

²⁶⁵ Шатрова Г.П. К вопросу о взглядах декабристов на Сибирь и программа подъема ее производительных сил и культурного уровня // Учен. зап. ТГУ, Томск, 1958. Вып. 24. С. 66.

²⁶⁶ Светличная Л.И. «Устав об управлении инородцев» М.М. Сперанского (1822 г.) // Учен. зап. ТГПИ. Тюмень, 1957. С. 65.

стей для земледельцев. Состав и обязанности членов волостного правления ничем не отличались от волостного правления русских поселян²⁶⁷.

Органы родового управления строились с учетом родового принципа. Стремление сохранить род как основную административную и экономическую единицу явилось одним из основных принципов правительственной политики в отношении народов Сибири. Крестьянская община, как форма организации русского населения, также была предметом тщательной опеки царизма. Сохранение родовой общины как основной территориально-административной единицы не только облегчало эксплуатацию родовичей и общинников, но создавало дополнительные возможности для внеэкономического воздействия на них. Это направление правительственной политики было традиционным. Поэтому не правы те исследователи, которые считают, что мероприятия Сперанского в области административного устройства бродячих и кочевых жителей объективно должны были «ослабить их родовое устройство»²⁶⁸. В этом плане совершенно справедливо указание Н.А. Миненко на то, что Устав был составлен применительно к родовому строю, «причем к такому, который представлял собой в первой половине XIX в. для большинства народов уже пройденный этап»²⁶⁹.

Вместе с тем следует отметить, что в ряде случаев Устав отдавал предпочтение хозяйственным связям. Разрешался уход обедневших родовичей внаем к русским крестьянам. В этом случае «инородцы» причислялись к разряду оседлых. Впоследствии объективные потребности хозяйственного развития заставили правительство все-таки вступить на путь искусственного разрушения рода, когда в 1853 г. последовало разрешение о перечисле-

²⁶⁷ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126. § 81, 86, 88, 90.

²⁶⁸ Цит. по: Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. С. 255.

²⁶⁹ Там же.

лении «иностранцев» из одного рода в другой²⁷⁰. Крестьянская же община еще долго сохраняла свое значение.

Административное устройство кочевых народов было разработано особенно подробно, ибо они составляли большую часть коренного населения. Реформаторы разделили управление кочевыми жителями на три ступени: а) родовое управление – низшая, для отдельных улусов и стойбищ рода; б) иностранная управа – средняя, для нескольких стойбищ и улусов; в) степная дума – высшая, для всего племени²⁷¹.

Родовое управление состояло из старосты и одного или двух его помощников «из почетных и лучших родо-вичей». Дела управления решались словесно.

Несколько стойбищ или улусов подчинялись иностранной управе, в составе головы, двух выборных и письмоводителя²⁷². «Многие роды», соединенные в одну «общую зависимость» (племя, ведомство), подчинялись степной думе, состоящей из «главного родоначальника», избранных заседателей и голов. Степная дума была подотчетна и подчинялась «во всем» окружным управлениям, т. е. царской администрации. Несмотря на стремление Сперанского придать видимость самоуправления «иностранцев», Устав жестко регламентировал действия «иностранческой» администрации. Предоставление слишком широких прав органам управления аборигенов внушало тревогу правительству. Поэтому третья часть анализируемого документа посвящена «Наказу управлениями иностранцев».

Хозяйственная деятельность органов управления прежде всего касалась сбора ясака. На органы управления возлагались обязанности по раскладке на общество налогов и податей, исправлению натуральных повинностей, сбору недоимок. Кроме того, в обязанности родового управления вменялось «печься» о распространении хлебопашества, росте поголовья скота. Они же должны

²⁷⁰ ПСЗ-1. Т. 33. Отд. 1. № 33244.

²⁷¹ Там же. Т. 38. № 29126, § 193, 114.

²⁷² Там же, § 104.

были подавать сведения о «народоисчислении». Инородным управлениям предоставлялось право заключать торговые контракты. Иными словами, хозяйственная компетентность органов управления аборигенами была довольно широкой.

Более ограниченными были полицейские и судебные функции. На родовое управление возлагался надзор за «спокойствием... вверенных ему людей». В этом правительстве видело «важнейшую обязанность родового управления»²⁷³. Действия родового управления находились под контролем инородной управы. «Власть инородной управы состоит в надзоре за родовым управлением», — гласил Устав. Таким образом, и среди «инородческого» управления царизм стремился насадить бюрократический принцип надзора одних органов над другими. Судебные функции органов управления состояли в разборе незначительных гражданских дел, разрешение которых не затрагивало интересов высшей власти. Суд и расправа должны были производиться на основе норм обычного права, кодификация которого предусматривалась Уставом. Политические и «криминальные» дела подлежали разбору царскими чиновниками.

Устав сохранял почетные звания среди кочевников: «звания наследственные остаются наследственными, звание избирательное остается избирательным». Принцип наследственности допускался и при замещении должностных лиц на выборах. Допуская наследование должностей, правительство вместе с тем сохраняло за собой право окончательного утверждения в должности. Все должностные лица «инородческого» управления подлежали утверждению гражданским губернатором или областным начальником, а «главный родоначальник» — генерал-губернатором²⁷⁴. В случае отсутствия прямого наследника допускалось избрание на должность ближайшего родственника²⁷⁵. Сохраняя таким образом патриар-

²⁷³ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126, § 173

²⁷⁴ Там же. § 147, 148.

²⁷⁵ Там же. § 152.

хально-феодальные отношения, Устав в ряде случаев отходил от них, давая определенную свободу выборному началу в «иностранческом» управлении; родоначальники сосредоточивали в своих руках большие полномочия, и выборы на должность определенного лица могли оказать существенное влияние на последующее течение дел. Кроме того, выборы развивали общественную активность родовичей, способствовали росту их сознательности. Следует, правда, оговориться, что, сознательно идя на некоторое ущемление наследственного принципа, царизм и тут стремился обезопасить себя от возможных случайностей, допуская избрание только «людей достойных», т. е. состоятельных и оставляя за собой право окончательного утверждения в должности выборного лица. Но и в узаконенном виде эта часть Устава была прогрессивна, прямо отменяя архаичное положение Трескина «О выборе иноверческих начальников и правах их»²⁷⁶. Впоследствии Вторым сибирским комитетом было внесено дополнительное уточнение на этот счет: «...в должности, замещаемые по выборам, сибирских иностранцев Западной и Восточной Сибири» разрешалось «избирать иностранцев не моложе 21 года, имеющих собственное хозяйство и не только не порочных судом и не оглашенных в дурном поведении, но и не состоящих под судом и следствием»²⁷⁷. Причиной отстранения от исполнения должностных обязанностей считались: уголовное преступление, доказанное судом злоупотребление властью, ходатайство подведомственных родовичей, наем для отработки долгов²⁷⁸. Ревизия Сперанского вскрыла вопиющие злоупотребления родовой аристократии, нередко переходящие в уголовные преступления. Поэтому не случайно Устав предусматривал отстранение от управления должностных обязанностей за злоупотребление властью. Однако благие намерения реформаторов не принесли ожидаемых результатов.

²⁷⁶ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 45. Л. 282.

²⁷⁷ ПСЗ-2. Т. 28. Отд. 1. № 27320; ЦГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 63. Л. 40об.

²⁷⁸ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126, § 155; ПСЗ-2. Т. 20. Отд. 1. № 18908.

В 1837-1838 гг. Сибирский комитет рассматривал записку генерал-майора Альдегонда и Мусина-Пушкина «О состоянии Сибири» за 1835 г. Характеризуя состояние жителей, Мусин-Пушкин отмечал, что лихоимство «инородческих» старшин не прекращается. По его мнению, злоупотребления «старшин их (коренных жителей. – Л.Д.) не может быть иначе ограничено, как уничтожением наследственности старшинских должностей». Автор записки наивно полагает, что «тогда аристократия должна будет... преобразиться в крестьянскую демократию»²⁷⁹. Сибирский комитет отметил, что подобные «сведения» уже рассматривались в свое время, а потому решил довести об этих замечаниях до сведения царя и этим ограничиться²⁸⁰.

Чрезвычайно важным представляется анализ тех статей Устава, которые относились к вопросам экономической политики. Как уже отмечалось, среди исследователей нет единой точки зрения по этому вопросу.

Прежде всего, думается, что в оценке одного из основных положений Устава – принципа свободной торговли – исследователи проявляют излишнюю категоричность. Л.И. Светличная, указывая на наличие в «Сибири первой четверти XIX в. тенденции к капиталистическому развитию», считает, что «буржуазные начала более определенно поощрялись Уставом в области торговли и налогового обложения кочевых народов»²⁸¹. Н.А. Миненко, наоборот, полагает, что «хотя объективно это положение (свободная частная торговля в ясачных волостях и селениях. – Л.Д.) Устава носит характер, предписываемый ему предшественниками, направлено оно было к консервации развития народов»²⁸². Единственное положительное значение этого принципа Н.А. Миненко видит в том, что разрешение свободной частной торговли в селениях ясачных уничтожило всевозможные злоупотре-

²⁷⁹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 71. Л. 17.

²⁸⁰ Там же. Л. 206об.

²⁸¹ Светличная Л.И. «Устав об управлении инородцев»... С. 5, 66.

²⁸² Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь. С. 254.

бления в данной области уездных чиновников. Если безоговорочно согласиться с этой оценкой, то тогда будет трудно уяснить значение другой важной идеи Устава – переводение ясачного сбора на денежную основу. Между тем Н.А. Миненко признает, что «натуральный ясак в связи с растущей товаризацией хозяйства аборигенов постепенно уступал место денежному». Н.А. Миненко также констатирует, что процесс коммутации ясака на территории Северо-Западной Сибири получил значительное развитие²⁸³. Поэтому думается, что Н.А. Миненко недооценивает те робкие буржуазные тенденции, которые содержались в Уставе и выражались прежде всего в провозглашении идеи свободной торговли и переведении сбора ясака на денежную основу. В конечном итоге Н.А. Миненко сама признает, что «официальное признание свободной частной торговли с аборигенами в селениях последних и денежного взноса ясака по своему содержанию означали, в конечном счете, крах политики консервации»²⁸⁴. Это утверждение, по нашему мнению, является вполне справедливым. Устав разрешал свободную торговлю не только на ярмарках и сугланах, но в русских городах и селениях. В целях пресечения злоупотреблений запрещалась торговля чиновников с коренным населением²⁸⁵. В интересах расширения и укрепления торговых связей аборигенов с жителями близлежащих русских поселков разрешались отлучки коренных жителей в соседние города и селения.

В то же время отметим, что некоторые рецидивы запретительной торговли встречались и впоследствии.

В 1831 г. в положении «О свободной торговле...» Сибирский комитет отмечал, что хотя все «меры» по управлению аборигенами в Уставе 1822 г. «с ясностью определены», ныне опять свободная торговля с коренными жителями Сибири подвергается преследованию «под предлогами, ничем на деле не доказанными». Поэтому

²⁸³ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь. С. 261.

²⁸⁴ Указ. соч. С. 303.

²⁸⁵ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126, § 48.

Комитет счел необходимым «строго предписать» начальникам Восточной Сибири, чтобы все меры к ограничению свободной торговли с «инородцами» были отменены. Местной администрации было сделано строгое внушение на предмет отступления от правил, высшей властью установленных.

Как видим, экономическая политика царизма прежде всего определялась финансовыми интересами самодержавия и связанного с ним общественного строя. Правительство сознавало, что в условиях упадка роли и значения пушного промысла бездоимочное взимание податей и повинностей с коренного населения края без успешного развития торговли было невозможно. Поэтому в Уставе 1822 г. делалась попытка, не меняя патриархально-феодалной основы «инородческого» общества, учесть те буржуазные тенденции, которые уже обозначались в первой четверти XIX в.

Стремясь повысить платежеспособность аборигенов, в чем особенно было заинтересовано царское правительство, Сперанский пытался на основе поощрения буржуазных начал построить налоговое обложение народов Сибири. Четвертая часть Устава целиком посвящена «порядку сбора податей и повинностей с инородцев».

Учитывая тенденцию к развитию товарно-денежных отношений, упадок удельного веса пушного промысла в хозяйстве народов Сибири, с одной стороны, и стремясь обеспечить максимальное поступление в казну налоговых платежей – с другой, Сперанский ввел принципиальное новшество в систему ясачного сбора, который теперь переводился на денежную основу. Тем самым делалась попытка оградить «инородцев» от злоупотреблений чиновников, столь обычных при приеме ясака пушминой. В Уставе подчеркивалось, что отныне «сбор вещами обращается в денежную сумму вообще свободною распродажею на ярмарках. Цена вещей, завися, как обыкновенно, от пропорции между требованиями на покупку и предложениями на продажу, всякое влияние местного

начальства делает излишним и бесполезным»²⁸⁶. В другой статье отмечалось, что «казенные комиссары на ярмарках никакими льготами не пользуются»²⁸⁷.

Наряду с денежным взносом разрешалось сдавать ясак и пушниной, которая при оценке делилась на два сорта – обыкновенную и дорогую²⁸⁸. Ясачный сбор следовало сдавать деньгами или «рухлядью» в инородное управление или непосредственно в земский суд.

Устав регламентировал государственные, земские, уездные и местные сборы. Подчеркивая самобытность народов Сибири, авторы Устава оговаривались, что «никакой новый по государству налог не распространяется на сибирских кочующих и бродячих инородцев, если о том именно не будет определено»²⁸⁹.

Приравнивая кочевых жителей к крестьянскому сословию в гражданских правах, Устав сближал их и в налоговом обложении. «Кочующие инородцы участвуют в общих по губернии повинностях», – гласил Устав. Кроме того, они должны были содержать за свой счет и родовое управление, что относилось авторами Устава к «внутренним повинностям кочующих»²⁹⁰.

Подробное исчисление всех сборов составлялось гражданским губернатором или областным начальником и подлежало утверждению генерал-губернатором. Сборы на содержание родового управления производились на основе общественных приговоров, а на земские повинности – на основании особого положения, выработанного «местным главным управлением». Для точного учета всех сборов вводились специальные шнуровые книги, хранившиеся в земском суде.

В интересах фиска специальная глава Устава (11) была посвящена взысканию недоимок, но и тут авторы стремились по возможности ограничить вмешатель-

²⁸⁶ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126. § 317.

²⁸⁷ Там же. § 319.

²⁸⁸ Там же. § 330.

²⁸⁹ Там же. Т. 38. № 29126. § 300.

²⁹⁰ Там же. § 357.

ство администрации. Недоимки надлежало взыскивать не иначе «как на ярмарках и сугланах»²⁹¹. Традиционное выколачивание недоимок заменялось такими мерами, как «настоятельное убеждение, задержание старосты, его сына или ближайшего родственника. Не исключался также и временный «арест» части пушнины, предназначенной к продаже»²⁹².

Ряд статей Устава был посвящен вопросам культурно-бытовой жизни народов Сибири. В вопросах религии Устав стоял на позициях веротерпимости. Устав отрицал насильственное крещение как меру распространения христианства, земским властям запрещалось «преследовать инородцев за их языческую религию»²⁹³. Некрещенные аборигены получали свободу «отправлять богослужение по их законам и обрядам»²⁹⁴. Вместе с тем Устав подчинял «иноверческое духовенство ...местной полиции наравне с прочими инородцами». Принятие христианства расценивалось как положительное явление, но вместе с тем Устав не наделял никакими преимуществами крестившихся «инородцев». Уже позднее, в 1832 г., последовало предписание Сибирского комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, вступивших в христианскую веру»²⁹⁵. Устав предоставлял ясачным право отдавать своих детей в государственные учебные заведения и открывать свои училища.

Таковы основные положения «Устава об управлении инородцев» 1822 г. в области хозяйственной, административной, судебной и культурно-бытовой.

²⁹¹ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126. § 358.

²⁹² Там же. § 288.

²⁹³ Там же. § 288.

²⁹⁴ Там же, § 286.

²⁹⁵ ПСЗ-2. Т. 7. № 5847.

3. Вопрос о кодификации норм обычного права «инородцев» в 30–40-х гг. XIX века

Кодификация норм обычного права сибирских народов в два законодательных памятника – «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» и «Сборник обычного права сибирских инородцев для Западной Сибири» – явилась следствием введения «Устава об управлении инородцев» 1822 г.

До присоединения Сибири к русскому государству коренные жители края не знали письменных законов. Общественная жизнь регулировалась на основе обычаев, передававшихся устно из поколения в поколение. Эти обычаи, явившиеся плодом развития общественных отношений, с течением времени приняли нормы права и могут быть, по мнению исследователей, охарактеризованы как обычное право²⁹⁶.

Памятники обычного права народов Сибири тогдашняя терминология называет сборниками степных законов. У коренного населения Сибири существовало несколько таких сводов²⁹⁷, которые являются ценным источником для изучения общественно-политического и экономического развития.

Как уже отмечалось, в 1728 г. инструкцией Рагузинского из ведения родовых властей были изъяты так называемые «криминальные дела». Суд и расправа в «малых делах» – воровство, драки и т. д. – по-прежнему оставались в компетенции родоначальников. Аналогичные предложения содержались и в инструкции секунд-майору Щербачеву (1763 г.). Самодержавие не решалось подвергнуть полной регламентации внутривидовые отношения, а стремилось создать видимость самоуправления народами края. Такая позиция правительства объ-

²⁹⁶ См.: Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ, 1970. С. 3.

²⁹⁷ Рабцевич В.В. Записи обычного права сибирских народов последней четверти XVIII – первой половины XIX в. как историографический источник. В кн.: Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1982. С. 31–34.

ясняется тем, что жесткая регламентация всех сторон жизни народов Сибири могла оттолкнуть вновь присоединенные племена от русского государства. Опасаясь ухода некоторых сопредельных с Монголией племен за границу, правительственные указы предписывали «служилым людям напрасных обид и налогов отнюдь никому не чинить»²⁹⁸.

Правительство было вынуждено учитывать отсталость присоединенных племен. Власти признавали невозможность на первых порах полного подчинения народов Сибири русскому законодательству. Известную роль в этом отношении играло стремление правящих кругов сохранить патриархально-феодалные отношения у народов края, базирующиеся на имущественном и социальном неравенстве.

С другой стороны, царизм прилагал усилия к скорейшей ассимиляции сибирских народов с русским населением, чему в немалой степени способствовало развитие земледелия, распространение христианства и введенная Уставом 1822 г. порозрядная система.

В отчете генерал-губернатора Восточной Сибири А.С. Лавинского за 1822–1823 гг. отмечается, что началом введения в действие «Устава об управлении иностранцев» явилось распоряжение местной администрации о переводе документа на языки местных народов. Затем администрация приступила к сбору сведений об аборигенах, чтобы на основании собранных данных разделить их на разряды. Следовало собрать полные и подробные сведения о законах и обычаях всех категорий коренного населения, так как предполагалось санкционировать обычно-правовую систему и использовать ее в управлении. Для этой цели в Иркутске и Красноярске были учреждены особые временные комитеты, которые состояли из чиновников губернских правлений и возглавлялись гражданскими губернаторами И.Б. Цейдлером и А.П. Степановым. Сбор сведений следовало осуществлять в соответствии с

²⁹⁸ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. С. 106.

программой, разработанной в Петербурге. В обязанности собирателей-чиновников – членов губернских комитетов «входила не простая фиксация данных по программе, а составление общих для всех описываемых народов справочников», т. е. задачи редактирования²⁹⁹.

В роли информаторов о нормах права обычно выступали представители родовой знати. В Енисейской губернии это были «почетнейшие старейшины в виде депутатов четырех главных инородческих родоначалей». В Иркутской губернии информаторами являлись главные тайши родовых управлений, их помощники, шуленги, старшины и другие «почетные инородцы». В Хоринском и Селенгинском ведомствах Верхнеудинского округа в составлении проекта свода законов приняло участие 154 депутата. В Якутской области необходимые сведения предоставили князцы Мишалкин, Королев, Ракунов и др.³⁰⁰

По полноте сведений о нормах обычного права в Восточной Сибири выделяется свод норм аборигенов, населяющих Иркутскую губернию. В первоначальной редакции он насчитывал 844 параграфа и подразделялся на 52 главы³⁰¹. Проект Якутского областного комитета состоял из 153 параграфов, Енисейского – из 74³⁰².

По указанию генерал-губернатора Лавинского, проекты сводов были направлены в Иркутский губернский комитет для окончательного редактирования. При составлении проектов сводов члены губернских комитетов пришли к заключению, что обычаи коренного населения Енисейской губернии мало чем отличаются от законов иркутских аборигенов, поэтому было решено составить общий свод обычного права народов Восточной Сибири.

При рассмотрении сводов степных законов Советом главного Управления в августе 1824 г. был внесен ряд поправок и предложений, после чего генерал-губернатор А.С. Лавинский «не нашел никакого препятствия к

²⁹⁹ Рабцевич В.В. Указ. соч. С. 32.

³⁰⁰ РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 36 «Г», 1838 г. Л. 60–64.

³⁰¹ Там же. Л. 66об.

³⁰² Там же. Д. 36 «В», 1838 г. Л. 48.

утверждению их», и проект был направлен в Сибирский комитет³⁰³.

К рассмотрению поступивших проектов Сибирский комитет приступил весной 1825 г. Однако работа продвигалась медленно. Тогда, ввиду сложности, было решено образовать специальную комиссию, которой поручалось изучить два проекта, состоящие из нескольких сот статей, сравнить их с подлинными показаниями аборигенов, определить, насколько они соответствуют Уставу 1822 г. В конечном итоге комиссии следовало представить в Сибирский комитет заключение о дальнейшей судьбе проектов. Объем работы, как видим, был достаточно велик. Поэтому комиссия смогла завершить ее только к концу 1827 г.

Из «Записки о степных законах народов Восточной Сибири» видно, что сразу же после начала работы комиссии возникли некоторые трудности, предопределившие дальнейший характер ее работы³⁰⁴. При сравнении проектов с показаниями «иностранческих» депутатов оказалось, что они значительно разнятся между собой. Проекты сводов представляли, по утверждению комиссии, «изложение, местными начальствами уже измененное»³⁰⁵. Поэтому члены комиссии решили составить новый проект свода законов, «приняв в ближайшее соображение подлинные показания иностранцев». В ходе работы выяснилось, что составление такого проекта займет много времени, поэтому было решено отказаться от составления нового проекта, а только исправить старый. Однако управляющий делами Сибирского комитета Величко не согласился с членами комиссии. Он настаивал не на исправлении старого, а на составлении нового проекта. Стремясь мотивировать свое решение, Величко утверждал, что в основу обсуждаемых проектов сибирская администрация положила свое собственное мнение, а «по-

³⁰³ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 280. Л. 1-1об.

³⁰⁴ Там же. Л. 139-151.

³⁰⁵ Там же. Л. 143.

казания инородцев или вовсе устранила, или приняла как вспомогательное в работе пособие»³⁰⁶.

В марте 1828 г. Сибирский комитет вынес решение по спорному вопросу. Величко поручалось составить новый проект свода степных законов «на началах более удовлетворительных». К 1831 г. были составлены шесть частей проекта и, по предложению Величко, отправлены в Иркутск на заключение известного «знатока быта инородцев губернского переводчика монголо-бурятского языка Игумнова».

К 1836 г. было завершено составление второго проекта свода законов, а в следующем году с «высочайшего разрешения» 50 экземпляров проекта было напечатано. В этой редакции проект включал 540 параграфов, которые состояли из самого текста, ссылок на источники и примечаний, объясняющих значение некоторых слов и терминов.

В июле 1837 г. 20 экземпляров проекта было направлено генерал-губернатору Восточной Сибири С.М. Броневскому для обсуждения в губернских и областных советах. Итоговое обсуждение проекта в Совете главного управления Восточной Сибири состоялось в ноябре 1837 г. Многочисленные замечания участников обсуждения касались, главным образом, семейно-бытовой стороны жизни аборигенов, а также вопроса о географии проектируемых преобразований. Знакомство с журналом заседания Совета главного управления позволяет заключить, что местная администрация предполагала распространить действие сводов степных законов на абсолютное большинство коренного населения края. Между тем пока в Сибири в течение полутора лет шло обсуждение проекта свода степных законов, 9 января 1838 г. последовал именной указ о закрытии Сибирского комитета³⁰⁷. Считая, что основная его цель – «введение учреждения и Уставов 1822 г. в полное действие» – уже достигнута,

³⁰⁶ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 280. Л. 144-144об.

³⁰⁷ ПСЗ-2. Т. 13. Отд. 1. № 10867.

Николай I предписал закрыть Комитет, а архив передать в канцелярию Комитета министров. Незавершенные проекты и различные предложения следовало передать в Государственный совет. Так закончил свое существование Первый сибирский комитет.

Проект свода степных законов с предложениями и поправками губернских и областных правлений попал во II отделение императорской канцелярии к М.М. Сперанскому, который незадолго до своей смерти передал его бывшему управляющему делами Сибирского комитета Величко. Последний после закрытия Комитета был откомандирован ко II отделению императорской канцелярии и назначен членом Совета министерства внутренних дел. Величко вместе с вице-директором второго департамента министерства государственных имуществ Ильичевским проект свода был дополнен и исправлен.

Оба чиновника настаивали на внесении в проект свода положения, подтверждающего вотчинные права казны на земли, занимаемые аборигенами³⁰⁸. Однако министр внутренних дел Д.Н. Блудов придерживался иного мнения. Он утверждал, что анализ аграрного законодательства непременно должен был привести к заключению, что «высшее правительство всегда старалось в отношении к сибирским инородцам, особенно в Восточной Сибири... кочующим, устранить всякий, даже и малейший повод к сомнению, насчет неприкосновенности их прав на землю, как древнюю их собственность»³⁰⁹. Мероприятия правительства своей важнейшей целью имели «предупредить неприязненные разглашения, которые легко могли особенно в столь отдаленном от центра управления крае произвести тревогу в умах и иметь неблагоприятные последствия прежде, нежели Высшее правительство успеет принять надлежащие достаточные к пресечению их меры»³¹⁰. Руководствуясь этими соображениями, Д.Н. Блудов предлагал «ныне не вводить в Степное уложение

³⁰⁸ РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 36 «б», 1838 г. Л. 144.

³⁰⁹ Там же. Л. 112.

³¹⁰ Там же. Л. 149.

никаких особенных положительных постановлений о вотчинном праве казны на земли, занимаемые инородцами», тем более, «что и без всякого о том упоминания на основании общих законов империи самодержавная власть ...всегда имеет полное право располагать не только землями сибирских инородцев, но всеми и всякими имуществами своих подданных», и ни «у кого никогда не может быть сомнения в праве, на коем сибирские инородцы, по существующим узаконениям владеют землями»³¹¹.

Министр государственных имуществ П.Д. Киселев согласился с предложением Блудова. Он предлагал лишь «в предупреждение сомнений о правах казны» внести в проект некоторые редакционные изменения и примечания. В целом же проект свода Киселевым был одобрен.

В начале лета 1841 г. Д.Н. Блудов с «высочайшего» благословения направил проект свода государственному секретарю М.А. Корфу для обсуждения в Государственном совете. Департамент законов высоко оценил представленный проект. В резолюции из журнала департамента от 22 сентября 1841 г. отмечается, что «дело ...совершенно вообще с особым тщанием и в отношении как полноты свода, так и самой его системы представляет весьма удовлетворительные результаты»³¹². Однако ввиду «важности поставленного вопроса» департамент счел необходимым прежде вынесения окончательного заключения о проекте получить о нем отзыв министра юстиции³¹³. Вопреки ожиданиям, отзыв В.Н. Панина, занимавшего тогда этот пост, был резко отрицательным. Указав, что проект не только не соответствует своему первоначальному назначению, но и содержит в себе «важные от первоначальных предначертаний правительства отступления», В.Н. Панин высказался против его окончательного утверждения³¹⁴.

³¹¹ РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 36 «б», 1838 г. Л. 149-150, 155.

³¹² Там же. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 57. Л. 3.

³¹³ Там же. Л. 3об.

³¹⁴ Там же. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 63. Л. 39.

В проекте 1841 г. подстатейные ссылки на сборники обычаев народов Сибири были заменены статьями Общего свода законов, от чего число параграфов увеличилось до 802. Однако сами редакторы указывали, что «особого различия между обоими изданиями нет, различия касаются только формы»³¹⁵. К проекту отдельным томом придавались пояснительные примечания.

Приступая к составлению проекта свода степных законов, правительство надеялось с его помощью упорядочить и регламентировать юридически обычаи и быт народов Сибири. Однако проект 1836 г. и тем более 1841 г. не отвечал этим требованиям. По характеристике А. Нольде, они являлись «справочной книгой для кочевых инородцев»³¹⁶. В проекте 1841 г. из 802 статей только 379 основывались на «истинных» показаниях «инородческих депутатов», 131 статья содержала «дополнительные и переходные правила», а 294 статьи были заимствованы из Общего свода законов. Естественно, что такой проект не мог быть утвержден, и его пришлось отправить на доработку.

В 1844 г. проект свода степных законов, по предложению II отделения императорской канцелярии, вновь рассматривался в Государственном совете. При этом обнаружились две противоположные точки зрения. В.Н. Панин полагал, что «нет достаточного удостоверения в точности материалов, положенных в основу упомянутого свода»³¹⁷. Совершенно иную позицию занял начальник II отделения императорской канцелярии М.А. Балугьянский. Возражая Панину, он доказывал, что «по настоящему предмету изыскания были сделаны весьма тщательно и с крайнею осторожностью». При этом Балугьянский обращал внимание на то, что достоверность всех актов, положенных в основу проекта, подтверж-

³¹⁵ Нольде А. К истории составления проекта «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири». В кн.: С.Ф. Платонову – ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 512.

³¹⁶ Там же. С. 517.

³¹⁷ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 68. Л. 2об.; Ф. 1261. Оп. 1. Д. 36 «б», 1838 г. Отд. 1. Л. 258-312.

дается родоначальниками и губернской администрацией. Защищая проект, Балугьянский указывал, что новые изыскания по этому вопросу ничего не дадут.

При таком значительном разногласии между высокопоставленными чиновниками судьбу проекта решило побочное обстоятельство. В то время готовилось к изданию новое уголовное уложение. А так как значительную часть проекта свода степных законов (175 статей) составляли постановления о взысканиях и наказаниях, то департамент законов, опасаясь, что статьи эти придется переделывать в духе нового узаконения, не принял окончательного решения без отзыва министра юстиции. Подобная позиция департамента позволяет судить об истинном отношении самодержавия к составляемому проекту свода степных законов. Введением такого свода царизм стремился создать видимость самоуправления, исходящего из норм обычного права народов Сибири, отфильтровывая из него все то, что, по мнению правительства, не только противоречило официальным узаконениям, но и могло помешать эксплуатации коренного населения.

В начале 1847 г. заместитель управляющего II отделением императорской канцелярии М.А. Корф представил «Записку о своде степных законов инородцев Восточной Сибири»³¹⁸. В ней автор не только довольно обстоятельно изложил историю попыток кодификации степных законов, но, что особенно ценно, высказал свое оригинальное суждение по рассматриваемой проблеме, нашедшее полную поддержку правительства. М.А. Корф, в отличие от своих предшественников, к составлению проекта свода степных законов попытался подойти с учетом хозяйственных и культурно-бытовых особенностей тех народов Сибири, для которых он предназначался. Подобный подход, надо полагать, не являлся случайным. Из биографии М.М. Сперанского, написанной М.А. Корфом, можно заключить, что уже в то время будущий при-

³¹⁸ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 68. Л. 3-3 об.

дворный историограф приступил к сбору сведений, необходимых для жизнеописания «русского реформатора»³¹⁹. Корф подробно ознакомился с сибирским периодом деятельности Сперанского и впоследствии посвятил этому сюжету в своей книге целую главу³²⁰. Очевидно, именно это обстоятельство и предопределило попытку проблемной постановки вопроса при рассмотрении проекта свода степных законов.

Рассматривая проект, Корф наметил три вопроса, от разрешения которых зависела его судьба, а именно: соответствует ли проект «целям правительства», удовлетворителен ли он, а если нет, то можно ли составить лучший, и есть ли вообще необходимость в письменной фиксации обычаев коренного населения Сибири³²¹.

Ответы Корфа на первые два вопроса не отличаются оригинальностью суждений. По его мнению, «проект не соответствует целям своего назначения», и введение его может «только повредить успеху предпринимаемых правительством усилий к устройству Сибири»³²². Относительно второго вопроса замечает, что сведения, положенные в основу проекта, «не заключают в себе ничего довольно полного, положительного и достоверного», чтобы основывать на них свод законов³²³.

Оригинальность суждений Корфа проявляется при ответе на третий вопрос. Выражая сомнение в целесообразности введения свода степных законов, Корф указывает на существенные различия в уровне хозяйственного и культурного развития различных кочевых племен. При механическом объединении в свод степных законов норм обычного права различных кочевых народов, по мнению Корфа, «все те неудобства, которые возникают от степных законов, вряд ли устранятся». В данном случае Корф был, несомненно, прав. Последние работы со-

³¹⁹ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. С. 2.

³²⁰ Там же. Т. 2. С. 164-260.

³²¹ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 68. Л. 9-10.

³²² Там же.

³²³ Там же. Л. 10 об.

ветских исследователей доказывают, что обычное право народов Сибири, в частности бурят, отличалось партикуляризмом, который обусловливался территориальной обособленностью племен, экономической и культурной разобщенностью народов³²⁴. Издание свода степных законов, по мнению Корфа, могло быть полезно до введения Сибирского учреждения 1822 г. Теперь же, когда «самими учреждениями сделано уже весьма многое и в отношении к инородцам», необходимость такого рода отпала³²⁵.

Действительно, законодательное оформление норм обычного права в том виде, как это предусматривалось правительством, могло послужить лишь консервации патриархально-феодалных отношений в то время, когда правительство своими указаниями вступило на путь их разрушения.

К концу первой половины XIX в. народы Сибири сделали заметный шаг вперед в социально-экономическом и культурном развитии. Наметившаяся еще в начале века тенденция к сближению русского и коренных народов значительно окрепла. Население региона все сильнее вовлекалось в орбиту общегосударственных связей и отношений. Род как административно-хозяйственная единица распадался. В этих условиях полное подчинение народов Сибири российскому законодательству могло иметь прогрессивное значение. В середине XIX в. обычное право народов Сибири уже не отражало действительного положения вещей, оно являлось пройденным этапом для большинства народов Сибири, поэтому и отпала необходимость превращать своды в действующие законы и включать в «Свод Российской империи»³²⁶.

Министр юстиции не только полностью согласился с мнением Корфа, но и добавил от себя, что если издавать свод, то придется делать это для каждой из областей Восточной Сибири. При этом вследствие негра-

³²⁴ Цибилов Б.Д. Указ. соч. С. 4.

³²⁵ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 68. Л. 16об.

³²⁶ Светличная Л.И. Указ. соч. С. 71.

мотности большинства аборигенов усилилось бы влияние лам, чего царское правительство допустить не хотело. Поэтому Государственный совет решил через министра юстиции запросить мнение генерал-губернатора Восточной Сибири о целесообразности введения степных законов. Ответ Н.Н. Муравьева гласил следующее: «...введение степных законов ныне было бы не полезно, а вредно, ибо при действии общих русских законов, к которым инородцы более и более стали обращаться, прежние обычаи и предания инородцев слабеют, исчезают и обо многом они сами уже имеют лишь одни темные и сбивчивые сведения, что едва ли в скором времени не представится необходимым распространить на них действие законов общих»³²⁷. Так закончились попытки правительства законодательно оформить нормы обычного права народов Сибири.

В итоге отметим, что к концу второй четверти XIX в. отчетливо прослеживается стремление правительства подчинить народы Сибири действию общероссийского законодательства. Подобная тенденция в политике обусловливалась классовыми интересами царизма и являлась одним из проявлений колониальной политики самодержавия по отношению к коренным народам края. Однако объективно это направление политики царского правительства способствовало сближению русского и коренных народов Сибири, что имело прогрессивное значение.

---

³²⁷ ЦГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 63. Л. 38 об.

ГЛАВА III

Управление народами Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

1. Предложения о реформе управления аборигенами 60–80-х г. XIX в. Попытки пересмотра Устава 1822 г.

Вопрос о реформе управления сибирскими аборигенами в первые пореформенные десятилетия неоднократно обсуждался в правительственных кругах и среди местного чиновничества. Это было связано с предпринимаемыми самодержавием попытками распространить на Сибирь положения крестьянской реформы 1861 г. и полностью подчинить народы Сибири действию законодательства о крестьянах. Однако отсутствие у правительства четкой программы реализации намеченных целей порождало противоречивость поступавших предложений. Это обстоятельство своим следствием имело непоследовательность политики в отношении сибирских аборигенов, что было прямым порождением общего внутриправительственного курса царизма этого периода, который один из современников охарактеризовал как систему нерешительности и противоречий.³²⁸

В первой половине XIX в. управление народами Сибири основывалось на принципах «Устава об управлении инородцев» 1822 г. Коренное население делилось на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. Поразрядная система обуславливала гражданское состояние аборигенов.

---

³²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 145.

«Оседлые инородцы» приравнивались к сословию государственных крестьян во всех правах и обязанностях, кроме рекрутской повинности. Кочевые приравнивались к крестьянам в налоговом отношении, но сохраняли самостоятельность в управлении и суде. На «бродячих жителей» распространялись, за небольшим исключением, правила, «для кочующих постановленные». Органы самоуправления кочевых народов разделялись на три степени: родовое управление – низшая (для отдельных улусов и стойбищ), инородная управа – средняя (для нескольких стойбищ и улусов), степная дума – высшая (для всего племени).

В общих чертах основные положения Устава были подтверждены Вторым сибирским комитетом в 1852 г. Национальная программа царизма предусматривала подчинение оседлых аборигенов общим крестьянским учреждениям и установлениям. В отношении кочевых и бродячих коренных жителей предлагалось изыскать средства для привлечения их к оседлости и «ограждению от разных притеснений». Определение конкретных мер в этом направлении следовало предоставить местной администрации, которая в основу своих действий обязывалась положить принцип неизблемости «главных оснований Сибирского учреждения 1822 г.». Выражая пожелания мелочных улучшений быта аборигенов, правительство вместе с тем подчеркивало права Кабинета на ясачную ренту с народов Сибири. Составители программы признавали, что «ясачный сбор по многим его неудобствам требует особого соображения, но все предложения, какие имеются в виду по сему предмету, не согласны в главных между собой основаниях». Свою задачу члены вновь созданного Сибирского комитета видели в том, чтобы «сообразить в подробности: какими именно средствами можно было устроить ясачный сбор с сибирских инородцев..., чтобы этот сбор, не стесняя инородцев, не препятствовал обращению их к оседлости и не уменьшал доходов Кабинета»³²⁹. Национальная программа Второго сибирского комитета

³²⁹ ГАРФ. Ф. 109, I эксп. Д. 135, 1852 г. Л. 84, 85, 51.

вопрос о судьбах народов Сибири решала с консервативно-охранительных позиций. Выражая традиционные пожелания улучшения быта аборигенов и привлечения их к оседлости, члены комитета не предполагали возможности серьезных реформ в скором будущем.

Позиции сибирского чиновничества принципиально не отличались от вышеизложенной программы. Тобольский губернатор В.А. Арцимович признавал необходимость лучшего «образования... управления» аборигенами, но не предлагал ничего конкретного³³⁰. Вывод о принципиальном единстве подходов центральной и местной администрации к решению «инородческого вопроса» подтверждается и при знакомстве с предложениями, исходящими от других представителей сибирской губернской администрации³³¹.

Дальнейшее развитие программы правительства в отношении коренного населения Сибири находилось в неразрывной связи с разработкой крестьянской реформы для Сибири в целом и стремлением к пересмотру основных положений «Устава об управлении инородцев» 1822 г. В частности, предполагалось, что ревизия «инородческого» устава должна преследовать русификаторские цели. Начиная с 40-х и особенно 50-х гг. прошлого столетия, в высших правительственных сферах все чаще стали раздаваться голоса о необходимости полного подчинения сибирских аборигенов русскому законодательству. Еще в 1847 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев высказался о необходимости распространения «действия законов общих» на коренных жителей³³². Наиболее подробно этот вопрос изложил В.А. Арцимович в «Описании сибирского края» в 1857 г. Рассматривая Сибирь не только как место ссылки и наказания преступников, но прежде всего как неотъемлемую и одну из важнейших частей России, он предлагал провести ряд мероприятий «не только в видах устройства края... но и

³³⁰ ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 34. Л. 1 об.

³³¹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 141. Л. 1-14.

³³² Там же. Оп. 2. Д. 63. Л. 39 об.

в видах извлечения из Сибири возможной для государства пользы и усиления политического значения «русского населения в крае»³³³. Не случайно Арцимович ратовал за «коренную» реформу управления аборигенами на русификаторских началах.³³⁴

С проблемой унификации управления русским крестьянством и коренным населением местная администрация вплотную столкнулась в середине 50-х гг., в связи с организацией в Западной Сибири образцовых волостей. К образцовым относились волости, в которых после окончания реформы проводилось межевание земель³³⁵. В октябре 1853 г. Совет Главного управления Западной Сибири признал необходимым ввести образцовое управление «для опыта в нескольких волостях оседлых инородцев». На эти волости следовало распространить «весь порядок волостного и сельского управления». Служебные обязанности должностных лиц в «инородческих» образцовых волостях практически не отличались от функций лиц крестьянского самоуправления. Это означало, что с введением нового порядка управления у оседлых аборигенов должно было произойти значительное сближение форм крестьянского и «инородческого» самоуправления. В Западной Сибири эта форма организации управления оседлыми аборигенами довольно скоро получила распространение. К концу 50-х гг. в Тобольской губернии было образовано 23 образцовых волости, в Томской губернии – 15³³⁶.

После поражения царизма в Крымской войне в условиях неудовлетворительного состояния сельского хозяйства, массового разорения крестьян, когда бюджетный дефицит стал хроническим недугом, правительство было вынуждено выискивать дополнительные источники пополнения государственной казны. В этой ситуации самодержавие вновь обратилось к Сибири, к ее корен-

³³³ ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 50. Л. 2-3.

³³⁴ Там же. Д. 34. Л. 106.

³³⁵ Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири... С. 132.

³³⁶ ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 34. Л. 1 об.

ным народам как потенциальным поставщикам ценного «мягкого золота». В правительственных кругах возник проект о перечислении кочевых аборигенов в разряд оседлых и сравнении их по платежу податей с государственными крестьянами. Его автором был управляющий сбором ясака в Восточной Сибири Полонский³³⁷.

Подобная картина наблюдается и в Западной Сибири. Весной 1864 г. по предложению А. Дюгамеля Комитет министров причислил несколько волостей оседлых «иностранцев» Тобольской губернии к русским волостям Тобольского и Тюменского округов. Ходатайство о разрешении приписки аборигенов к русским волостям местная администрация пыталась подкрепить ссылками на необходимость «упорядочивания сбора подлежащих с них податей...» Однако первоначальный опыт оказался весьма неудачным. По признанию тобольского губернатора, податные сборы с аборигенов отнюдь не увеличились, а у «искусственно» соединенных в одни волостные управления крестьян и аборигенов происходили различные споры, нередко выливавшиеся во «взаимный антагонизм». В конечном итоге волостные сходы стали просить об отчислении от них аборигенов, а последние, в свою очередь, отказывались от причисления к русским волостям³³⁸. В условиях национально-колониальной политики самодержавия механическое объединение аборигенов и русских в рамках единых административных единиц не могло принести свободы коренному населению. Формы и методы этого процесса не соответствовали его объективному прогрессивному содержанию, ибо они были обусловлены военно-феодалным характером господствующего в стране царского режима и эксплуататорской сущностью связанного с ним общественного строя³³⁹. Тем не менее в 1871 г. тобольский губернатор А.С. Сологубов вновь поднял вопрос о причислении оседлых «иностран-

³³⁷ Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск, 1986. С. 75.

³³⁸ ГАРФ. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 14. Ч. 2, 1896 г. Л. 2, 16об.

³³⁹ История СССР с древних времен до наших дней. М., 1967. Т. 4. С. 360.

цев» губернии к русским волостям. На этот раз речь шла о всех оседлых аборигенах без исключения.

Помимо финансовых выгод, предполагаемые мероприятия должны были, по замыслу чиновничества, способствовать «успешному административному надзору, объявлению правительственных распоряжений, судебных приговоров» и т. д.³⁴⁰ Как видим, в обоснование будущих преобразований в качестве основных выдвигались фискальные и административные мотивы. Вопрос о соответствии уровня податного обложения действительной платежеспособности аборигенов даже не ставился, сами преобразования прогнозировались без всякого участия аборигенов.

Спустя два года аналогичный вопрос был поднят администрацией соседней Томской губернии. Однако причины, породившие его, были иными. Губернатор отмечал, что проживающее оседло коренное население в настоящее время совершенно обрусело, аборигены пользуются землей наравне с крестьянами, но размеры их податных платежей значительно ниже крестьянских. Кроме того, коренные жители были «совершенно избавлены от рекрутства». Такое привилегированное положение оседлых аборигенов по сравнению с русскими крестьянами представляло, по глубокому убеждению губернатора, «полную несправедливость». В силу указанных причин необходимость причисления оседлых аборигенов к русским волостям еще более усиливалось³⁴¹. В сущности позиции Тобольского и Томского губернаторов совпадали. Они признавали за благо причислить оседло проживающих аборигенов к русским волостям, а расходились лишь в обоснованиях этих предложений. Советские историки давно доказали, что подобное попечение на практике являлось одной из форм реализации национально-колониальной политики царизма, проводимой «прежде всего в интересах русского дворянства»³⁴².

³⁴⁰ ГАРФ. Ф. 365. Оп. 11. Д. 6776. Л. 4-4об.

³⁴¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 2, 1896 г. Л. 221.

³⁴² История СССР с древнейших времен... Т. 4. С. 361.

Новые проекты сибирской администрации вливались в общий тон правительственной политики и являлись прелюдией того откровенно реакционного курса, который устанавливается в 80-х гг. позапрошлого столетия и связывается с именами К.П. Победоносцева, Д.А. Толстого и др.³⁴³

В 1876 г. генерал-губернатор Западной Сибири Казнаков обратился в министерства внутренних дел и государственных имуществ с предложением, не дожидаясь итогов рассмотрения вопроса о поземельном устройстве сельского населения Сибири, незамедлительно причислить к русским волостям оседлых аборигенов Тобольской и Томской губерний. В отношении землепользования предлагалось оставить коренных жителей в прежних «границах и правах»³⁴⁴. В ноябре 1877 г. П.А. Валуев внес на рассмотрение в Комитет министров предложение Казнакова³⁴⁵. Обсуждая его, члены комитета министров отметили, что предлагаемые меры должны коснуться существенных сторон быта аборигенов. Особую настоятельность участников обсуждения вызвало то обстоятельство, что проектируемые меры носили временный характер, в то время, как, по их убеждению, всякое в этом смысле мероприятие должно было иметь «значение определенное». Рассматриваемый вопрос ввиду его важности требовал «особой осторожности», а в предложении Казнакова члены Комитета министров увидели элемент неуверенности. Этого было достаточно, чтобы вынести решение о необходимости дополнить представление генерал-губернатора новыми статистическими данными³⁴⁶. Осуществление этого решения, связанное со значительными трудностями, должно было охладить реформаторский пыл генерал-губернатора. Однако в следующем, 1878 г., он приказал собрать все необходимые сведения.

³⁴³ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 35–81.

³⁴⁴ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3925, 1877 г. Л. 222 об. – 223.

³⁴⁵ Там же. Ф. 391. Оп. 1. Д. 79. Л. 14.

³⁴⁶ Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4044, 1879. Ж. Ст. 473.

Распоряжение было исполнено, но к рассмотрению собранных материалов местная администрация приступила лишь через 10 лет.

Весной 1889 г. в Тобольской губернии были образованы специальные окружные комиссии, которым поручалось всесторонне изучить вопрос о «возможности, пользе и необходимости присоединения инородческих обществ к русским волостям с подчинением их местным по крестьянским делам учреждениям». Итогом работы явилась специальная записка, содержащая мнения пяти окружных комиссий и заключение губернского совета. Лишь одна комиссия – Туринская – признала причисление аборигенов к русским волостям возможным и желательным. Остальные высказались более осторожно.

Тюменская окружная комиссия «в виду разности вероисповедания, языка, обычаев, обоюдного нерасположения друг к другу русских и инородцев» причисление аборигенов к русским волостям признала «положительно невозможным».

Против проектируемых нововведений выступала и Тобольская комиссия, члены которой ссылались, с одной стороны, на нежелательность такого причисления, высказанную на инородческих сходках, и на различия в традициях общественной жизни русских крестьян и коренных жителей – с другой. Комиссия не считала возможным присоединение коренных жителей к русским волостям еще и потому, «что нравы и обычаи инородцев» были отличны от русских, которые подчас пренебрежительно относились к коренным жителям, считая их по религии «недостойными соприкосновения».

Члены комиссии Ялуторовского округа полагали, что присоединение аборигенов к русским волостям повлечет много злоупотреблений и неудобств по части землепользования. Неизбежность последних они видели в том, что населенные аборигенами земли должны были остаться в их пользовании и после присоединения к русским волостям. Комиссия в то же время высказалась в пользу

организации самоуправления народов Сибири на основаниях общего положения о крестьянах 19 февраля 1861 г. Распространение этих узаконений на коренных жителей должно было способствовать более обоснованной раскладке внутренних денежных сборов и развитию «поземельного дела» в хозяйстве аборигенов. Только в этом случае, отмечается в решении комиссии, «устранится возможность того, что один пользуется многим, а другой малым, в то время как тот и другой несут повинности одинаково». В журнале заседания комиссии Тарского округа отмечалось, что присоединение аборигенов к русским волостям могло только затруднить деятельность волостных старшин по исполнению своих обязанностей, и «вероятный выигрыш по успешному взысканию с инородцев податей был бы проигрышем во взыскании податей с русского населения». Члены комиссии доказывали, что предлагаемые мероприятия неизбежно носили бы искусственный характер. Все это заставило комиссию высказаться «безусловно» против присоединения аборигенов к русским волостям и против распространения на коренных жителей положения 19 февраля 1861 г. «вследствие неразвитости инородцев в гражданском отношении... и низшей их культуры». Приведенные материалы, отмечала комиссия, являются основанием не для причисления аборигенов к русским волостям, а для пересмотра действующих о них законов³⁴⁷. Однако заключения комиссий не были приняты во внимание членами губернского совета, который постановил ходатайствовать перед министром внутренних дел о разрешении причисления оседло проживающих аборигенов к русским волостям и о распространении на них действия закона 1 марта 1883 г., вводившего в Тобольской и Томской губерниях институт чиновников по крестьянским делам.

Подобные же представления поступали и от чиновников Восточной Сибири. Иркутский губернатор К.Н. Шалашиников в 1873 г. обращал внимание правительства на

³⁴⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 2, 1896. Л. 5-8 об.

необходимость подчинения аборигенов действию общих законов. По его мнению, сохранение особых положений для управления аборигенами стало уже «не только бесполезным, но даже вредным»³⁴⁸. В 1876 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Фредерикс предложил подчинить аборигенов «общим действующим в России законам, сравнив права и обязанности их с крестьянами»³⁴⁹. Преемник Фредерикса – А.Л. Анучин в отчете по управлению краем за 1880–1881 гг. резко выступил против сохранения «Сибирского учреждения» 1822 г., назвав его «анахронизмом, требующим окончательной отмены»³⁵⁰. На необходимость изменения управления коренным населением региона указывал приамурский генерал-губернатор Корф³⁵¹.

Эти проекты и предложения готовили почву для будущих преобразований. Однако к числу реализованных программ этого времени относится лишь реформа местного управления аборигенами в Иркутской губернии, осуществленная в 80-х гг. XIX в. Согласно реформе степные думы у бурят были упразднены. Вместо них учреждались более мелкие, но зато, по признанию царских чиновников, более гибкие административные единицы – инородные управы³⁵², бывшие по уставу 1822 г. промежуточным звеном между степными думами и родовыми управлениями. Вместе с ликвидацией степных дум были упразднены и должности тайшей – главных родоначальников, замещаемые, по преимуществу, по наследству. Эта реформа была вызвана развитием капиталистических отношений в улусах, выдвижением на первый план нарождающегося кулачества. Анализ сведений о должностных лицах «иностранческого» самоуправления позволяет заключить, что к этому времени выборы на должность новых людей постепенно вытес-

³⁴⁸ РГИА. Ф. 1264. Оп. 65. Д. 236. Л. 11об.-12.

³⁴⁹ Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4044, 1879 г. Ж. ст. 473.

³⁵⁰ Сборник главнейших официальных документов... Вып. 1. Т. I. С. 122.

³⁵¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 53. Д. 14, 1886 г. Л. 1-3.

³⁵² История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1956. Т. I. С. 290.

няют наследственное начало. Так, у хакасов Енисейской губернии ведомства Кизильской степной думы все 45 должностей родового управления занимали выборные лица православного исповедания. Аналогичная картина наблюдается в Иркутской губернии. Однако несмотря на старания местной администрации обеспечить приоритет выборных должностных лиц из христиан, этого не удалось добиться. В Верхотенском округе, например, 58,7 % должностных лиц исповедовало шаманизм, 8,4 % – ламаизм. Иная картина наблюдается в густонаселенном русскими крестьянами Балаганском округе. Здесь из 218 должностных лиц лишь 13 человек, т. е. 6 %, принадлежали к язычникам. В Нижнеудинском округе все 16 должностных лиц бурят и тофаларов занимали должности по выборам и исповедовали православие³⁵³. В Якутской области во главе родов, наслегов и улусов стояли выборные лица³⁵⁴. Аналогичное положение наблюдается в Западной Сибири³⁵⁵.

Имущественное положение выборных должностных лиц не может быть проиллюстрировано за отсутствием точных массовых данных. Однако бесспорно, что (многие из них были людьми состоятельными, о чем свидетельствует неугасающая борьба между бедняцким и зажиточными полюсами улусов, «рекомендации» царских законов отдавать предпочтение при выборах людям «крепкого достатка»³⁵⁶. Однако наряду с этим родоначальниками подчас являлись лица и среднеимущие, размеры хозяйства которых не отличались от рядовых улусников³⁵⁷. Следует отметить, что в некоторых исследованиях высказывается мысль о складывании в XVIII – первой половине XIX вв. процесса частной собственности родоначальников на землю, например, у алтайцев

³⁵³ Подсчитано по данным: ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2690. Д. 176. Л. 5-44.

³⁵⁴ Памятная книжка Якутской области на 1896 г. Якутск, 1895. Вып. 1. Ст. Якутский род до и после прихода русских. С. 48.

³⁵⁵

³⁵⁶ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2031. Д. 42. Л. 3-42 и др.

³⁵⁷ Залкинд Е.М. Общественный строй бурят XVIII и первой половины XIX века. М., 1970. С. 292-299.

и якутов³⁵⁸. Г.П. Башарин распространяет этот тезис и на начало XX в.³⁵⁹ Однако никто из исследователей, разделяющих эту точку зрения, не смог привести документальных материалов о существовании земельной ренты рядовых улусников в пользу родоначальников. Имеющиеся в литературе примеры «темных поборов» и т. д. следует рассматривать лишь как факты злоупотребления родоначальниками служебным положением, но отнюдь не как плату рядовых тружеников за пользование землей, якобы принадлежащей родоначальникам. Приводимые в гл. 1 материалы о развитии царского законодательства по аграрному вопросу и землеустройству убедительно свидетельствуют о том, что самодержавие никогда не допускало мысли о принадлежности сибирских земель местным народам. Монопольное право владения и распоряжения этими землями всегда оставалось за государством. Не случайно закон 8 июля 1901 г. «Об отводе частным лицам казенных земель в Сибири» на всегда запрещал инородцам приобретение земель в собственность³⁶⁰. Экономическим и юридическим собственником земли являлось государство, а народы Сибири, в том числе родоначальники, тойоны и т. д. были лишь пользователями.

Таким образом, в 70–80 гг. правительство и местная администрация признали необходимым изменить организацию управления народами региона. В правительственных кругах все отчетливее наблюдается тенденция к подчинению аборигенов русскому законодательству. Однако конкретных реализованных предложений было в принципе немного. Самодержавие считало, что аграрная реформа должна предшествовать административным преобразованиям.

³⁵⁸ Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.,–Л., 1953. С. 263–270; Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (60-е гг. XVIII – середина XIX в.). М., 1956. С. 292–293; Он же. Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX – начала XX века. Якутск, 1974. С. 84, 110 и др.

³⁵⁹ Башарин Г.П. Социально-экономические отношения... С. 84.

³⁶⁰ ПСЗ-З. Т. 21. Отд. I. № 20338.

Тенденция к сближению системы управления русским крестьянским и коренным населением объективно отражала процесс усиления взаимного влияния народов Сибири в ходе дальнейшей колонизации края и развития капитализма вширь. Ее реализация могла привести к отмене системы управления аборигенами, основанной на родовых началах устава 1822 г., что объективно имело бы прогрессивное значение. Однако на практике эта идея подменялась и извращалась реакционными (фискальными, русификаторскими и др.) целями внутренней политики царизма, что порождало разнообразные формы национального угнетения, распространявшиеся как на отсталые народы, так и на сравнительно развитое население.

2. Закон 1898 г. о крестьянских и «иностранцах» начальниках

Национальная политика царизма эпохи контрреформ характеризуется современниками как «злостная травля всех народностей, которые обвинялись в стремлении к сепаратизму», причем всякое проявление независимости предавалось анафеме³⁶¹. Несмотря на отмену крепостного права, 80-е и 90-е годы в России прошли под знаком усиления власти дворян над крестьянами. Важную роль в этом сыграл закон о земских начальниках 12 июля 1889 г. Однако это положение не распространялось на Сибирь. Между тем рост капиталистических отношений, усиление имущественной дифференциации и классовой борьбы в сибирской национальной деревне заставляли местную администрацию постоянно напоминать правительству о необходимости ускорить разработку реформы управления «иностранцами». Главным было требование ликвидации сословных привилегий аборигенов по срав-

³⁶¹ Чичерин В.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1901. С. 130.

нению с крестьянами и подчинение их законодательству о крестьянах.

Основные направления будущих преобразований были изложены иркутским генерал-губернатором А.П. Игнатьевым в специальной «Программе деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. и приблизительно на 10 лет»³⁶². Если представители губернской администрации только настаивали на реформе управления аборигенами, не выдвигая в то же время никаких конкретных предложений и отдавая вопрос о разработке реформы на откуп самому правительству, то проект А.П. Игнатьева содержал конкретные рекомендации. Конечную цель проекта автор сформулировал коротко и ясно, как «обрусение «иностранцев»³⁶³. Достижению этих задач должно было способствовать подчинение аборигенов власти земских начальников. Игнатьев считал, что осуществление этой меры будет «самым практическим» шагом на пути полного подчинения аборигенов русскому законодательству, а в конечном итоге, и обрусению. Это предложение высокопоставленного чиновника, прозвучавшее при слушании его отчета в Комитете министров, настолько понравилось Александру III, что на полях документа он с восторгом написал: «Да! Весьма пора»³⁶⁴.

Необходимое направление реформы управления сельским населением Сибири было найдено. В 1892 г. министр внутренних дел И.Н. Дурново потребовал от иркутского генерал-губернатора и гражданских губернаторов Тобольской и Томской губерний представить заключения по рассматриваемому вопросу. Генерал-лейтенант А.Д. Горемыкин не заставил себя долго ждать. В мае того же года он направил в министерство свой проект³⁶⁵, «в котором предлагал не только распространить на Сибирь закон о земских начальниках, но и поручить им «попече-

³⁶² Библиотека РГИА. Печатные записки. № 131.

³⁶³ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 73. Л. 9.

³⁶⁴ Там же. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 200. Л. 12 об.

³⁶⁵ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5. Л. 162, 173 об.

ние над инородческим населением на тех же основаниях, как и в отношении крестьян». По мнению Горемыкина, обычаи, на которых должно было основываться управление коренными жителями, в настоящее время исчезли или заменились произволом родонаачальников. Генерал-губернатора трудно заподозрить в намерении сгустить краски, однако и он вынужден был признать, что злоупотребления «инородческих» начальников столь велики, что они держат «подведомственное им население почти в рабстве». Горемыкин констатировал, что надзор за деятельностью органов самоуправления аборигенов со стороны полицейских управлений и земских заседателей существует только номинально и пользы не приносит. Выход из создавшегося положения, считает Горемыкин, заключается в том, чтобы подчинить управление коренными жителями контролю земских начальников, на тех же основаниях, как и крестьян. С аналогичных позиций смотрел на будущую реформу Томский губернатор Г.А. Тобизен, по мнению которого основания для «создания особых для сибирских инородцев учреждений» теперь были полностью утрачены³⁶⁶. Такого же мнения придерживался Тобольский губернатор³⁶⁷.

Важной составной частью разработки законопроекта чинами сибирской администрации явилось обсуждение вопроса о количестве будущих чиновников. Местные власти, заранее предполагая расширить компетенцию вновь вводимого института власти по сравнению с земскими начальниками, настаивали на учреждении возможно большего числа штатных единиц. При этом сибирская администрация, как и Министерство внутренних дел, руководствовалась убеждением, что «близость власти к населению... имеет... важное значение для правильной постановки надзора и попечения о делах сельских обывателей». В соответствии с этим количество вновь вводимых чинов по губерниям должно было распределиться следующим об-

³⁶⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 65А. Л. 134»а»; Ф. 573. Оп. 3. Д. 5. Л. 173.

³⁶⁷ Там же. Д. 69. Л. 136.

разом: в Тобольской – 68, Томской – 52, Енисейской и Иркутской – 32. Столь значительное увеличение численности чиновников должно было сопровождаться существенным ростом денежных затрат на их содержание. Поэтому даже Министерство внутренних дел, признавая утверждение предлагаемого сибирскими властями штатного расписания «весьма желательным», на деле понимало его неосуществимость. И.Н. Дурново рекомендовал в Тобольской губернии учредить 42 должности вновь вводимых чиновников, в Томской – 36, в Енисейской и Иркутской – 26 чиновников. Денежные оклады будущих чиновников предлагалось определить в губерниях Западной Сибири – по 1500 руб., в Енисейской – 1600 руб., в Иркутской – 1700 руб. в год. Однако и в таком урезанном объеме расходы на проведение реформы должны были составить 455 200 руб. Необходимые денежные средства инициаторы реформы надеялись получить из фондов государственного казначейства³⁶⁸. Но это предложение встретило противодействие в лице министра финансов С.Ю. Витте. В специальной записке в Министерство внутренних дел он указывал на бедственное положение с финансами внутри империи и на значительные в последнее время из государственного казначейства расходы на Сибирь. Выход из создавшегося положения С.Ю. Витте видел в переложении расходов на счет земских сборов по Сибири. Предложение это не являлось чем-то необычным. Скорее наоборот, оно отражало правительственную позицию в вопросе колонизации Сибири, когда царизм всю тяжесть по освоению зауральского края стремился переложить на плечи трудового населения. Не случайно даже местные власти признавали, что «земское обложение в Сибири... достигло уже значительной степени напряжения»³⁶⁹.

Возражения С.Ю. Витте вызвали негативную реакцию И.Н. Дурново. Министр внутренних дел вынужден был специально обратить внимание Витте на необходимость

³⁶⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2790. Л. 45-47.

³⁶⁹ Там же. Ф. 573. Оп. 14. Д. 187. Л. 12-12 об.

«безотлагательного введения» в Сибири положения о земских начальниках «в полном объеме». Такую настойчивость он считал вполне обоснованной, так как в условиях нарастающего революционно-демократического движения в стране и в Сибири, в частности увеличения потока переселенцев и числа ссыльных в крае, расширение полномочий и прав полицейского аппарата по отношению к сельскому населению должно было поставить его под постоянный надзор правительства и тем самым предотвратить возможность крестьянских волнений.

В создавшейся ситуации Витте был вынужден пойти на уступки. Он предложил Дурново в целях сокращения расходов на реформу «не устанавливать ныне же для органов правительственной власти новых прав по заведению инородцами», а ограничиться реформой русского крестьянского населения. Эти доводы Дурново признал «едва ли правильными» и категорически заявил, что новые чиновники «будут с большим усердием и добросовестностью» относиться к своим обязанностям по заведению аборигенами, чем это делалось доньше³⁷⁰. Окончательный штат вводимых чиновников предлагалось распределить по губерниям следующим образом: в Тобольской – 36, Томской – 29, Енисейской и Иркутской – 21³⁷¹. Не подлежит сомнению, что инициатива преобразований находилась в руках министерства внутренних дел, которое контролировало и направляло ход разработки реформы. Говоря о борьбе в верхах царской бюрократии в связи с введением института крестьянских начальников, не следует принимать ссылки Витте на тяжелое материальное положение в стране за чистую монету. Следует несомненно учитывать конфликт Витте в эти годы с министром внутренних дел и резко отрицательное его отношение к институту земских начальников, послуживших прообразом крестьянских начальников Сибири³⁷².

³⁷⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2790. Л. 95об.-96об.

³⁷¹ Там же. Ф. 573. Оп. 14. Д. 18712. Л. 39-40.

³⁷² Кризис самодержавия в России 1895-1917. Л., 1984. С. 58-61; Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 514.

В итоге отметим, что в принципе позиции центральной и местной администрации в вопросах о судьбах «инородческого» управления совпадали. Они признавали за благо распространение на аборигенов закона о земских начальниках 1889 г. Некоторые расхождения касались вопроса о том, как эту меру осуществить.

Рассматривая предложения сибирских губернских властей относительно реформы управления аборигенами, новый министр внутренних дел И.Л. Горемыкин отметил, что этот вопрос, связанный с пересмотром всего действующего законодательства об аборигенах, представляется слишком сложным для того, чтобы «законодательное разрешение его могло последовать попутно...» Министр не считал возможным приступить к его рассмотрению «без предварительной и весьма подробной разработки...» В то же время он признавал необходимость принятия «некоторых мер, способных значительно улучшить существующее инородческое управление»³⁷³. Руководствуясь этим положением, Горемыкин, во-первых, высказывался в пользу значительного расширения функций земских начальников в отношении коренного населения Сибири. На земских начальников министр предлагал возложить «обязанность надзора за действием родовых управлений и инородческих удрав». Планировалось поручить земским начальникам «попечение о нуждах инородцев в тех пределах, в каких обязанности эти донныне принадлежали чинам полиции». Во-вторых, программа Горемыкина предусматривала наделение земских начальников судебными функциями.

Проведение этих преобразований должно было устранить «наиболее вопиющие недостатки их (коренных жителей. – Л. Д.) управления» и хоть отчасти удовлетворить «ходатайства местных властей». Более широкие преобразования казались министру преждевременными. Проектируемая реформа не должна была распространяться на всю Сибирь. Не предполагалось введение

³⁷³ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5. Л. 124, 173-174.

реформы в тех районах, «в которых, благодаря их отдаленности и малочисленности населения, и преимущественно инородческого, до ныне не было введено общественное крестьянское управление»³⁷⁴. В Тобольской губернии это были Березовский и Сургутский округа, в Томской – Нарымский край, в Енисейской – Туруханский край. Таким образом, предложения Горемыкина предусматривали полное подчинение местного управления аборигенами контролю царской администрации. Проект вполне соответствовал реакционному законодательству 80–90-х гг. и должен был способствовать усилению административно-полицейской опеки над сельским населением Сибири и органами его самоуправления. Предложения Горемыкина легли в основу закона 8 июня 1898 г., получившего название «Временного положения о крестьянских начальниках». Несколько позже крестьянским начальникам участков, в пределах которых проживало коренное население, было присвоено название «крестьянских и инородческих начальников»³⁷⁵.

Крестьянскими начальниками, согласно ст. 8 закона, могли быть «только лица, окончившие курс в одном из высших или средних учебных заведений империи». Однако отсутствие образования не являлось препятствием к занятию должности. Закон предусматривал возможность назначения на эту должность лиц, хотя и не имеющих необходимого образования, но выдержавших «соответствующее испытание». В законе также подчеркивалось, что «неимение чина, соответствующего классу должности крестьянского начальника, не служит для лиц, указанных в настоящей статье, препятствием к занятию настоящей должности». Кандидатуры крестьянских начальников должны были утверждаться в Тобольской и Томской губерниях министром внутренних дел, в губерниях Иркутской и Енисейской – генерал-губернатором.

³⁷⁴ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5124. Л. 173–174.

³⁷⁵ ПСЗ-З. Т. 18. Л. 1503; Т. 23. Отд. 1. № 23320.

Круг деятельности крестьянских начальников был очень широк, что в целом соответствовало проекту. Им поручался «надзор за всеми установлениями» крестьянского и «инородческого» управления. Важной обязанностью новых чиновников являлся контроль за «хозяйственным благоустройством и нравственным состоянием» сельских жителей. Статья 35 закона конкретизировала обязанности крестьянских начальников относительно коренного населения: «Крестьянским начальникам принадлежит: 1) исполнение лежащих на полиции, согласно положения об инородцах, обязанностей по общему наблюдению за инородческим управлением и попечению о нуждах инородцев и 2) разрешение в качестве третьей ступени словесной расправы судебных дел инородцев, подведомственных их родовым управлениям». Таким образом, эта статья закона предоставляла крестьянским начальникам все те административно-полицейские права, которыми ранее обладали в отношении коренных жителей чины земской полиции. В то же время права крестьянских начальников относительно аборигенов по сравнению с чинами земской полиции были значительно расширены. Крестьянские начальники получили право утверждать повестку дня волостных и сельских сходов (ст. 16), любое решение схода должно было санкционироваться крестьянским начальником.

Особенно возрастала роль крестьянских начальников в судебных делах аборигенов (ст. 36). Неисполнение предписаний крестьянского начальника было чревато серьезными последствиями. В этом случае он имел право подвергнуть лиц «подведомственных крестьянскому или инородческому управлению... без формального производства аресту не свыше трех дней или денежному взысканию не свыше пятнадцати рублей» (ст. 40).

Крестьянские начальники наделялись административными правами в отношении должностных лиц всех категорий сельского управления. В законе указывалось, что «крестьянский начальник, вследствие рассмотрения

жалоб..., принесенных на действия должностных лиц сельского, волостного и инородческого управления, а также непосредственно усмотренных им самим... проступков означенных лиц по должности, имеет право подвергнуть одному из следующих взысканий: замечанию, выговору, денежному взысканию не свыше пяти рублей или аресту на время не свыше семи дней». В случае более серьезных преступлений крестьянским начальникам предоставлялось право отстранять лиц крестьянского и «инородческого» управления от должности и даже входить в уездный съезд крестьянских начальников с представлением о «совершенном увольнении должностных лиц от службы или предании их суду» (ст. 42).

В каждом уезде учреждался уездный съезд крестьянских начальников, который являлся второй апелляционной инстанцией рассмотрения приговоров, вынесенных крестьянскими начальниками.

Таково основное содержание закона 8 июня 1898 г., вводившего в Сибири институт крестьянских и инородческих начальников. В целом он отразил определенные изменения в характере социально-экономического развития народов края, связанные прежде всего с развитием капиталистических и разложением патриархально-феодалных отношений. Не следует, однако, забывать, что административные преобразования были направлены в первую очередь на усиление полицейской опеки над народами Сибири и их скорейшую русификацию. Реформа, проводимая помещичье-бюрократическим государством в буржуазную эпоху, сохраняла в то же время ясно видимые феодальные черты.

3. Проведение в жизнь «Временного положения» о крестьянских и «инородческих» начальниках

Реализация «Временного положения...» началась с составления штатного расписания, подбора кандидатур

крестьянских и инородческих начальников и разделения уездов на участки. Первые реальные действия в этом направлении были предприняты местной администрацией в конце 1898 – начале 1899 г., что соответствовало установкам министерства внутренних дел, полагавшего, что реформу следует проводить в период сокращения потока переселенцев. Закон предусматривал введение в четырех сибирских губерниях 107 должностей крестьянских начальников и образование 25 уездных съездов. По красноречивому признанию И.Л. Горемыкина, это был лишь первичный вариант, составленный без учета «могущих потребоваться по сему предмету изменений»³⁷⁶. Министерство не исключало возможности увеличения числа крестьянских начальников в Сибири. Об этом же свидетельствуют ходатайства губернской администрации. Иркутский генерал-губернатор Пантелеев уже в 1900 г. обращал внимание министра внутренних дел на то обстоятельство, что, в связи с планируемым полным подчинением аборигенов ведению крестьянских учреждений, необходимо увеличить число крестьянских начальников³⁷⁷. С этой же целью обращался к правительству Томский губернатор, считавший, что число крестьянских начальников в губернии явно недостаточно.³⁷⁸ В Сибири, в условиях отсутствия помещиков и дворянства, самодержавие стремилось поставить хозяйственно-бытовую и общественную жизнь сельского населения под жесткий контроль правительственного аппарата. Данный аспект политики полностью попадает под определение В.И. Ленина о том, что самодержавие есть «крепостная зависимость народа от чиновников»³⁷⁹. Этим же целям отвечало стремление правительства и местной администрации распространить закон 1898 г. на те районы Сибири, где первоначально не предполагалось введение «Временного положения». Не случайно в апреле 1901 г. институт крестьянских начальников был введен в Забайкальской обла-

³⁷⁶ РГИА. Ф. 573. Оп. 14. Д. 18712. Л. 20 об.

³⁷⁷ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 228. Л. 23 об.

³⁷⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 222, 1909 г. Л. 218.

³⁷⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 137.

сти, в шести уездах которой учреждалось 19 должностей новых чиновников³⁸⁰.

В представлении министерства финансов в Государственный совет подчеркивалось, что мера эта необходима ввиду работ «по преобразованию административного устройства, управления и суда инородческого населения» Сибири³⁸¹.

Примерно тогда же рассматривался вопрос о введении института крестьянских начальников в Якутской области. Местная администрация предлагала учредить 15 должностей новых чиновников: 6 – в Якутском округе, 3 – в Вилуйском и по 2 – в Олекминском, Верхоянском и Колымском округах³⁸².

В 1903 г. Министерство внутренних дел предложило подчинить власти крестьянских начальников население Березовского и Сургутского уездов Тобольской и Нарымского края Томской губернии³⁸³. Однако эти проекты не были осуществлены. Утверждения отдельных исследователей³⁸⁴ «о введении института крестьянских начальников для народов Северо-Восточной Сибири являются ошибочными и фактическим материалом не подтверждаются. Применительно к аборигенам Туруханского края Енисейской губернии этот вопрос даже не ставился³⁸⁵. Управление коренными народами в этих районах вплоть до 1917 г. основывалось на принципах устава 1822 г., лишь несколько видоизмененного. В Якутской области, например, в начале XX в. коренное население в административном отношении подразделялось на 24 улуса, состоящих из 271 наслега и 64 родов, во главе которых находились выборные лица³⁸⁶.

³⁸⁰ РГИА. Ф. 1148. Оп. 30. Д. 62, 1901 г. Л. 1-3.

³⁸¹ Там же. . Ф. 573. Оп. 3. Д. 5270. Л. 2.

³⁸² ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. К. 842. Д. 927. Л. 2-14.

³⁸³ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5125. Л. 23-30.

³⁸⁴ Марченко В.Г. Управление и суд у малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока в царской России. Автореф. дис.... канд. ист. наук. Томск, 1985. С. 13.

³⁸⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84, 1909 г. Д. 173. Л. 222-223.

³⁸⁶ Гоголев З.В. Якутия на рубеже XIX-XX вв. С. 150-151.

С определением числа крестьянских начальников и их съездов неразрывно связан вопрос о разделении уездов на участки. Формально их количество должно было соответствовать числу крестьянских начальников уезда. Однако в силу того обстоятельства, что отдельные должности этих чиновников оставались вакантными длительное время, число крестьянских начальников было меньше числа участков. Неодинаковы были и размеры участков. В Забайкальской области на один участок приходилось немногим более 21 тыс. жителей, в Иркутской губернии – примерно 18 тыс., в Енисейской – около 20 тыс.³⁸⁷

Количество участков внутри уездов и губерний за редким исключением оставалось неизменным до 1917 г., но внутреннее изменение границ участков, образование в них новых волостей было делом обычным. В Иркутской губернии только четыре участка из 21 включали в себя те же волости, что и при образовании участков в 1898 г. Изучение «Памятных книжек» сибирских губерний позволяет заключить, что наибольшее изменение границы крестьянских участков претерпели в 1901, 1902 и 1907–1912 гг. Это было связано не только с притоком переселенцев, приведшим к значительному увеличению народонаселения, но и со стремлением царской бюрократии найти наиболее эффективные способы удержания населения под контролем чиновничества.

Одной из наиболее важных сторон деятельности сибирской администрации по реализации закона 1898 г. явился подбор кандидатов на должности крестьянских начальников. В интересах быстрейшего проведения реформы он начался еще до утверждения законопроекта. Однако поиск кандидатов на новые должности был связан с известными трудностями. В Сибири практически отсутствовало помещичье землевладение, а прослойка дворян-чиновников по сравнению с губерниями Европейской России была невелика. Немного насчитывалось и чиновников, имеющих высшее или специальное обра-

³⁸⁷ Егунов Н.П. К вопросу о введении института... С. 133.

зование. Между тем закон отдавал предпочтение именно таким лицам. Это сужало круг возможных претендентов и сдерживало ход реформы. Не случайно местная администрация резко выступала против соблюдения требования образовательного ценза³⁸⁸. Если в Томской и Тобольской губерниях ко времени проведения реформы правительство все же смогло подобрать необходимые кандидатуры, то, например, в Енисейской губернии штат крестьянских начальников был укомплектован только на 90 %. По сведениям министерства внутренних дел, в 1901 г. в Забайкальской области оставались незаполненными 11 % мест крестьянских начальников, в Иркутской губернии в 1909 г. – 5 %³⁸⁹.

Стремление царизма при подборе вновь вводимых чиновников строго следовать сословному принципу и назначать крестьянских начальников исключительно из дворян оказалось неосуществимым. В 1904 г. в губерниях Западной Сибири 35,5 % чиновников было из разночинцев. Не удалось правительству обеспечить и приоритет при назначении на новые должности лицам, имеющим соответствующее образование: только 32 % крестьянских начальников имели высшее образование. Зато православными были почти все – около 91 %³⁹⁰.

Еще в меньшей степени правительственным установкам отвечали крестьянские начальники Восточной Сибири. В начале XX в. в Енисейской губернии 68 % крестьянских начальников были выходцами из разночинцев, в Иркутской губернии – 65 %, в Забайкальской области – 96 %³⁹¹. В Иркутской губернии только четвертая часть чиновников имела высшее образование, в Енисейской губернии и Забайкальской области – немногим более половины. Удельный вес чиновников, исповедовав-

³⁸⁸ Библиотека РГИА. Печатные записки. Ф. 2825. Отчет Енисейского гражданского губернатора за 1907 г. С. 7.

³⁸⁹ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 40, 1900 г. Л. 3; Оп. 30, 1901 г. Д. 62. Л. 17-20; Оп. 31. Д. 622, 1909 г. Л. 4-23.

³⁹⁰ Там же. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 2, 1904 г. Л. 213-216, 239-240.

³⁹¹ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1291. Оп. 30, 1900 г. Д. 40. Л. 3, 23; Оп. 1, 1909 г. Д. 622. Л. 4об.-23; Оп. 30, 1901 г. Д. 62. Л. 17-18, 19-20.

ших православие, в этой части Сибири был выше, чем в Западной – 97 %. Таким образом, неправы те исследователи, которые считают, что крестьянские начальники назначались исключительно из дворян³⁹².

Для большинства крестьянских начальников доходы от личного труда были единственным источником существования. Они не принадлежали к касте привилегированного и высокооплачиваемого чиновничества. Их жалование без учета канцелярских, квартирных, прогонных и прочих сумм колебалось в пределах 1500 руб. (Западная Сибирь) до 2000 руб. в год (Забайкальская область). По данным начала XX в., в Восточной Сибири только один чиновник из 61 – крестьянский начальник 2-го участка Иркутского уезда – имел поместье в 235 десятин в Херсонской губернии. Еще три чиновника или их жены имели собственные дома.

Подобная же картина наблюдается и в Западной Сибири. В Тобольской губернии один чиновник имел земельный надел в 920 десятин в Уфимской губернии. В Томской губернии владельцев недвижимой наследственной или «благоприобретенной» собственности из числа крестьянских начальников вообще не было.

В царской России все чиновники гражданского или военного ведомства имели определенный чин, соответствующий классу по должности. Изучение этой стороны положения крестьянских начальников позволяет заключить, что положение их в бюрократической иерархии российского чиновничества было сравнительно невысоким. Примерно 50 % крестьянских начальников имели чины с 14 по 8 класс.

Не прошло и года со времени введения института крестьянских начальников, как они проявили себя массовыми и вопиющими злоупотреблениями. Уже в 1899 г. Иркутский генерал-губернатор Горемыкин доносил в Министерство внутренних дел, что не все крестьянские

³⁹² Дулов В.И. Крестьянство Восточной Сибири... С. 76; Егунов Н.П. К вопросу о введении... С. 129.

начальники «правильно понимают свои обязанности и... отвечают по своим служебным и нравственным качествам... занимаемой должности». Через год после введения реформы ряд чиновников «пришлось заменить другими лицами»³⁹³.

Наиболее подробные сведения о произволе крестьянских начальников содержатся в материалах ревизии их деятельности. «Чиновник министерства внутренних дел Маврин, обследовавший по поручению В.К. Плеве деятельность крестьянских начальников Тобольского, Тарского и Ишимского округов, «не признавал возможным дальнейшее оставление... в занимаемой должности» «пяти крестьянских начальников из 15 проверенных»³⁹⁴. По признанию вице-губернатора А.Н. Тайницкого, одни чиновники совершенно не вникали в положение дел, другие же приобрели грустную славу беззакониями и хищениями»³⁹⁵. По приблизительным подсчетам, за 3–4 года крестьянские начальники растратили около 300 000 руб. общественных денег³⁹⁶. Современники отмечали, что новые чиновники с первых дней начали хозяйствовать «авторитетно, нисколько не смущаясь своего невежества и отсутствия необходимых знаний»³⁹⁷.

Незаконные действия крестьянских начальников не ограничивались одним лихоимством. Поразительными были масштабы самоуправств. Крестьянский начальник 5-го участка Иркутского уезда Галисский «без соблюдения установленного порядка, по своему усмотрению допускал к исполнению обязанностей выборных должностных лиц». Он назначил казначеем Хоготовской управы бывшего родового старосту Абыдаевского рода Степанова, который совершил растрату в 1797 руб. Без решения суглава Галисский принял на должность писаря Ользоновской управы некоего Куртова, который до

³⁹³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 367, 1900 г. Л. 5.

³⁹⁴ Там же. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 183, 1903 г. Л. 1.

³⁹⁵ Там же. Л. 54; Жерновков Г. Сибирь и правительство. Новониколаевск, 1907. С. 30.

³⁹⁶ История Сибири. Т. 3. С. 73.

³⁹⁷ Жерновков Г. Сибирь и правительство. С. 26.

поступления на службу водил дружбу с местными кулаками Сухановым и Ербагаевым, рекомендовавшими его крестьянскому начальнику как лицо, заслуживающее доверия³⁹⁸. Однако это «заслуживающее доверия лицо» присвоило около 1500 руб., а затем сбежало, захватив предварительно чужой паспорт. Подобные примеры не являются исключением.

Велика была роль крестьянских начальников при выборе должностных лиц инородческого управления. Еще до выборов они обязывались представлять свое мнение о возможности и целесообразности избрания на должность того или иного кандидата. Как правило, такое «мнение» было решающим. Крестьянские начальники стремились лишить сельское население прав самим выбирать должностных лиц.

При поддержке уездных съездов и губернских правлений они старались подобрать послушный их воле состав органов самоуправления сельским населением. Достигалось это по-разному: путем рекомендаций, игнорированием приговоров сходов и сугланов, прямым насилием и даже фальсификацией итогов выборов³⁹⁹. Крестьянские начальники активно влияли на ход землеустройства аборигенов, их участие в работе поземельно-устроительных комиссий было обязательным. Анализ позиций этих чиновников в ходе рассмотрения конфликтных ситуаций в ходе землеустройства позволяет заключить, что крестьянские начальники руководствовались не интересами аборигенов-скотоводов, а интересами переселенческой политики правительства, выступали в большинстве случаев за продолжение землеустройства и земельных отрезков у нерусских народностей⁴⁰⁰.

Многие крестьянские начальники являлись истинными ревнителями православия не только на словах, но и на деле; они активно способствовали насаждению среди аборигенов чуждого последним христианства, не гнуша-

³⁹⁸ ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 2. Л. 13-13 об.

³⁹⁹ ГАИО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 11312. Л. 1.

⁴⁰⁰ Там же. Ф. 25. Оп. 9. К. 194. Д. 3671. Л. 63.

ясь при этом никакими методами – от посулов и угроз до прямого администрирования и насилия⁴⁰¹.

Массовый произвол крестьянских начальников вызывал энергичные протесты сельского населения, которые были хорошо известны в высших правительственных инстанциях. Однако разоблачение и устранение отдельных лиц не улучшало системы управления, ибо почва для возникновения новых злоупотреблений оставалась прежней⁴⁰². В 1907 г. на совещании непрременных членов по крестьянским делам товарищ министра внутренних дел А.И. Лыкошин вынужден был признать, что правительство не видит иного способа пресечения злоупотреблений, кроме установления постоянного надзора, который бы явился одним из существенных условий правильной постановки всякой исполнительской деятельности⁴⁰³.

С целью пресечения злоупотреблений крестьянских начальников местная администрация практиковала частые перемещения чиновников внутри уездов и губерний. В.А. Степанин, рассмотревший этот вопрос на материалах ряда уездов Енисейской губернии, пришел к выводу, что «трудно найти другое ведомство, где бы так часто менялись чиновники»⁴⁰⁴. То же самое можно сказать относительно других губерний Сибири. В Иркутской губернии с 1901 по 1912 г. крестьянскими начальниками перебивало 70 чиновников, из них 40 находились на этой должности от года до 3 лет, 10 имели пятилетний стаж, 6 – шестилетний, два чиновника пробыли в этой должности 10 лет. Крайне редко чиновник исполнял должность крестьянского начальника на одном участке. Так, М.Н. Индрексон за 5 лет пребывания в должности крестьянского начальника сменил три участка, Н.В. Запрудский в течение трех лет успел поменять три участка. В целом же по Иркутской губернии из 21

⁴⁰¹ ГАИО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 2514. Л. 71.

⁴⁰² История Сибири. Т. 3. С. 73.

⁴⁰³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 13. Д. 91 «а», 1908 г. Л. 5.

⁴⁰⁴ Степанин В.А. Крестьянские начальники... С. 127-155.

участка крестьянские начальники в 4-х менялись шесть раз, в девяти – пять раз.

Формулярные списки позволяют проследить служебный путь чиновников к должности крестьянских начальников. По сведениям за 1916 г., в Тобольской губернии 5 крестьянских начальников из 34 начинали службу в военном ведомстве. Однако, не дослужившись до высоких чинов, вышли в отставку. Отсутствие достаточно надежного источника существования заставило их определиться на штатскую службу. В Томской губернии службу в военном ведомстве начинал каждый десятый крестьянский начальник.

Среди крестьянских начальников были лица различных профессий, в том числе и учителя. Крестьянскими начальниками служили и лица, не имеющие чина. В Восточной Сибири таких чиновников насчитывалось 10 % от общего числа крестьянских начальников. Абсолютное большинство их обязанности крестьянских начальников исполняли недолго. Типичным примером в этом отношении является чиновник Деймидович, заведовавший третьим участком Иркутского уезда. Образование он получил в Витебской духовной семинарии, которую окончил в 1900 г. Затем служил по духовному ведомству, а в 1904 г. поступил на юридический факультет Юрьевского университета. На государственную службу определился в конце 1912 г. в качестве помощника делопроизводителя Иркутского губернского управления. С осени 1914 г. до весны 1915 г. был крестьянским начальником, а затем отстранен от должности как не справившийся со своими обязанностями⁴⁰⁵.

Таким образом, крестьянскими начальниками служили подчас случайные лица. Печать того времени отмечала, что среди крестьянских начальников «есть бывшие управляющие частными имениями, встречаются полицейские чины, много офицеров и заметную группу состава чиновники всяких учреждений»⁴⁰⁶.

⁴⁰⁵ ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 282. Л. 41-49 об.

⁴⁰⁶ Степынин В.А. Крестьянские начальники... С. 137.

Совершенствованию системы местного управления царское правительство придавало особое значение, ибо стабилизация внутривластного положения и упрочение власти господствующего класса традиционно связывались самодержавием с усилением репрессивного аппарата на местах и ужесточением функций администрации по надзору и контролю за трудовым населением. После поражения первой русской революции и начала массового переселения крестьян за Урал функции местной администрации резко осложнились. Перед царским правительством остро встала проблема обеспечения «личного состава крестьянских учреждений лицами, могущими успешно справиться с возложенными на них по закону многообразными и сложными обязанностями»⁴⁰⁷. Отказавшись от коренной перестройки системы местного управления, путем усиления «ближайшего наблюдения» и улучшения качественного подбора чиновников правительство попыталось усилить местный исполнительный аппарат власти самодержавия. Особое значение в достижении этих целей придавалось крестьянским начальникам.

В 1912 г. сибирские губернаторы получили предписание министра внутренних дел А.А. Макарова о введении испытания на должность крестьянских начальников. Эта мера преследовала цель не только «качественного» отбора состава чиновников, но и удаления неугодных правительству или скомпрометировавших себя лиц. При определении на должности министерство рекомендовало губернской администрации проводить экзамены по программам испытаний на должность земских начальников, утвержденных в 1908 г. Экзамены для кандидатов на должность земского начальника были введены распоряжением министра внутренних дел в 1907 г. Вопрос об экзаменах на должности земских начальников обсуждался на общероссийской съезде неперенных членов губернских присутствий и землеустроительных

⁴⁰⁷ ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 102. Л. 12.

комиссий в январе 1909 г. С целью успешной подготовки к экзаменам в марте 1908 г. при министерстве начали работать специальные курсы.

Из 38 человек, сдавших экзамен в 1907 г., комиссия «достойными к занятию должности» земского начальника нашла 29, остальные получили отрицательные оценки. Всего же за период с 1907 по 1910 г. экзамен на должность держали 219 претендентов⁴⁰⁸. Как видим, министерство прилагало немалые усилия к улучшению «качественного» состава земских начальников. Нечто подобное теперь предполагалось ввести и в Сибири. Местные власти обязывались разработать собственную программу, в которой особое внимание следовало уделить выявлению «осведомленности испытуемых в узаконениях и правилах, регулирующих общественное управление, суд и поземельное устройство крестьян и инородцев»⁴⁰⁹.

Составление программы испытаний в Сибири было закончено к 1914 г. Программы явились попыткой конкретизировать основные положения закона 1898 г. с учетом более чем 10-летнего опыта применения его на практике. Программы испытаний в следующих чертах определили круг обязанностей крестьянского начальника: надзор за должностными лицами крестьянского и инородческого управления; решение вопросов землепользования сельского населения; участие в работе комиссий по созданию переселенческих участков; контроль за сбором государственных податей и исполнением земских повинностей; выполнение определенных полицейских и судебных функций. Ст.ст. 14, 16, 20-24 закона 1898 г. рассматривают вопросы осуществления крестьянским начальником прав контроля за общественным управлением крестьян и аборигенов. В губернских программах испытаний этому вопросу посвящены целые главы. Кроме того, в программе Иркутской губернии была добавлена глава, посвященная изложению прав и обязанностей крестьянского

⁴⁰⁸ Отчет по земскому отделу. Краткий обзор его современной деятельности 1861–1911. СПб., 1911. С. 15–19.

⁴⁰⁹ ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 102. Л. 12.

начальника по контролю за общественным управлением тех аборигенов, на которых не распространялось действие временного положения 1898 г.

Пристальное внимание, отводимое в программах коренным народам Сибири, объясняется тем, что царская администрация стремилась поставить их под более жесткий контроль чиновничества. П.А. Столыпин в течение 1910 г. неоднократно напоминал Иркутскому генерал-губернатору о необходимости составить предложения о «желательных изменениях ныне действующего положения об управлении инородцев, коих признано будет необходимым оставить в разряде кочевых или бродячих»⁴¹⁰.

В определении прав крестьянских начальников относительно органов общественного управления крестьян и аборигенов составители программы исходили из ст. 16 «Временного положения...», которая предоставляла крестьянским начальникам право «рассматривать все приговоры волостных и сельских сходов»⁴¹¹. В программах это положение конкретизировалось – перечислялись случаи, когда присутствие крестьянского начальника на сельском сходе было обязательным: при раскладе мирских и земских повинностей, выборе должностных лиц общественного управления и т. д. Программы предоставляли крестьянскому начальнику право не только утверждать, но и дополнять повестку дня сходов и сугланов новыми вопросами. Решения сельских сходов и сугланов подлежали обязательному утверждению крестьянским начальником.

В программах перечисляются «функции должностных лиц» управления аборигенами, характеризуется структура органов управления и определяется круг их обязанностей по отношению к крестьянским начальникам.

Закон предоставлял крестьянским начальникам право административных взысканий с должностных лиц сельского управления. В соответствии с этим программы

⁴¹⁰ ГАИО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 46. Л. 195об.

⁴¹¹ ПСЗ-З. Т. 18. № 15503.

испытаний всех губерний предусматривали сохранение данного положения, предоставляя крестьянским начальникам право «возбуждения уголовного преследования». В программах испытания Енисейской и Иркутской губерний это положение конкретизировалось специальным изложением прав крестьянского начальника по административным делам.

Подробно излагались полицейские обязанности крестьянского начальника. Обстоятельство это было неслучайным. В годы первой русской революции крестьянские начальники широко пользовались такими правами. У местной администрации еще свежи были в памяти примеры активного участия народов Сибири в общественном движении в 1905-1907 гг. Поэтому-то сибирское чиновничество столь внимательно отнеслось к разработке в программах испытаний именно этих положений. Программа Енисейской губернии даже ввела специальную главу: «Обязанности крестьянского начальника полицейского характера». В программах подробно рассматривались случаи, когда крестьянскому начальнику вменялось в обязанность привлекать для «наведения порядка» чинов уездной полиции, высылать в административном порядке «зачинщиков» и т. д.⁴¹²

Ряд статей в программах был посвящен изложению обязанностей крестьянского начальника по организации сборов податей и налогов. Программы Иркутской и Енисейской губерний содержали главу «Податное дело», в программе Тобольской губернии этот вопрос рассматривается в главе «О личных, имущественных правах крестьян и лежащих на них обязанностях».

Программы испытаний регламентировали отношения крестьянских начальников с вышестоящими учреждениями, различными должностными лицами царской администрации и полицией. Жесткая регламентация этих моментов была, по мнению составителей программы, совершенно необходима, так как крестьянские началь-

⁴¹² ГАИО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 46. Л. 195.

ники по роду своей деятельности сталкивались с чиновниками различных ведомств, что на практике порождало неразбериху и волокиту.

Практическому внедрению программ испытаний на должность крестьянского начальника помешала начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война. Но и в этих условиях правительство предпринимало меры для улучшения состава крестьянских начальников, предоставляя им льготы от призыва в армию и т. д.⁴¹³ Тем не менее все попытки правительства оказались тщетными. Прослойка дворян среди крестьянских начальников Сибири к 1917 г. не только не увеличилась, но даже сократилась, снизилось и количество православных чиновников. Количество чиновников, имеющих высшее образование, по сравнению с 1914 г. осталось примерно на том же уровне.

Деятельность правительства и местной губернской администрации по улучшению качественного состава крестьянских начальников своим практическим следствием имела лишь рост злоупотреблений и лихоимства этих чиновников, с одной стороны, и усиление к ним ненависти сельского русского и коренного населения – с другой. Последнее обстоятельство особенно отчетливо проявилось после свержения самодержавия. «Инородческие» сходы стали активно требовать безоговорочного и немедленного упразднения этого института власти царизма, преследовавшего цель «держать инородческое население в бесправии и рабстве» и принесшего ему «глубочайший материальный вред и нравственную разруху»⁴¹⁴. Упорная борьба русского крестьянства, народов Сибири с остатками политических институтов царизма убедительно опровергает измышления современных буржуазных историков о том, что в Сибири не было никакой революции, а царские чиновники добровольно передали власть различным революционным комитетам⁴¹⁵. Отнюдь нет! Царские чиновники, в том числе

⁴¹³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 56; 1900 г. Л. 186-187, 190.

⁴¹⁴ Там же. Ф. 1291. Оп. 30, 1917 г. Д. 30. Л. 6-8.

⁴¹⁵ Snow R.E. The Bolsheviks in Siberia... P. 38

и крестьянские начальники, вовсе не передали власть добровольно, а были сметены восставшим народом⁴¹⁶.

Как сам закон о крестьянских и «инородческих» начальниках, так и правительственные мероприятия по его реализации были направлены на усиление административно-полицейской опеки над народами Сибири. Эта тенденция особенно сильно проявилась после революции 1905-1907 гг., когда напуганное размахом народного движения самодержавие прилагало лихорадочные усилия по совершенствованию репрессивного аппарата власти на местах. На практике крестьянский начальник становился полным хозяином в «инородческой» волости, активно влияя на все вопросы – хозяйственные, управленческие, податные, религиозные и т. д. – ее жизни. Самоуправство и злоупотребления крестьянских начальников приняли вопиющий характер. Все это порождало не только ненависть трудового сельского населения к этим представителям царской администрации, но и способствовало росту социальной активности аборигенов, сопротивлению антинародной политике самодержавия.

4. Административные мероприятия правительства начала XX века. Волостная реформа

Рубеж XIX и XX столетий занимает особое место в социально-экономической и политической истории России. Новые явления в экономике, связанные с монополизацией промышленности, концентрацией рабочей силы на крупных предприятиях, железнодорожным строительством и т. д. повлекли за собой качественные изменения в социальной и общественной жизни страны. Это

⁴¹⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 31, 1917 г. Д. 30; ЦГАОР. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 1; Оп. 3. Д. 12; Оп. 4. Д. 1 и др.

был период начала системного кризиса империи, завершившийся ее крушением в 1917 г.⁴¹⁷

Еще исследователи XIX в. отмечали, что задачи государственного управления не могут быть осуществлены деятельностью одних центральных органов. Подчеркивая значение местного аппарата власти, Н.М. Коркунов писал, что акты непосредственного управления «прежде всего, требуют деятельности на месте, в различных частях государственной территории»⁴¹⁸. П.Н. Зырянов справедливо отмечает, что местное управление «находится на той границе, где политическая структура непосредственно соприкасается с повседневным движением отношений, короче говоря, на стыке базиса и надстройки». Поэтому анализ деятельности местного аппарата управления имеет важное значение для изучения проблем складывания предпосылок буржуазно-демократической революции в нашей стране⁴¹⁹.

С началом введения в жизнь «Временного положения о крестьянских начальниках» царское правительство окончательно пришло к мысли о необходимости реорганизации не только системы местного управления народами Сибири, но и их самоуправления. Эти преобразования, с точки зрения правительства, были взаимосвязанными.

Осуществление поставленных самодержавием задач полного обрусения сибирских аборигенов постоянно сталкивалось с необходимостью упразднения порозрядной системы и перечислением аборигенов в разряд оседлых. Согласно Устава 1822 г., такое перечисление могло осуществляться во время переписи с согласия самих аборигенов. Поэтому правительство постоянно сталкивалось с противоположностью желаемых и реальных результатов этого процесса. Введение института крестьян-

⁴¹⁷ Кризис самодержавия в России (1895–1917). Л., 1984. С. 11.

⁴¹⁸ Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1903. Т. 2. С. 286.

⁴¹⁹ Зырянов П.Н. Социальная структура местного управления капиталистической Россией (1861–1914). Исторические записки. М., 1982. Т. 107. С. 226.

ских начальников означало полное подчинение органов самоуправления аборигенов этим чиновникам, но не упраздняло деление аборигенов на разряды. Именно поэтому Государственный совет в 1896 г. охарактеризовал поразрядную систему как «выдающееся несовершенство» законодательства о народах Сибири, требующее немедленного упразднения⁴²⁰. Практическим результатом этого решения явилось возложение на Министерство внутренних дел обязанности по разработке проекта административной реформы. Составление законопроекта И.Л. Горемыкин поручил делопроизводителю земского отдела И.И. Крафту. Законопроект должен касаться вопросов управления аборигенами только той части Сибири, на которой уже действовало «Временное положение о крестьянских начальниках».

Проект Крафта является документом, отразившим взгляды правительства на народы Сибири в конце XIX – начале XX столетий. К проекту прилагалась обширная «Записка о преобразовании управления оседлыми и кочевыми инородцами», в которой автор попытался дать исторический очерк организации управления народами Сибири, обосновать основные принципы реформы.

В начале записки Крафт указывает на усиление колонизации Сибири, в результате чего «инородцы» изменили прежний пастушеский образ жизни, стали больше заниматься земледелием и постепенно перешли к оседлости. Однако, несмотря на эти важные перемены, управление аборигенами в Сибири, – отмечает Крафт, – по-прежнему основывается на дореформенных порядках⁴²¹. Между тем, по мнению чиновника, «законы об инородцах настолько устарели, что задерживают естественный процесс» их обрусения и не обеспечивают экономических интересов государства.

Необходимость новых преобразований Крафт видит и в потребности согласовать действующие узаконения с

⁴²⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15, 41, 1896 г. Л. 134 об.

⁴²¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 1, 1896 г. Л. 184–184об.

изданными в последнее время законами о крестьянских начальниках, поземельном устройстве и др.⁴²² В противном случае, указывает автор, действие устаревших и несоответствующих современным условиям форм управления аборигенами «не будет способствовать проведению в жизнь благих начал, которые имелись в виду при издании означенных узаконений». Крафт далее переходит к рассмотрению предложений сибирской губернской администрации. Он отмечает, что они сводятся к «применению паллиативных (временных. – Л.Д.) мер, которые... не способны внести коренные улучшения в управление... организованное по закону 1822 г.».

Реформа Сперанского, по мысли Крафта, отличалась «неполнотой еще в момент издания, а теперь совершенно устарела». О предложениях Тобольского и Томского губернаторов, касающихся причисления аборигенов к русским волостям, Крафт также высказался отрицательно. Осуществление этой идеи в широких масштабах могло, по его убеждению, только увеличить «сумму неудобств управления инородцами, без всякой пользы для населения». Автор записки категоричен в том мнении, что «опыт действия этих правил в течение нескольких десятков лет в Тобольской и Томской губерниях доказал совершенную их непригодность для управления оседлыми инородцами». Было бы поэтому ошибкой, указывает он, вводить в Восточной Сибири те правила управления оседлыми аборигенами, которые оказались непригодными в Западной ее части. Предложение Иркутского генерал-губернатора Горемыкина о перечислении кочевых жителей в категорию оседлых, по мнению Крафта, лишь полумера, так как будет сопровождаться «введением у сибирских народов лишь упрощенного сельского управления на дореформенных началах».

Таким образом, Крафт приходит к заключению, что управление «инородцами» в сибирских губерниях нуждается в радикальном изменении. Задачу будущей рефор-

⁴²² РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 1, 1896 г. Л. 186 об.

мы он видит, во-первых, в «приближении» управления аборигенами к системе управления русскими крестьянами и подчинении тех и других «ведению» крестьянских начальников; во-вторых, в создании «благоприятных» условий «для ускорения естественного процесса перехода кочевых инородцев к оседлости»⁴²³.

Исходные посылки автора записки полностью совпали с официальными установками на предмет и сущность будущей реформы. Крафт считал за благо усиление системы правительственного надзора за деятельностью органов управления аборигенами и усиление темпов их русификации. Исходя из отмеченных целей и задач реформы, Крафт составил «Правила об управлении инородцами в местностях, на которые распространяется действие временного положения о крестьянских начальниках». Эти правила были наиболее полным правительственным законопроектом со времени принятия «Устава об управлении инородцев».

Документ открывается введением, в котором указывалось, что «инородцы, как кочевые, так и оседлые, пользуются правами сельских обывателей». В приложении к ст. 1 подчеркивалось, что «звание почетных инородцев... которые службою или пожалованием не приобрели действительных чинов или прав высшего состояния, не пользуются никакими особыми преимуществами». Таким образом, правила Крафта окончательно сводили на нет привилегии неслужилой родовой знати, поколебленные еще в 1822 г. Спустя 75 лет после принятия устава М.М. Сперанского Министерство внутренних дел устами Крафта гораздо категоричнее заявило о необходимости опоры не на феодально-родовую знать, а на обуржуазившуюся верхушку «инородческого» общества. Подобная тенденция правительственной политики не явилась простой данью времени. Это был закономерный сдвиг, обусловленный отмиранием феодальных, зарождением и

⁴²³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 1, 1896 г. Л. 187-188.

развитием буржуазных социально-экономических отношений.

В отличие от М.М. Сперанского, взявшегося прежде всего за реформирование хозяйственной жизни аборигенов, Крафт начал с административного устройства. Такой подход явился следствием убеждения как автора законопроекта, так и высших правительственных чиновников в том, что именно «неудобство управления» повлекло за собой «накопление... значительных податных недоимок»⁴²⁴ и других негативных явлений, побудивших правительство взяться за разработку реформы.

Свою позицию в отношении административного устройства коренных жителей Крафт формулирует исходя из стремления подчинить аборигенов «ведению крестьянских установлений». Этому посвящена первая глава проекта. Аборигены должны были находиться в ведении «главного губернского начальника, уездных властей и крестьянских начальников на одинаковых с прочими сельскими обывателями основаниях». Особое внимание законопроект отводил крестьянским начальникам. В своих основных положениях эта часть документа полностью соответствовала духу и букве закона 1898 г. о крестьянских начальниках, лишь дополняя и конкретизируя его.

При разработке вопроса об общественном управлении народов Сибири Крафт попытался учесть различный уровень хозяйственного развития аборигенов, отделив общественное управление оседлых жителей от кочевых. Поселения оседлых жителей, по аналогии с крестьянами, предлагалось разделить на волости и сельские общества. Сельское общество должно было состоять из одного или нескольких селений, имеющих совместное землепользование. Из нескольких сельских обществ предлагалось образовать волость. Автор нового проекта, в отличие от М.М. Сперанского, отрицал родовую организацию аборигенов, предлагая узаконить перечисление отдельных членов и целых сельских обществ из одной волости в другую.

⁴²⁴ ЦГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 1, 1896 г. Л. 186 об.

У оседлых аборигенов должностным лицам рекомендовалось присвоить те же «наименования», что и должностным лицам крестьянского самоуправления. Время пребывания на должности выборного лица ограничивалось тремя годами. На должность волостного старшины или сельского старосты можно было избрать каждого инородца, «не подвергавшегося по суду взысканиям, превышающим семидневный арест, не находящегося под следствием и судом и имеющего от роду не менее 25 лет».

В тех волостях, в которых наряду с православными аборигенами проживали и язычники, предлагалось кроме волостного старшины избирать еще и «помощника его, причем волостной старшина должен быть из числа православных инородцев». Таким образом, предлагалось хотя бы в косвенной форме закрепить законодательно преимущество православных аборигенов над язычниками.

Волостной старшина должен был выбираться на волостном сходе, который состоял из сельских старост и представителей от каждых 25 дворов аборигенов, избираемых на сельских сходах. Эти представители назывались выборными. Для их избрания на сельском сходе должно было присутствовать не менее половины домохозяев, решение принималось большинством голосов. Относительно волостного схода в проекте говорилось, что его решение может быть действительным только в тех случаях, если на нем, кроме сельских старост, присутствовало не менее двух третей всех выборных.

Однако предоставление слишком большой самостоятельности «инородцам» казалось Крафту опасным. Поэтому крестьянские начальники должны были полностью контролировать работу сельских и волостных сходов. Они определяли их место и время проведения, утверждали повестку дня, принимали решение о рекомендации к избранию на должности тех или иных лиц.

Сельские старосты подлежали избранию на сельских сходах простым большинством голосов с последующим обязательным утверждением в должности крестьянским

начальником. Функции волостного старшины носили в основном административно-полицейский характер⁴²⁵. На сельского старосту возлагались созыв сельских сходов, сбор податей и повинностей и др. За «усердную службу» предусматривалось награждение должностных лиц ино-родческого управления традиционными почетными каф-танами и деньгами.

Следующий раздел проекта Крафта посвящался управлению кочевых аборигенов. Оно во многих случаях строилось по аналогии с оседлыми жителями. «Коче-вое население разделяется на волости, а сии последние на улусы... состоящие из групп, связанных между собой общностью земельного пользования на зимниках, весен-никах и летниках» (ст. 33). Народнонаселение волостей ко-чевых жителей, как и у оседлых, определялось общим присутствием губернского управления (ст. 34). Группу улусов, имеющих совместное пользование земель, пред-лагалось назвать отдельным обществом. Во главе волости должен был находиться волостной старшина (голова), а во главе отдельного общества – улусный. У кочевых жи-телей, как и у оседлых, избрание волостного старшины должно было проходить на съезде. Однако система вы-боров, по сравнению с оседлыми аборигенами, была не-сколько проще. Проект ничего не говорит о выборных от улусных, т. е. сельских обществ. Избрание волостно-го старшины у кочевников проводилось на волостном съезде при обязательном присутствии крестьянского на-чальника простым большинством голосов. Участниками съезда являлись только улусные (сельские) старосты. Подобное отличие состава волостных съездов кочевых жителей от оседлых объясняется прежде всего хозяй-ственно-бытовыми особенностями жизни кочевников, улусы которых были нередко разбросаны на десятки, а то и сотни верст друг от друга. Поэтому участие вы-борных от улусных обществ в работе волостных съездов представлялось Крафту весьма сомнительным.

⁴²⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. II, 1896 г. Л. 190-191.

Как и у оседлых жителей, у кочевников волостной старшина утверждался в должности уездным съездом крестьянских начальников. Крафт подчеркивал, что уездный съезд мог не утвердить в должности избранное лицо и назначить новые выборы. Он даже предлагал предоставить съездам крестьянских начальников право назначать на выборные должности «известных администрации лиц» (ст. 40). В данном случае речь шла о прямом насилии волеизлияния аборигенов. Круг прав и обязанностей волостного старшины у кочевников в принципе не отличался от аналогичных должностей у оседлых жителей. Служба старост считалась почетной. Они не получали жалования, но обществу «в уважение заслуг их» разрешалось предоставлять старостам «различные льготы по отбыванию податей и повинностей и давать преимущества при распределении земельных и сенных угодий».

Должностные лица кочевых жителей, как и у оседлых, наделялись административными функциями. «За нарушение общественной тишины и порядка» они имели право арестовывать подведомственных им улусников на срок до 7 дней либо их облагать штрафом до 10 руб. В проекте Крафта рассматривался вопрос и об организации судопроизводства у аборигенов. Задача реформы инородческого судопроизводства заключалась в том, чтобы привести его в соответствие с судебными уставами 1864 г. Судебная реформа Александра II была распределена на Сибирь со значительными ограничениями, «инородческого» судопроизводства она вообще не коснулась. Не случайно Крафт посвятил разработке этого вопроса специальный раздел проекта.

Свою позицию в отношении судебного устройства аборигенов Крафт формулирует исходя из признания некоторых особенностей хозяйственного развития оседлых и кочевых жителей. Попытка дифференцированного подхода проявилась даже во внешней форме. Если у оседлых аборигенов суд назывался волостным, то у кочевников — «народным». К основному проекту при-

лагались специальные «Временные правила о народном суде...», подробно регламентирующие судопроизводство у кочевых жителей.

Волостной суд у оседлых аборигенов создавался «для разбора дел маловажных...» Членов суда следовало избирать на волостном сходе, по одному судье от каждого сельского общества. На должность волостного судьи Крафт предлагал избрать любого «инородца», пользующегося «уважением у населения» и имеющего не менее 40 лет от роду. В ряде же случаев проект отходил от этого решения. Статья 31 разрешала избрание на должность волостного судьи лиц и более молодых, начиная с 25-летнего возраста, но получивших образование в русских учебных заведениях. Разбор дел в волостных судах должен был проводиться гласно и публично при обязательном присутствии волостного старшины для «наблюдения за порядком», но без права вмешательства в ход судебного разбирательства.

У кочевых жителей предполагалось образовать так называемый «народный суд». Из ведения народного суда изымались дела о преступлениях против русской церкви и податной системы, порядка управления, дела, связанные с «составлением злонамеренных шаек», укрывательством беглых и преступлениями против собственности. Таким образом, за небольшим исключением народному суду могли быть подсудны только дела, связанные с рассмотрением внутриведомственных вопросов.

Народные суды должны были избираться на волостном съезде в присутствии крестьянского начальника из лиц, имеющих не менее 35 лет от роду. Народный суд имел право приговаривать к «личному задержанию», т. е. аресту на срок до 1,5 лет или денежному штрафу, не превышающему 60 руб. В случае несостоятельности подсудимого денежное взыскание следовало заменять арестом.

«Временные правила» Крафта предусматривали также организацию посреднического суда для рассмотрения

дел между жителями различных волостей. В качестве посредника разрешалось выступать как должностным, так и не служилым людям, за исключением башкир, татар, евреев и служителей «иностранческих» культов. Решение посреднического суда считалось окончательным и обжалования не подлежало.

Относительно поземельного устройства кочевников Крафт позволил себе более обстоятельные высказывания, не выходявшие, правда, за пределы официального правительственного курса. Прежде всего, он отмечал, что кочевые аборигены, получившие поземельное устройство, «пользуются оставленными в их владении землями по существующим в каждой области обыкновениям». Земельные угодья кочевников автор проекта делил на традиционные зимники, весенники и летники. Они характеризовались как состоящие в бессрочном общественном владении. Земельные споры внутри общин должны были рассматриваться старостами, а споры между различными общинами – на волостном съезде. Крестьянским начальникам предполагалось поручить рассмотрение поземельных споров между волостями кочевников⁴²⁶. Проект Крафта предоставлял обществам кочевников право сдавать свободные земли в аренду русским крестьянам для устройства фабрик, заводов, горного промысла и т. д. Однако это предложение не явилось чем-то оригинальным. С его помощью Крафт пытался санкционировать лишь то, что давно сложилось на практике. Ряд статей проекта был направлен на то, чтобы поощрить переход кочевников к оседлости. Ст. 69 предоставляла каждому кочевнику право на отведенном ему обществом участке возводить дома, мельницы и другие сельскохозяйственные постройки. Аборигенам разрешалось заниматься огородничеством и садоводством. Земельные наделы, на которых находились строения и насаждения, не должны были подлежать переделам «по усмотрению общества». Они переходили по наследству к потомкам,

⁴²⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 1, 1896 г. Л. 191–193 об.

но без права продажи и могли отчуждаться посторонним лицам лишь на снос. Оговорка эта весьма существенная. Она свидетельствует о том, что Крафт рассматривал аборигенов не как собственников или владельцев земли, а лишь как ее держателей.

Наиболее характерным видом податного обложения сибирских аборигенов в XIX столетии являлся ясачный сбор. Крафт воздержался от каких-либо высказываний на этот счет, имея, очевидно, в виду закон 19 января 1898 г., в соответствии с которым все податные сборы, уплачиваемые аборигенами, подлежали замене оброчной за землю податью⁴²⁷. Единственным отличием проекта от законодательства 80-90-х гг. являлось предоставление податных льгот аборигенам, перешедшим к оседлости.

Рассмотренный проект правил об управлении аборигенами отразил общий взгляд правительства на народы Сибири, их место и роль в составе Российской империи конца XIX – начала XX в. Проект не выходил за рамки царского законодательства конца 90-х гг., он лишь конкретизировал и в некоторых случаях дополнял его. В перспективе автор проекта не возражал видеть народы Сибири совершенно обруселыми. Не случайно Крафт с такой яростью обрушился на «Устав об управлении инородцев» 1822 г., который, по его мнению, задерживал «естественный процесс обрусения инородцев»⁴²⁸. Подобный взгляд на задачи будущей реформы находился в неразрывной связи с тем великодержавным шовинизмом, который был столь характерен для внутренней политики царизма конца XIX – начала XX в.

Проект реформы имел целью упрочить бюрократические порядки у коренного населения, передать власть из рук родоначальников в руки крестьянских начальников и обуржуазившейся части улусников. Введение волостного управления у народов Сибири способствовало бы ослаблению патриархально-родовых отношений, огра-

⁴²⁷ ПСЗ-З. Т. 18. Отд. I. № 14908.

⁴²⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 1, 1896 г. Л. 184 об.

ничивало политическую деятельность нойонов и объективно способствовало бы сближению русского и коренного народов.

Обсуждение проекта Крафта сибирской губернской администрацией проходило накануне первой русской революции в 1899-1902 гг. В работе образованных для этой цели специальных совещаний принимали участие все высшие губернские чиновники, а также крестьянские начальники⁴²⁹. Обострение общественно-политической обстановки в стране в целом и активное сопротивление народов Сибири начавшемуся землеустройству в частности, требовало от местной администрации «скорейшего» предоставления проектов⁴³⁰. Главным принципом разработки проектов реформы царским чиновничеством всех губерний и областей Сибири стало стремление к упразднению поразрядной системы и унификации местного управления русским крестьянством и коренным населением. В основе такого подхода лежали политические, фискальные и русификаторские мотивы. Наиболее откровенно на этот счет высказались участники обсуждения проекта в Енисейской губернии, отметившие, что «слияние сибирских инородцев с русскими крайне желательно в интересах государственных и культурных» (русификаторских. — Л.Д.). Даже предложение о необходимости введения телесных наказаний у аборигенов, перечисляемых в оседлые, мотивировалось требованием единообразия с русским крестьянским населением⁴³¹. Аналогичные мотивы прослеживаются и в рассуждениях чиновников других губерний. Например, администрация Якутской области, где массовое перечисление аборигенов в оседлые не проводилось, высказалась за упразднение поразрядной системы и «принятие мер к приближению... управления...» аборигенами с русским крестьянством⁴³².

⁴²⁹ Подробнее см.: Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири...

⁴³⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 1, 1896 г. Л. 178.

⁴³¹ Там же. Ч. III, 1896 г. Л. 11, 13.

⁴³² Там же. Д. 66. Л. 15, 1901 г.; Д. 190. Ч. 1. Л. 18, 1910 г.; ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. К. 842. Д. 972. Л. 22-26.

В итоге работы совещаний в каждой губернии был составлен проект реформы. Сибирская администрация согласилась с предложениями Крафта, в ряде случаев лишь дополнив и конкретизировав их. Возражение местного чиновничества вызвала лишь попытка Крафта, хотя бы и в ограниченном виде, сохранить разряд кочевых «инородцев». Местные власти считали целесообразным оставить один разряд бродячих «инородцев», а остальных следовало перечислить в оседлые. Некоторые расхождения между губернскими проектами (различия в терминологии, отдельных второстепенных моментах) принципиального значения не имела. Идея унификации местного управления русским крестьянским и коренным населением была использована в практической деятельности самодержавия после подавления первой русской революции.

Национализм всегда играл известную роль во внутренней политике самодержавия. В особенно свирепой «зоологической форме» национализм выступил в третьеиюньский период⁴³³. Уже на предвыборных собраниях во II Государственную думу в 1907 г. из лагеря правых раздавались призывы в поддержку русского национализма, который, по их мнению, отнюдь не является каким-то антигуманным явлением и не стремится обидеть и тем более «поглотить» другие народности и национальности». Нужно было избежать этой опасности впредь, защитить и оборонить интересы русской государственности⁴³⁴.

Для этой цели и привлекался русский национализм. С его помощью нужно было настолько обрусить нерусское население, чтобы оно утратило свои национальные особенности и слилось с русским. «Обрусить – значит сделать инородцев по своим убеждениям русскими». Для достижения этой цели рекомендовалось поставить аборигенов в такую «обстановку, при которой они возможно меньше вспоминали бы о своей былой независи-

⁴³³ История СССР с древнейших времен... Т. 6. С. 353.

⁴³⁴ Любинский Л.И. Русский национализм как средство борьбы с революционно-инородческим движением. Киев, 1907. С. 47.

мости». В. Строганов в следующих выражениях сформулировал задачи национальной политики самодержавия: «Итак, что-нибудь одно: либо мы должны отказаться от девиза «Россия для русских», либо от обрусительной политики, так как совместить то и другое так же нелепо, как тушить пожар керосином»⁴³⁵.

В период, когда существование самодержавия пришло в вопиющие противоречия с интересами абсолютного большинства русского общества, теоретики национализма пытались ссылками на исторический опыт других стран подсказать правительству рецепты выхода из кризиса. К.О. Балашов, ставя риторический вопрос с том, почему Франция «в своем могучем организме» смогла растворить «целый десяток различных народностей», приходил к выводу о том, что «там не давали им (иностранцам – Л. Д.) никаких особенных льгот... а главное налагали одинаковые обязательства». В России же «невежественная и бездарная бюрократия силилась напротив всячески огородить их (иностранцев – Л. Д.) от главенства русской народности, вместо того, чтобы думать о слиянии с ней»⁴³⁶.

От теоретиков великодержавного шовинизма не отставали и должностные лица царской администрации. Иркутский генерал-губернатор Селиванов в отчете о состоянии Забайкальской области за 1908 г. выражал серьезные опасения по поводу возможных последствий скопления большого количества коренных жителей в одной области. Подобные явления, по мнению Селиванова, не способствовали упрочению позиций самодержавия в крае. Имея в виду активное участие коренного населения области в общественном движении в годы первой русской революции, он подчеркивал, что «никому не

⁴³⁵ Строганов В. Русский национализм. Его сущность, история и задачи. СПб., 1912. С. 146-148.

⁴³⁶ Балашов И.О. О национализме вообще и в частности о русском. СПб., 1912. С. 14.

известно, когда прочность нашего положения в этой области может подвергнуться тяжкому испытанию⁴³⁷.

Правительство начинает предпринимать ряд мер, направленных на усиление репрессивного аппарата и русификацию сибирских окраин империи. В этом плане известную роль, наряду с законом о крестьянских начальниках, сыграли другие законодательные акты и административные мероприятия. К ним следует отнести решение Государственного совета о распространении на сибирских аборигенов действия паспортной системы. Принятое в июне 1897 г., оно предусматривало создание специальной комиссии из представителей министерств внутренних дел, финансов, земледелия и государственных имуществ для предварительной разработки законопроекта. Работа комиссии, протекавшая в период, когда самодержавие все больше запутывалось в неразрешимых противоречиях, по существу была отголоском политики контрреформ 80-х гг. В работе комиссии наиболее активную роль играл В.К. Плеве, настоявший на том, чтобы подчинить всех без исключения аборигенов действию паспортного режима. Необходимость введения паспортов у народов Сибири обосновывалась требованием упразднения поразрядной системы, усилением опеки и надзора за действием органов самоуправления аборигенами.

Положение «О видах на жительство», утвержденное царским указом 8 июня 1898 г., определяло аборигенам места постоянного проживания, при отлучке из которых они обязывались иметь паспорт. У оседлых «местом постоянного жительства» считалось общество или волость, к которой они были приписаны, у кочевников – район перекочевок. Все аборигены обязывались иметь паспорт при устройстве на работу по найму. Длительное проживание в городе с торговыми и иными целями также разрешалось только по паспортам. Срок действия паспорта ограничивался одним годом, его продление оговарива-

⁴³⁷ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1336. Л. 11-22об.

лось согласием общества или инородческого начальника, ответственного за поступление податных сборов (ст. III). Таким образом, под предлогом обеспечения налоговых поступлений отлучки аборигенов из мест постоянного проживания ставились под прямой контроль местной администрации⁴³⁸.

Введение паспортной системы у аборигенов находилось в полном соответствии с общим направлением правительственного курса в отношении народов Сибири в этот период, основным содержанием которого явилось усиление полицейской опеки и русификации. В экономическом плане новая мера была связана с развитием капитализма, сопровождавшимся значительным ростом применения наемного труда. Этот процесс охватил и часть коренного населения Сибири, для которой работа по найму становилась основным источником существования. Вопрос о количестве выданных паспортов, безусловно, интересен во многих отношениях. В нашем конкретном случае выяснение его позволило бы не только получить дополнительные данные о количестве лиц, занятых вне сферы традиционных для народов Сибири видов хозяйственной деятельности, но и определить, насколько последовательно проводилось в жизнь данное положение. К сожалению, имеющиеся сведения на этот предмет далеко не полны. Мы располагаем лишь отрывочными данными, не позволяющими воссоздать общую картину.

Отходничество и связанное с ним увеличение количества выданных паспортов получили дальнейшее развитие в период строительства транссибирской железной дороги. По сведениям В.Ф. Борзунова, только на строительстве одного Забайкальского участка дороги ежегодно работало около 3,5 тыс. бурят, карымов и казаков. В Западной Сибири на строительстве дороги трудились и представители местных кочевых народов⁴³⁹. Говоря о

⁴³⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 1, 1896 г. Л. 132.

⁴³⁹ Борзунов В.Ф. Рабочая сила в строительстве Сибирской магистрали // Ист.записки, 1961. № 70. С. 155; его же. Пролетариат Сибири и Дальнего

связи отходничества с развитием паспортной системы, следует в то же время учитывать условность этого взаимовлияния. Как справедливо подметил Р.М. Введенский, паспортная статистика показывает число только тех, кто «уходил из домов далеко и надолго, чья связь с хозяйством ослабевалась совсем». «Менее продолжительные отлучки на развитии паспортной статистики не отражались»⁴⁴⁰.

Что же касается административной реформы, то в этот период в ней прослеживается явно выраженное насильственное начало. Экономические соображения и ходатайства аборигенов во внимание не принимались. Обеспокоенное активным участием народов Сибири в революционных событиях 1905–1907 гг. самодержавие стремилось усилить бюрократический аппарат управления аборигенами, скорее русифицировать их и тем самым не допустить революционного рецидива в «иностранческой» среде. Улучшению «этнографического состава населения» посредством «ассимиляции иностранческих племен» должно было способствовать и усиление земледельческой колонизации сибирских пространств, переселения крестьян, принявшие в этот период внушительные размеры. Однако надежды правительства на ликвидацию поразрядной системы и введение волостного и сельского управления у народов Сибири связывались, прежде всего, с административными мерами.

С осени 1908 г. царское правительство стало требовать от местной администрации «скорейшего перевода кочевых иностранцев в разряд оседлых»⁴⁴¹. В январе 1909 г. П.А. Столыпин предписал сибирским губернаторам незамедлительно переводить на положение оседлых крестьян всех аборигенов, получивших земельные наделы. Сроки выдачи отводных записей – основного докумен-

---

Востока накануне первой русской революции. М., 1965. С. 27.

⁴⁴⁰ Введенский Р.М. Паспортная политика русского царизма и ее влияние на крестьянский отход // Социально-политическое и правовое положение крестьян в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С. 169.

⁴⁴¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 980. Л. 198.

та на право пользования землей – теперь во внимание не принимались⁴⁴². В мае 1909 г. Столыпин обращал внимание тобольского губернатора Д.В. Гагмана на то, что многие аборигены продолжают числиться в разряде кочевых и управляются по правилам 1822 г., в то время как они подлежат переводу в разряд оседлых с введением у них соответствующей системы управления и административного устройства. Отсутствие ревизий, по окончании которых закон разрешал перечисление кочевников в категорию оседлых, по мнению Столыпина, не освобождало местную администрацию от обязанностей соблюдать сроки перечисления и переводить аборигенов «в более высокий и культурный разряд». Столыпин особенно подчеркивал, что перечисление это «ныне возможно в любой момент». Рассуждения премьер-министра о необходимости соблюдения соответствующих условий для перечисления являлись пустой формальностью. Уже в следующем циркуляре Столыпин писал, что требование старого закона о перечислении кочевников в категорию оседлых только при окончании переписей «в настоящее время утратило свое значение и должно быть понимаемо как общее положение о необходимости перечисления во всякое время». Подобные же указания были посланы и Иркутскому генерал-губернатору.

Вскоре министерство затребовало от губернских присутствий отчет о мерах по перечислению кочевников в категорию оседлых. На этом основании в ноябре 1909 г. Тобольское губернское присутствие предписало крестьянским начальникам представить соответствующие предложения к 1 февраля следующего 1910 г. Таким образом, на подготовку реформы губернское присутствие отводило двухмесячный срок. Если к этому добавить, что предложения крестьянских начальников следовало первоначально обсудить на уездных съездах, затем дополнить и исправить, а уже после этого представлять в губернское правление, то нельзя не признать, что ре-

⁴⁴² РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 154, 1908 г. Л. 11.

форма проводилась в большой спешке. Однако и такие темпы работ уже не устраивали Столыпина. В циркулярном письме от 9 декабря 1909 г. он обратил внимание Гагмана на то, что предпринимаемые губернским присутствием меры «рассчитаны на весьма продолжительный срок, в чем едва ли представляется безусловная необходимость». Столыпин вновь подчеркнул, что желание аборигенов на перечисление «отнюдь не может иметь решающего значения», и потребовал принять «безотлагательные» меры к такому перечислению. Зная о недовольстве аборигенов административной реформой, Столыпин требовал от местной администрации разъяснять коренным жителям, что переводом на положение оседлых земледельцев они не будут обращены в сословие сельских обывателей и сохранят льготы по отбыванию воинской повинности⁴⁴³. Министр внутренних дел предусмотрительно промолчал о том, что на практике это освобождение оставалось единственным сословным отличием сибирского аборигена от русского крестьянина.

Получив прямое указание Столыпина, сибирская администрация перешла к решительным действиям по перечислению аборигенов в категорию оседлых. В Тобольской губернии в 1900 г. насчитывалось 92 827 душ коренного населения. Из них оседлые составляли 70 629, кочевые – 17 738, бродячие – 4461 душ обоего пола⁴⁴⁴. В 1912 г. в разряде оседлых было уже около 100 000 аборигенов. Лишь незначительная часть коренных жителей северных Березовского и Сургутского уездов продолжала числиться в разряде бродячих, категория кочевых «инородцев» перестала существовать⁴⁴⁵. Аналогичное положение наблюдается и в соседней Томской губернии, где в оседлые были перечислены даже кочевники Кузнецкого уезда, практически не занимавшиеся земледелием⁴⁴⁶. В Енисейской губернии в 1900 г. насчитывалось 3867 душ

⁴⁴³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 154, 1908 г. Л. 27–30, 60–61, 78 об., 123, 124.

⁴⁴⁴ Там же. Л. 121 об.

⁴⁴⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84, 1910 г. Д. 190. Ч. I. Л. 327.

⁴⁴⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 990. Л. 227.

оседлых «инородцев», 6448 бродячих и около 40 000 кочевых. Решением губернского правления все «инородцы» губернии, кроме жителей Туруханского края, с 1 января 1912 г. переводились в оседлые⁴⁴⁷. В Иркутской губернии к началу реформы проживало свыше 116 000 аборигенов. Абсолютное большинство их – 100 176 душ – принадлежало к разряду кочевых «инородцев». Оседлые насчитывали к 1914 г. лишь 5151 душ обоего пола⁴⁴⁸. В результате административных мероприятий большая часть нерусских народностей губернии была переведена в разряд оседлых жителей.

В Якутской области указом Сената от 30 июня 1909 г. в оседлые было перечислено 8385 душ «инородцев» Олекминского округа. Отдельные случаи перечисления в высшие разряды отмечаются и по остальным районам области⁴⁴⁹. Перечисление в категорию оседлых кочевников Забайкальской области было отложено до окончания там землеустройства. В 1912 г. численность коренного населения области (уезды Баргузинский, Верхнеудинский, Селенгинский, Читинский) по разрядам выражалась в следующих показателях: оседлые – 3 630 275, кочевые – 165 154, бродячие – 2042 душ обоего пола⁴⁵⁰.

Таким образом, административные мероприятия царского правительства по перечислению кочевых «инородцев» в категорию оседлых жителей распространялись в основном на нерусские народности Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний. К 1914 г. из 350 тыс. кочевников, проживающих в пределах этих административных единиц, в оседлые было перечислено 233 тыс., в разряде кочевых и бродячих оставалось около 116 тыс., или 33 % коренного населения. В боль-

⁴⁴⁷ Подсчитано по данным: РГИА. Ф. 1291. Оп. 84, 1901 г. Д. 66. Л. 21; там же. 1908 г. Л. 384.

⁴⁴⁸ Подсчитано по данным: Там же, 1901 г. Д. 66. Л. 10-15.

⁴⁴⁹ Там же. 1908 г. Д. 15. Л. 201, 203.

⁴⁵⁰ Подсчитано по данным: РГИА. Ф. 1291. Оп. 84, 1910 г. Д. 190. Ч. 1. Л. 28, 261.

шинстве случаев темпы перечисления опережали ход землеустройства⁴⁵¹.

Одновременно с перечислением в оседлые царское правительство вводило у коренного населения и волостную реформу. Старое административное деление на рода, ведомства и т. д., основанное на родовом принципе Устава 1822 г., в условиях развивающихся капиталистических отношений стало тормозом хозяйственной деятельности населения. Замена родового принципа территориальным отвечала изменяющимся условиям хозяйственной жизни аборигенов и в объективно-историческом смысле была явлением прогрессивным, так как подрывала остатки патриархально-родового строя. Формально необходимость этой реформы царская администрация обосновывала лозунгами борьбы с феодальными институтами, нойонами и стремлением к уравниванию податного обложения различных имущественных слоев коренного населения⁴⁵². Однако на практике эти идеи подменялись и извращались реакционными целями внутренней политики самодержавия, направленными на усиление бюрократических порядков, полицейской опеки и русификацию аборигенов. Не последнюю роль в этом играли и фискальные интересы царизма, так как перечисление в категорию оседлых сопровождалось возведением в более высокие податные оклады русского крестьянства. Именно этими соображениями следует объяснить то упорство, с которым царизм насаждал новую систему управления нерусскими народами Сибири.

Вместо родовых управлений, инородных управ и степных дум вводились сельские и волостные управления по крестьянскому образцу. Отпрыски родовой аристократии, нередко выступавшие против различных мероприятий правительства, отстранялись от исполнения служебных обязанностей. Вместо них на должности сельских старост и волостных старшин назначались пре-

⁴⁵¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1908 г. Д. 154. Л. 453об.

⁴⁵² Там же. 1910 г. Д. 190. Ч. 1. Л. 327.

имущественно кулаки. Теперь низшей территориальной единицей у аборигенов, как и у русских крестьян, становилось сельское общество, объединяющее «инородцев» — односельчан, связанных между собой общностью хозяйственных интересов. Следящей, более крупной, административной единицей являлась волость, образованная из нескольких сельских обществ. Во главе этих административных единиц находились соответственно сельский староста и волостной старшина, выбираемые на сходах по рекомендации крестьянских начальников. Последним представлялось право утверждения в должности избранного лица. По сути дела, крестьянские начальники являлись полными, а зачастую бесконтрольными хозяевами в сельских обществах и волостях, оказывая решающее влияние на выборы должностных лиц. На северные районы Сибири и территорию Якутской области, где не было крестьянских начальников, реформа не распространялась. Данное обстоятельство убедительно свидетельствует о том, что с самого начала царизм стремился поставить деятельность органов сельского и волостного «инородческого» управления под жесткий контроль правительственных чиновников. Впрочем, царское правительство и не скрывало заинтересованности в усилении бюрократической опеки и надзора за органами управления аборигенами, отмечая, что в связи с проводимой реформой «вопрос об органах надзора за общественным управлением инородцев» приобретает особое значение⁴⁵³.

Темпы и сроки проведения реформы в различных губерниях Сибири были неодинаковы. На большей части территории Забайкальской области волостное правление было введено в 1904 г. Территория, населенная бурятами, разделялась на 15 волостей. Каждая волость состояла из нескольких сельских (булучных) обществ, подчинявшихся крестьянскому начальнику участка⁴⁵⁴.

⁴⁵³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84, 1901 г. Д. 66. Л. 37.

⁴⁵⁴ История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954. Т. 1. С. 386.

На остальной части Сибири введение волостного управления было осуществлено в 1910–1916 гг. Главной фигурой в ходе проведения реформы являлись крестьянские начальники. По запросу губернского правления они собирали сведения о характере хозяйства и быта аборигенов, ходе землеустройства, возбуждали ходатайство о перечислении в оседлые и введении управления по крестьянскому образцу. Однако на практике крестьянские начальники не сами проводили такие обследования, а поручали их чинам землеустроительных отрядов. По признанию иркутского губернатора, такая практика не требовала «дополнительных затрат... и никто другой не справился бы с этим лучше и быстрее»⁴⁵⁵. Однако обремененные своими обязанностями, чины землеустройства относились к таким поручениям формально, в массовом порядке внося «рекомендации» о перечислении кочевников в категорию оседлых жителей и введении у них волостного управления.

Первоначально предполагалось ввести волостную реформу одновременно с землеустройством аборигенов. Однако поскольку темпы землеустроительных работ были крайне медленными, правительство отказалось от первоначального замысла и в большинстве случаев насаждало новую систему управления откровенно насильственными методами, вне связи с землеустройством. В Тобольской губернии волостная реформа была проведена в 1910–1911 гг. на территории всей губернии, кроме Березовского и Сургутского уездов. В эти же годы волостное правление было введено у аборигенов Томской губернии, за исключением бродячих «иностранцев»⁴⁵⁶. У хакасов Енисейской губернии к 1912 г. было создано по две «иностранческих» волости в Минусинском и Ачинском уездах. Аборигенов Канского уезда причислили к русским волостям⁴⁵⁷. В Балаганском уезде Иркутской губернии к 1914 г. из 19 иностранных управ волостное и

⁴⁵⁵ ГАИО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 46. Л. 14об.

⁴⁵⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84, 1908 г. Д. 154. Л. 286, 179–181.

⁴⁵⁷ Там же. 1910 г. Д. 190. Ч. 1. Л. 230.

сельское управление было введено в 16, в Верхотенском уезде – в 6 управах из 12, в Нижнеудинском уезде – в 2 управах из 3. В целом по губернии к 1914 г. реформой было охвачено 64 % бурятского населения⁴⁵⁸. В остальных ведомствах введение волостного управления было завершено к 1916 г.⁴⁵⁹

Борьба нерусского крестьянства против реформы носила упорный, нередко ясно выраженный политический характер. От пассивных форм сопротивления – подачи жалоб и протестов – коренные жители переходили к активным способам борьбы с насилием царских чиновников. Разумеется, различные социальные категории нерусского населения вели эту борьбу по-своему. Если для представителей полуфеодальной верхушки «иностранческого общества» борьба против реформы сводилась к отстаиванию своих привилегий, а в конечном итоге, материального благополучия и власти над бедняками-односельчанами, то для трудового крестьянства борьба против реформы была неразрывно связана с борьбой против усиления эксплуатации и бесправия. Характерно, что в ходе борьбы трудящееся крестьянство выступило не только против реформы управления – это был только повод, но всего комплекса царских мероприятий в отношении нерусских народностей – землеустройства, податной реформы, христианизации и т. д.).

В Забайкальской области волнения крестьян в бурятских ведомствах были подавлены лишь путем суровых репрессивных мер самодержавия⁴⁶⁰. На остальной части Сибири наибольший размах движение приобрело в 1913 г.⁴⁶¹ Особенно острую форму приняло движение хакасов Кизильской волости Ачинского уезда Енисейской губернии, где на сельских сходах раздавались откровенные призывы к неповиновению царским властям, возвра-

⁴⁵⁸ ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 303. Л. 57.

⁴⁵⁹ История Бурят-Монгольской АССР... Т. I. С. 434.

⁴⁶⁰ Указ. соч. С. 384-385.

⁴⁶¹ Подробнее см.: Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1983. С. 127-131.

щению отрезанных земельных угодий и т. д. Из 40 сел, входящих в состав волости, население 23 отказалось признать законность реформы. Движение, длившееся несколько месяцев, получило общероссийскую известность. Неизбежное восстание крестьян было предотвращено лишь чрезвычайными мерами – посылкой специального казачьего отряда во главе с губернатором, массовыми арестами и штрафами⁴⁶².

В Каинском уезде Томской губернии борьба аборигенов против административной реформы вылилась в кровавые столкновения с полицией. Лишь карательный казачий отряд заставил коренных жителей признать «законность» преобразований и подчиниться требованиям царской администрации. По свидетельству местной администрации, волнения в других инородческих волостях губернии носили активный характер⁴⁶³.

В Тобольской губернии насильственное перечисление в оседлые и введение волостной реформы вызвали резкое недовольство коренного населения. В связи с этим только в губернское правление поступила 31 жалоба, однако все они остались без последствий. Невозможность добиться желаемых результатов законными средствами привела к усилению движения. Среди аборигенов появились «зловредные агитаторы», которые разъезжали по селам и убеждали крестьян в том, что ввиду массового недовольства правительство было вынуждено отказаться от проведения реформы, участились случаи избиения царских чиновников⁴⁶⁴.

Усилившееся недовольство народов Сибири проводимой реформой заставило правительство принять дополнительные юридические акты, регламентирующие действия местной губернской администрации по перечислению аборигенов в разряд оседлых жителей. Важнейшим из них явился указ Сената в апреле 1914 г. о перечис-

⁴⁶² РГИА. Ф. 1291. Оп. 84, 1913 г. Д. 71; Ф. 391. Оп. 5. Д. 504; ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1358.

⁴⁶³ Там же. Д. 149; ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 990.

⁴⁶⁴ Там же. Ф. 1291. Оп. 94, 1908 г. Д. 154. Л. 424–426 об.

лении аборигенов из одного разряда в другой, рассматривавший сам факт такого перечисления как обычную регистрацию уже изменившегося образа жизни. Статья 4 указа подчеркивала, что именно администрация выбирает время и осуществляет перечисление. Отмечая, что с 1859 г. ревизии и переписи аборигенов не проводятся, сенатский указ разрешал перечисление коренных жителей из одного разряда в другой проводить в любое время. На основании указа в мае 1914 г. последовал циркуляр министерства внутренних дел на имя сибирских губернаторов, который предоставлял им право «перечислять инородцев из разряда в разряд помимо их на то согласия»⁴⁶⁵. Ответственность за проведение мероприятий возлагалась на крестьянских начальников и других представителей губернской администрации.

Одним из объектов критики сословных привилегий сибирских «инородцев», раздававшейся из лагеря сторонников русификаторской политики, было освобождение аборигенов от воинской повинности. Сторонники привлечения их к воинской службе исходили из мысли, что предоставление аборигенам льгот по отбыванию воинской повинности подрывает принципиальные основы лозунга «Россия для русских». При таком положении русский человек, отбывающий воинскую повинность, никакого расового преимущества перед аборигенами не ощущает. В результате у «инородцев» утрачивается представление о мощи великой России. Надо было положить решительный конец подобным разговорам и действиям, а всем туземцам дать понять, что курс по отношению к ним «держится отныне твердый и что им не уйти в недалеком времени от службы в русских войсках»⁴⁶⁶.

Говоря о попытках привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности, следует отметить, что царское правительство, не возражавшее в перспективе видеть народы Сибири совершенно обрусевшими, в дан-

⁴⁶⁵ ГАИО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 46. Л. 8, 6.

⁴⁶⁶ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1336. Л. 52 об.-53.

ном вопросе при обсуждении практических мероприятий проявляло сдержанность. Причины подобной нерешительности следует искать в факторах внутриаполитического порядка. На это откровенно указал в 1910 г. начальник генерального штаба А.Е. Генгрос в письме С.А. Куколь-Яснопольскому: «Исторический опыт показал, что создание туземных инородческих войск имело в конечном итоге один результат, именно необходимость их расформировать как только на данной окраине обострялось национальное самосознание»⁴⁶⁷.

Разговоры о привлечении сибирских аборигенов к военной службе возникли в связи с введением Устава о воинской повинности 1 января 1874 г.⁴⁶⁸ Уже в следующем году Иркутский губернатор К.Н. Шалашников в отчете в Министерство внутренних дел писал, что внес этот вопрос на рассмотрение штаба Восточно-Сибирского военного округа⁴⁶⁹. Подобные же предложения спустя два года от имени генерал-губернатора Восточной Сибири Фридерикса были доставлены военному министру. В соответствии с указом Александра II военное ведомство в это время занималось разработкой особых положений об отбывании воинской повинности инородческим населением всей империи. Несогласие военного министра Д.А. Милютина с рекомендациями комиссии привело к тому, что вопрос о привлечении сибирских аборигенов к службе в армии был отложен на неопределенное время⁴⁷⁰.

Тем не менее правительство всегда подчеркивало «принципиальную важность участия инородцев в воинской службе, как одной из главных государственных повинностей, имеющей значение объединяющего в политическом смысле и цивилизующего начала»⁴⁷¹. Не случайно в 1887 г. на ходатайстве Приамурского генерал-губернатора Л.Н. Корфа о привлечении аборигенов к во-

⁴⁶⁷ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1336. Л. 15.

⁴⁶⁸ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 88. Л. 2.

⁴⁶⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 310. Л. 6 об.

⁴⁷⁰ РГВИА. Ф. 1450. Оп. 7. Д. 1. Л. 203.

⁴⁷¹ РГИА. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 68. Л. 5.

инской службе Александр III наложил резолюцию: «Это желательно».

В 1896 г. после рассмотрения этого вопроса в штабах Иркутского и Омского военных округов была образована специальная комиссия под председательством генерал-лейтенанта Н. Обручева, основной задачей которой была разработка положений о привлечении аборигенов Сибири к отбыванию воинской повинности. В состав комиссии вошли ответственные чиновники министерств: внутренних дел, императорского двора, военного, морского, финансов⁴⁷². Думается, что совпадение во времени работы этой комиссии с изданием аграрных, административных и податных законов конца XIX в. является не случайным.

Комиссия Обручева попыталась дифференцировать народы Сибири по уровню хозяйственной деятельности и степени оседлости. В соответствии с этим принципом признавалось возможным привлечь к отбыванию воинской повинности на общем основании только оседлых и кочевых аборигенов Тобольской и Томской губерний⁴⁷³. Коренных жителей Восточной Сибири к несению воинской службы предлагалось привлекать на основании специально изданных правил. Военный министр А.Н. Куропаткин, докладывая в январе 1902 г. Николаю II о результатах работы комиссии Обручева, высказался против реализации ее предложений. Он считал порочным сам принцип дифференцированного привлечения сибирских аборигенов к воинской службе. Куропаткин заявлял о необходимости привлечь к отбыванию воинской повинности всех оседлых и кочевых коренных жителей как Западной, так и Восточной Сибири и Забайкалья. Конкретную разработку соответствующих предложений, по мнению военного министра, следовало поручить министерству внутренних дел, как ведомству, наиболее осведомленному об истинном положении народов Сибири.

⁴⁷² РГИА. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 221. Л. 6.

⁴⁷³ Там же. Д. 215. Л. 5–6.

Идея понравилась Николаю II, и предложения военного министра были утверждены.

Начавшаяся вскоре Русско-японская война и последовавшая за ней революция 1905-1907 гг. отодвинули разработку этого вопроса на задний план. Правительство вернулось к нему лишь осенью 1909 г. в связи с созданием специальной межведомственной комиссии по пересмотру Устава о военной службе. К этому времени в правящих кругах России крепло мнение о нежелательности формирования из «инородцев» особых воинских подразделений, с одной стороны, и необходимости привлечения их к отбыванию воинской повинности – с другой. При обсуждении этого вопроса в Государственной думе депутаты высказались за введение натуральной воинской повинности для аборигенов.

Для вынесения окончательного суждения летом 1910 г. в Сибирь был направлен начальник управления по делам о воинской повинности С.А. Куколь-Яснопольский. В секретном циркуляре на имя сибирских губернаторов П.А. Столыпин потребовал от них предоставить этому чиновнику «все средства и возможности» для исполнения важного поручения. В распоряжениях по данному вопросу предписывалось соблюдать осторожность и строгую тайну. Необходимость такой предосторожности П.А. Столыпин объяснял опасением «вызвать... тревогу инородцев»⁴⁷⁴, и без того недовольных насаждением аграрных, административных и податных преобразований. Для правительства не являлось секретом негативное отношение коренного населения к этим реформам. Поэтому Столыпина не мог не волновать вопрос о том, как поведут себя аборигены края в случае привлечения их к отбыванию воинской повинности, насколько будут активны и серьезны проявления их протестов. Подобные опасения подтверждают «вопросы для беседы», разработанные Куколь-Яснопольским. Всего было составлено 20 вопросов, из них военным сюжетам посвящено 7,

⁴⁷⁴ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1336. Л. 30.

остальные носили политический характер. Автора программы обследования особенно беспокоило возможное «возбуждение и неудовольствие» аборигенов предлагаемыми ко введению мерами, формы и сроки его проявления. К числу важнейших Куколь-Яснопольский отнес вопрос о потенциальном поведении «инородческого» войска в период внутренних потрясений и кризиса⁴⁷⁵.

Поездка С.А. Куколь-Яснопольского по Сибири проходила по расписанному сценарию. В Омске, Красноярске, Иркутске и Чите были проведены конфиденциальные совещания, на которых обсуждались вопросы привлечения к отбыванию воинской повинности аборигенов данной губернии, области. Круг участников освещений был стереотипным – это губернаторы, неперемненные члены по крестьянским делам, крестьянские начальники, чиновники переселенческих управлений.

Отношение губернской администрации к привлечению аборигенов к воинской повинности было достаточно осторожным, что объясняется общим недовольством аборигенов проводимыми реформами. На наличие этой связи совершенно определенно указал томский вице-губернатор И.В. ШтIVEN. Коренные жители губернии, по его мнению, были сильно возбуждены проводимыми у них преобразованиями. В целях спокойного завершения этих сложных реформ И.В. ШтIVEN рекомендовал «не обострять еще более... возбуждение инородцев и отложить введение у них воинской повинности». Мнение вице-губернатора разделяли и участники конфиденциального совещания, которые опасались, что «это неизбежное при введении означенной повинности волнение среди инородцев перейдет в открытое сопротивление». Участники совещания констатировали, что административные преобразования у аборигенов проводятся принудительно. Поэтому в качестве выхода из создавшегося положения предлагалось вместо войсковой повинности

⁴⁷⁵ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1336. Л. 46–46 об.

ввести воинский налог, который аборигены будут платить «весьма охотно»⁴⁷⁶.

Подобные же предложения были высказаны и в Енисейской губернии. Иное решение было принято на совещании в Иркутске. Участники обсуждения, проходившего под председательством генерал-губернатора Селиванова, правда, отметили, что отношение бурят к воинской повинности является по существу отрицательным. Тем не менее они полагали, что легче «взять человека, чем деньги, так как у большинства бурят денег нет», и введение воинского налога «поведет лишь к новой кабале инородческой массы богачами». Администрация Забайкальской области считала возможным привлечение коренных жителей края к отбыванию воинской повинности. В то же время в целях «сохранения лояльности бурят» предлагалось «не усиливать напряженность в действиях миссионеров и не стеснять религиозных воззрений инородцев»⁴⁷⁷.

В Якутской области местное начальство еще в 1901 г. признало весьма желательным в целях обрусения аборигенов привлечь к отбыванию воинской службы кочевых «инородцев» Олекминского, Якутского и Вилюйского округов⁴⁷⁸.

В целом администрация большинства сибирских губерний и областей выразила согласие на введение воинской повинности у аборигенов в той или иной форме. В основе этого решения лежали внутривластные интересы, связанные, прежде всего, с дальнейшей русификацией аборигенов.

Таковы были основные итоги поездки Куколь-Яснопольского по Сибири. Несмотря на стремление центральной администрации ускорить решение вопроса о возможности привлечения сибирских аборигенов к воинской повинности, сам Куколь-Яснопольский полагал, что даже при благоприятных условиях новый закон о

⁴⁷⁶ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1336. Л. 129 об. – 130, 135.

⁴⁷⁷ Там же. Л. 147, 148, 198, 211.

⁴⁷⁸ Общее обозрение Якутской области 1892–1902 гг. Якутск, 1902. С. 67.

воинской повинности не может быть принят ранее 1912 г.⁴⁷⁹ Однако он ошибся. В силу царившей в царском делопроизводстве бюрократии рассмотрение этого вопроса затянулось. Материалы поездки Куколь-Яснопольского по Сибири поступили в Военное министерство, а оттуда были переданы в созданную при Главном управлении Генерального штаба комиссию по переустройству устава о воинской повинности. В апреле 1913 г. при слушании этого вопроса в Комитете министров было решено, что привлечение аборигенов Кавказа, Туркестана и Сибири к отбыванию воинской повинности «по обстоятельствам, времени и условиям их быта представляется возможным»⁴⁸⁰.

1 августа 1914 г. грянула Первая мировая война. Вслед за этим последовало положение Комитета министров о реквизиции, в соответствии с которым сибирские аборигены подлежали мобилизации на тыловые работы. В первую очередь это касалось лиц с 19 лет до 31 года. Положение о реквизиции предписывало всем должностным лицам «инородческого» управления и русской администрации «убедительно разъяснить, что инородцы, доньше не несущие тягостей настоящей войны, теперь государем императором призываются на остальное время войны для нужных армии тыловых работ за плату продовольствием от казны». Для лиц старших призывных возрастов предписывалось составить поименные списки. Обеспокоенное положением дел на фронтах, царское правительство подчеркивало «крайнюю необходимость скорейшего получения весьма значительного количества рабочих» в кратчайший срок.

В Чите, Верхнеудинске, Иркутске, Киренске, Красноярске, Ачинске организовывались специальные сборные пункты для аборигенов. К июлю 1916 г. на них скопились тысячи людей. Между тем сборные пункты были совершенно не подготовлены к приему такого количе-

⁴⁷⁹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1335. Л. 206.

⁴⁸⁰ Там же. Л. 434 об.

ства призывников. Начальник Иркутской местной бригады генерал-майор Наперстков доносил в штаб Иркутского военного округа, что на сборных пунктах «ни помещений, ни котлов для кухонь не имеется и нет муки и других продуктов»⁴⁸¹. Местная администрация даже не представляла, где взять необходимое количество обуви и одежды, чтобы одеть и обуть «являющихся босыми и не одетыми» аборигенов. Следует отметить, что царские чиновники и кулацкая верхушка «инородческого» общества попытались в первую очередь направить в армию детей бедняков⁴⁸². Последние являлись на сборные пункты без всякого запаса продуктов. Понятно поэтому, что многие аборигены на сборных пунктах влачили буквально полуголодное существование.

В июле 1916 г. начальник Главного штаба извещал штабы сибирских военных округов о невозможности в настоящее время привезти в район действующей армии «всю призываемую инородческую массу рабочих». Во избежание продолжительного «бездельного пребывания» аборигенов на сборных пунктах, местным воинским начальникам предписывалось впредь согласовывать начало призыва с окружными штабами. К этому времени на сборных пунктах находилось около 10 тыс. аборигенов. Однако на фронт они так и не прибыли. Сознывая полную невозможность перевезти эту массу людей в район действующей армии и не имея возможности содержать их на сборных пунктах, Николай II в виде «особой милости» перенес мобилизацию аборигенов на середину сентября⁴⁸³. Скопившееся на сборных пунктах население предписывалось распустить по домам.

Мобилизация коренного населения Сибири на тыловые работы началась летом 1916 г. По одному Якутскому округу предполагалось мобилизовать около 10 тыс. чело-

⁴⁸¹ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 303. Л. 30.

⁴⁸² См. воспоминания: Апаатов Ч. Путь батрака // Борьба трудящихся Горного Алтая за установление Советской власти. Горно-Алтайск, 1957. С. 61-62.

⁴⁸³ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 303. Л. 145, 197-198.

век, которые после медицинского освидетельствования должны были прибыть на сборный пункт в Якутск. Однако на тыловые работы якуты не попали. Правительство отложило их мобилизацию по ходатайству товарищества «Лензолото»⁴⁸⁴, но в остальных районах Сибири мобилизация аборигенов продолжалась. Поначалу аборигены направлялись для работы на предприятиях, расположенных в районе Сибирского заводского совещания. Это были Иркутский металлический завод, Черемховские каменноугольные копи, завод Томского товарищества кожевенного производства, фабрика Бородиных в Бийске, управление томской железной дороги и др. Всего осенью 1916 г. на предприятия было направлено около 2 тыс. аборигенов. В 1917 г. география размещения мобилизованных коренных жителей расширилась. Особенно много аборигенов направлялось в Архангельск для работ на предприятиях Беломорского водного района⁴⁸⁵. Всего с июля 1916 по январь 1917 гг. на тыловые работы было мобилизовано около 21 тыс. коренных жителей Сибири.

Однако практика отправки сибирских аборигенов в районы, удаленные от мест их постоянного проживания, мало оправдывала себя. В начале 1917 г. начальник штаба Иркутского военного округа доносил, что «инородцы, призванные на тыловые работы, массами перебегают из одних предприятий в предприятия, находящиеся вблизи их домов»⁴⁸⁶. Условия работы мобилизованных аборигенов были крайне тяжелыми. Антисанитарные условия расквартирования, полуголодное существование приводили к массовым заболеваниям. Все это порождало отрицательное отношение трудового крестьянства к войне и способствовало росту антиправительственных настроений среди нерусских народностей.

В итоге отметим, что в первые пореформенные десятилетия управление народами Сибири строилось на принципах «Устава об управлении инородцев» 1822 г.

⁴⁸⁴ История Якутской АССР. М., 1957. Т. 2. С. 402–403.

⁴⁸⁵ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 320. Л. 9, 26, 36.

⁴⁸⁶ Там же. Л. 382.

Однако уже в тот период были предприняты меры по распространению на народы Сибири действия общего положения о крестьянах от 19 февраля 1861 г. Это выразилось в создании образцовых волостей, работе ряда комиссий, разрабатывающих основы будущей реформы.

Важнейшим мероприятием царизма в области организации управления сибирскими аборигенами явилось введение института крестьянских и инородческих начальников в 1898 г. Новый закон в своей основе имел положение от 12 июля 1880 г. о земских начальниках Европейской России. В то же время права крестьянских начальников относительно общественного управления аборигенов по сравнению с правами земских начальников относительно крестьян были существенно расширены. На практике крестьянский начальник становился полным хозяином в «инородческой» волости. Новый закон по-своему отражал определенные изменения в характере социально-экономического развития народов Сибири, связанные с разложением патриархально-феодальных и развитием капиталистических отношений. В то же время административная реформа была в конечном счете направлена на усиление полицейской опеки над народностями Сибири. По социальному происхождению крестьянскими начальниками были, по преимуществу, лица не дворянского происхождения. Мероприятия царизма по улучшению «качественного» состава этих чиновников не принесли желаемых правительству результатов, зато резко возросла ненависть трудового крестьянства всех национальностей к этим представителям царского режима в деревне, что привело в конечном итоге к упразднению этого института власти после февральской революции 1917 г.

Основным направлением правительственной политики в области управления народами Сибири в начале XX в. и вплоть до 1917 г. стали мероприятия по упразднению поразрядной системы и введению волостного и сельского управления по крестьянскому образцу, паспортной

системы аборигенов, попытки привлечения их к отбыванию воинской повинности. Правительственный подход к этим вопросам определялся факторами внутривнутриполитического и фискального порядка, ассимиляторскими тенденциями. Однако решающее влияние на политику царизма в вопросах управления аборигенами оказывал закономерный процесс развития капиталистических отношений и усиления освободительного движения в стране в целом и в Сибири в частности. Субъективно направленная на упрочение позиций самодержавия среди крестьянства национальных районов Сибири, политика царизма в области управления аборигенами своим объективным результатом имела сближение трудового русского и коренного населения, как в сфере материального производства, так и в области политической и духовной жизни, их совместной борьбе с эксплуатацией и бесправием, что имело огромное прогрессивное значение.

ГЛАВА IV.

Христианизация народов Сибири как составная часть окраинной политики Российской империи

История православия, особенно на Востоке России, это не только важная составляющая социокультурной жизни российского государства, но еще и неотъемлемый компонент государственной религиозной политики, направленной на инкорпорацию Азиатских территорий России и их населения в административное, политическое и духовное единство романовской империи. Религиозная политика на Востоке являлась составной частью окраинной политики правительства в целом, направленной на упрочение единства Европейской и Азиатской России в рамках романовской империи. Эти две части огромного государства, незримо делившиеся Уральскими горами на Европейскую и Азиатскую Россию, существенно отличались друг от друга географическими и природно-климатическими условиями, инфраструктурой, удаленностью от границ и центра страны, этническим составом и конфессиональной принадлежностью населения. Продвигаясь на Восток, русское государство решало двуединую задачу: с одной стороны, расширение территории несомненно способствовало упрочению границ на восточном порубежье. С другой – Сибирь манила к себе и своими немалыми естественными ресурсами – пушниной, солью, рыбой, драгоценными металлами. Но если для московских, а затем и петербургских Романовых Европейская часть – а это всего лишь 20 % территории страны – была как бы прародиной, «отчиной», то Сибирь и в начале XIX в. осталась малоизвестной окраиной, которую еще только предстояло

инкорпорировать в экономическое, административное и социокультурное пространство империи. Такой подход был основан на признании экономической зависимости окраин от Европейского центра, в котором, по меткому замечанию известного мемуариста XIX в. Ф.Ф. Вигеля, всегда смотрели на Сибирь, как богатая барыня смотрит «на дальнее поместье, случайно ей доставшееся...»⁴⁸⁷. Это косвенное признание неоднородности империи явно выдвигает перед историописателями требование дифференцированного подхода к изучению и оценке окраинной политики империи, ее многофакторности и многоплановости, которая в последнее время все чаще характеризуется исследователями как политика «имперского регионализма»⁴⁸⁸. Данное понятие охватывает важные сферы региональной политики – от имперской идеологии и практики в региональном измерении до установления внутренних и внешних границ региона, динамики административного устройства и управленческой деятельности внутри конкретного территориального пространства. Особенностью государственного строительства России являлось постоянное преобладание административно-политических целей над экономическими. Россия как империя постоянно расширялась, включая в свое государственное пространство все новые территории и народы, различные по многим социально-экономическим и социокультурным параметрам. За решением первоначальных военно-политических задач имперской политики неизбежно следовали задачи административного обустройства и последовательной интеграции региона в имперское пространство. Именно тер-

⁴⁸⁷ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 191. Автор считает необходимым отметить, что в сибиреведческой литературе этот отрывок впервые был использован А.С. Кузнецовым, а затем А.В. Ремневым. См.: Кузнецов А.С. Сибирская программа царизма 1852 г. // Очерки истории Сибири. Вып. 2. Иркутск. 1971. С. 12.; Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Омск. 1995. С. 17.

⁴⁸⁸ М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. (Отв. ред. Л.М. Дамешек). Иркутск: Оттиск, 2003. 262 с.; Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А. Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Издательство ИГУ. Иркутск. 2017. 341 с.

ритория привязывала к государству человека, а не идея гражданства, как в эпоху национальных государств. Кроме административных и судебных институтов, во властном освоении и присвоении пространства огромную роль играла единая денежная система, коммуникации, налоги, государственный язык, русская православная церковь. В определении основ окраинной политики самодержавие постоянно находилось перед выбором: ввести общегосударственную систему управления или предоставить территориям некоторую административную автономию. Именно поэтому изучение как частных, так и концептуальных вопросов истории России имперского периода требует регионального измерения, а исследование внутривластных сюжетов должно вестись с учетом внешнеполитических факторов, национального и религиозного компонента Российской истории.

В 1825 г. в русскую православную церковь входило 37 епархий. В 1841 г. их было уже 50, в 1851 г. – 55, в 1861 г. – 58⁴⁸⁹. На территории Сибири ко времени отмены крепостного права действовали 4 епархии – Тобольская, Томская, Иркутская и Енисейская. На всех мероприятиях правительства в религиозной сфере лежит печать большой значимости русской православной церкви, особенно ее миссионерской деятельности. Подчеркивая это, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев писал в 1892 г. в статье, посвященной памяти известного проповедника православия, директора казанской учительской семинарии Н.И. Ильминского, что в течении XVII и XVIII вв. миссионерское дело в России было «окутано тьмой и пребывало в застое». Тогда «забота» правительства об утверждении веры «ограничивалась лишь внешними мерами предписаний, наград и наказаний». Лишь во второй четверти XIX в. миссионерское дело «оживает» и появляются «новые деятели инородческого просвещения на дальних окраинах России»⁴⁹⁰. Утверждение это

⁴⁸⁹ Дмитриев С.С. Православная церковь и государство в предреформенной России. История СССР. 1966. № 4. С. 45.

⁴⁹⁰ Прибавления к «Церковным ведомостям». 1892. № 7.

не является частым мнением главы русской православной церкви. В 1914 г. светские власти в специальном юбилейном издании, посвященном трехсотлетию дома Романовых, официально признали, что «миссионерская деятельность получила свое полное развитие» только в XIX столетии⁴⁹¹. Оживление миссионерской деятельности в начале XIX в. официальная церковь обычно связывала с основанием в декабре 1812 г. в Петербурге Российского библейского общества⁴⁹², почетным членом которого являлся император Александр I. При активной поддержке правительства общество вскоре обзавелось огромным капиталом, организовало перевод Библии на 40 языков народов России и издало ее тиражом в 876 000 экземпляров⁴⁹³. В 1819 г. отделение общества было открыто в Иркутске. Его директорами стали преосвященный Михаил (в миру Матвей Бурдуков) и генерал-губернатор М.М. Сперанский. Членами общества были в свое время гражданский губернатор И.Б. Цейдлер, городской голова К.М. Сибиряков, купцы Кузнецов, Трапезников, Саватеев и др.⁴⁹⁴ Годом раньше отделение общества возникло в Забайкалье, точнее в Селенгинске⁴⁹⁵. В 1863 г. возникает «Общество для распространения священного писания в России». Однако самой крупной организацией такого рода стало православное миссионерское общество. В его уставе, утвержденном императором Александром II в июне 1865 г., говорилось, что оно утверждается для «распространения православного христианства между язычниками империи». Деятельность общества предполагалось «прежде всего обратить к местностям Алтая и Забайкалья... по многочисленности язычников, там обитающих». Затем, по мере «развития средств общества»,

⁴⁹¹ Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 215.

⁴⁹² Пыпин А.Н. Религиозные течения при Александре I. Пг., 1916. С. 1-294.

⁴⁹³ Дмитриев С.С. Указ. соч. С. 34.

⁴⁹⁴ Иркутская летопись. Летописи Пежемского и Кротова. Иркутск. 1911. С. 223.

⁴⁹⁵ Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. С. 471.; Гурулев М. Из прошлого Забайкалья (к истории нашей миссионерской деятельности на окраинах). Русская старина, 1901. Т. 106. С. 218.

оно «предоставляло себе право расширить свою деятельность на язычников, обитающих... в других местах России»⁴⁹⁶. Членам общества рекомендовалось в своей практической деятельности убеждать аборигенов в том, что «у разных людей могут быть свои языки, свои обычаи и даже свои правительства», но «вера у всех людей должны быть одна». Священнослужителям рекомендовалось для «возбуждения усердия... к переходу в христианство указать награды, которые удостоивает за такие действия государь император»⁴⁹⁷. Во главе общества был поставлен известный алеутско-камчатский миссионер, а с 1868 г. митрополит Московский и Коломинский Иннокентий Вениаминов (в миру И.В. Попов). Покровительницей общества была провозглашена императрица Мария Федоровна. Отделения общества на местах возглавляли епархиальные архиереи. Его отделения были открыты в 56 епархиях, в том числе в 11 сибирских. К 1888 г. в рядах общества насчитывалось 9,5 тыс. членов, доходы от добровольных пожертвований составляли 287 000 руб., к 1893 г. они возросли до 331 186 руб., а к 1894 г. — до 352 136 руб. В 1895 г. на счетах общества скопилась огромная сумма в 1 289 369 руб. Основными источниками денежных поступлений были добровольные пожертвования, кружечный сбор, торговля в церквях различными предметами церковной утвари⁴⁹⁸. В конце XIX в. общество оказывало материальную поддержку всем православным миссиям России и за ее пределами, но на содержание сибирских миссий ежегодно шло не менее 45,5 % денежных средств общества. В годы первой русской революции это соотношение не изменилось — около 48 % денежных средств шло на христианизацию наро-

⁴⁹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 145. Д. 1134. Л. 42 об.

⁴⁹⁷ ГАРБ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 33.

⁴⁹⁸ Библиотека РГИА. Печатные записки. № 3177. Устав православного миссионерского общества. С. 1. Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С. 361.

дов Сибири⁴⁹⁹. Наряду с этим правительство пыталось изыскать и иные средства привлечения сибирских аборигенов к православию. В 1867 г. в Казани было основано «Братство святого Гурия», имевшее целью «просвещение инородцев поволжских и сибирских путем издания религиозных книг в переводе на инородческие языки»⁵⁰⁰. В 1878 г. при нем была организована комиссия переводчиков во главе с директором казанской инородческой учительской семинарии Н.И. Ильминским. В состав комиссии вошли профессора Казанской духовной академии С.Г. Саблуков, В.В. Миротворцев и др.⁵⁰¹ Несмотря на все усилия, сибирские аборигены плохо усваивали догматы веры, зачастую совершенно не понимая русских священников. Генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель, посетивший в 1863 г. Березовский округ, признавал, что между инородцами христианство распространяется «более номинально», и абсолютное большинство крещенных аборигенов «в душе» остаются язычниками⁵⁰². Примерно в то же время Иркутский архиепископ Нил (Н.Ф. Исакович) сообщал в Синод что крещенные карагасы Нижнеудинска округа (тофалары) «находятся в добром расположении духа, но без всяких понятий в вере»⁵⁰³. Эта ситуация не изменилась и к началу XX в. В 1907 г. иркутский комитет Всероссийского православного миссионерского общества вынужден был признать, что «понятие о христианстве у инородцев очень смутное»⁵⁰⁴. Именно поэтому Синод официально разрешил в сибирских епархиях богослужение на языках местных народов, поручив контроль за этим местным архиереям⁵⁰⁵. Таковую же цель преследовали попытки обучения миссионеров языкам местных народов. Но та-

⁴⁹⁹ Подсчитано автором по материалам. Обзор деятельности... С. 366.; РГИА. Ф. 796. Оп. 181. Д. 3115. Оп. 185. Д. 5894. Л. 2об.; Оп. 188. Д. 7880. Л. 8.

⁵⁰⁰ Азиатская Россия. Т. 1. С. 217.

⁵⁰¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 159. Д. 1380. Л. 9 об.

⁵⁰² Там же. Ф. 385. Оп. 16. Д. 8620. Л. 11 об.

⁵⁰³ Там же. Ф. 796. Оп. 122. Д. 402. Л. 3.

⁵⁰⁴ Там же. Ф. 796. Оп. 445. Д. 306. Л. 3.

⁵⁰⁵ Обзор деятельности ... С. 436.

кие случаи бывали, по-видимому, довольно редкими. Так, например, в 1907 г. из 23 миссионеров – священников Иркутской миссии только один – Михаил Мохоцкев – был бурятом. Остальные миссионеры были русскими⁵⁰⁶. В забайкальской православной миссии в 1885 г. из 25 миссионеров было лишь три бурята⁵⁰⁷. Подготовка миссионеров для сибирских епархий велась в трех духовных училищах Сибири: Бийском катехизаторском училище, Иркутской церковно-учительской семинарии и Читинском центральном училище⁵⁰⁸. Однако эти учебные заведения не могли удовлетворить постоянно растущую потребность в миссионерах. По официальному признанию духовных властей, в Сибири постоянно ощущалась «потребность безотлагательного умножения» последних⁵⁰⁹. Совет православного миссионерского общества был вынужден присылать в край миссионеров из епархий Европейской России. Так, в Иркутской епархии в 70-х гг. XIX в. служил диакон Воронежской епархии И. Попов, из Казанской епархии Н. Нелидов, Киевскую епархию представлял А. Куликов⁵¹⁰. Между тем, Синод в 1858 г., рассматривая итоги деятельности православных миссий в Сибири, «имел рассуждение о малом преуспевании проповеди слова божьего...» между язычниками Сибири. Одну из основных причин такого положения члены Синода видели в незнании миссионерами языков сибирских народов и ведения проповедей «через переводчика». Поэтому Синод решил направить в Петербург для получения «полного миссионерского образования с обучением сверх того при здешнем университете монгольскому языку семь-восемь детей местного духовенства, а еще лучше детей крещенных бурят»⁵¹¹. Осенью того же года в Петербург прибыла первая группа выпускников Иркутской духовной семинарии – семь человек. Все они

⁵⁰⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 188. Д. 7797. Л. 24.

⁵⁰⁷ Там же. Оп. 445. Д. 308. Л. 60.

⁵⁰⁸ Азиатская Россия. Т. 1. С. 218.

⁵⁰⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 306. Л. 3.

⁵¹⁰ Обзор деятельности... С. 436.

⁵¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 139. Д. 325. Л. 1.

были детьми местного духовенства. В бурятских семьях отправлять детей в неведомую столицу желающих не нашлось. Четверо из вновь прибывших иркутян – Г. Попов, М. Митропольский, Е. Писарев, В. Карелин – были зачислены слушателями в духовную академию, остальные – В. Миротворцев, А. Карелин, И. Корнаков – в высшее отделение семинарии. Все вновь прибывшие должны были изучать монгольский язык. Спустя три года, в 1861 г., шесть слушателей, за исключением В. Миротворцева, попросили вернуть их в Сибирь для практического закрепления навыков разговорной речи. Свои познания в языке они считали достаточными для «будущей их миссионерской деятельности»⁵¹². Выпускник же М. Митропольский по возвращении в Иркутск «решительно отказался» не только от миссионерского слушания, но и вообще подал на имя Александра II прошение об исключении его из духовного звания и переводе в светское. Такое «неблагодарное поведение» вызвало резкое осуждение епископа Парфения (П.Т. Попов). Дело дошло в 1863 г. до Синода, от имени которого Митропольскому было объявлено, что он может быть уволен из духовного звания не иначе, как возвратив в казну затраченные на его обучение деньги⁵¹³. Одновременно с этим продолжалось организационное переустройство ведомства православной церкви в Сибири. Если в 1840 г. православная церковь располагала в Сибири пятью епархиями, то концу XIX столетия число их возросло до 12. Старейшей из них был Тобольская, основанная в 1620 г. В 1861 г. была учреждена Енисейская епархия, затем Якутская (1868 г.), Туркестанская (1871 г.), Забайкальская (1894 г.), Омская (1895 г.), Владивостокская (1898 г.)⁵¹⁴. С 1840 по 1890 гг. число церквей Сибири возросло с 716 до 1732. В расчете на одну тысячу прихожан больше всего церквей было в Иркутской епархии. За ней следовали Енисейская, Томская, Тобольская и Якут-

⁵¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 139. Д. 325. Л. 14, 21, 22.

⁵¹³ Там же. Л. 29–30.

⁵¹⁴ Там же. Л. 31.

ская. За полвека число церквей в Иркутской епархии увеличилось примерно на 46 %, Тобольской – на 52 %, Томской на 45 %. За период с 1883 по 1893 гг. при церквях сибирских епархий было открыто 88 новых приходов, из которых 33 полностью содержались за счет казны. Наряду с этим на огромной территории Сибири и Дальнего Востока постоянно действовало 8 православных миссий. Наблюдается быстрый рост численности священников-миссионеров. При церквях сибирских епархий было открыто 88 новых приходов. В период пребывания во главе Иркутской епархии епископа (впоследствии архиепископа) Парфения (1860-1873 гг.) было построено 11 миссионерских станов: Шимковский (1863 г.), Хужирский (1866 г.), Боханский (1869 г.), Усть-Ордынский (1870 г.), Еланцинский (1871 г.) и др. В 1877 г. в Иркутском отделе миссии было 15 миссионерских станов, к 1908 г. их число возросло до 24⁵¹⁵. Обычно миссионерские станы содержались за счет средств православного миссионерского общества и лишь частично за счет казны. В 1873 г. содержание Иркутской православной миссии обошлось в 12 731 руб. Из них 11 167 руб. или 80,6 % было выделено православным обществом. В 1908 г. средства миссионерского общества составляли свыше 92 % бюджета миссии⁵¹⁶.

Активизация деятельности Иркутской епархии во второй половине XIX в. в значительной степени объясняется личностными качествами правящих иерархов, пользовавшихся несомненным авторитетом православной паствы. За период второй половины XIX – начала XX в должности правящих иерархов Иркутской епархии служили 5 человек. Это епископы (архиепископы) Парфений (Петр Попов) – 1860-1873 гг., Вениамин (Василий Благодеров), 1873-1882 гг., Тихон (Михаил Троицкий), 1892-1911 гг., Серафим (Иаков Мещеряков), 1911-1915, Иоанн (Федор Смирнов), 1915-1918 гг. Та-

⁵¹⁵ Дамешек Л.М. Указ. соч. С. 148-149.

⁵¹⁶ Подсчитано автором по материалам: РГИА. Ф. 796. Оп. 188. Д. 7797. Л. 34об.

ким образом, средняя продолжительность пребывания в должности правящего архиерея в Иркутской епархии в рассматриваемый период составляла примерно 7,6 года. Это больше, чем у гражданских губернаторов Иркутской губернии и у генерал-губернаторов Восточной Сибири. Нельзя не признать, что епархиальное управление в крае было достаточно стабильным. Тем не менее обращает на себя внимание практика частого перевода иерархов из одной епархии в другую. Средний возраст священнослужителей при назначении на должность был немногим больше 54 лет, т. е. выше, чем у гражданских губернаторов и генерал-губернаторов региона. Однако следует признать, что это были люди, отнюдь не обремененные старческими немощами и вполне способные в силу состояния здоровья нести многотрудные обязанности правящего архиерея. Необходимо отметить еще одно важное отличие правящих архиереев епархии от высшего чиновничества региона. Если последние по своему сословному происхождению были из дворян, то архиереи являлись выходцами из среды сельских священников, но, как и генерал-губернаторы, выходцами из губерний Европейской России. Выдвижением на высокий пост архиерея они были обязаны своему предшественнику пасторскому служению делу православия, высшему духовному образованию и нравственному убеждению государственников. В отличие от губернаторов, владыки епархии имели высшее образование (духовные академии), а некоторые, например, епископ Тихон, даже звание профессора, или кандидата богословия. Иными словами, уровень образования правящих архиереев Иркутской епархии был достаточно высоким. Несомненно, обращают на себя внимание взгляды иркутских иерархов на значимые для России общественно-политические вопросы. Инициативные, преданные своему делу и России люди, в годы Русско-японской войны иркутские православные иерархи призывали население внести реальный вклад в борьбу с противником, примером и делом содей-

ствовать помощи раненым на войне и их семьям. Иркутские иерархи выступали против жестких репрессивных мер в годы первой русской революции и открыто высказывались против еврейских погромов, называя их делом греховным и бесчеловечным.

Важным событием в истории сибирских епархий русской православной церкви стал выход епархиальных ведомостей. В Иркутской выход первого номера газеты «Иркутские епархиальные ведомости» состоялся в 1863 г. В остальных епархиях Восточной Сибири епархиальные ведомости начали печататься существенно позже. Несмотря на уменьшение размеров епархии, роль Иркутска как центра православия Восточной Сибири оставалась весьма значимой. Православный миссионер Иван Ключюк по этому поводу отмечал, что «Иркутск – древнейший кафедральный епископский город, второй по времени в Сибири в настоящее время бесценно имеющий архиепископов, единственных по всей Сибири». Что же ставит Иркутск так высоко по сравнению с другими городами Сибири, – задавал вопрос православный миссионер. Это «единственный... святой город в Сибири. В нем существует Сибирская Лавра – Вознесенский монастырь, где хранятся единственные в Сибири святые мощи – «хранителя страны сея, славы и украшения Иркутской паствы Апостола Сибири святителя Иннокентия»⁵¹⁷. При этом необходимо отметить, что немногочисленные, своего рода «временные», миссии встречаются только в северных территориях Сибири – Березовском и Туруханском округах. В то же время такие миссии, как Алтайская, Иркутская, Забайкальская, активизируют свою деятельность, растет их численность, упрочивается финансовое положение.

Конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских «инородцев» была неразрывной составной частью имперской политики в Сиби-

⁵¹⁷ Дамешек Л.М. Иркутская губерния во времена святителя Иннокентия. Три Иннокентия. Материалы шестых Всероссийских Сибиряковских чтений. Иркутск. 2017. С. 36–38.

ри в целом. В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиатской России лежит признание большой политической и социокультурной значимости распространения православия среди «инородцев». Принятие православия аборигенами рассматривалось как составной элемент политики интеграции. В то же время это был и важный социокультурный процесс. Таким образом, в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга. Это было еще одно отличие колонизационной политики России по отношению к окраинам государства от колониальных империй Запада. Распространение православия правительство рассматривало как важную составную часть общегосударственной политики по обрусению нерусских народов окраин империи, «приравниванию» их к основному крестьянскому населению России. Архивные материалы и воспоминания современников событий свидетельствуют, что для большинства крещенных сибирских инородцев следующим шагом был переход к оседлости и занятию земледелием. Не случайно во многих местах Сибири возникали целые деревни оседлых крещенных «инородцев», мало или ничем не отличающиеся от крестьянских сел. Однако вплоть до середины XIX в. содействие распространению православия со стороны правительства ограничивалось, как правило, предоставлением вновь крещеным «инородцам» льгот по платежу ясака. Во второй половине столетия государственная политика по распространению православия стала более гибкой и разнообразной. Особенностью распространения православия во второй половине XIX в. стало введение практики богослужения на языках народов Сибири. Активизация деятельности русской православной церкви во второй половине XIX в. по распространению православия среди народов Сибири по времени совпадает с началом нового этапа правительственной политики в отношении аборигенов региона по унификации системы землеполь-

зования с русским крестьянством, управления, административного устройства, налогообложения, введению паспортной системы, привлечению к воинской повинности и, как итог, окончательному ликвидации сословия инородцев⁵¹⁸.

Наступательное движение русской православной церкви против народов Сибири проявлялось в различных формах. Во второй половине XIX в. своеобразную роль в этом политико-идеологическом процессе играли монастыри. К концу XVII в. в Сибири было основано 34 монастыря. Накануне указа Екатерины II о секуляризации в Сибири насчитывалось 40 монастырей. По официальному признанию властей, указ о секуляризации от 21 марта 1762 г. и последующие мероприятия Екатерины II по передаче монастырских земель в ведение восстановленной Коллегии экономии «нанесли смертельный удар многим монастырям Сибири». К 1914 г. количество монастырей Сибири сократилось до 17. При них обычно существовали школы и «инородческие» приходы. Можно выделить два монастыря, игравших активную роль в распространении православия среди народов Сибири в период капитализма. Это построенные в 1861-1863 гг. на землях алтайцев Улалинский и Чулымшанский монастыри. Царские чиновники отвели им около 10 тыс. десятин формально пустопорожних земель, а на деле давно занятых аборигенами. Это обстоятельство немедленно было использовано проповедниками. Чулымшанский монастырь, расположенный на землях, занятых теленгитами, немедленно организовал там «чистое помещичье хозяйство, взимая с туземного населения арендную плату по определенной таксе», за право поставить юрту теленгит должен был платить монастырю один рубль в год, за пастьбу скота – 20 коп. в год с головы крупного рогатого скота и 5 коп. – с головы мелкого. Подобные методы «миссионерской» деятельности оказались гораз-

⁵¹⁸ Дамешек Л.М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти XVIII – начала XX вв. Иркутск, 2007. 320 с.

до более успешными: в скором времени все население чулымшанской долины вынуждено было принять крещение.

Наступательное движение православной церкви в Сибири сопровождалось значительным увеличением церквей в местных епархиях. За 50 лет с 1840 по 1890 гг. число церквей в Сибири увеличилось с 716 до 1732. В расчете на одну тысячу прихожан больше всего церквей было в Иркутской епархии, за ней следовали Енисейская, Томская, Тобольская и Якутская епархии. Во второй половине XIX в. наблюдается неуклонный рост православных церквей в Сибири. За полвека число церквей в Иркутской епархии увеличилось примерно на 46 %, Тобольской – на 52 %, Томской – на 45 %. Совершенно очевидно, что столь значительное увеличение могло происходить при активной идеологической и материальной поддержке государства. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы подтверждают это. Только за два дореформенных десятилетия денежные дотации церкви из фондов государственного казначейства возросли на 237 %.

Совместное наступательное движение православной церкви и государства в отношении коренных народов Сибири проявлялось в миссионерских съездах, которые были призваны выработать единые политико-идеологические и организационные мероприятия, направленные на упрочение положения «первенствующей и главествующей» церкви в Сибири и России в целом. Первый такой съезд состоялся в Иркутске летом 1885 г. Подчеркивая единство политических целей церкви и государства, указ Синода от 8 апреля 1885 г. гласил, что съезд духовных и светских властей Сибири проводится «для совместного обсуждения вопросов, касающихся настоящего состояния православия в пределах Сибирского края с целью выработать общие для всех сибирских епархий меры к развитию проповеди Слова Божия среди язычников».

Власти тщательно готовились к первому съезду сибирских «святителей». В миссионерские станы было ра-

зослано специальное послание, которое предписывало провести съезды местных миссионеров, на которых обсудить «все вопросы... состояния миссии в каждом стане» и о мерах «к предупреждению препятствий к принятию инородцами святого крещения».

В работе Иркутского съезда приняли участие высшие сибирские иерархи: архиепископ Иркутский Вениамин, епископы Томский Владимир, Енисейский – Исаакий, Селенгинский – Мелетий, Киренский – Макарий. Кроме того, в работе съезда участвовали генерал-губернатор Восточной Сибири А.П. Игнатьев, военный губернатор Забайкальской области Барабаш, исполняющий должность Иркутского гражданского губернатора Петров. Заседания съезда были открытыми лишь частично. Приамурский генерал-губернатор Корф вообще настаивал на проведении закрытых заседаний, «чтобы не возбуждать неблагонамеренных толков» среди бурят. Архиепископ Вениамин, наоборот, выступал за проведение открытых заседаний, дабы буряты поняли, «чего должно ждать от них христианское правительство» и не надеялись на продолжение покровительственной политики по отношению к ламаизму.

Съезд проходил в обстановке наступившей политической реакции в стране, т. е. в очень благоприятное для воинствующей православной миссии время. Заседания съезда, а их было 5, проводились открыто, однако обсуждение на нем так называемого «бурятского вопроса» не афишировалось с целью пресечения неблагонамеренных толков среди аборигенов. Ничего не говорилось об этом и в отчетах о работе съезда, опубликованных в печати.

Одно из центральных мест в работе съезда занял вопрос «по обращению инородцев Сибири, особенно забайкальских бурят к христианству». Подлинные причины пристального внимания участников съезда к этому вопросу были без обиняков сформулированы на первом же заседании. «Этого требует, – констатировал съезд,

— великая и высокая важность обращения инородцев к христианству во всех отношениях — и в религиозно-нравственном, и в гражданском, как верный шаг к объединению их с русским народом и обрусению». На последующих трех заседаниях вопрос этот был «подвергнут всестороннему рассмотрению». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что участники съезда требовали не только усиления пропагандистско-идеологической работы священнослужителей, но и настаивали на проведении таких мер, которые нуждались «в утверждении в законодательном порядке». Важно подчеркнуть и другое. В журнале заседания съезда от 24–26 июня отмечается, что такие меры были предложены вниманию членов съезда представителями гражданской власти. Таким образом, в вопросах русификаторской политики церковь и государство выступали с единых позиций.

В итоге работы съезда были выработаны решения, реализация которых могла бы, по мысли светских и духовных властей, способствовать усилению процесса русификации и христианизации аборигенов. Сам характер этих рекомендаций был таков, что осуществление их было возможно с помощью не церковных, а именно государственных органов. Это важное обстоятельство осталось незамеченным предшествующими исследователями вопроса.

Решения съезда, прежде всего, рекомендовали провести размежевание земель аборигенов и посадить кочевника на душевой надел оседлого земледельца. Это должно было, констатировал съезд, «заставить инородцев-сибиряков перейти от кочевого быта к оседлому, что даст возможность удобнее и успешнее распространять между ними христианство». Освободившиеся земельные участки предполагалось передать в пользование русским крестьянам — православным. «Живя в соседстве с последними», инородцы, по мысли участников съезда, «будут не только заимствовать русские православные нравы, но и христианские понятия». Все это вместе

взятое должно было служить одной цели: «способствовать обращению их (аборигенов. – Л.Д.) в христианство».

Рассуждения эти в определенной степени не были лишены здравого смысла. В конечном итоге развитие земледелия и усиление оседлости народов Сибири было делом глубоко прогрессивным, как и сам процесс взаимного сближения и взаимовлияния русского и коренного населения Сибири. Однако в данном случае, как верно подметил Н.П. Егунов, эта прогрессивная идея в руках православных церковников и сибирской администрации превращалась «в орудие насильственного обезземеливания и разорения скотоводов».

Аналогичные противоречия наблюдаются и при анализе предложений съезда, относящихся к вопросу административного устройства народов Сибири. Органы управления народами края, введенные Уставом 1822 г., предполагались к упразднению. Вместо них рекомендовалось ввести волостные управления, подчинив их «полицейским управлениям на общих основаниях». Во вновь создаваемые административные органы предполагалось ввести в качестве должностных лиц «иностранцев-христиан».

Особое внимание участники съезда уделяли вопросу о привлечении сибирских аборигенов к воинской повинности. По их мнению, привлечение аборигенов к отбыванию воинской повинности должно было привести к тому, что «ежегодно известный контингент людей, отбыв срок службы в войсках, будет возвращаться по домам в значительной степени обруселый». Иркутский архиепископ Вениамин предлагал даже пойти дальше этого. По его словам, следовало «вообще сравнять их аборигенов. – Л.Д.) в правах и обязанностях с русскими крестьянами». Вениамину вторил Томский преосвященный Владимир. Он заявлял, что мера эта вполне применима и к «иностранцам» Западной Сибири. Епископ Томский желательность этой меры видел еще и потому, что льгота язычников от воинской повинности служит

благовидной причиной к отклонению языческими властями своих подданных от перехода в христианство, как первой степени привлечения инородцев к воинской повинности. Поистине, сибирские иерархи были персонами воинствующими.

Участники съезда рассмотрели и такой, казалось бы, далекий от нужд православия вопрос, как уплата аборигенами ясака. Внимательное изучение материалов съезда показывает, что «святые отцы» были плохо знакомы с ясачным законодательством царизма и практикой уплаты ясака. По мнению томского епископа Владимира, взнос ясака натурою существовал лишь по той простой причине, что «языческие власти из своекорыстных целей застрачивают их» (аборигенов. – Л.Д.) тем, что «за уплатою ясака деньгами последует обращение инородцев в крестьяне со всеми прочими тяготами».

Нельзя не признать, что перевод ясачной подати в денежную форму отвечал объективным потребностям развития хозяйства народов Сибири, в котором все большее значение приобретали товарно-денежные отношения. Однако отнюдь не «языческие власти», а прежде всего коронное ведомство настаивало на сохранение натуральной формы уплаты ясачной подати. В данном конкретном вопросе интересы церкви и коронного ведомства не совпадали. Следует также подчеркнуть, что ратование «православных инквизиторов» за перевод ясака в денежную форму объяснялось отнюдь не заботой об аборигенах, а стремлением поскорее обрусить последних, полностью приравнять их к русскому населению.

Участники съезда понимали, что большинство их предложений противоречит существующим законоположениям. Поэтому они ходатайствовали перед обер-прокурором Синода об утверждении рекомендаций съезда в законодательном порядке.

В итоге отметим, что в решениях Иркутского съезда духовных и светских властей содержались подчас идеи, отвечающие объективным потребностям эконо-

мического и общественного развития народов Сибири. Однако на практике эти идеи, порожденные попытками насильственной русификации аборигенов и ассимиляции их с русскими, приобретали уродливую форму. В условиях национально-колониальной политики царизма насильственная русификация, приравнивание аборигенов и русских означали равенство в бесправии и не могли принести подлинной свободы коренному населению. Формы и методы этого процесса «не соответствовали его объективно-прогрессивному содержанию, ибо они были обусловлены военно-феодальным характером господствующего в стране царского режима и эксплуататорской сущностью связанного с ним общественного строя». Призывы к сближению русского и коренных народов Сибири в условиях капитализма приводили только к новому обострению национальных отношений. Иркутский съезд 1885 г. был не единственным съездом сибирских иерархов. В 1893 г. состоялся съезд миссионеров в Забайкалье.

Вопросам усиления христианизации народов Сибири были посвящены собрания миссионеров, состоявшиеся в августе 1909 г. в Иркутске. Подготовку и работу собрания возглавлял начальник Иркутской духовной миссии епископ Иоанн. Основное внимание было уделено вопросам организационного укрепления миссии и расширению агитационной работы в пользу православия. Эти же вопросы находились в центре внимания участников съезда миссионеров, состоявшегося в следующем году в Иркутске. Это был первый съезд миссионеров после подавления царизмом революции 1905–1907 гг. Поэтому не удивительно, что власти придавали ему большое значение. Обстоятельство это в значительной степени объясняется массовым отходом народов Сибири от православия в ходе первой русской революции.

Российская печать охарактеризовала Иркутский съезд как «первый в Сибири по количеству участников и важности вопросов, которые на нем должны быть по-

ставлены и решены». К тому времени, несмотря на «весь официальный оптимизм» церковных иерархов, миссионерское дело в Сибири было далеко не в блестящем состоянии. «Количественные» результаты деятельности сибирских миссий были «крайне ничтожными». В 1906 г. «Алтайская миссия, несмотря на значительный штат миссионеров... не обратила ни одного инородца». То же самое можно сказать о миссиях Иркутской, Якутской, Чукотской и Благовещенской. Киргизская миссия в 1906 г. окрестила всего 19 человек, в том числе только 8 киргизов. По этому поводу печать не без сарказма писала, что каждый крещенный в этой миссии «стоил более 700 руб.». В целом результаты съезда и деятельность сибирских миссий печать оценивала весьма скромно: «Рутинна, формальное отношение к делу, незнакомство с туземными языками – отличительные качества сибирских миссионеров». Совершенно очевидно, что теперь «сибирские миссии идут верным и быстрым шагом к самоупразднению». Свидетельство кадетской газеты в данном конкретном случае не просто интересно, но и важно еще и потому, что большинство фактов об антиклерикальных выступлениях крестьян в борьбе князей церкви с народными массами не было зафиксировано в опубликованных документах. Указывая на это обстоятельство, В.И. Ленин подчеркивал, что в царской России «Всевластие полиции и бюрократии закрывало от глаз «общества» и народа классовую борьбу вообще, борьбу «крепостников в рясе» с «подлой чернью», в частности». Уже после Октябрьской революции В.И. Ленин писал, что «у нас в России население после долгого опыта с попами могло нам их скинуть».

О необходимости наступательной позиции церкви в отношении «иноверцев» говорилось и на общероссийских миссионерских съездах. Первый такой съезд состоялся в Казани в 1885 г., второй – в Москве в 1891 г. Еще более воинственно было настроено духовенство на третьем съезде миссионеров, состоявшемся в том же году в Каза-

ни. Работой этого съезда руководил будущий обер-прокурор Синода В.К. Саблер. Он назвал православие «краеугольным камнем самодержавия».

Для решения задачи обращения в православие всех иноверцев Сибири миссионеры стремились привлечь и высших правительственных чиновников. В 1892 г. в Петербурге с целью выработки общих организационных и идеологических мероприятий состоялось «особое совещание о мерах к облегчению христианской проповеди в Забайкалье». В совещании участвовали обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, министр внутренних дел Дурново, приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф и управляющий Министерством императорского двора Петров. Совещание рассмотрело предложения А.Н. Корфа о «мерах к усилению проповеди православия среди иноверцев». Наиболее верным способом борьбы с ламаизмом и одновременно пропаганды православия Корф считал распространение «общего образования» среди аборигенов. Относительно ламаизма генерал-губернатор предлагал ограничиться тактикой невмешательства. Однако совещание, как справедливо отмечает К.М. Герасимова, не приняло предложения Корфа. Наоборот, оно признало «существенно необходимым» переработать положение о ламаистском духовенстве 1853 г. в сторону его ужесточения. Что же касается предложения генерал-губернатора о необходимости распространения между аборигенами «образования», то участники совещания признали его «заслуживающим внимания», однако требующим значительных денежных затрат. Поэтому они не пошли дальше рассуждений о пользе образования, высказавшись в конечном итоге за улучшение состава миссий, благоустройство миссионерских церквей и т. д. Меры эти должны были осуществляться распоряжением духовных властей.

В конце 1911 г. при Синоде состоялось очередное «особое совещание». Оно было посвящено изучению методов деятельности православных миссий среди нерусских на-

родов Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. В это время отход крещенных аборигенов от православия, начавшийся в ходе первой русской революции, несмотря на все старания духовных пастырей, продолжался. В этих условиях члены совещания должны были искать выход из создавшегося положения. Необходимость упрочения положения «первенствующей и главенствующей церкви» в России требовала принятия срочных и действенных мер по усилению пропаганды православия среди нерусских народов. В то же время конечные цели этой пропаганды – обрусение и ассимиляция аборигенов с русским населением – оставались неизменными. События первой русской революции, сопровождавшиеся массовыми антиклерикальными выступлениями крестьян, заставили ревнителей православия быть более осмотрительными в выборе средств привлечения новой паствы. Поэтому совещание не рекомендовало каких-либо крутых мер, а ограничилось требованием к приходским священникам считать миссионерство «своею существенною и непременною обязанностью, не возлагаемою исключительно на миссионеров». Для усиления пропаганды православия рекомендовалось также проводить на языках народов Сибири проповеди и беседы, пение церковных песен, открытие школ «для детей язычников по системе Н.И. Ильменского», основание новых монастырей и т. д. По решению совещания и Синода в 1912 г. в Хабаровске и Тобольске были открыты курсы подготовки миссионеров, причем в Тобольске собирались только лица, имеющие высшее духовное образование. Характерна реакция самого духовенства на это решение Синода. Многие миссионеры восприняли его «со страхом и некоторой конфузливостью», а сами курсы называли «учреждением недоучек и малосведущих членов клира».

Программа 4-недельных курсов была рассчитана на 140 часов. Наряду с традиционными для православной церкви курсами – история и обличение раскола – особое внимание теперь уделялось изучению истории и обличе-

нию социализма, искусству проповедничества, законоучительству и методике.

По вопросу о методах крещения народов Сибири в XVIII – первой половине XIX в. среди исследователей нет единой точки зрения. К.М. Герасимова, Н.П. Егуннов в своих работах приводят, главным образом, факты насильственного крещения народов Восточной Сибири. К аналогичным выводам пришли И.И. Огрызко и Н.А. Свешников, рассматривавшие вопросы распространения православия в Северо-Западной Сибири. Однако в литературе высказывается и иная точка зрения. Так, Н.А. Миненко основным методом крещения аборигенов Западной Сибири в первой половине XIX столетия считает «предоставление новокрещенным различных льгот, в особенности, в уплате ясака». Обоснование концепции «мирных» методов распространения православия среди народов Сибири у Н.А. Миненко носит объективный и убедительный характер. Этот вывод исследователь подкрепляет большим фактическим материалом. Действительно, в первой половине XIX в. «самодержавие было вынуждено отказаться от насильственных методов распространения христианства и соблюдать хотя бы «внешние приличия». Это, разумеется, не означает, что факты насильственного крещения аборигенов в XIX в. были совершенно изжиты. В исследовательской литературе немало примеров насильственного крещения иноверцев, особенно в конце XIX в.

Принцип свободы веротерпимости был закреплен в двух важнейших законодательных актах XIX и XX вв.: Уставе об управлении иноверцев 1822 г. и в манифесте 17 апреля 1905 г. В то же время принятие православия рассматривалось властями как положительное явление, и государство прилагало немало усилий для поднятия и распространения авторитета православной церкви в империи.

Рассматривая вопрос о методах распространения православия, следует отметить, что крещение «по по-

воду» или «случаю» получило в Сибири широкое распространение. Издание юбилейных пропагандистских брошюр, устная агитация – все это должно было, по замыслу миссионеров, способствовать привлечению язычников на лоно православной церкви.

В 1890 г. в Западной Сибири широко отмечали 60-летие со дня основания Алтайской православной миссии, а спустя два года – в 1892 г. – 100-летие со дня рождения ее основателя архимандрита Макария. С целью популяризации и разъяснения его деятельности была выпущена специальная брошюра под названием «Архимандрит Макарий, основатель Алтайской миссии». Наряду с этим организовывались совместные моления русских и аборигенов и т. д. Все это, по мысли начальника Тобольской епархии епископа Бийского, должно было способствовать лучшему пониманию аборигенами превосходства православия над язычеством и усвоению ими основных догматов новой религии.

Однако массовые крещения, неоднократно отмечаемые источниками на протяжении всего XIX в., носили, как правило, формальный характер. При этом основное внимание уделялось «на внешнюю сторону миссионерского деяния, т. е. на возможно большее количество крещений», а догматы и культы православия оставались непонятными для новой паствы. Примитивные языческие культы народов Сибири, особенно ее северных районов, были самым тесным образом связаны с существующими социальными отношениями и экономическим бытом народов. Поэтому функциональное место христианства оказывалось совершенно иным; его догматы и культы и вовсе не были рассчитаны на конкретную программу непосредственных действий. Назначение классовой религии – быть всеобщим основанием «для утешения и оправдания». Все это порождало многочисленные случаи двоеверия, соращения в язычество и т. д. Посетивший в 1833 г. Березовский округ тобольский гражданский губернатор Муравьев доносил начальству, что крещенные

ханты и манси «ни в образе жизни, ни в образе мыслей... ни в чем не различествуют от язычников и даже продолжают... тайно в лесах свое прежнее богослужение». Об основах веры они не имели «ни малейшего понятия».

Несмотря на усилия православных миссий, положение не изменилось и 30 лет спустя. В 1864 г. Совет главного управления Западной Сибири констатировал, что христианство между северными народами Тобольской и Томской губерний распространено было «номинально», а аборигены в душе продолжали оставаться язычниками. Об этом же доносил товарищу обер-прокурора Ю.В. Толстому А. Забелин, представивший в 1869 г. подробный «Обзор деятельности миссионеров Березовского края».

К началу XX в. практически все аборигены Березовского края были крещенные. В 1898 г. епископ Тобольский Агафангел доносил в Синод, что в районе действия Сургутской миссии «не было уже язычников инородцев», однако «качество» крещения было крайне низким. Подобные же явления отмечаются и в других сибирских епархиях.

В 70–90-е гг. особенно агрессивно действовала Иркутская миссия, возглавляемая архиепископом Вениамином. В некрологе, посвященном памяти этого «опытного миссионера», особенно подчеркивалось, что он «с самоотвержением посещал самые отдаленные миссионерские станы, всюду наставляя деятелей миссии... крестить инородцев».

Ко времени прибытия Вениамина в Иркутск в здешней епархии было крещено 7154 бурята. Однако этот благородный пастырь остался неудовлетворен достигнутыми результатами. Он развил столь энергичную деятельность по крещению бурят, что в период с 1873 по 1886 г. «просветил» 23 000 аборигенов. Эта просветительная деятельность Вениамина «во всей Восточной Сибири» оставила «неизгладимое впечатление». Прибывший в 1875 г. в Иркутск новый генерал-губернатор Игнатьев – человек, по характеристике Победоносцева, «вполне

русский, благочестивый, церковновоспитанный, принимавший к сердцу интересы церкви», – немедленно включился в кампанию по крещению бурят. Он сам ездил по миссионерским станам, убеждал коренных жителей губернии отречься от язычества и принять православие. Вениамин писал в Петербург Победоносцеву, что главный начальник края так горел желанием «всякого» бурята «принимать от купели крещения», что архиепископ вынужден был просить генерал-губернатора «не слишком продешевлять свое имя, довольно, если он начальников будет удостаивать такой чести».

Не меньшую заинтересованность в этом деле проявляла и супруга генерал-губернатора, которая «также не раз была восприемной матерью при крещении бурят». Усилия светских и духовных властей не пропали даром. В 1887 г. в Иркутской епархии было крещено 1751 человек, в 1888 – 1663, в 1889 – 1491, в 1890 – 2381. В Забайкальской области к 1885 г. было крещено 3956 бурят и эвенков.

Кампания крещения аборигенов с новой силой развернулась в 1891 г., когда православные миссии решили использовать путешествие по Сибири наследника престола великого князя Николая Александровича, присваивая всем новокрещенным мужчинам имя Николай. Большую помощь в этом деле миссиям оказывали чины земской полиции. В июле 1891 г. балаганский окружной исправник Поздняков разослал главам бурятских ведомств циркуляр, в котором предписывал им принять «деятельное участие» и привлечь «к святому крещению возможно более число иностранцев». Всех лиц, подлежащих крещению, следовало к определенному сроку «доставить в миссионерский стан». За неисполнение этого распоряжения бурятская родовая администрация должна была «ответить по закону».

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют со всей определенностью заключить, что угрозы эти не оставались только на бумаге. Поздняков и не-

которые бурятские родоначальники оказались ретивыми православными пастырями. Во время крещения бурят Балаганского округа по личному указанию исправника казаки ловили разбежавшихся по лесам от страха перед насильственным крещением мужчин и женщин, а сам Поздняков палкой избивал инаковерующих, стремясь подобными действиями заставить их креститься.

От полицейских чинов не отставали и сами миссионеры. Жительница аларского ведомства М. Баканова жаловалась иркутскому генерал-губернатору А.Д. Горемыкину, что к ней в дом в глухую полночь ворвался священник Затопляев и попытался насильно окрестить ее. Когда женщина оказала сопротивление, ее связали, причем во время борьбы «вывихнули правую руку и повредили больно палец». Такие методы крещения были не единичны.

В связи с подобными действиями миссионеров и чиновников жалобы поступали не только на имя генерал-губернатора, но и в Петербург, куда прибыла специальная бурятская делегация. Она не была принята царем, однако слухи о безобразиях в аларских степях проникли в печать. Вот что писал по этому поводу издатель ультрареакционного «Гражданина» князь Мещерский: «Весьма неутешительны те сведения, которые доходят до Петербурга... о религиозных преследованиях, напоминающих по подробностям самые лютые времена».

Христианизация коренных народов Сибири вызывала два последствия. С одной стороны, она укрепляла позиции самодержавия и церкви на окраинах империи, усиливала идеологическое воздействие царизма на народные массы. Преследуя ясно выраженные ассимиляторские цели, христианство выхолащивало самобытность коренных народов Сибири.

С другой стороны, распространение православия среди народов Сибири имело и известное положительное значение. Принятие православия способствовало сближению русского и коренных народов, крещенные абори-

гены вступали в более тесное общение с русскими, перенимали новые методы ведения хозяйства, легче усваивали духовную и материальную культуру русского народа.

На методы и формы распространения православия определенное влияние оказывали экономические процессы, развитие капиталистических отношений, протекавшее очень быстро во второй половине XIX в. Не случайно исследователи истории церкви отмечают, что «переход от феодально-крепостнических методов христианизации к буржуазным составляет следующую стадию рассматриваемого процесса. Хронологически она охватывает период второй половины XIX – начала XX в.». В новых социальных условиях политика христианизации нерусского населения по-прежнему оставалась в центре внимания царского правительства, однако «в соответствии с духом времени» средства и методы христианизации менялись.

Не следует, однако, забывать, что сдвиги в культурном развитии коренного населения объяснялись не столько деятельностью православной церкви, сколько потребностями капиталистического развития и возросшим самосознанием народа. Церковь же способствовала развитию грамотности лишь в той мере, в какой это соответствовало ее интересам. Большая часть коренного населения была христианизирована формально, нередко были случаи двоеверия.

Тем не менее христианизация сибирских аборигенов, преследуя узковедомственные, своекорыстные цели церкви и самодержавия, в эпоху интенсивной колонизации края способствовала сближению русского и коренных народов, что объективно имело прогрессивное значение.

ГЛАВА V

Ясачная политика самодержавия в Сибири в первой половине XIX века

1. Виды и характер податного обложения сибирских «инородцев»

Со времени вхождения Сибири в состав русского государства она стала предметом эксплуатации, организованной самой центральной властью. Правительственная позиция в отношении коренных народов на первых порах определялась фискальными интересами. Объявив себя сувереном и собственником земли, московское правительство вместе с тем стремилось значительную часть сибирских территорий сохранить в пользовании местного населения, обеспечивая этой мерой выполнение их основной обязанности – уплату ясака пушниной.

В Сибири отсутствовало дворянское землевладение, но роль последнего в феодальную эпоху выполняли государство и Кабинет⁵¹⁹. Именно они как совладельцы сибирских земель определяли характер повинностей и систему эксплуатации русского и коренного населения края. Исследователи государственной деревни – Н.М. Дружинин, В.И. Шунков и др. – убедительно доказали, что в XVII – начале XIX в. эта система была феодальной. Такой вывод основывается преимущественно на изучении податных обязанностей русского крестьянства. Вместе с тем, думается, выяснение характера податей и повинностей коренных народов Сибири послу-

---

⁵¹⁹ См.: Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 197.

жит не только дополнительным обоснованием этих выводов, но будет иметь важное значение для определения форм и методов эксплуатации аборигенов края со стороны феодального государства и императорского Кабинета, для понимания положения этих народов в составе Российской империи.

До 60-х гг. XVIII в. эксплуатация коренных жителей Сибири осуществлялась преимущественно в виде сбора ясака натурой. По мере развития хозяйства, усиления товарно-денежных отношений и роста торговли создавались предпосылки для коммутации ясака и замены натуральной ренты денежной. Эта тенденция отражала объективные потребности развития аборигенов Сибири, в хозяйстве которых наблюдалось постепенное, но неуклонное падение удельного веса охоты и пушного промысла. В 1763 г. правительство Екатерины II разрешило наряду со взносом ясака натурой принимать ясачную подать деньгами, а «Уставом об управлении инородцев» 1822 г. ясачный сбор переводился на денежную основу. Вместе с тем следует отметить, что натуральные формы эксплуатации коренного населения не уничтожались. Они продолжали существовать в виде отработочной ренты (земские повинности), сдача в ясак «мягкой рухляди» не только не запрещалась, но и поощрялась.

По форме подати и повинности коренного населения Сибири в первой половине XIX в. разделялись на денежные и натуральные. По назначению тогдашней административно-финансовой практикой они делились на казенные или государственные, земские и местные⁵²⁰. Классификация эта нуждается в определенных оговорках, так как она неточно отражает особенности податной системы, порожденной различным сословно-правовым положением трех групп коренного населения – оседлых, кочевых и бродячих – и специфическими условиями быта и хозяйствования народов Сибири.

⁵²⁰ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126, § 296.

Общий порядок взимания податей и сборов с народов Сибири определялся «Уставом об управлении инородцев» 1822 г. Оседлые жители приравнивались к сословию государственных крестьян «во всех податях и повинностях, кроме рекрутской...»⁵²¹. В связи с именным указом от 21 июня 1827 г. они освобождались от уплаты ясака⁵²².

Иначе обстояло дело с кочевыми и бродячими жителями. В Уставе 1822 г. оговаривалось, «что никакой новый общий по государству налог не распространяется на сибирских кочующих и бродячих инородцев, если о том именно не будет предписано»⁵²³. Положение это строго соблюдалось. Так, например, для введения 9-копеечного сбора серебром с души на содержание земской полиции на территории Восточной Сибири последовал специальный указ в декабре 1845 г.⁵²⁴ Сборы в хозяйственный капитал и на межевание, введенные советом Главного управления Восточной Сибири в 1841 г., производились на основании высочайше утвержденного положения от 20 марта 1840 г.⁵²⁵

В то же время кочевые и бродячие жители являлись подданными государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание. Таковым являлся 44-копеечный подушный сбор, который платили все категории нерусского населения Сибири в общей массе ясака. Собственно 44-копеечный сбор состоял из 26-копеечного налога «на содержание полковых и подъемных лошадей» и 18-копеечного сбора «на присутственные места». Эти податные сборы были введены указами от 18 декабря 1797 г. и 27 ноября 1806 г. 44-копеечный сбор народы Сибири платили до начала XX в.⁵²⁶ Однако в отправлении земских повинностей участвовали только оседлые и кочевые жители. Бродячие «инородцы» освобождались от участия в земских повинностях на

⁵²¹ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126, § 18.

⁵²² ПСЗ-2. Т. 2. № 1197.

⁵²³ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126, § 300.

⁵²⁴ ПСЗ-2. Т. 20. № 19561.

⁵²⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 969. Л. 77.

⁵²⁶ Там же. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5052. Л. 10.

основании § 62 Устава 1822 г. К земским повинностям относилось устройство дорог, содержание подвод для земских сообщений, предоставление квартир земским чиновникам и др. Исследователи государственной деревни убедительно доказали, что в условиях Сибири земские повинности были одной из самых тяжелых форм податного обложения и отличались крайней неравномерностью⁵²⁷. Положение это вполне применимо и для народов края. В совокупном обложении коренных жителей на долю земских повинностей приходилось более 50 %. Типичным примером в этом отношении могут служить статьи расходов по податным платежам кочевых жителей Туринского округа Тобольской губернии. По сведениям второй ясачной комиссии, их насчитывалось 1582 души мужского пола и 1597 – женского. Податные платежи распределялись следующим образом. Ясачная подать по окладу 1763 г. – 973 руб., 44-копеечный сбор – 698 руб., общие земские повинности – 3338 руб., натуральные повинности – 1480 руб., внутренние земские повинности – 275 руб.⁵²⁸

Как уже отмечалось, коренные жители, причисленные к разряду бродячих, на основании § 62 «Устава об управлении иностранцев» освобождались от участия в общих земских по губернии повинностях, но привлекались к отправлению натуральных повинностей. Изучение статей расходов по податным платежам этой группы коренного населения Сибири позволяет заключить, что натуральные повинности в денежном исчислении подчас значительно превышали остальные виды податных платежей. Бродячие аборигены Березовского округа Тобольской губернии Обдорского, Кондинского и Сургутского отделений ясачную подать по окладу 1763 г. платили в размере 6876 руб., 44-копеечный сбор составлял 4722 руб. Основной натуральной повинностью у этих жителей являлось содержание подвод для земских сообщений. В

⁵²⁷ Кузнецов А.С. Крестьянство Восточной Сибири в первой половине XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1968. С. 13–15.

⁵²⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1043. Л. 363об., 269–270.

денежном исчислении эта повинность значительно превышала сумму вышеуказанных податных платежей и составляла 12 723 руб.⁵²⁹

Таблица 1

**Недоимки по земским платежам у оседлых аборигенов
Тобольской губернии (руб.)**

Округ	Число душ оседлых «иногородцев»	Недоимки по земским платежам	Недоимки на 1 работника
Тобольский	4975	239 241	48,0
Тюменский	2403	77 000	32,0
Ялуторовский	1299	16 248	12,5
Тарский	2908	10 355	3,5
ИТОГО	11 585	342 845	29,6

Примечание: таблица составлена по данным: РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1043. Л. 515, 583об., 587, 589, 591.

Как видим, своей фискальной политикой царизм стремился переложить расходы по колонизации и освоению сибирских окраин на плечи трудового населения. О тяжести земских денежных и натуральных повинностей свидетельствуют и многочисленные недоимки. По сведениям второй ясачной комиссии, у оседлых аборигенов Тобольской губернии по земским платежам числились недоимки 342 835 руб. (табл. 1).

Следует подчеркнуть, что эта весьма значительная сумма образовалась всего лишь за пятилетний срок с 1824 г., когда в связи с введением «Устава об управлении инородцев» часть коренных жителей губернии была перечислена в оседлые и обложена крестьянскими окладами.

У кочевников Томского округа одноименной губернии податные недоимки исчислялись в размере 34 893 руб. или 82,3 %⁵³⁰.

Тяжесть денежных сборов на земские повинности усугублялась злоупотреблениями родовой администра-

⁵²⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1043. Л. 156.

⁵³⁰ Там же. Д. 1041. Л. 135-136.

ции, которая под различными предлогами проводила дополнительные поборы. Типичными в этом отношении являлись сборы с улусников якобы «для найма особых домов для проезжающих по селениям чиновников»⁵³¹.

В 1812 г. Иркутское губернское правление указало, что под «видом сих расходов производятся на счет обществ и такие, которые никакими законами и правилами не дозволены, и которые происходят от злоупотреблений самих местных голов и сельских старшин»⁵³². Губернская администрация сталкивалась с такими случаями, когда «сельские старшины, проматывая общественные деньги»⁵³³, в своих отчетах показывают «такие расходы, каких вовсе и производимо не было»⁵³⁴.

Подобная практика получила настолько широкое распространение, что губернское правление «к искоренению сего общего и древнего зла» не видело иного средства, как точное определение всех денежных нужд и «исчисление единожды денежных расходов на оные»⁵³⁵. От родоначальников не отставали и представители русской администрации. В 1827 г. ясачные вогулы Туринского округа жаловались ревизовавшим Западную Сибирь сенаторам В.К. Безродному и Б.А. Куракину на злоупотребления сборщиков ясака⁵³⁶. В 1834 г. Кабинет был вынужден обратить внимание генерал-губернатора Западной Сибири Н.С. Сулимы на то, что «земские чиновники большею частью являются к инородцам не защитниками, а утеснителями»⁵³⁷. Злоупотребления царских сатрапов в крае снискали себе дурную славу. Боязнь аборигенов представителей царской администрации доходила до того, что один слух о приезде в улус земского чи-

⁵³¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1043. Л. 156.

⁵³² ГАИО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 52-53.

⁵³³ Там же.

⁵³⁴ Там же.

⁵³⁵ Там же.

⁵³⁶ РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 34. Л. 4об.

⁵³⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1040. Л. 246-246об.

новника наводил страх на коренных жителей, констатировал Кабинет⁵³⁸.

Приведенные факты не единичны. Они подтверждаются и другими свидетельствами. Так, в 1833 г. Совет Главного управления Западной Сибири рассматривал вопрос о предании суду бывшего Обдорского отдельного заседателя титулярного советника Рещикова, который наряду с заседателями Березовского земского суда Томиловым и Албычевым обвинялся в «бесчеловечном» наказании «ясашных женок» и «вымогательстве у ясашных... в подарок звериных шкур»⁵³⁹. М.М. Сперанский, ревизовавший Сибирь в 1819 г., отмечал «великие злоупотребления» чиновников и родовых старшин⁵⁴⁰.

По участию в общих земских повинностях население края в начале XIX в. делилось на четыре класса. Из коренных жителей к первому причислялась часть бурят Иркутского, Верхнеудинского и Нижнеудинского уездов. Они платили по 3 руб. 15 коп. с души, т. е. наравне с русскими крестьянами. Якуты, эвенки, тофалары (всего 9232 души) причислялись к четвертому классу и платили по 2 руб. 85 коп. с души, но бродячие тунгусы (эвенки) и карагасы (тофалары) освобождались от исполнения земских повинностей «по той причине, что они... ведут дикую и кочевую жизнь и что никогда не отправляли сих повинностей»⁵⁴¹.

Из натуральных повинностей наиболее тяжелой считалась дорожная. В середине XIX в. протяженность дорог в Енисейской губернии составляла 2334, в Иркутской губернии – 3186 верст. Не менее внушительными эти цифры были и в Западной Сибири. По официальным данным, общая протяженность дорог в крае составляла 9712 верст⁵⁴². Таким образом, на расстоянии более 15 тыс. верст русские крестьяне и коренные жители должны

⁵³⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1040. Л. 246–246 об.

⁵³⁹ Там же. Ф. 383. Оп. 1. Д. 412. Л. 28–28 об.

⁵⁴⁰ Прутченко С. Сибирские окраины... С. 15–21.

⁵⁴¹ ГАИО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 88–91.

⁵⁴² Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 3, СПб., 1854. С. 99.

были содержать в полном порядке дороги, наводить и ремонтировать мосты, класть гати и т. д. «Устав о содержании сухопутных сообщений» М.М. Сперанского (1822 г.) превращал эту повинность из натуральной в денежную. Однако действие Устава было весьма кратковременным, и с 1826 г., распоряжением Государственного Совета, исправление дорог вновь возлагалось на личные повинности «местных обывателей». В соответствии с этим Главное управление Восточной Сибири через посредство окружных начальников осенью 1827 г. собрало сведения у крестьян и «иностранцев, где полезно для них исправлять дороги и содержать земскую гоньбу натурой, а где наймом»⁵⁴³. При рассмотрении приговоров крестьянских и «иностранческих» обществ оказалось, что последние, в отличие от крестьян, считали «для себя отяготительным исполнить сию обязанность в натуре»⁵⁴⁴ и просили оставить ее на счет общих денежных сборов.

В Иркутском округе только жители Аларского и Ольхонского ведомств согласились отправлять дорожную повинность натурой, остальные считали для себя более удобным делать это «наймом» по «неспособности к строительным работам»⁵⁴⁵. Кочевых жителей Ачинского и Минусинского округов местная администрация вообще считала «совершенно неспособными... к крестьянским работам»⁵⁴⁶.

Однако решение Совета Главного управления на предмет отправления дорожной повинности не отвечало пожеланиям коренного населения. Под предлогом возможных злоупотреблений «со стороны иностранческих начальников»⁵⁴⁷ при денежном сборе Совет постановил: «объявить обществам иностранцев, желающим участвовать в исправлении дорог денежным платежом, что сбора на сие денег частно и с некоторых и весьма немногих

⁵⁴³ Прутченко С. Сибирские окраины... С. 239.

⁵⁴⁴ Там же.

⁵⁴⁵ Там же. С. 244.

⁵⁴⁶ Там же.

⁵⁴⁷ Там же. С. 256.

обществ начальство допустить не может...»⁵⁴⁸. Иркутскому исправнику и земскому окружному начальнику предписывалось изыскать средства для отправления этой повинности «иностранцами» натурой.

Относительно содержания подвод для земских сообщений позиции крестьян и коренных жителей совпадали: они считали, что «гораздо выгоднее, легче, удобнее и полезнее иметь это на счет земского сбора»⁵⁴⁹.

Еще одну категорию платежей коренного населения составляли налоги на внутренние повинности. Они включали в себя частные земские сборы и мирские платежи. Последние предназначались на содержание органов управления коренными жителями, их канцелярий.

Налоги на содержание родового управления мало чем отличались от мирских платежей русских поселян. Единственной особенностью мирских сборов у коренных жителей являлось то, что «иностранческие начальники» в соответствии с § 142 и 143 «Устава об управлении иностранцев» не получали жалования, а исправляли «должности... как общественную службу»⁵⁵⁰. В 1832 г., когда возник вопрос о назначении жалования «тунгусским старостам за исправление их должностей», генерал-губернатор Восточной Сибири указал, что для включения «требуемых» сумм в величину налога необходимо разрешение «высшего начальства»⁵⁵¹. Представление о статьях расходов на внутренние повинности у коренных жителей в 30-е гг. XIX в. дает ведомость «Общего исчисления сумм, назначенных к сбору... с иностранцев... Нижнеилимской иностранной управы» Киренского округа Иркутской губернии⁵⁵² на наем писаря и канцелярские товары – 525 руб.; содержание помещения степной думы – 40; освещение тюремных помещений, ремонт их – 60; жалование «оспенным ученикам» – 60.

⁵⁴⁸ Прутченко С. Сибирские окраины...

⁵⁴⁹ Там же.

⁵⁵⁰ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126, § 142.

⁵⁵¹ ГАИО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 6. Л. 58-61.

⁵⁵² Там же. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1. Л. 18-18об.

Механика раскладки сборов на внутренние повинности у русского и коренного населения была идентичной. Раскладка сборов или освобождение от них происходили на сугланах (мирских сходах). В 1812 г. жители Киренско-Хандинской инородной управы «учинили приговор в том»⁵⁵³, чтобы в будущем, 1813 г. «на разные мирские предметы как-то: на содержание писаря, канцелярские товары, бумагу и... на прогоны и прочие внутренние надобности» собрать по 1 рублю, всего 418 руб.⁵⁵⁴

Налоги на внутренние повинности у податного населения Сибири были наиболее подвижной частью платежей, так как увеличение одних видов обложения приводило к увеличению других. Не только по округам, но и внутри самих округов обнаруживается значительная разница в размерах внутренних повинностей. У оседлых жителей Красноярского округа Енисейской губернии в 1841 г. мирские платежи составляли одну копейку с души, а у кочующих «инородцев» Канского – 26 коп.⁵⁵⁵. В Ачинском округе у кизильцев они исчислялись в 13 коп., у милетских татар – 34 коп.⁵⁵⁶ Наиболее значительная разница (в 74 коп.) обнаруживается у племен Минусинского округа, где минимальные платежи составляли 13 коп. с души⁵⁵⁷.

Подобная пестрота, наблюдаемая и по остальным губерниям, объясняется различной численностью населения и другими местными условиями. Следует указать, что приводимые цифры показывают только узаконенные сборы и неточно отражают размеры внутренних повинностей, которые увеличивались незаконными поборами «родовой аристократии».

В итоге отметим, что в первой половине XIX в. подати и повинности коренного населения Сибири обнаруживают тенденцию к сближению с податным обложением

⁵⁵³ ГАИО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 113.

⁵⁵⁴ Там же.

⁵⁵⁵ ЦГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 539. Л. 104.

⁵⁵⁶ Там же. Л. 105.

⁵⁵⁷ Там же.

русского крестьянского населения. Как и русские крестьяне, коренные жители платили подушную подать, участвовали в отправлении земских повинностей, несли расходы на внутреннее самоуправление. В совокупном обложении аборигенов не менее 50 % приходилось на долю местных и личных обязанностей (табл. 2).

Таблица 2

**Совокупное обложение аборигенов Верхнеудинского
и Иркутского округов в 30-е гг. XIX в. (руб.)**

Вид обложения	Округ	
	Верхнеудинский	Иркутский
Общие губернские повинности	163 933	155 804
Ясачная подать (по окладу 1763 г.)	25 139	26 114
Подушная подать	16 480	16 850
Внутренние расходы	15 717	23 014

Примечание: таблица составлена по данным РГИА.

Аналогичное положение отмечается и у русских поселян⁵⁵⁸. Вследствие малолюдности населения Сибири, дороговизны денег процесс замены личных обязанностей денежными совершался медленно. Поэтому положения «Устава о сухопутных сообщениях» не были претворены в жизнь.

До 60-х гг. XVIII в. практически единственной формой податного обложения народов Сибири был ясак. Изменения в хозяйственном строе, рост оседлости и сближение с русским населением дали правительству возможность явочным порядком распространять на аборигенное население и другие виды податных обязанностей. Однако наиболее характерной формой податного обложения народов Сибири был ясак.

⁵⁵⁸ См.: Кузнецов А.С. Крестьянство Восточной Сибири... С. 13.

2. Ясачная политика в 60-е годы XVIII – начале XIX века

С момента присоединения Сибири к русскому государству коренное население края было обложено ясачком, который обычно состоял из пушнины. Однако сбор подати с «ясачных иноземцев» вплоть до середины XVIII в. никак не регламентировался и фактически был пущен на произвол местных властей. Подобная практика сбора ясака порождала не только массу вопиющих злоупотреблений, но и приводила к хищническому истреблению пушных богатств края. В целях упорядочения ясачного сбора в Сибирь в 1763 г. была направлена специальная комиссия под председательством лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майора Щербачева. Эта комиссия провела перепись «ясачным иноверцам» и обложила их новой податью. По данным комиссии, в Восточной Сибири числилось 90 519 душ иноверцев мужского пола. Сумму положенного на них ясака комиссия определила в 122 075 руб.⁵⁵⁹ В Западной Сибири комиссия насчитала 19 591 душу коренного жителя. Ясачный оклад с них составлял 19 169 руб.⁵⁶⁰ «Оклад сей был основан тогда на следующих главных принципах...: 1) по числу людей, способных к работам и промыслам; 2) по обилию занимаемых мест в отношении к разным родам промышленности и 3) по согласию родоначальников»⁵⁶¹. Коренное население получило право платить подать «мягкой рухлядью» или эквивалентно деньгами, или тем и другим вместе. В «первые годы... сбор ясака рухлядью производился весьма успешно и в Кабинет был доставляем в знатном количестве и превосходной доброты»⁵⁶². Однако с течением времени эта система сбора ясака перестала оправдывать себя. Эволюция хозяйства коренного населения приводит к изменению образа жизни. Возрастает

⁵⁵⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1039. Л. 569об.

⁵⁶⁰ ПСЗ-2. Т. 10. Отд. 1. № 7917.

⁵⁶¹ Там же. Т. 2. № 1611.

⁵⁶² РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 51. Л. 226-227.

степень оседлости, развиваются новые виды хозяйственной деятельности, такие, например, как земледелие. В силу этих причин «иные роды» оставили «совсем или большею частию» прежние их промыслы (охоту, рыболовство. — Л.Д.) и «приняли другие». Изменилась и численность отдельных родов. В одних «от разных причин» число «работников»⁵⁶³ уменьшилось, в других — наоборот возросло⁵⁶⁴. Твердые приемочные цены на пушнину, установленные комиссией, «вышли из всякого сравнения с ценами текущими»⁵⁶⁵. Плательщики ясака «легко разочли, что, платя определенным родом зверя, они вносили бы вдвое и втрое, а почему и начали вносить сперва заменой, а потом уже с умножением торговли деньгами»⁵⁶⁶. Все эти причины привели к тому, что «платимая... сибирскими коренными и бродячими инородцами подать; (ясак) по окладу 1763 г. с каждого рода сделалась для всех родов вообще не уравниательною, а для некоторых к взносу невозможною»⁵⁶⁷.

В рассматриваемый период обостряется наметившееся еще в первой половине XVIII в. одно из основных противоречий ясачной политики царизма: разрешение правительства в целях обеспечения более полных сборов уплачивать ясак деньгами, с одной стороны, и стремление к максимальному сбору ясака пушшиной — с другой⁵⁶⁸. В целях приспособления старого государственного аппарата к новой обстановке самодержавие было вынуждено провести ряд мероприятий, одним из которых была ревизия 1819 г. Следствием ревизии явился ряд законоположений, в том числе «Устав об управлении инородцев», утвержденный в июле 1822 г.⁵⁶⁹ Подавляющее большинство коренных жителей Сибири вело кочевой или полукочевой

⁵⁶³ К «работникам» относились лица мужского пола в возрасте от 18 до 50 лет.

⁵⁶⁴ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 51. Л. 226-227.

⁵⁶⁵ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 266. Л. 5.

⁵⁶⁶ Там же.

⁵⁶⁷ Там же. Д. 5. Л. 266-267.

⁵⁶⁸ См.: Залкинд Е.М. Ясачная политика царизма в Бурятии... С. 237.

⁵⁶⁹ Дамешек Л.М. «Устав об управлении инородцев» М.М. Сперанского и Г.С. Батенькова. В кн.: Памяти декабристов. Иркутск, 1975. С. 21-46.

образ жизни, а наименьшую по численности категорию составляли «оседлые инородцы». Именным указом от 21 июня 1827 г. они освобождались от всех «ясачных и других сборов, коим они подлежали по разным постановлениям до сего Устава»⁵⁷⁰, а с «оставшихся в роде кочевых и бродячих» следовало «взимать впредь до переобложения их то, что за сим исключением следовать будет»⁵⁷¹. Этим же указом предписывалось: «подати, платимые сибирскими инородцами на основании правил о тех сословиях, в кои они вступили, отсылать в казенные палаты для перечисления в государственный доход, но из них сумму, причитающуюся в оброчную подать... передать, так и впредь ежегодно передавать в ...Кабинет взамен прежнего ясака». Передачу эту следовало произвести «со времени поступления сих инородцев в оседлые податные сословия»⁵⁷². Приведенный документ, как нам представляется, достаточно четко фиксирует разницу между финансовыми интересами Кабинета – главного финансового органа коронной фамилии – и государственного казначейства и отражает споры между казной и Кабинетом за право пользования рентой с народов Сибири. Впервые противоположность финансовых интересов казны и Кабинета подметил Е.М. Залкинд. Г.П. Жидков развил эту точку зрения, хотя и указал, что определение ясака как «личного дохода дома Романовых» является неверным⁵⁷³. Нам думается, что и Кабинет, и казна имели свои собственные финансовые интересы и в Сибири, в частности, как совладельцы местных земель. Что же касается ясака, то замечание Г.П. Жидкова более обоснованно. Ясачная рента являлась собственностью коронной фамилии, а не всего «дома Романовых», как это полагают некоторые исследователи. У правительства вопрос о принадлежности ясачной подати не вызывал никаких сомнений – оно рассматривало ее как собственность Кабинета. До 1763

⁵⁷⁰ ПСЗ-2. Т. 2. № 1197.

⁵⁷¹ Там же.

⁵⁷² Там же.

⁵⁷³ Жидков Г.П. Кабинетское землевладение... С. 84.

г. собираемая в Сибири пушнина поступала в Сибирский приказ, «от коего по разбору высоких цен отсылалась в Кабинет»⁵⁷⁴. С упразднением в 1763 г. Сибирского приказа «мягкая рухлядь» стала поступать непосредственно в Кабинет. В 1782 г. последовал именной указ Екатерины II «Об оставлении собираемой в Сибири мягкой рухляди и всего ясачного сбора с 1763 г. в ведомстве Кабинета по-прежнему»⁵⁷⁵.

Второй Сибирский комитет в «Проекте общего и подробного плана всех работ, предстоящих комитету по устройству Сибири», рассматриваемом осенью 1852 г., также указал на принадлежность ясачного сбора императорскому Кабинету⁵⁷⁶. Принадлежность ясака коронной фамилии подтверждается и фактическим материалом.

В 1832 г. Сибирский комитет обратился в департамент государственного казначейства с просьбой дать ему сведения, «сколько именно ежегодно передавалось доселе из государственного казначейства в Кабинет е.и.в. на основании высочайшего указа от 21 июня 1827 г. оброчной подати, платимой сибирскими оседлыми инородцами»⁵⁷⁷. На это министр финансов ответил, что «ему совершенно неизвестно, какое количество передавалось в Кабинет... ибо подати сии, хотя и поступают в уездные казначейства Сибирских губерний, но согласно... указа... причисляются прямо к прочим суммам, принадлежащим Кабинету е.и.в., с коим сибирские казенные палаты ведут счет, отдельно от доходов государственного казначейства»⁵⁷⁸.

По получении этого ответа Сибирскому комитету ничего не оставалось делать, как обратиться с запросом непосредственно в Кабинет. Отвечая на запрос, управляющий Кабинетом отправил соответствующую ведомость и объяснительную записку к ней, в которой излагались основные принципы податного, в том числе и ясачно-

⁵⁷⁴ ПСЗ-1. Т. 21. № 15564.

⁵⁷⁵ Там же.

⁵⁷⁶ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп., 1852. Д. 135. Л. 51-52. В6 ЦГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 276. Л. 54.

⁵⁷⁷ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 276. Л. 54.

⁵⁷⁸ Там же. Л. 55.

го, обложения коренных народов Сибири. По данным Кабинета, сибирские казенные палаты в главное финансовое ведомство коронной фамилии перечислили с 1827 по 1831 г. 272 848 руб., а именно: 1827 г. – 71 465 руб., 1828 – 89 014, 1829 – 38 895, 1830 – 40 765, 1831 – 32 709⁵⁷⁹.

Таким образом, Кабинет хотя и передавал «оседлых инородцев» в ведение государства, фактически оставался их владельцем и эксплуататором.

В этой связи необходимо отметить, что в Сибирском комитете в сентябре – октябре 1832 г. рассматривался вопрос о передаче Кабинетом в государственное казначейство 44-копеечной подушной подати, платимой сибирскими кочевыми и бродячими «инородцами» в общей массе ясака. Министерство финансов настаивало на передаче этих сумм в государственное казначейство, указывая при этом, что новый оклад (1835 г.) выше прежнего. А поскольку «переобложение (коренных жителей. – Л.Д.) предпринято не для умножения доходов в Кабинет, но для уравнения податей разных улусов»⁵⁸⁰, то разница в ясачных окладах должна поступать в государственное казначейство. Кабинет, напротив, при помощи математических выкладок стремился доказать, что за вычетом требуемой Министерством финансов суммы из общего количества сборов остается столь незначительное количество ясака, при этом в основном денежного, что «выгода против прежнего ясака мнимая»⁵⁸¹. В этом споре Сибирский комитет занял более обоснованную позицию, указав на неправомерность требований Кабинета и постановив 44-копеечную подушную подать «ежегодно передавать из Кабинета в казначейство или иным образом возмещать сему последнему по соглашениям между их управлениями»⁵⁸².

Сбор и уплата ясачной подати должны были производиться на основании особого положения, составление которого предполагалось осуществить одновременно с

⁵⁷⁹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 276. Л. 58-69

⁵⁸⁰ Там же. Л. 77об.

⁵⁸¹ Там же. Л. 58-59.

⁵⁸² ПСЗ-2. Т. 7. № 5720.

введением в действие «Устава об управлении инородцев». Однако такое положение не было составлено, поэтому после разделения коренных жителей на разряды при определении размеров ясачной подати возникли трудности.

К осени 1824 г. администрация Восточной Сибири закончила сбор сведений о коренном населении Нижнеудинского и Нерчинского округов и разделение их на разряды. В записке для Сибирского комитета Главное управление сообщало, что, как оказалось, «ясачных остается столь малое число», что «если прежний ясак сложить на последних, отягощены они были бы до невозможности... а об освобождении их от обложения в Уставе ничего не говорится»⁵⁸³. Поэтому генерал-губернатор А.С. Лавинский решил обложить ясаком всех коренных жителей, в том числе и записанных в категорию оседлых, а потом сделать «действительный с ними расчет»⁵⁸⁴.

По мере введения Устава 1822 г. подобные запросы все чаще поступали в Сибирский комитет из различных мест Сибири. Члены Сибирского комитета были вынуждены обратиться за разъяснениями к управляющему Кабинетом, который в конечном итоге предложил следующее: 1) оседлых инородцев, зачисленных в разряд государственных крестьян, обложить свойственными этому сословию податями и повинностями, но отчислять их не в государственное казначейство, а в Кабинет; 2) «прочих инородцев... оставить при платеже ясака, произвести повсеместно новую раскладку его, но не по душам, а по родам... посредством особой комиссии, направленной на место»⁵⁸⁵; 3) поскольку основным занятием этой категории коренных жителей являлось звероловство и они не могли получать деньги без улова и продажи зверя, «то прием денег вместо зверей тех шкур вовсе запретить»⁵⁸⁶; 4) дабы не стеснять аборигенов, «позволить заменять одних зверей другими по табели

⁵⁸³ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 274. Л. 1-18.

⁵⁸⁴ Там же.

⁵⁸⁵ Там же. Л. 24об.

⁵⁸⁶ Там же.

оценок, в Кабинете... составленной»⁵⁸⁷; 5) «недоимки от них не взыскивать деньгами, но непременно звериными шкурами, отлагать взыскание, если нужно будет, до следующего года»⁵⁸⁸.

Для уяснения значения этих предложений отметим следующее. Число коренных жителей, причисленных в оседлые, составляло 28 874 души. Крестьянский оклад с них составлял 317 000 руб.⁵⁸⁹, что значительно превышало размеры ясачной подати по окладу 1763 г. Поэтому предложение отчислять в Кабинет вместо прежнего ясака вновь положенные подати несомненно отвечало интересам последнего.

Предложение о сборе ясака мехами также отражало интересы Кабинета, поскольку он как главное финансовое ведомство коронной фамилии постоянно испытывал потребность в дорогостоящих сортах пушнины. Что же касается идеи относительно раскладки ясака не по душам, а по родам, то следует отметить, что мысль эта была не нова. При таком способе раскладки общая сумма подати оставалась неизменной от одной ревизии до другой. В случае уменьшения числа плательщиков производилась дополнительная внутриродовая раскладка, но общая сумма ясака оставалась неизменной. Такая практика уходит своими корнями еще в XVIII столетие. При помощи подобных методов царизм стремился застраховать себя от возможных убытков.

Однако не все пункты этих предложений отвечали реально существующему порядку вещей. При рассмотрении их Сибирский комитет отметил, что в предложениях Кабинета совершенно не упоминаются кочевые «иностранцы», составляющие основное большинство коренного населения, а предложение о сборе ясака одними мехами находится в явном противоречии с «Уставом об управлении иностранцев». Вместе с тем Сибирский комитет согласился с предложением о необходимости послать в Сибирь особую комиссию для податного переобложе-

⁵⁸⁷ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 274.

⁵⁸⁸ Там же.

⁵⁸⁹ Там же. Л. 24об, 80.

ния кочевых и бродячих коренных жителей. Министру финансов поручалось составить проект инструкции для этой комиссии, в котором следовало учесть: 1) инструкцию 1763 г.; 2) Устав 1822 г.; 3) мнение управляющего Кабинетом; 4) прочие сведения и соображения⁵⁹⁰. Составленный на основе этих документов проект инструкции следовало передать в Сибирский комитет для «соображения с сибирским учреждением вообще»⁵⁹¹.

Ознакомившись с предложением управляющего Кабинетом, министр финансов Е.Ф. Канкрин в специальном отношении в Сибирский комитет отметил, что, без сомнения, Кабинет имеет право получить «вознаграждение за убытки», понесенные от зачисления части «ясачных народов» в другое сословие (в данном случае Е.Ф. Канкрин имел в виду зачисление так называемых оседлых инородцев в категорию государственных крестьян и освобождение их от уплаты ясака. — Л.Д.). «Но так как Кабинету был придан один ясак, а не сами инородцы, то излишество нынешнего дохода есть принадлежность государственного казначейства»⁵⁹², а не Кабинета, указывал министр. Взимать же вместе ясак и подать Е.Ф. Канкрин считал «несправедливым». Точно так же он считал невозможным сбор ясака одними мехами, так как опасался различных затруднений, могущих возникнуть «как по случаю неулова зверя, так и потому, чтобы не затруднять Кабинет множеством малостоящих мехов»⁵⁹³. В остальном же министр финансов согласился с предложениями управляющего Кабинетом.

Высочайшим рескриптом на имя министра императорского двора А.Б. Куракина от 21 июня 1827 г. было велено в целях упорядочения сбора ясака с кочевых и бродячих жителей «на основах Устава 1822 г. обложить их податью вновь, учредив для сего две комиссии: одну в Западной, а другую в Восточной Сибири»⁵⁹⁴.

⁵⁹⁰ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 274. Л. 25.

⁵⁹¹ Там же.

⁵⁹² Там же. Л. 78.

⁵⁹³ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 274. Л. 78об.

⁵⁹⁴ ПСЗ-2. Т. 2. № 1199.

3. Реализация «Устава об управлении инородцев» и вторая ясачная комиссия

Отправка в Сибирь второй ясачной комиссии явилась следствием реализации «Устава об управлении инородцев». Это было одно из наиболее важных мероприятий правительства по развитию и «улучшению» ясачного сбора в Сибири в XIX в.

27 ноября 1827 г. Сибирский комитет утвердил «Общее наставление комиссиям Западной и Восточной Сибири о составлении для кочевых и бродячих инородцев окладных ясачных книг»⁵⁹⁵. Это «наставление» было «высочайше» утверждено 13 декабря 1827 г. Оно включало в себя свыше 60 пунктов, в соответствии с которыми должны были действовать комиссии. Содержание наставления учитывало специфику этой части сибирского населения. Наставление определяло цели и задачи комиссий, их состав, порядок действия и подчинения и т. д.

В состав каждой комиссии входило по два чиновника министерства императорского двора и один – от министерства финансов. Комиссия подчинялась Главному управлению той части Сибири, в которой находилась.

Главной задачей комиссий являлось «обложение новой податью кочевых и бродячих инородцев...»⁵⁹⁶. Наряду с этим комиссии должны были «удостовериться» в правильности разделения коренных жителей на разряды, выяснить причину недоимок, принять от аборигенов просьбы и жалобы и по возможности разрешить их.

В предварительном порядке члены западной комиссии собирались в Тобольске, а восточной – в Иркутске. Здесь Главные управления снабжали их всеми необходимыми сведениями и составлялся «подробный план ее (комиссии. – Л.Д.) разъездов». В Восточной Сибири в план не включался Охотский край, Камчатка и районы, населенные чукчами. Переобложение Охотского края и Камчатки из-за отдаленности этих мест предполагалось поручить

⁵⁹⁵ ПСЗ-2. Т. 2. № 1611.

⁵⁹⁶ Там же.

не комиссии, а местному чиновничеству. Иначе обстояло дело с чукчами. Царским указом они причислялись к народам, «не совершенно еще вступившим в подданство»⁵⁹⁷, а потому действия ясачной комиссии на них не распространялись. Попутно заметим, что царское правительство всегда проявляло определенную осторожность по отношению к «иностранцам», живущим на окраинах империи и не втянувшимся еще в систему общегосударственных отношений. Будь то чукчи, хоринские буряты или другие «окраинные иностранцы», своей политикой царизм стремился привлечь их к себе, для чего нередко шел на некоторые уступки в налоговой политике, в вопросах вероисповедания и др.⁵⁹⁸ Данный пример указывает на то, что в первой половине XIX в. при рассмотрении проблем, имевших жизненно важное значение для царизма и дворянства, правительство нередко находило оптимальное решение с точки зрения своего класса.

По прибытии в род или улус комиссия «в присутствии члена иностранной управы... в присутствии родового их управления и в присутствии разных почетных и лучших родовичей»⁵⁹⁹ извещает о цели своего прибытия, а затем переходит к сбору необходимых сведений. При определении размеров ясачной подати комиссии следовало «принять во внимание: 1) пространство и обилие земли в отношении к земледелию, скотоводству и звероловству... 2) удобство торговли и путей ее; 3) число работников; 4) объяснения и согласие родового управления»⁶⁰⁰. Сравнив все это с окладом 1763 г., комиссии следовало определить, «какое количество подати может быть вносимо самим родом без отягощения»⁶⁰¹. Как и по окладу 1763 г., разрешалось вносить ясак «определенным родом зверя», деньгами или тем и другим вместе. Назначенная

⁵⁹⁷ ПСЗ-2. Т. 2. № 1199. Подробнее см.: Окунь С.Б. Очерки по истории колониальной политики...

⁵⁹⁸ Герасимова К.М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX в. Улан-Удэ, 1957. 160 с.

⁵⁹⁹ ПСЗ-2. Т. 2. № 1611.

⁶⁰⁰ Там же.

⁶⁰¹ Там же.

таким образом подать вносилась в проект окладной книги «со всею подробностью и с оценкою звериных шкур на деньги»⁶⁰². До утверждения этого проекта сбор подати осуществлялся по окладу 1763 г. «Наставление» сохраняло за «иностранческими» старшинами права, дарованные им указом от 21 июня 1763 г. «на ежегодные от правительства награды за исправный платеж ясака»⁶⁰³. Члены комиссий обязывались «обходиться с иностранцами со всею ласковостью»⁶⁰⁴, внимательно выслушивать их просьбы и жалобы и «вообще» показывать в «своих действиях доброхотство и благоприятство»⁶⁰⁵. Кроме того, ясачная комиссия Восточной Сибири получила от генерал-губернатора «дополнительное наставление», определяющее ее действие в Якутии⁶⁰⁶.

В августе 1827 г. министр императорского двора сообщил Е. Канкрину, что по рекомендации начальника Колыванских горных заводов в состав ясачной комиссии Западной Сибири назначены чиновники Сибиряков и Тузовский⁶⁰⁷. Председателем комиссии первоначально был утвержден чиновник министерства финансов надворный советник Здор, под началом которого комиссия и открывала свои заседания в марте 1828 г.⁶⁰⁸ Однако вскоре вместо Здора в состав комиссии был назначен коллежский асессор Аргамаков, который 4 января 1829 г. прибыл в Обдорск и «вступил в права и обязанности по званию председателя комиссии»⁶⁰⁹.

Решением Совета Главного управления Западной Сибири ежегодные расходы на содержание комиссии определялись в 15 724 руб. «Во уважение трудностей, сопряженных с сею командировкою, и в поощрение к ревностному выполнению сделанного поручения» реше-

⁶⁰² ПСЗ-2. Т. 2. № 1611.

⁶⁰³ Там же.

⁶⁰⁴ Там же.

⁶⁰⁵ Там же.

⁶⁰⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1039. Л. 239-245.

⁶⁰⁷ Там же. Л. 78.

⁶⁰⁸ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С. 257.

⁶⁰⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1039. Л. 388об.

нием Кабинета членам комиссии было назначено двойное окладное жалование»: Сибирякову – 785 руб., Тузовскому – 534 руб. в год⁶¹⁰.

В соответствии с решением Главного управления Западной Сибири комиссия начала свои разъезды с территории Тобольской губернии. К лету 1830 г. переобложение ясакom коренных жителей этого края было закончено, и комиссия в сентябре того же года начала свою работу в Томской губернии⁶¹¹. Здесь, как и в соседней Тобольской губернии, в основу составления отчетов и определения размеров ясачных окладов были положены материалы двоякого рода. Сведения о числе душ, пространстве и качестве земли комиссия брала со слов самих «инородцев». Сведения о размере податей и повинностей были представлены губернскими казенными палатами и чинами земской полиции⁶¹². При анализе этих материалов следует учитывать, что некоторые сведения, особенно данные о народонаселении, не всегда точны. Это признавали и сами члены ясачной комиссии. Поэтому приводимый цифровой материал следует рассматривать не как абсолютно точный, а лишь приблизительный, отражающий основные тенденции в развитии ясачного обложения. Итоги деятельности ясачной комиссии в Западной Сибири представлены в табл. 3. Произведя необходимые расчеты, увидим, что за период, прошедший со времени действия первой ясачной комиссии, число ясачных плательщиков увеличилось в 1,4 раза, а ясачная подать по новому окладу в три раза превышала оклад 1763 г. Темпы роста ясачного обложения в два с лишним раза опережали темпы роста численности налогоплательщиков.

⁶¹⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1039. Л. 183 об.

⁶¹¹ Там же. Д. 1041. Л. 6-8 об.

⁶¹² РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1041. Л. 14, 16.

Таблица 3.

**Сравнительный прирост числа налогоплательщиков
(душ м. п. - 1) и увеличения ясака (руб. - 2)
по округам Западной Сибири**

Округ	По переписи 1763 г.		По данным коммиссии 1835 г.		Прирост	
	1	2	1	2	1	2
Тобольский	2003	2660	2095	5369	92	2709
Туринский	1505	973	1582	5007	77	4034
Березовский	8303	6876	10 993	20 212	1790	13 336
Бийский	1335	2041	2438	10 660	1103	8619
Томский	5471	4703	5330	12 909	-141	7496
Кузнецкий	-	1912	2606	5900	-	3294

Примечания: 1) сокращение численности ясачных плательщиков в Томском округе объясняется перечислением значительного числа коренных жителей в разряд оседлых «инородцев»; 2) таблица составлена по данным: РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1043. Л. 40об., 46, 363об., 369, 372, 152, 156, 157об.; Д. 1042. Л. 10об., 16об., 407об., 415, 417; Д. 1041. Л. 26, 32об.

Для того, чтобы определить значение вновь положенного ясачного оклада, необходимо произвести сопоставление реальных доходов коренных жителей с величиной ясачной ренты. Результаты этого сопоставления по губерниям Западной Сибири представлены в табл. 4.

Таблица 4.

Округ	Доход, руб.			Размер ясака руб.	Норма эксплутации %
	Минимальный	Максимальный	Среднее		
Кузнецкий	38 000	71 000	54 000	5936	11,0
Томский	80 000	14 9000	115 000	12 209	10,6
Бийский	63 000	125 000	94 000	10 660	11,6
Березовский	84 000	134 000	109 000	20 212	18,5
Тобольский	18 169	40 873	29 521	5369	18,1
Туринский	20 000	30 000	15 000	5007	20,0
Среднее по Западной Сибири					15,0

Таким образом, можно заключить, что по завершении реформы реальное значение ясачной подати по округам Западной Сибири составляло примерно 15 % или от 10 до 20 % по каждому из округов, в которых проживали кочевые и бродячие аборигены. Наши подсчеты примерно совпадают с данными Н.А. Миненко, которая считает, что вторая ясачная комиссия привела податное обложение аборигенов в большее соответствие с доходами и платежеспособностью коренных жителей. Основание для такого вывода исследователь справедливо видит в отмене «различных других сборов» и «более справедливой оценке принимаемой в ясак пушнины»⁶¹³. Следует однако отметить, что этот вывод сделан автором на основе изучения действий второй ясачной комиссии в северных округах Западной Сибири, где проживали преимущественно так называемые «бродячие инородцы», платившие по Уставу 1822 г. один ясак и составлявшие в численном отношении абсолютное меньшинство коренного населения Сибири в целом. По сведениям министерства государственных имуществ, в рассматриваемый период численность коренного населения Сибири по категориям распределялась следующим образом (табл. 5).

Таблица 5.

**Распределение коренного населения
(мужчин – 1, женщин – 2) Сибири по разрядам**

Регион	Оседлые		Кочевые		Бродячие	
	1	2	1	2	1	2
Восточная Сибирь	8650	6265	97 143	93 869	6066	5589
Западная Сибирь	28 345	25 929	19 146	13 995	11 400	9603
Итого	36 995	32 194	116 289	107 864	17 466	15 192

Решением Кабинета от 3 января 1828 г. в ясачную комиссию Восточной Сибири были назначены чиновники нерчинских заводов маркшейдер Таскин и гиттен-

⁶¹³ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С. 259.

фервалтер Комаров. Впоследствии в связи с занятостью Комарова вместо него в комиссию был откомандирован обер-гиттенфервалтер Злобин. Это, казалось бы, незначительное обстоятельство наложило определенный отпечаток на весь ход работы комиссии. Как Таскин, так и Злобин были людьми грамотными, хорошо знающими Сибирь и ее нужды. Материалы переписи показывают, что они отнеслись к порученному делу добросовестно и с несомненным энтузиазмом. Полной противоположностью им являлся третий член комиссии – чиновник министерства финансов коллежский ассессор А. Пятницкий (впоследствии в 1839–1848 гг. он был гражданским губернатором Иркутской губернии). Чиновник недалекий, но самолюбивый и эгоистичный, свою деятельность в комиссии он рассматривал как один из этапов служебной карьеры. Меткую характеристику дал ему В.И. Вагин в воспоминаниях «Сороковые годы в Иркутске»: «Брюнет, невысокого роста, толстый, брюхатый с обрюзглым и даже глуповатым лицом, вульгарными манерами, он скорее походил на мелкого лавочника, чем на губернатора. О степени образования его может дать понятие следующий анекдот. Раз на парадном приеме в праздничный день он разговаривал с городским головой о постройке какого-то моста. Голова доказывал трудность постройки. «Пустьяки, возразил Пятницкий, – англичане в Лондоне под Сеной выстроили дорогу». Возвышению своему он был обязан родству с сенатором Жмакиным, на дочери которого он был женат. Губернией он управлял кое-как, но как старожил знал ее хорошо, и особенно хорошо знал, где в ней раки зимуют. Начальники отделений имели у него большую силу. При всей своей ограниченности он обладал огромным самомнением. Он сочинял разные «предположения в виде проектов», над которыми очень потешались в Главном управлении»⁶¹⁴.

Предполагая занять пост председателя комиссии как старший по чину, Пятницкий был крайне раздражен

⁶¹⁴ Вагин В.И. Сороковые годы в Иркутске. Б. м., б. г. С. 260.

тем, что это место занял Злобин, заменивший Комарова. Поэтому его деятельность в комиссии началась с кляуз, в которых он обливал грязью не только своих коллег, но и самого генерал-губернатора. В секретном рапорте на имя министра финансов от 22 июня 1828 г. Пятницкий писал, что, по его мнению, чиновник Комаров был специально заменен Злобиным, дабы именно последний, а не он, Пятницкий, занял место председателя комиссии. Далее Пятницкий доносил, что по вине местного начальства «комиссия действия открыла весьма поздно после данного ей о сем предписания...» «Я не нахожу того содействия в местном Главном управлении, — пишет А. Пятницкий, — которое... местное главное начальство должно оказывать комиссии по данной оному власти»⁶¹⁵. В заключение рапорта Пятницкий выражает опасения в том, что после выезда комиссии из Иркутска Главное управление забудет о ее существовании.

В письме министру императорского двора от 17 октября 1828 г. Пятницкий указывает, что чиновник Злобин в делах комиссии мало разбирается, как председатель со своими обязанностями справляется плохо. А между тем он, А. Пятницкий, произведен сенатом в чин надворного советника и в соответствии с инструкцией должен занять место председателя комиссии как старший по чину. В письме он просит «о изъявлении согласия на утверждение» его «непременным председателем дотоле, пока она существовать будет, или пока» он будет «оного достоин»⁶¹⁶.

Министр императорского двора отправил это письмо министру финансов, который и утвердил А. Пятницкого в звании председателя комиссии. Получив это извещение, Пятницкий сделал соответствующее представление Злобину и генерал-губернатору Лавинскому. Однако Злобин отказался сдать дела, заявив, что в звании председателя он утвержден Главным управлением, а

⁶¹⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1039. Л. 268.

⁶¹⁶ Там же. Л. 359 об.

Лавинский не только не удовлетворил просьбу Пятницкого, но, желая видеть во главе комиссии «своего» человека, сделал представление министру императорского двора о производстве Злобина в следующий чин. Однако не только его ходатайство не было удовлетворено, но ему в довольно резкой форме было указано, что он обязан выполнять правительственные инструкции и положения, а не своевольничать. Дело это кончилось тем, что в отношении на имя министра императорского двора от 25 октября 1830 г. Лавинский сообщил, что чиновник Злобин из состава комиссии выведен, вместо него назначен шихтмейстер 13 класса Рик, а Пятницкий утвержден в звании председателя комиссии⁶¹⁷.

Комиссия Восточной Сибири открыла свои действия 12 июня 1828 г. Главное управление определило срок ее работы в девять лет. В Иркутской губернии комиссия должна разъезжать шесть лет, в Енисейской – три года. Однако комиссия завершила свою работу гораздо раньше. Переобложение ясаком коренного населения Иркутской губернии было закончено уже к апрелю 1832 г., а Енисейской – к июлю 1833 г.

По отзыву комиссии, успешной ее работе способствовали «пособия, оказанные ей местными начальствами» и «усердие ее членов», которые «со стороны своей» приложили «все возможные усилия на скорейшее исполнение возложенных на нее обязательств»⁶¹⁸.

Комиссия «езде встречала инородцев на своих местах и в назначенное для того время, скоро и удовлетворительно получала сведения, бывшие ей потребными, и нигде не встречала остановок в своих разъездах, несмотря на все трудности и неудобства пути, который должно было ей совершить большею частию по местам пустым и ненаселенным»⁶¹⁹.

Определенную трудность организационного порядка перед отправлением комиссий в Сибирь представлял во-

⁶¹⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1039. Л. 359–459.

⁶¹⁸ Там же. Д. 1044. Л. 677 об.

⁶¹⁹ Там же.

прос разграничения между ними территорий, т. е. округов, в которых должны были действовать комиссии. При этом правительство исходило из того, что объем работ в Восточной Сибири гораздо больше, нежели в Западной Сибири. Поэтому первоначально было решено в целях уравнивания объема занятий поручить переобложение коренных жителей части округов Енисейской губернии комиссии Западной Сибири. Пятницкий вообще предлагал ревизию Енисейской губернии полностью поручить комиссии Западной Сибири. Однако в ходе работ оказалось, что комиссия Западной Сибири по ряду причин не может закончить работу не только к весне 1833 г., но даже и к 1835 г. (на самом деле, как мы уже знаем, это отчасти удалось сделать), а по отзыву генерал-губернатора Лавинского, в Восточной Сибири комиссия работала успешно. Поэтому Сибирский комитет решил «возложить на Восточную комиссию переобложение инородцев всей Енисейской губернии»⁶²⁰.

После завершения работ обе комиссии представили в Главное управление проекты «окладных книг» и табели раскладки ясака. Там они были одобрены, а затем поступили на рассмотрение министерств императорского двора и финансов. Последние не нашли препятствий к утверждению вновь положенных окладов, и результаты действия комиссий были представлены на «всемиловистейшее благоусмотрение»⁶²¹. 3 марта 1835 г. последовал именной указ «О вновь положенных на кочевых и бродячих инородцев окладах звериными шкурами и деньгами»⁶²². В соответствии с ранее изданным положением, начиная с 1 января 1835 г. сбор ясачной подати с кочевых и бродячих жителей Сибири должен был производиться на началах, утвержденных данным указом.

Для уяснения реального значения и особенностей вновь положенных на аборигенов окладов необходимо сравнить их с прежним обложением (табл. 6).

⁶²⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1039. Л. 485-485 об.

⁶²¹ ПСЗ-2. Т. 2. № 7919.

⁶²² Там же.

Таблица 6.

Размер натурального ясака, шт.

Вид пушнины	1763 г.	1835 г.
Соболь	5232	2165
Лиса	12 220	451
Песец	25	2496
Горностая	604	4348
Белка	16 997	547 351

Примечание: из приведенных данных видно, что оклад 1763 г. состоял преимущественно из ценных пород пушнины (соболь, лисица), в окладе 1835 г. преобладали «маловажные» меха. Хотя в количественном отношении новый оклад намного превышал прежний (64 195 единиц против 35 078), разница в пересчете на деньги составляла 13 307 руб.

Оклад 1763 г. исчислялся в 52 100 руб., а оклад 1835 г. – в 65 407 руб. Разницу эту можно признать незначительной, если учесть, что в 1763 г. всех «иностранцев», платящих ясак, насчитывалось 90 114, а в 1835 г. комиссия обнаружила одних только кочевых и бродячих 192 012 душ мужского пола.

Однако подобное сравнение денежной подати дает иные результаты: оклад 1763 г. – 69 975 руб., 1835 г. – 385 721 руб.⁶²³ В данном случае налицо довольно значительное увеличение подати, новый денежный оклад более чем в пять раз превышал прежний. Общая сумма ясака исчислялась в 122 075 руб. по окладу 1763 г. и в 451 128 руб. по окладу 1835 г.⁶²⁴ Разница составляла около 330 000 руб. Естественно, возникает вопрос, чем объяснить столь значительное увеличение суммы ясачной подати. Если предположить, что основанием для такого возвышения оклада послужил прирост коренного населения, то мы не получим правильного ответа на вопрос. Анализ результатов деятельности ясачной комиссии Западной Сибири, проведенный ранее, убедительно доказывает это. Рассмотрим с аналогичных позиций деятель-

⁶²³ ПСЗ-2. Т. 2. № 7919.

⁶²⁴ Там же.

ность комиссии в Восточной Сибири – основном центре сбора ясака (табл. 7).

Таблица 7.

**Сравнительный прирост населения
(душ м. п. – 1) и увеличения ясака (руб. – 2)
по округам Иркутской губернии**

Округ	По переписи 1763 г.		По данным комиссии 1835 г.		Прирост по сравнению с 1763 г.	
	1	2	1	2	1	2
Верхнеудинский	26142	25139	41971	114535	15289	89404
Иркутский	18607	26114	43402	132290	24795	106176
Нерчинский	1875	6571	6282	11536	4407	4785
ВСЕГО	47078	58793	92595	263090	45517	204297

Примечание: таблица составлена по данным: РГИА. Ф. 1264. Д. 276. Л. 139-160.

Произведя необходимые расчеты, увидим, что ясачная подать с жителей губернии увеличилась в 4,47 раза, а численность населения – только в 1,96 раза. Сравнивая эти результаты с подсчетами, сделанными на основе изучения деятельности ясачной комиссии в Западной Сибири, можно обнаружить лишь некоторые цифровые расхождения. Увеличение ясачной подати в обеих частях Сибири прослеживается достаточно четко. Для окончательного выяснения причин увеличения и реального значения вновь положенных окладов обратимся к другим материалам.

В соответствии с принципами Устава 1822 г. инструкция членам комиссий требовала при определении величины ясака учитывать не только количество налогоплательщиков, но и уровень развития хозяйства в том или ином роде, улусе. Имеющиеся в отчетах комиссий сведения о количестве и качестве обрабатываемой земли, о соотношении земледелия, звероловства и скотоводства, о развитии торговли позволяют заключить, что именно

успехи коренного населения в хозяйстве, рост благосостояния коренного населения явились основанием для столь значительного увеличения ясака. Члены комиссии Восточной Сибири в своем отчете прямо указывали, что «настоящее состояние инородцев и прочие местные их выгоды, исчисленные и принятые комиссиею по каждому роду порознь, дали ей возможность довести новую подать до такого значительного увеличения»⁶²⁵.

В связи с тем, что уровень хозяйственного развития отдельных племен был неодинаков, серьезно колебалась величина и подушного обложения. Так, в Нижнеудинском округе аборигены платили по 6 руб. 79 коп. с души, а Верхнеудинском – только по 2 руб. 72 коп. Кочевые племена Нерчинского округа платили по 1 руб. 82 коп. Колебания в размере подушного обложения наблюдаются не только по округам, но и внутри самих округов и даже отдельных ведомств. Жители родов Сайгутского, Куркутского и Чеченовского Китойского ведомства Иркутского округа платили соответственно по 7 руб., 6 руб. и по 3 руб. 50 коп. с души⁶²⁶.

Значительные колебания размеров подушного ясачного обложения наблюдаются и у коренных жителей Западной Сибири. Так, в Тобольском округе одноименной губернии жители Меньше-Юкондинской волости платили по 3 руб. с души, а население Назимовской и Верхне-Демьянской волостей – по 7 руб.⁶²⁷ У кочевых жителей Бийского округа Томской губернии размеры ясачных окладов, положенных второй ясачной комиссией, колебались от 3 до 5 руб. на каждую окладную душу⁶²⁸.

При определении величины ясака комиссии в соответствии с инструкцией стремились заручиться добровольным согласием аборигенов на принятие того или иного оклада. Они «нигде» не определяли новой подати, «не получив на принятие оной собственного доброволь-

⁶²⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1045. Л. 326об.

⁶²⁶ Там же. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 276. Л. 278, 144об, 173об, 158об.

⁶²⁷ Там же. Д. 1043. Л. 48об.

⁶²⁸ Там же. Д. 1042. Л. 417об.

ного согласия инородцев»⁶²⁹. Это обстоятельство дало возможность предполагать, что, несмотря на значительное увеличение подати, она «будет для них (коренных жителей – Л. Д.) вовсе не обременительна»⁶³⁰.

Однако принцип добровольности на практике соблюдался далеко не всегда. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют заключить, что как в Западной, так и Восточной Сибири коренные жители давали согласие на принятие ясака «по наклонению самой комиссии», а подчас новая подать назначалась без всякого с их стороны согласия. Так, во время работы комиссии в Иркутском округе (июль 1830 – апрель 1831 гг.) «восемь родов не согласились принять... определенного на них количества ясака»⁶³¹. В Балаганском ведомстве три рода: первый и второй Икинитские и Онгоев согласились принять ясак на каждого работника из расчета: первые два – по 5 руб. 65 коп., а третий – по 5 руб. 60 коп. Комиссия же на каждого работника положила по 6 руб.⁶³² В Аларском ведомстве Ширанутский и восьмой Ходохорский роды изъявили согласие платить по 5 руб. и 4,5 руб. с работника соответственно. Однако комиссия, указав, что они имеют хорошие земли и «выгоды от сбыта своих произведений», положила по 7 руб. на работника⁶³³. Три рода Китойского ведомства – Сайгутский, Куркутский и Чеченовский – наотрез отказались платить положенный на них ясак, считая, что он слишком обременителен для них. В окладной книге жителей Сайгутского рода имеется следующая запись: «1830 г. ноября 14 дня, нижеподписавшиеся инородцы Иркутского округа Китойского ведомства Сайгутского рода при совещании с нами комиссии Восточной Сибири... относительно обложения нашего рода новою ясачною податью объявили, что не находим себя в состоянии более принять сей по-

⁶²⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1045. Л. 326–326об.

⁶³⁰ Там же.

⁶³¹ Там же. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 276. Л. 157об.

⁶³² РГИА. Ф. 1264. Д. 276. Л. 157об.

⁶³³ Там же. Л. 158.

дати, как по два рубля семидесяти пяти копеек на каждого работника по причине «недостатка у нас сенокосных и выгонных мест»⁶³⁴. Комиссия нашла это объяснение «не сообразным», ибо они (жители этих родов – Л. Д.) «имеют значительное хлебопашество и отсюда выгоды» и обложила Сайгутский род по 7 руб., а Куркутский и Чеченовский соответственно по 6 и 3 руб. на работника⁶³⁵.

Весомость вновь положенных окладов лучше всего показывает рассмотрение процентного соотношения суммы ясака с общим доходом «инородцев». Выяснение этого соотношения по округам Западной Сибири показало, что там размер ясака колебался от 10 до 20 %, составляя в среднем примерно 15 % от совокупного дохода хозяйств коренных жителей. Рассмотрим это соотношение на материалах Восточной Сибири (табл. 8).

В большинстве округов ясак был положен одними деньгами, в некоторых, например, Ачинском, Киренском, Енисейском – одним зверем. Именно в этих последних округах процентное отношение ясака к доходам аборигенов было гораздо ниже, чем на остальной территории Восточной Сибири. Если в целом по региону оно составляло около 38 %, то в названных округах лишь 18 % от величины годового дохода. Столь значительная разница объясняется тем, что коренное население этих округов было охотниками-промысловиками. Уровень развития хозяйства у них был низким, товарность его очень мала и едва покрывала собственные потребности коренных жителей. Назначение высокого оклада привело бы не только к росту недоимки, но и к разорению налогоплательщиков. Степень эксплуатации бродячих аборигенов возрастала еще и оттого, что на практике меха принимались в ясак гораздо ниже их реальной стоимости.

⁶³⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1051. Л. 230.

⁶³⁵ Там же. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 276. Л. 158об.

Таблица 8.

**Соотношение доходов коренного населения и ясака
по округам Восточной Сибири, руб.**

Округ	Максималь- ный доход	Минимальный доход	Среднее	Величина ясака	Соотношение %
Канский	5496	6250	4073,0	874	21
Верхнеудинский	359177	225792	292434,0	114545	39
Иркутский	416946	293105	355025,0	134290	38
Нерчинский	27785	15972	21878,0	11356	52
Минусинский	91299	59730	74514,5	28763	38
Ачинский	15729	9380	12554,5	6598	52
Нижнеудинский	13845	11179	12512,0	1440	11
Киренский	34285	20236	27260,5	4899	18
Енисейский	92512	49495	71226,5	18935	26

Примечание. Таблица составлена по данным: ЦГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 276. Л. 127-128, 134-134об., 142-144, 154-156, 172-173, 238-239, 245-246; Ф. 468. Оп. 9. Д. 1044. Л. 4-4об., 195об.

В среднем сумма ясачной подати по округам Иркутской и Енисейской губерний составляла третью часть денежного дохода аборигенов. При таком размере ясачной подати взимание ее не могло быть успешным. Накапливались недоимки. В качестве примера можно привести Иркутский округ, где через пять лет после взимания ясака по новому окладу недоимки составляли 20 322 руб. (ясак) и 19 761 руб. (повинности)⁶³⁶. Еще С. Шашков, рассматривая деятельность ясачной комиссии в Западной Сибири, пришел к выводу, что «главную причину накопления недоимки была крайняя несоразмерность налогов со степенью инородческого благосостояния»⁶³⁷. Однако если в Западной Сибири размеры ясачного обложения составляли примерно 15 % от совокупных доходов коренных жителей, то в Восточной Сибири размеры ясачного об-

⁶³⁶ РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 536. Л. 297-308.

⁶³⁷ Шашков С. Сибирские инородцы в XIX столетии. С. 282.

ложения были выше более чем в два раза (33 %). Если учесть, что коренные жители участвовали в исполнении земских повинностей и ряда других податных сборов, которые намного превышали размеры ясачных платежей, то станет очевидным, что главной причиной накопления недоимок являлось несоответствие податного обложения уровню платежеспособности коренных жителей.

В итоге отметим, что главные задачи, поставленные правительством перед комиссиями, были выполнены. Комиссии провели переобложение ясаком коренных жителей Сибири, проверили правильность разделения аборигенов на разряды, рассмотрели их просьбы и жалобы.

Однако в целом по Сибири действия ясачных комиссий не принесли желанных правительству результатов. Не оправдались, например, надежды на увеличение поступления в ясак цепных сортов пушнины. В «высочайше утвержденной» записке министра и императорского двора от 15 октября 1842 г. отмечается, что «с самого окончания действий ясачных комиссий в Кабинет не было ни разу выслано более третьей части того количества соболей и дорогих лисиц, какое комиссиями положено»⁶³⁸. Постоянно растет денежная недоимка.

а. Предложения о ясачном сборе 40–50-х годов XIX века. Попытки пересмотра Устава 1822 г.

Фискальная политика царизма в Сибири в 40–50-е гг. XIX в., как и в предшествующий период, строилась в соответствии с потребностями феодального государства и императорского Кабинета. Основную цель ее правительство видело в обеспечении максимальных денежных платежей и в увеличении поступления в ясак пушнины.

При анализе ясачной политики необходимо учитывать те кризисные явления, которые довольно отчетливо обнаружили в этот период в экономике феодаль-

⁶³⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 898. Л. 106.

ного государства и оказывали определенное влияние на внутреннюю и внешнюю политику царизма.

В первой трети XIX в. правительству не удалось решить проблему бездоимочного сбора ясака. В конце 30-х гг. XIX в. Кабинет вынужден был признать, что «ясачный сбор, собираемый с инородцев, населяющих Сибирь... от одного года к другому значительно уменьшается. Через действия посылаемых в Восточную и Западную Сибирь комиссий не только не умножился доход, но и не обеспечен Кабинет в бездоимочном получении положенного на инородцев умеренного ясака»⁶³⁹. Особенно велики были недоимки в Восточной Сибири, где ясак составлял примерно 33 % от размеров совокупного дохода «инородческих» хозяйств. По данным Сибирского комитета, за 1850-1851 гг. сумма ясачной и оброчной недоимки исчислялась в следующих цифрах: Иркутский округ – 43 119, Верхнеудинский – 41 000, Нижнеудинский – 1692, Нерчинский – 18 978, Киренский – 1567, Енисейский – 10 024, Минусинский – 7876, Ачинский – 2527, Канский – 308, Красноярский – 287 руб.⁶⁴⁰

Рост недоимки отмечается и у коренных жителей Западной Сибири. Так, например, с березовских аборигенов Тобольской губернии в период с 1835 по 1839 г. следовало собрать ясака на сумму 79 535 руб. Однако реальные сборы составили всего лишь 42 386 руб. (примерно 53,3 % плановых сборов)⁶⁴¹.

Из табл. 9 видно, что в Восточной Сибири сбор ясака натурой составлял десятую часть совокупных ясачных платежей. Значительная пестрота в размере ясачных платежей по отдельным годам объясняется различными обстоятельствами: холодными снежными зимами, затрудняющими передвижение охотников по тайге в поисках зверя, лесными пожарами и другими местными причинами.

⁶³⁹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 111. «Ведомость о числе душ податных инородцев Восточной Сибири по данным казенных палат за 1850-1851 гг».

⁶⁴⁰ Там же. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897. Л. 1.

⁶⁴¹ Подсчитано по кн.: Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С. 261.

Таблица 9.

**Удельный вес натуральных ясачных поступлений
в Восточной Сибири в 1835–1845 гг.**

Год	Иркутская губерния			Енисейская губерния		
	Сбор яса- ка (сере- бром)	В т. ч. натурой	%	Сбор яса- ка (серебром)	В т. ч. натурой	%
1835	90027	4073	5	11585	1133	10
1836	116675	11 204	10	13505	331	2
1837	97522	79 617	8	14215	1374	10
1838	140083	8 262	6	14687	959	7
1839	114977	105 446	9	14627	973	7
1840	111274	12 479	11	14254	549	4
1841	117013	10 621	9	14970	1045	7
1842	110984	11920	И	13792	316	2
1843	115349	13 474	12	13081	1079	8
1844	110005	16 053	15	11720	1996	17
1845	135881	19421	14	13674	3177	23
Среднее по губернии			10			9
Среднее по Восточной Си- бири			9,5			

Примечание: таблица составлена по данным: РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 896. Л. 21-21об., 61-64.

Увеличение удельного веса пушнины в ясаке в 1843–1845 гг. не следует отнести за счет временного ограничения свободной торговли с аборигенами и запрещения принимать в ясак деньги вместо окладного зверя⁶⁴², последовавших вследствие именного указа от 4 ноября 1843 г. по предложению сенатора-ревизора И.Н. Толстого. Однако это были разовые явления, не отражающие общей тенденции в развитии ясачного сбора.

Сокращение натуральных ясачных платежей было явлением, характерным для всей Сибири, а отнюдь не для восточной ее части. В 30-40-е гг. прошлого столетия отмечается неуклонное сокращение натуральных ясачных платежей в Березовских волостях Тобольской губер-

⁶⁴² ПСЗ-2. Т. 18. № 17292.

нии – основном центре сбора ясака натурой в Западной Сибири. В 1835 г. там было собрано пушнины на сумму в 14 262 руб. вместо 15 907, положенных второй ясачной комиссией. В следующем, 1836 г., сбор ясака натурой сократился до 12 723 руб. В 1837 г. ясак пушниной был собран на сумму 5970, 1838 – 5839, 1839 – 3492⁶⁴³. Проведя необходимые расчеты, увидим, что среднегодовой сбор ясака за пятилетие составлял примерно 53 % предполагаемых поступлений. Между тем отметим, что сибирская пушнина всегда составляла важную часть доходов императорского Кабинета, поэтому сокращение поступления ясачных платежей вызывало озабоченность этого главного финансового органа коронной фамилии. Кабинет стремился изыскать пути и средства для бездоимочного сбора ясака, особенно пушниной.

Для ясачной политики правительства 40-50-х гг. XIX в. характерны попытки отказаться от некоторых положений Устава 1822 г. в области торговли, налогового обложения и др. Под сомнение ставилась даже правильность тех правительственных мероприятий, которые проводились в начале XIX в. Конкретно это выразилось в следующем.

В марте 1839 г. члену Кабинета статскому советнику Н. Всеволожскому было поручено составить предложения «к улучшению благосостояния инородцев и к увеличению, без отягощения их, доходов его величества»⁶⁴⁴. Вскоре эти предложения были разработаны и поступили на рассмотрение вице-президента Кабинета князя П.П. Гагарина.

Предложения Всеволожского включают в себя довольно подробную историческую справку о ясачном сборе. Автор подверг резкой критике действия первой ясачной комиссии (1763 г.). «Последствия действий Щербачева, – указывает автор предложений, – не представляют никаких данностей улучшения»⁶⁴⁵. Главная ошибка Щер-

⁶⁴³ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С. 261.

⁶⁴⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897. Л. 1об.

⁶⁴⁵ Там же. Л. 73-74.

бачева, по мнению Всеволожского, заключалась том, что он ввел подушный способ обложения «иностранцев», вместо того, чтобы взять за основание сбор целыми улусами»⁶⁴⁶. Поводом «к уменьшению доходов Кабинета» послужило разрешение сдавать ясак деньгами в случае неулова зверя. Всеволожский считал, что «последствия распоряжений Щербачева» были «настолько тягостными», что «оказались вредными и в начале нынешнего столетия»⁶⁴⁷. С открытием Российско-американской компании «платеж ясака натурою вовсе прекратился или получались шкуры самой низкой доброты»⁶⁴⁸.

Всеволожский критикует и нововведения М.М. Сперанского. Он пишет: «Изданный в 1822 г. Устав об иностранцах... не постановил никаких положительных мер к приведению в устройство первоначальной и доселе главной отрасли промышленности того края»⁶⁴⁹. (Под главной отраслью он подразумевает пушной промысел). Однако собственные предложения Всеволожского по улучшению сбора ясака не отличались глубиной постановки вопроса. Для предотвращения утечки мехов на сторону он предлагает точно определять количество добываемой пушнины, для чего рекомендуется ввести должность комиссаров, которые должны были заниматься клеймением шкур. Контроль за деятельностью комиссаров предлагалось поручить специальным ясачным конторам, которые следовало учредить «в главных местах или центрах промыслов ясачных»⁶⁵⁰. Количество добываемой пушнины предлагалось делить на три части. Первая предоставлялась «звероловам в их пользу». Вторая должна была идти на уплату государственных и местных повинностей. Третья часть, по замыслу Всеволожского, «должна поступать в чистый доход Кабинет, как «оброк

⁶⁴⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897. Л. 73-74.

⁶⁴⁷ Там же. Л. 75-75 об.

⁶⁴⁸ Там же.

⁶⁴⁹ Там же. Л. 76.

⁶⁵⁰ Там же. Л. 76.

за пользование землями и угодиями, ему (Кабинету. – Л. Д.) принадлежащими»⁶⁵¹.

Анализируя указанный проект, нетрудно убедиться, что он не отличался оригинальностью суждений и не мог удовлетворить Кабинет. В проекте Всеволожского важно другое: земли, населенные ясачными, он рассматривает как личную собственность императорской фамилии, а ясак – как оброк, который аборигены должны платить владельцу за пользование землей. К этому вопросу, имеющему принципиально важное значение для характеристики взаимоотношений народов края и Кабинета, мы еще вернемся.

Как уже указывалось, проект Всеволожского не удовлетворил правительство, поэтому министр императорского двора князь П.М. Волконский разработал собственные предложения по улучшению ясачного сбора, которые в феврале 1840 г. были отосланы на отзыв генерал-губернаторам Западной и Восточной Сибири. Приступая к разработке проекта, Волконский вынужден был признать, что «ясак, платимый сибирскими инородцами... с каждым годом видимо ослабевает. Ни количеством, ни качеством мехов далеко не соответствует он ожиданиям правительства»⁶⁵². Для исправления этого положения Волконский предлагает: 1) запретить свободную торговлю с аборигенами, оставляя купцам право торговать только на ярмарках, «но не прежде, как по взносу инородцами ясака; 2) запретить взнос ясака деньгами вместо окладного зверя; в случае же неулова зверей, считать ясак в недоимке, но деньгами не принимать»⁶⁵³; 3) привести приемные цены на пушнину в соответствие с рыночными; 4) поощрять родоначальников за исправный взнос ясака деньгами и «подвергать суду их, если при достаточном улове дознана будет утайка оного или продажа в недозволенных местах»⁶⁵⁴.

⁶⁵¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897. Л. 93.

⁶⁵² Там же. Л. 18.

⁶⁵³ Там же. Л. 18–20.

⁶⁵⁴ Там же.

Эти предложения подробно рассматривались в совете Главного управления Восточной Сибири. При этом Енисейский гражданский губернатор Копылов согласился с Волконским, указав, что уменьшение ясака пушнинной «происходит не от чего другого, как от дарованного инородцам по Уставу об них... дозволения вносить ясак деньгами». Пушнину они выгодно продают «в частные руки, ясак выплачивают вырученными деньгами...»⁶⁵⁵

В 1837–1840 гг. в Енисейской губернии денежный ясак составил 153 076, а ясак пушниной – 11 673 руб.⁶⁵⁶

Иркутский губернатор также считал, что главная причина упадка ясака пушниной – свободная торговля с инородцами и предлагал «сделать воспрещение всем вообще торговцам не токмо преследовать инородцев в местах лова зверей, но даже производить торговлю на ярмарках и сугланах прежде того, как внесен будет инородцами ясак»⁶⁵⁷.

В то же время он высказался против предложения не принимать в ясак деньги вместо пушнины при «неулове зверя», а ясак считать в недоимке, ибо, по его мнению, это воспрещение было бы для аборигенов «стеснительно», а «недоимка за инородцами будет каждым годом увеличиваться и никогда не уменьшится»⁶⁵⁸. Иначе смотрели на идею запретительной торговли в Западной Сибири. Березовский исправник, которому Тобольский губернатор поручил высказать свое мнение по предполагаемой реформе, считал, что денежный сбор ясака удобнее для коренных жителей, нежели натуральные платежи. В условиях упадка пушного промысла и сокращения ясачных поступлений натурой развитие свободной торговли, по мысли исправника, должно было способствовать накоплению у аборигенов денег и тем самым служить гарантией отсутствия недоимок по ясачным платежам. Руководствуясь этими соображениями,

⁶⁵⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897. Л. 93.

⁶⁵⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897. Л. 25.

⁶⁵⁷ Там же. Л. 26 об.

⁶⁵⁸ Там же. Л. 31.

Тобольский губернский совет высказался против проектируемого Кабинетом ограничения свободной торговли, отметив при этом, что осуществление этой идеи на практике находилось бы в явном противоречии не только с потребностями коренных жителей, но и с законодательством⁶⁵⁹.

Однако мнение западно-сибирской администрации не было принято во внимание центральными властями. Основанием для такого решения послужил тот факт, что Восточная Сибирь по количеству и качеству ясака намного превосходила Западную. Поэтому в 40-е гг. XIX в. правительство своего рода «лакмусовой бумажкой» ясачной политики избрало именно Восточную Сибирь, предполагая в случае удачи экспериментов распространить их на западную часть Сибири.

Бывший генерал-губернатор Восточной Сибири А.С. Лавинский также сделал замечания на проект Волконского. Соглашаясь с предложением министра о запрещении свободной торговли, Лавинский в то же время высказался против перевода ясака в натуральную форму. Предложение о сближении приемных и рыночных цен на пушнину он считал справедливым, но предлагал «не допускать никакого ограничения в недоимке и даже не допускать такой пагубной мысли, что недоимка существовать может»⁶⁶⁰. Награды родоначальникам за исправный взнос ясака Лавинский предлагал давать пореже, дабы они «в глазах инородцев не потеряли своей цены»⁶⁶¹.

Вице-президент Кабинета князь Гагарин одной из «главных и действительных причин ежегодного уменьшения вноса ясака и накопления значительных недоимок» считал «добровольное согласие инородцев» на принятие того или иного оклада. По его мнению, «при такой свободе... данной инородцам», не нужно было по-

⁶⁵⁹ См.: Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С. 260-261.

⁶⁶⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897. Л. 66-69.

⁶⁶¹ Там же.

сылать ясачные комиссии, ибо они не могли достичь успеха⁶⁶².

Предложения Волконского и других чиновников рассматривались Кабинетом в конце июля 1841 г. В итоге обсуждения Кабинет постановил: 1) возобновить прежний закон о запрещении свободной торговли с аборигенами, торговлю разрешать только на ярмарках и сугланах, но не раньше взноса коренными жителями ясака; 2) за нарушение правил торговли товар подлежал конфискации; 3) уравнивать приемные и рыночные цены на пушнину; 4) решительно воспретить взнос ясака деньгами вместо шкур окладного зверя.

В то же время Кабинет признал, что «если за приведением в исполнение предлагаемых мер... не будет наблюдения со стороны Кабинета, то все эти меры не могут принести ожидаемой пользы»⁶⁶³. В силу указанных опасений Кабинет счел совершенно необходимым «в Восточную Сибирь назначить от Кабинета е.и.в. управляющего сбором ясака и двух его помощников»⁶⁶⁴. Чиновники эти должны были подчиняться только генерал-губернатору, назначение и увольнение их от должности зависело от министра императорского двора. В обязанности управляющего сбором ясака входили сбор сведений о хозяйстве аборигенов как основе их платежеспособности, посещение ярмарок и сугланов, сбор недоимок и т. д.

Министр финансов согласился с предложениями Кабинета, и в октябре 1841 г. они поступили на рассмотрение Волконского⁶⁶⁵. Однако введение в жизнь этих предложений было задержано до выяснения «всех обстоятельств» ясачного сбора, в частности, до окончания ревизии сенатора Толстого.

Одной из крупных правительственных мер, направленных на увеличение сбора ясака, была отправка в Сибирь сенаторской ревизии во главе с тайным советни-

⁶⁶² РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897. Л. 70-70об.

⁶⁶³ Там же.

⁶⁶⁴ Там же.

⁶⁶⁵ Там же. Л. 204-236.

ком И.Н. Толстым. В октябре 1842 г. Толстому поручалось «обратить... строгое внимание на сбор... ясака звериными шкурами», войти в «разыскание причин, по которым доставляются шкуры не в том количестве и не теми зверями, какими сбор с инородцев положен ясачными комиссиями» и составить предложения «к улучшению сбора ясака шкурами дорогих зверей»⁶⁶⁶. Новая ревизия, по справедливому замечанию сменника, «была вызвана явной запутанностью в делах и слухами о злоупотреблениях», которые «в управление Руперта»⁶⁶⁷ действительно увеличились, потому что и поводов к ним было больше прежнего»⁶⁶⁸. «Злоупотребления всякого рода, взяточничество и казнокрадство свили себе здесь (в Иркутской губернии. – Л.Д.) широкое гнездо. В уездных захолустьях вроде Киренска или Нерчинска, вероятно, было еще хуже», – писал В.И. Вагин⁶⁶⁹.

Об отношении Иркутской администрации к коренным жителям края дает понятие следующий факт: «В Якутск... в 1840 г. доставлен был из казенных магазинов хлеб с песком. Смотритель магазинов отказался принять его. Пошла переписка. Дело дошло до областного правления. Оно нашло, что хлеб действительно с песком, но что якуты по своей грубой натуре (выделено Вагиным. – Л.Д.) без труда могут употреблять его, и хлеб был принят»⁶⁷⁰.

В.И. Вагин в следующих чертах характеризует самого Толстого и членов его комиссии: «Это был пожилой, лет под пятьдесят, но еще довольно бодрый мужчина среднего роста, довольно полный с приятным лицом. Едва ли в умственном отношении его можно было назвать человеком отсталым. Свита приехала с ним большая. Она состояла преимущественно из петербургской золотой молодежи разного возраста. Лучшими дельцами

⁶⁶⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 898. Л. 1-2.

⁶⁶⁷ Генерал-лейтенант Руперт занимал пост генерал-губернатора Восточной Сибири в период с 1837 по 1847 гг.

⁶⁶⁸ Вагин В.И. Сороковые годы в Иркутске... С. 269-270.

⁶⁶⁹ Там же. С. 276.

⁶⁷⁰ Там же. С. 276.

в свите Толстого считались гг. Философов, впоследствии главный военный прокурор, и Славинский, о дальнейшей карьере которого мне ничего неизвестно. Остальная свита Толстого состояла из молодых людей, только что начинавших службу, и, по крайней мере в то время, ничем не примечательных. Было бы излишним приводить их фамилии»⁶⁷¹.

Одним из первых мероприятий Толстого, направленных на увеличение сбора ясака натурой, явилось предложение об ограничении денежного взноса. Ознакомившись с порядком взимания ясачных платежей, Толстой пришел к выводу, что разрешение платить ясак «деньгами или мехом или тем и другим вместе» приняло «неблагоприятную сторону» и повлекло к «неисправности, доказываемой накапливающеюся ясачною недоимкою»⁶⁷². Сенатор указывал, что «местные начальники, пользуясь дозволением получать ясак деньгами, допускают это и при избыточном улове зверя», а пушнину «обращают в собственную выгоду»⁶⁷³. Следует отметить, что замечание это было справедливо только отчасти. Истинные причины сокращения натуральных ясачных платежей были иными. Однако Толстой, считая такое дозволение «корнем зла», предложил «допускать сбор ясака деньгами только в тех случаях, когда по удостоверению на месте окажется затруднение в получении ясака пушным зверем»⁶⁷⁴. Это предложение находилось в явном противоречии с Уставом 1822 г., поэтому для его введения потребовалась высочайшая санкция.

Одновременно Толстой высказался за ограничение свободной торговли с коренными жителями. Он считал «совершенно необходимым поставить в строгую и непременную обязанность, дабы инородцы имели дело с местными торговцами по окончании взноса ясака»⁶⁷⁵.

⁶⁷¹ Вагин В.И. Сороковые годы в Иркутске... С. 271-272.

⁶⁷² РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 902. Л. 1об.

⁶⁷³ Там же.

⁶⁷⁴ Там же. Л. 2.

⁶⁷⁵ Там же. Л. 9-10.

Особое внимание Толстой обращал на Западную Сибирь, где он не мог приступить лично «к распоряжениям по наблюдению за сбором» ясака. В сентябре 1843 г. он обратился к тамошнему генерал-губернатору Горчакову с просьбой «известить инородцев... и в особенности их родоначальников, что высшее начальство желает видеть в них большее усердие в исправном взносе ясака и преимущественно шкурами дорогих зверей, а так же и прежней недоимки»⁶⁷⁶. Толстой требовал от Горчакова не «допускать сбора ясака деньгами, исключая случаи доказанном неулова зверя»⁶⁷⁷.

Охранительные предложения Толстого были утверждены Николаем I в виде опыта на три года, точнее, на время пребывания его в Сибири, но с тем, чтобы впоследствии, если эта мера окажется полезною, то сделать действие ее уже постоянною. Однако введение сбора ясака натурой и мероприятия по ограничению свободной торговли коренных жителей находились в явном противоречии с объективными потребностями развития товарно-денежных отношений у народов Сибири, поэтому они не могли дать желаемых правительству результатов, в лучшем случае могли принести разовый эффект. На это указал, в частности, генерал-губернатор Западной Сибири князь Горчаков, который в сентябре 1843 г. писал министру государственных имуществ Д. Киселеву, что «мера эта принесет пользу только временную»⁶⁷⁸. В ноябре того же года Горчаков вновь обратил внимание министра на то, что нововведения Толстого могут «принести только временную пользу, доколе там (в Сибири. — Л.Д.) будет находиться упомянутый сенатор с предоставленными ему средствами, но с удалением его местное начальство не будет иметь способов... к взиманию ясака натурой»⁶⁷⁹.

⁶⁷⁶ РГИА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 411. Л. 43 об.

⁶⁷⁷ Там же.

⁶⁷⁸ РГИА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 411. Л. 39.

⁶⁷⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 902. Л. 43–44 об.

В запрещении свободной торговли, введенном Толстым, генерал-губернатор видел «мало пользы для Кабинета и много притеснений инородцам»⁶⁸⁰. Чтобы избежать этого и в то же время соблюсти интересы Кабинета, Горчаков предлагал «не возвращаться к... сбору мехов натурою как порядку, отвергнутому уже в целой Европе», а «обеспечить сей доход»⁶⁸¹ приведением в равенство приемных цен на пушнину с рыночными. Эта мера, по мысли Горчакова, должна была предотвратить утечку ценных сортов пушнины на сторону. Генерал-губернатор полагал также возможным разрешить взнос ясачной подати деньгами «в количестве достаточном для безубыточного обеспечения потребностей императорского двора, вольной покупкой мехов на ярмарках»⁶⁸². В заключение генерал-губернатор просил министра способствовать осуществлению его предложений в виде опыта «хотя на три года». Горчаков надеялся, что этот срок будет достаточным для того, чтобы вынести окончательное суждение по вопросу о том, «который из двух способов удобнее предположится»⁶⁸³, — его, т. е. Горчакова, или сенатора Толстого.

Однако министр двора П.М. Волконский предложения Горчакова нашел «несовременными». В декабре 1843 г. он не без раздражения писал П.Д. Киселеву, что, несмотря на неоднократные напоминания сибирским генерал-губернаторам, «делаемые со стороны их распоряжения не могли улучшить ясачного сбора»⁶⁸⁴. Именно эти обстоятельства и вызвали ревизию и экстраординарные меры сенатора Толстого. Министр двора считал невозможным допустить, чтобы «по одному и тому же предмету в сборе ясака» действовали два совершенно противоположных положения, и высказал твердое намерение

⁶⁸⁰ РГИА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 411. Л. 39-40 об.

⁶⁸¹ Там же.

⁶⁸² Там же.

⁶⁸³ Там же.

⁶⁸⁴ Там же. Л. 55-55об.

до возвращения Толстого из Сибири «никаких новых мер не допускать»⁶⁸⁵.

Однако западно-сибирский генерал-губернатор оказался чрезвычайно упорным в стремлении добиться осуществления своего проекта. В июне 1844 г. он без обиняков заявил П.М. Волконскому, что мероприятия сенатора Толстого по ограничению свободной торговли и сбора ясака натурой «были... противны» его личному убеждению⁶⁸⁶.

Между тем в ряде мест Западной Сибири произошли события, которые ясно свидетельствовали о бесплодности надежд правительства на возрождение ясачного сбора мехами и спасительную роль в этом деле запретительной торговли.

Зимой 1844 г. съехавшиеся на обдорскую ярмарку купцы были крайне удивлены распоряжением обдорского отдельного заседателя Зеновьева и Тарского земского суда заседателя Шершеневича о запрещении торговых сделок с аборигенами до окончательной уплаты последними ясака. По собственному признанию упомянутых чиновников, это нововведение, явившееся следствием мероприятий Толстого, могло послужить «причиною весьма сомнительною»⁶⁸⁷ успешного сбора ясака, а купцам грозило одним разорением.

Открытия свободной торговли «по крайней мере, самыми необходимыми вещами, а в особенности съестными припасами»⁶⁸⁸ требовали прибывшие на ярмарку ханты и манси. Опасаясь возвращения раздраженных аборигенов в тайгу, но еще более страшась возможности совершенно не собрать ясак, Шершеневич и Зеновьев вынуждены были разрешить торговлю, предварительно получив у купцов подписку в том, что они «ручаются своим имуществом за полный и своевременный ясак

⁶⁸⁵ РГИА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 411. Л.55-55 об.

⁶⁸⁶ Там же. Л. 70.

⁶⁸⁷ Там же. Л. 73.

⁶⁸⁸ Там же.

этого года в точности по окладным книгам...»⁶⁸⁹. Таким образом, сама жизнь заставляла администрацию отказываться от политики консервации, но все уступки правительства здесь «буквально вырывались временем и обстановкой...»⁶⁹⁰.

В конце концов Горчаков окончательно порвал с Толстым, заявив последнему в марте 1844 г., что «надеясь на то, чтобы в Западной Сибири можно было получить зверя достоинства высокого, дело невозможное и никакие усилия его не доставят, потому что он попадается крайне редко»⁶⁹¹.

Упорное нежелание Горчакова подчиниться распоряжениям сенатора-ревизора вызвало ответную реакцию последнего. В сентябре 1844 г. он пишет пространное письмо министру юстиции Панину, в котором жалуется на то, что «в самом начале уже встретил со стороны... Горчакова уклонение от содействия ему»⁶⁹². По мнению Толстого, «разные опасения и затруднения», обнаруживаемые генерал-губернатором при исполнении требований ревизоров, «неволью обнаруживают слабость собственных распоряжений и недостаток строгости в преследовании существующих во вверенных ему губерниях злоупотреблений»⁶⁹³. Толстой был твердо убежден в том, что законы и требования центрального правительства были безошибочны и превосходны, а вот исполнители на местах – плохи. Толстой не соглашается с Горчаковым, что вследствие отдаленности сибирских губерний и недостатка благонамеренных чиновников в Сибири «всегда будут беспорядки злоупотребления не только в сборе ясака, но и по всем частям правления»⁶⁹⁴. Само по себе это заявление высокопоставленного чиновника очень симптоматично. Оно свидетельствует о полной неспособности царской администрации изжить злоупотре-

⁶⁸⁹ РГИА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 411. Л. 73.

⁶⁹⁰ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С. 262.

⁶⁹¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 411. Л. 84 об.

⁶⁹² РГИА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 411. Л. 91 об-92.

⁶⁹³ Там же.

⁶⁹⁴ Там же.

бления и навести порядок в делах управления Сибирью. Однако это тема особого разговора. Для нас важно подчеркнуть другое – убеждение Толстого, действовавшего по «высочайшему повелению», в правоте своих поступков и возможности путем «внезапных ревизий» и подбора честных чиновников «отстранить беспорядки», которые генерал-губернатору казались неизбежными⁶⁹⁵.

Противоречия, возникшие между сенатором-ревизором и генерал-губернатором, не являлись чисто теоретическим или амбициозным спором. Они отражали отличный подход к проблемам ясачного сбора центральной и местной администрации. Сибирское чиновничество ясно представляло невозможность возрождения сбора ясака натурой. Центральные же власти надеялись путем различных охранительных мероприятий заставить аборигенов платить ясак пушшиной. Общее в этих двух тенденциях ясачной политики заключалось в том, что как центральная, так и местная администрация рассматривали ясачную подать как неотъемлемую, составную часть доходов коронного ведомства. Спор велся лишь о том, в какой форме – денежной или натуральной – Кабинет получит эту подать.

Важно отметить, что впоследствии сам Толстой вынужден был признать «несообразность» его мероприятий с действительным положением вещей. Однако в первоначальный период пребывания в Сибири вопрос о формах и способах сбора ясака сенатор-ревизор сводил по существу к злоупотреблению неблагонамеренных чиновников в отдаленном крае и попечению высшей власти о благе сибирских народов.

Итогом ревизии Толстого в Сибири явилась наряду с другими документами обширная «Записка о действиях ревизии по сбору ясака в Восточной Сибири...», которая представляет несомненный интерес для уяснения сущности ясачной политики царизма в середине XIX в.

«Записка» Толстого о ясаке в общей сложности занимает более 100 страниц. Условно ее можно разделить

⁶⁹⁵ РГИА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 411. Л. 92.

примерно на две равные части: в первой автор изложил свой взгляд на предмет развития ясачного сбора в Сибири, во второй высказал предложения по улучшению ясачного сбора. Для характеристики ясачной политики царизма важны именно эти разделы документа.

Как видно из материалов, готовясь к ревизии, Толстой внимательно изучил предложения министра императорского двора и Кабинета по вопросу сбора ясака натурой, поэтому проект сенатора по сути дела являлся ответом на эти предложения. Особый интерес вызывает мнение сенатора по вопросу о развитии свободной торговли с аборигенами. Как уже указывалось, первоначально Толстой высказался за ограничение этой торговли. Однако по мере изучения хозяйственного быта народов края Толстой пришел к выводу, что «по местному обстоятельству невозможно воспретить свободной торговли по инородческим стойбищам», а попытки вести торговлю «на ярмарках и сугланах только по взносу инородцами ясака» едва ли смогут принести «какую-либо существенную пользу»⁶⁹⁶. Указывая на большое значение свободной торговли, Толстой пишет: «Сношение с купцами так для инородцев необходимо, что они никогда не жалуются даже на кабалу; одно то, что доставляет купец, и обеспечивает их существование. Противное сему ограничение может принести вред неисчислимый»⁶⁹⁷. Признавая в известном смысле правоту Толстого, следует также указать, что необходимость свободной торговли обуславливалась экономическими потребностями развития инородческих племен, хозяйство которых постепенно теряло натуральный обмен и втягивалось в рыночные отношения.

Попытки правительства побудить коренных жителей к взносу ясака натурой строились без учета реальных платежных способностей аборигенов и состояния пушных богатств Сибири. По меткому замечанию Толстого,

⁶⁹⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 909. Л. 57-58 об.

⁶⁹⁷ Там же. Л. 56.

«сбор рухлядью мог быть временным сбором, впоследствии он должен был изменяться»⁶⁹⁸, что и наблюдалось на практике. Причины сокращения ясака сенатор видел в перемене образа жизни инородцев, т. е. в успехах хозяйственного развития, в уменьшении общего количества зверей, в неудобстве всякого сбора натурой. Основным средством к увеличению сбора ясака натурой Толстой считал уравнивание приемных и рыночных цен и даже некоторое искусственное завышение первых, что, по мысли автора проекта, должно было создать заинтересованность инородцев к взносу ясака именно пушниной. В этом случае, по мысли Толстого, у Кабинета появилась бы возможность «получать дорогого зверя из полных рук»⁶⁹⁹.

Относительно денежного сбора ясака Толстой замечает, что улучшить его – это значит «без отягощения для инородцев увеличить, уравнивать с силами налогоплательщиков»⁷⁰⁰ и таким образом предупредить недоимки. Мысль о приведении величины оклада в соответствие с платежеспособностью народов края как средство предупреждения недоимок следует признать вполне здравой, ибо, как уже указывалось, подобное несоответствие явилось одной из основных причин накопления недоимок. Толстой полагал, что с этой точки зрения «введение денежного сбора вместо рухляди следует считать улучшением ясачного сбора», и предлагает впредь «не обкладывать рухлядью, а преимущественно деньгами»⁷⁰¹. Это предложение особенно интересно, если учитывать, что основная цель миссии Толстого в Сибири заключалась в увеличении ясака именно пушниной.

«Ближайшим средством» увеличения денежного сбора Толстой считал «обложение некоторых кочующих инородцев податью наравне с оседлыми»⁷⁰².

⁶⁹⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 909. Л. 69–70 об.

⁶⁹⁹ Там же. Л. 86–86 об.

⁷⁰⁰ Там же. Л. 77–78.

⁷⁰¹ Там же.

⁷⁰² Там же.

Большое внимание сенатор-ревизор уделил сбору недоимок. Толстой выделил основные причины недоимок: общие и частные. К первым он отнес общее увеличение денежных сборов, что было вполне справедливо, и «недостаток закона насчет понуждения инородцев к взносу ясака и прочих сборов»⁷⁰³. Частные причины, по его мнению, обуславливались случайными факторами: стихийными бедствиями, неурожаем и т. д. Толстой, как и М.М. Сперанский, не являлся сторонником выколачивания недоимок путем посылки земских чиновников или воинских команд. Его предложения на этот предмет строились с учетом принадлежности аборигенов к тому или иному разряду.

У кочевников ответственность за недоимки следовало возложить «не на одних старост, как это существовало до сих пор, а на целое общество»⁷⁰⁴. По замыслу Толстого, общество должно было выносить «приговор... о средствах пополнения недоимок»⁷⁰⁵. К таковым мерам относились: 1) раскладка недоимок на состоятельных улусников; 2) продажа части имущества; 3) телесные наказания по приговору общества. Администрация обязывалась «только содействовать и понуждать, но ни под каким видом предпринимать никаких мер»⁷⁰⁶. Относительно бродячих Толстой предлагает следующие меры: настоятельное убеждение, задержание старосты или его родственника, задержание части пушнины, предназначенной для продажи.

Обращает на себя внимание предложение Толстого об организации новой переписи аборигенов. Анализируя результаты действий всех предшествующих ревизий, особенно методику их работы, Толстой пришел к выводу о том, что ревизии не дали полной и достаточно ясной картины хозяйственного развития народов края. Поэтому при сборе ясака, величина которого основывалась на

⁷⁰³ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 909. Л. 80 об., 81.

⁷⁰⁴ Там же.

⁷⁰⁵ Там же.

⁷⁰⁶ Там же.

данных ревизии, возникали трудности. Вследствие этого Толстой предложил «заменить эту систему учреждением постоянного хозяйственного управления со стороны Кабинета»⁷⁰⁷, а саму раскладку ясака производить не по числу душ или работников, а «на целые роды по способам и согласию каждого»⁷⁰⁸.

Предложения об улучшении «хозяйственного управления», его состав и функции были идентичны постановлению Кабинета о введении должности управляющего сбором ясака. Они получили практическое разрешение в марте 1859 г., когда последовал соответствующий именной указ⁷⁰⁹.

Проект Толстого явился предметом тщательного изучения правительства, реализация его началась в конце 50-х – начале 60-х гг. Что же касается ясачной политики правительства в 40-50-е гг. прошлого столетия, то она, как и в предшествующий период, строилась в соответствии с нуждами и потребностями Кабинета. В то же время правительство было вынуждено учитывать те изменения, которые происходили в социально-экономическом развитии народов Сибири, что находило определенное отражение в ясачной политике царизма.

⁷⁰⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 909. Л. 80 об., 81.

⁷⁰⁸ Там же.

⁷⁰⁹ ПСЗ-2. Т. 34. Отд. 1. № 34250.

ГЛАВА VI

Ясачная политика империи во второй половине XIX – начале XX в.

1. Налоги и повинности народов Сибири

Выяснение характера налогов и повинностей народов Сибири имеет важное значение для выяснения взаимоотношений нерусских народностей с государством, для понимания положения этих народов в составе Российской империи. В Сибири отсутствовало дворянское землевладение, но роль последнего в феодальную эпоху выполняли казна и Кабинет⁷¹⁰. В XVII – первой половине XIX в. система повинностей народов Сибири по юридической форме и социально-экономическому содержанию носила феодальный характер. Двойственный характер сибирского землепользования сохранялся и в конце XIX в., со-владельцами сибирских земель по-прежнему выступали казна и Кабинет⁷¹¹, однако под влиянием развивающихся капиталистических отношений социально-экономическое содержание повинностей аборигенов менялось. Выяснение этого вопроса, являющегося важнейшей частью марксистского исследования, необходимо еще и потому, что современные буржуазные исследователи истории народов Сибири совершенно игнорируют его, рассматривая народы Сибири как единое бесклассовое образование⁷¹². Такой подход сводится в конечном итоге не только к идеализации политики царизма в отношении аборигенов⁷¹³, но и к

⁷¹⁰ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. С. 197.

⁷¹¹ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири... С. 250.

⁷¹² Connolly V. Yakutsk. P. 81-91.

⁷¹³ Armstrong T. Russian settlement in the north. P. 117

отрицанию социально-экономических предпосылок социалистической революции в Сибири⁷¹⁴.

До 60-х гг. XVIII в. эксплуатация коренных жителей Сибири осуществлялась преимущественно в виде сбора ясака пушшиной. По мере развития хозяйства, усиления товарно-денежных отношений и роста торговли создавались предпосылки для коммутации ясака и замены натуральной ренты денежной. Эта тенденция отражала объективные потребности развития аборигенов, в хозяйстве которых наблюдается постепенное, но неуклонное падение удельного веса охоты и пушного промысла. Изменения в хозяйственном строе, рост оседлости и сближение с русским населением дали правительству возможность в конце XVIII – первой половине XIX в. явочным порядком распространить на аборигенное население и другие виды податных обязанностей. Втягивание народностей Сибири в систему общерусских государственных и хозяйственных связей сопровождалось усилением налогового гнета этих народов, получившего законодательное оформление в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. Основные положения этого законодательного акта царизма были систематизированы и откорректированы правительством в соответствии с общим направлением политического курса по отношению к народам Сибири во второй половине XIX – начале XX в., что нашло отражение в «Законах о состоянии», «Положении об инородцах», «Уставе о прямых налогах», «Уставе о земских повинностях» и др.

В соответствии со ст. 762 «Закона о состояниях» народы Сибири причислялись к сословной категории «сибирских инородцев»⁷¹⁵, права и обязанности которой определялись «Положением об инородцах»⁷¹⁶. Это положение по форме подати и повинности коренного населения подразделяло на денежные и натуральные. По назначению тогдашней

⁷¹⁴ Baikalov A.V. The conquest and colonisation of Siberia. P. 571.

⁷¹⁵ Свод законов. Т. IX. Изд. 1899 г. и по продл. 1912 г. Законы о состоянии. О состоянии инородцев. Ст. 762, 763.

⁷¹⁶ Свод законов. Т. II. Изд. 1892 г. и по продл. 1912 г. Положение об инородцах. О сибирских инородцах.

административно-финансовой практикой подати и повинности аборигенов делились на следующие: 1) «подать, яском именуемую и поступающую в Кабинет е.и.в.; 2) земские повинности; 3) повинности внутренние на содержание степного управления»⁷¹⁷. Однако классификация эта нуждается в определенных оговорках, так как не точно отражает особенности податной системы, порожденной различным сословно-правовым положением трех групп коренного населения – оседлых, кочевых и бродячих.

В соответствии с законодательством «все, вообще, оседлые инородцы» должны были «сравниваться с россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступают». Следовательно, перевод в категорию оседлых для аборигенов сопровождался значительным расширением и увеличением круга и размера податных обязанностей. Как и русские крестьяне, они платили подушную и оброчную подати, сборы на межевой и пожарный капитал, отбывали губернские, волостные, в том числе и натуральные, земские повинности и др. На практике единственным существенным отличием этой категории аборигенов от русского крестьянства являлось освобождение от воинской повинности.

Иначе обстояло дело с кочевыми «инородцами». В «Положении об инородцах» 1892 г., как и в уставе 1822 г., подчеркивалось, что они «составляют особенное сословие в равной степени с крестьянским, но отличное от оногo в образе управления»⁷¹⁸. Однако, в отличие от устава, Положение 1892 г. не содержало оговорки о нераспространении на кочевников-скотоводов без специального предписания «новых общих по государству налогов»⁷¹⁹. Так на практике осуществлялся один из лозунгов националистической теории К.Х. Бунге о том, что не следует ломать сложившийся строй жизни «инородцев» без пользы для всего государства. Польза же государства,

⁷¹⁷ Свод законов. Т. II. Изд. 1892 г. и по продл. 1912 г. Положение об инородцах. О сибирских инородцах. Ст. 196.

⁷¹⁸ Там же. Ст. 26.

⁷¹⁹ ПСЗ-I. Т. 38. № 29126. § 300.

по мысли Бунге, требовала скорейшей и всеобъемлющей ассимиляции нерусского населения с «коренными жителями страны», т. е. с русскими⁷²⁰. Как видим, идея приравнивания аборигенов Сибири к русскому населению пронизывала и податную политику царизма. Подтверждением этому является ст. 29 Положения, в которой говорилось, что «кочующие инородцы участвуют в общих по губернии повинностях». Эта же статья содержание степного управления относила к «внутренним повинностям кочующих».

«Устав о земских повинностях» 1899 г. конкретизировал эти положения. Прежде всего уточнялось, что земские повинности следует отбывать «или посредством денежных сборов по нарядам и очередям или по иному установленному для того порядку». Следовательно, земские повинности кочевых инородцев, как и оседлых, подразделялись на денежные и натуральные. В новом уставе подчеркивалось, что «натуральные земские повинности отправляются в каждой губернии (или области) собственными ее средствами и всем ее населением». От исполнения этих повинностей избавлялись только «лица, освобожденные от них по прямому указанию закона»⁷²¹. В Сибири под это положение попадали бродячие «инородцы», которые еще в 1822 г. были освобождены от участия в такого рода повинностях⁷²².

Как подданные государства, кочевые «инородцы» должны были уплачивать соответствующие налоги на содержание государственного аппарата. Таким налогом являлся 44-копеечный подушный сбор, который платили кочевые и бродячие аборигены Сибири в общей массе ясака. Этот сбор состоял из 26-копеечного сбора «на содержание полковых и подъемных лошадей» и 18-копеечного сбора «на присутственные места». Эти податные сборы были введены указами 18 декабря 1797 г. и 27 но-

⁷²⁰ Библиотека РГИА. Печатные записки. Л. 4. Л. 17, 18.

⁷²¹ Свод законов. Т. IV. Изд. 1899 г. и по продл. 1912 г. Устав о земских повинностях. Ст. 261.

⁷²² ПСЗ-I. Т. 38. Л. 29126. § 62.

ября 1806 г. 44-копеечный сбор народы Сибири платили вплоть до начала XX в.⁷²³ Этот вид платежей, который некоторые исследователи ошибочно называют «ясачным сбором»⁷²⁴, на самом деле ничего общего с ясаком не имел. Таковы были основные налоги и повинности народов Сибири в рассматриваемый период.

Налоги на содержание степного (родового) управления мало чем отличались от мирских платежей русских крестьян. Представление о статьях расходов на внутренние повинности кочевых и бродячих «инородцев» этого времени дают сметы инородных управ. Жители Верхоянского улуса Якутской области в 1906 г. платили: писарю – 599 руб., его помощнику – 126 руб., на содержание здания управ – 75 руб., на канцелярские расходы – 31 руб. и т. д. Примерно аналогичная раскладка этого вида платежей наблюдается и в других инородных управах⁷²⁵. Характерно, что наибольшая статья этих расходов – содержание писаря – четко прослеживается и в других губерниях⁷²⁶.

Налоги на внутренние повинности у податного населения Сибири были наиболее подвижной частью платежей, так увеличение одних видов обложения приводило к увеличению других. Не только по уездам, но и внутри самих уездов обнаруживается значительная разница в размерах мирских денежных повинностей. В волостях оседлых «инородцев» Тарского уезда Тобольской губернии удельный вес этих налогов в совокупном обложении аборигенов колебался от 18,7 % (Саргатская волость), до 46,7 % (Тавско-Утузская волость). В Тобольском уезде и волостях: Тобольтуринской, Истяцкой, Надцинской он соответственно составлял: 57 %, 60 %, 64 %⁷²⁷.

Представление о соотношении и размерах земских и государственных повинностей у кочевых аборигенов

⁷²³ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5051. Л. 10.

⁷²⁴ Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири... С. 224.

⁷²⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. Св. 857. Д. 1464. Л. 2-4; Ф. 24. Оп. 12. Д. 570. Л. 4об.-5.

⁷²⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 438; ГАКК. Ф. 595. Оп. 53. Д. 112. Л. 2, 3, 7, 11.

⁷²⁷ Подсчитано по: Андронников И.А. Материалы по землепользованию и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. Тобольск, 1911. СХIV – СХVII, С XX.

Томской губернии дает таблица 14. Из нее видно, что в совокупном обложении аборигенов (кроме ясака) на долю местных и губернских земских повинностей приходилось 50 % всех платежей. Примерно такая же картина наблюдается и в Восточной Сибири. В бурятских ведомствах Верхотенского округа Иркутской губернии на долю волостных сельских и натуральных повинностей приходилось 64,5 % всех платежей⁷²⁸. Аналогичное положение наблюдается и у русских крестьян. По подсчетам В.Г. Тюкавкина, на долю земских губернских, мирских и натуральных повинностей у русского крестьянства Сибири приходилось 70,2 % всех платежей⁷²⁹. Это доказывает, что всю тяжесть по колонизации края царизм стремился переложить на плечи трудового населения.

Тяжесть денежных сборов на земские повинности усугублялась злоупотреблениями родовой администрации, проводившей под различными предлогами «темные поборы», необходимые якобы для подарков различным чиновникам. Большая часть собранных таким образом денег оседала в карманах самих родоначальников. Многочисленные циркуляры губернской администрации по борьбе с этим злом на практике оставались «мертвой буквой»⁷³⁰.

Из натуральных земских повинностей наиболее тяжелой считалась дорожная. По официальным данным, в середине XIX в. протяженность дорог в Сибири составляла около 15 000 верст⁷³¹. На этом огромном расстоянии крестьяне и «инородцы» должны были содержать в полном порядке дороги, наводить и ремонтировать мосты, класть гати и т. д. Однако не все коренные жители отбывали эти повинности. Кроме бродячих «инородцев» решением Совета Главного управления Восточной Си-

⁷²⁸ Подсчитано по: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II. Вып. 6. Иркутск, 1892. С. 492-493.

⁷²⁹ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября.

⁷³⁰ ЦГА РФ ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 87. Л. 3-Зоб.; АГО. Разряд 64. Оп. 1. Д. 9. Л. 32 и др.

⁷³¹ Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 2. СПб., 1854. С. 99.

бири в 1863 г. «инородческие родоначальники вместе с не отделенными детьми их» освобождались от натуральных земских повинностей на период пребывания в должности⁷³². Таким образом, всей тяжестью натуральные повинности ложились на плечи трудового крестьянства. Об этом убедительно свидетельствуют материалы местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Крестьянский начальник одного из участков Тобольской губернии А.К. Дунин-Горкавич на заседании комитета отмечал, что «всякое отвлечение инородцев от дела... вредно сказывается на их благосостоянии». Не случайно губернский комитет вынес решение ходатайствовать об отмене натуральных земских повинностей и замене их денежными сборами⁷³³. На крайнюю обременительность дорожной повинности и почтовой гоньбы жаловались аборигены других губерний⁷³⁴. Как и остальные виды земских платежей, натуральные повинности отличались крайней неравномерностью. По волостям оседлых аборигенов Тарского уезда Тобольской губернии эти повинности в пересчете на деньги составляли от 0,01 % (Бухарская волость), до 37 % (Саргатская волость)⁷³⁵, в ведомостях кочевых инородцев Верхотурского округа Иркутской губернии – от 11 % (Ангинское ведомство) до 25,7 % (Верхнеудинское ведомство)⁷³⁶. Подобная разница объясняется, по преимуществу, различными местными обстоятельствами. Главное же заключается в том, что источники конца XIX в. четко зафиксировали неравномерное распределение податей относительно доходности дворов. Хотя статистические обследования конца XIX в., в отличие от крестьян, мало коснулись бюджетов хозяйств аборигенов, тем не менее в качестве постановки

⁷³² ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1740. Д. 164. Л. 8.

⁷³³ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 53. Тобольская губерния. СПб., 1903. С. 121.

⁷³⁴ Кулаков П.В. К новейшей истории минусинских и ачинских инородцев // Минусинские и ачинские инородцы (материалы для изучения). Красноярск, 1898. С. 94-99.

⁷³⁵ Подсчитано по: Андронников И.А. Указ. соч. С. XX.

⁷³⁶ Подсчитано по: Материалы по исследованию... Иркутской губернии. Т. II. Вып. 6. Иркутск, 1892. С. 489-493.

вопроса можно сравнить доходы и расходы в хозяйствах аборигенов-бедняков, середняков и кулаков.

У народов Сибири еще в первой половине XIX в. существовало заметное социальное неравенство. К концу XIX в. по мере развития капитализма оно значительно усилилось. Подушная система раскладки податей без учета доходности хозяйств была наиболее выгодна зажиточным аборигенам. Последние, получая гораздо больший доход от хозяйства, платили такие же налоги, как и их односельчане-бедняки и середняки. По юридической форме и экономическому содержанию такая система сбора податей носила характер феодальной земельной ренты. Но именно эта ее особенность оказала прямое влияние на развитие капиталистических отношений у аборигенов, ибо по отношению к зажиточной группе податные платежи теряли феодальный характер и трансформировались в капиталистическую ренту. Этот процесс, носивший объективный характер, совершался на протяжении всего пореформенного периода, но особенно усилился в конце XIX – начале XX в. Источники убедительно свидетельствуют, что у аборигенов, как и у русских крестьян, выгодами и различными льготами в уплате налогов и податей пользовалась зажиточная часть населения. Приводимые в табл. 15 данные позволяют утверждать, что доходность хозяйств (норма прибыли) «инородцев»-кулаков, которая определяется соотношением податей и расходов в крестьянском хозяйстве, в 7 раз превышала бедняцкие хозяйства, которые почти не имели прибыли и были вынуждены прибегать к промыслам. При неравномерной раскладке податей, несоответствующей доходности хозяйств, в виде податей бедняки выплачивали, по сути дела, весь прибавочный продукт. Если в бедняцкой группе разница между доходами и расходами за вычетом податей составляла 11,7 руб., то в кулацких хозяйствах этот показатель равнялся 84,3 руб. Некоторая разница в абсолютных размерах податных платежей – 12,2 руб., у кулаков и 9,8 руб. у

бедняков – на практике не имела никакого значения, так как удельный вес податей в доходах бедняков составлял 5,6 %, а у кулаков – 1 %. Аналогичная картина наблюдается и при определении степени эксплуатации хозяйств, которая отражает соотношение необходимого продукта (питание, одежда, религия) и податей. Степень эксплуатации бедняцких хозяйств была в четыре с лишним раза выше, нежели у кулаков. Не подлежит сомнению, что в хозяйстве аборигенов податная система всей тяжестью ложилась на плечи бедняков и середняков. Если последние получали прибыль на вложенный капитал лишь в урожайные годы, то хозяйство «иностранцев»-бедняков, как и русских крестьян⁷³⁷, существовало за счет недоедания. Эта податная политика, направленная на защиту зажиточных слоев деревни, своим важнейшим социальным последствием имела рост классового антагонизма в улусах, вторую социальную войну, которая особенно обострилась в начале XX в. по мере усиления проникновения капиталистических отношений в хозяйство народов Сибири. К аналогичному выводу пришел и И.А. Асалханов, рассмотревший этот вопрос на материалах бюджетов бурятских хозяйств Забайкальской области⁷³⁸. Эти особенности податной политики царизма прослеживаются и на материалах других губерний Сибири (табл. 16).

Неравномерность раскладки налогов и податей, высокие их размеры порождали устойчивые и многочисленные недоимки, отмечаемые у всех категорий коренных жителей. У оседлых «иностранцев» Енисейской губернии за 5 лет в 1880-1884 гг. недоимка по государственным земским повинностям составляла в среднем 62 %, по частным земским повинностям – 71,4 %, у кочевых «иностранцев» эти показатели составляли соответственно 19,5 % и 32,8 % (табл. 17). Несоответствие размеров на-

⁷³⁷ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня на кануне Октября. С. 224.

⁷³⁸ Асалханов И.А. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Забайкалья в конце XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1951. С. 16-18.

логов уровню платежеспособности сельского аборигенного населения порождало недоимки и по другим видам податных платежей. Источники отмечают хронические недоимки по уплате подушной и оброчной податей – основного вида податного обложения оседлых аборигенов. В Енисейской губернии недоимки по подушным сборам составляли 15,7 %, оброчным – 17,5 % (табл. 19). Замечаемое по временам некоторое сокращение недоимки по окладным платежам объясняется отнюдь не повышением платежеспособности аборигенов, а беззастенчивым выколачиванием царскими властями, особенно при взыскании местных податей. При этом широко практиковалась конфискация имущества и продажа его с торгов, арест родоначальников и сельских старшин, другие формы административного принуждения, вплоть до посылки воинских команд⁷³⁹. Но, несмотря и на эти меры, недоимки возрастали. В Тобольской губернии, например, после перевода части кочевников в категорию оседлых «податная система легла на инородцев еще тяжелее». В 1891 г. недоимки исчислялись в 87 566 руб., что составляло 140 % годового оклада, в 1901 г. – уже 98 023 руб.⁷⁴⁰ В Якутской области в 1892 г. недоимки по земским платежам составляли 187 664 руб. К 1900 г. благодаря «стараниям администрации» размер ее сократился до 116 589 руб., однако дальнейшее взыскание недоимок оставалось для местной администрации проблематичным⁷⁴¹.

В итоге отметим, что в рассматриваемый период подати и повинности коренного населения Сибири по форме и содержанию носили смешанный характер. В совокупном обложении народностей края на долю местных и личных обязанностей приходилось не менее 50 % денежных платежей. Подати и повинности оседлых аборигенов

⁷³⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 295. Л. 3-Зоб.; ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1358. Л. 157.

⁷⁴⁰ Волости и населенные места 1893 года. Вып. 10. Тобольская губ. СПб., 1894. С. 70, 201, 202; Обзор Тобольской губернии за 1905 г. Тобольск, 1902. Ведомость Д. 4, лит. Б. Распределение недоимок окладных сборов Тобольской губернии за 1901 год.

⁷⁴¹ Общее обозрение Якутской области 1892-1902 гг. Якутск, 1902. С. 63.

ригенов на практике ничем не отличались от податных обязанностей русского крестьянства. Однако наиболее характерной формой податных обязанностей кочевых и бродячих инородцев – абсолютного большинства коренного населения – был ясак.

2. Вопрос о преобразовании ясачного сбора в проектах Кабинета (50–60-е гг. XIX в.)

Сибирская пушнина всегда привлекала к себе ревностное внимание московских, а впоследствии – петербургских Романовых. Если в истории досоветской Сибири бывали периоды, когда в кругу государственных интересов она как бы отходила на второй план, то вопросы ясачной политики всегда находились под неослабным контролем и в центре внимания Кабинета.

Особый интерес казны и Кабинета к сибирской «мягкой рухляди» наблюдается в 20–50-е гг. XIX столетия, т. е. в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы. Это объясняется, прежде всего, факторами экономическими. С одной стороны, блеск первых пудов сибирского золота заставил правительство по-новому взглянуть на зауральский край и возродил надежды на неисчерпаемость богатств Сибири, с другой – резкое сокращение поступления в ясак ценных сортов пушнины потребовало энергичных мер для приведения ясачного режима в соответствие с нуждами и потребностями императорского Кабинета.

Ясачные поступления натурой оказали положительное влияние на финансовый баланс Кабинета. Продажа этой пушнины с торгов и аукционов приносила Кабинету до 300 % и более прибыли⁷⁴². Сами члены императорской фамилии постоянно испытывали потребность в дорогостоящих мехах, на что указывает обширная переписка, отложившаяся в фондах министерства императорского двора

⁷⁴² РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 911. Л. 65–67.

и Кабинета. Между тем на протяжении первой половины XIX в. взнос ясака натурой неуклонно сокращался. В 30-40-х гг. XIX в. ясачные поступления натурой в Восточной Сибири – основном центре сбора ясака – не превышали 9 % от совокупного размера ясачных платежей⁷⁴³. Аналогичное положение наблюдается и в Западной Сибири⁷⁴⁴. Даже министр императорского двора князь Волконский – в 1840 г. был вынужден признать, что «ясак, платимый сибирскими инородцами... с каждым годом видимо ослабевает. Ни количеством, ни качеством мехов не соответствует он ожиданиям правительства»⁷⁴⁵. Не улучшились дела и после чрезвычайных мер, предпринятых в середине 40-х гг. сенатором-ревизором И.Н. Толстым. Весной 1850 г. Кабинет вновь докладывал Николаю I о постоянном упадке ясачного сбора⁷⁴⁶. В марте 1856 г. управляющий Кабинетом обращал внимание генерал-губернатора Восточной Сибири на то обстоятельство, что «Кабинет в последние годы получал соболей и лисиц не более десятой части противу оклада». Нехватка мехов доходила до такой степени, что «Кабинет был вынужден покупать у здешних (петербургских. – Л.Д.) торговцев меха, требующиеся для особ высочайшей фамилии»⁷⁴⁷. В свете вышеизложенного вполне объяснимы те причины, которые заставили правительство по-новому взглянуть на ясачную политику в Сибири в пореформенный период. Как бы подтверждая это, управляющий сбором ясака в Восточной Сибири Полонский в 1860 г. отмечал, что «увеличивающееся с каждым годом оскуднение ясака в последние годы сделалось столь заметным, что представляло необходимость в изыскании средств и принятии мер к восстановлению доходов Кабинета по ясачному делу рухлядью»⁷⁴⁸. В марте 1859 г. последовал именной указ об определении в Восточную Сибирь чиновника для наблю-

⁷⁴³ Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири... С. 53.

⁷⁴⁴ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С. 261.

⁷⁴⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897. Л. 18.

⁷⁴⁶ Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири... С. 68.

⁷⁴⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 912. Л. 501.

⁷⁴⁸ Там же. Д. 912. Л. 502 об.

дения за правильным сбором ясака...»⁷⁴⁹, издание которого было подготовлено всем ходом предшествующих событий.

Еще во время ревизии И.Н. Толстого Главные управления Восточной и Западной Сибири приступили к сбору сведений и составлению предложений, направленных на увеличение поступления в ясак пушнины. С этой целью были затребованы мнения всех губернских и областных начальников Сибири. Анализируя предложения местного чиновничества, нетрудно заметить, что сибирские должностные лица главной причиной сокращения ясака натурой считали свободную торговлю с аборигенами, провозглашенную Уставом 1822 г. и подтвержденную указом от 6 ноября 1831 г.⁷⁵⁰ Поэтому местное начальство, как и прежде, продолжало настаивать на отмене этого положения. Якутский губернатор внес также предложение об учреждении новой ясачной комиссии, которое однако под предлогом больших расходов было отклонено⁷⁵¹.

С учетом мнения сибирской администрации Кабинетом были разработаны предложения «Об улучшении ясачного сбора». Проект Кабинета включает в себя 78 пунктов, охватывающих важнейшие стороны ясачного режима. Прежде всего на себя обращает внимание жесткая регламентация форм и способов торговли с аборигенами. По вопросу о свободной торговле мнение кабинета и сибирской администрации совпадало. Они отстаивали принцип запретительной торговли с коренными жителями, оставляя им право торговать только на ярмарках и сугланах, но и то по взносу ясака. «Иностранческие» старосты обязывались собирать пушнину еще до отъезда родовичей на ярмарку и лично сдавать ее приемщикам ясака. Лишь после окончательного расчета разрешалось начинать торговлю. Пушнину, приобретенную купцами в обход этих правил, рекомендовалось конфисковывать. Половину ее следовало отправлять в Кабинет, а оставшуюся часть предлагалось передавать «поимщику».

⁷⁴⁹ ПСЗ-2. Т. 34. Отд. 1. Л. 34250.

⁷⁵⁰ Там же. Т. 6. Отд. 2. Л. 4918.

⁷⁵¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 911. Л. 1-9об.

В то же время проект Кабинета имел и определенные отличия от предложений местных властей. Так, например, Кабинет проектировал в недалеком будущем проведение нового «переобложения инородцев», при котором намечалось «ввести в ясак потребное для высочайшего двора шкуры черных, чернобурых и краснобурых лисиц и соболей первого сорта». Предусматривалось также передача в Кабинет той части пушнины, которая вносилась коренными жителями в счет земских сборов. За это предполагалось «удовлетворять» казну деньгами. Пока же, по мнению Кабинета, ясак следовало собирать «в том количестве и теми зверями, какие положены были второй ясачной комиссией».

Ряд статей проекта был посвящен вопросам контроля русской администрации за соблюдением новых правил. Проект требовал от земской полиции строго наблюдать «за исполнением предписываемого». В случае обнаружения «послаблений» предлагалось подвергать виновных «взысканиям... как за причинение ущерба казне». Однако, как выясняется, Кабинет перестал доверять и собственным чиновникам, благо и поводов для этого было более чем достаточно. Спасаясь от возможных злоупотреблений, составители проекта не только требовали запретить чиновникам какие-либо торговые сделки с аборигенами, но и «вообще не дозволять им ни под каким предлогом посещать улусы и стойбища инородцев без разрешения губернского начальства». Этими же стремлениями было продиктовано требование «решительно воспретить» взнос денежного ясака вместо натурального. Хотя авторы проекта стремились объяснить свою позицию ссылками на то, что в случае «действительного неулова» зверей аборигены не имеют средств к получению денег, а «вносят их под сим предлогом потому, что шкуры продают частным торговцам», министр двора граф В.Ф. Адлерберг высказался на этот счет гораздо определеннее: «Подобное дозволение подавало повод к злоупотреблению... чиновников, собирающих ясак с инородцев, ибо бывали примеры, что они, получая оный шкурами, вносят от себя в казначейство деньгами», – писал он. В конечном

итоге Кабинет как бы расписался в собственном бессилии, признав, что все эти меры не принесут никакой пользы, если за исполнением их «не будет наблюдаемо со стороны Кабинета», и предложил назначить в Восточную Сибирь – центр поступлений натурой – специального «управляющего сбором ясака и двух его помощников»⁷⁵².

Вторая часть проекта Кабинета посвящена изложению обязанностей нового администратора. Предусматривалось, что это должен быть не ординарный, а особый, доверенный от Кабинета чиновник. Его назначение и увольнение зависело только от управляющего Кабинетов. Во время нахождения в Сибири он подчинялся «единственно генерал-губернатору». В иерархическом соподчинении должность управляющего сбором ясака приравнивалась к пятому классу, т. е., по своему социальному положению этот человек должен был быть дворянином.

В обязанности управляющего прежде всего вменялось изучение вопроса о причинах ясачных недоимок и принятие мер к их предотвращению. Вновь назначаемый чиновник должен был систематически посещать ярмарки и сугланы с таким расчетом, чтобы ни один торг не остался «без посещения». На ярмарку управляющий обязывался прибывать за несколько дней до ее открытия и лично собирать ясак. Ценные шкуры следовало клеймить особыми печатями, а затем сдавать в уездное казначейство. Предложение это делалось с единственной целью – не допустить подмены сдаваемых в ясак ценных сортов пушнины низкосортными мехами чиновниками казначейства. В проекте делалось важное отступление от установившейся традиции принимать меха по заранее определенным ценам. Отныне сдаваемую в ясак пушнину предлагалось принимать по расценкам, существующим в частной торговле, а не «по тем, какие в окладных книгах показаны». Подобное новшество объясняется отнюдь не заботой Кабинета о благосостоянии аборигенов, а уже отмеченным нами стремлением предупредить утечку мехов на сторону. Дало в том, что

⁷⁵² РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 911. Л. 23, 29.

цены, существующие на высокосортную пушнину в частной торговле, были значительно выше приемных цен Кабинета. Поэтому промысловикам было гораздо выгоднее продавать пушнину частным торговцам, нежели сдавать ее в ясак. Предлагаемое новшество и имело целью ликвидацию материальной заинтересованности аборигенов в такого рода сделках. К недопущению последних было направлено и предложение о запрещении уплаты ясака деньгами. Управляющий сбором ясака должен был также наблюдать, чтобы на ярмарках и сугланах купцы не притесняли и не обманывали туземцев. Важной обязанностью вновь назначаемого чиновника являлось изучение вопроса о соответствии ясачного оклада уровню благосостояния аборигенов. С этой целью он должен был собирать сведения о количестве и качестве земель коренных жителей, о развитии у них хлебопашества, скотоводства и промыслов, о числе душ и т. д. Эти сведения должны были послужить основанием для нового переобложения аборигенов ясаком. В заключении проекта отмечалось, что его действие предполагается распространить только на Восточную Сибирь. В Западной Сибири сбор ясака следовало производить «на прежнем основании тамошними местными начальствами».

Ознакомившись с проектом Кабинета, генерал-губернатор Восточной Сибири нашел предложение об отправке в Сибирь особо доверенного чиновника «весьма полезным». Что же касается остальной части проекта, то в отзыве от 10 марта 1856 г. Н.Н. Муравьев осторожно намекнул на то, что хотя старые правила и не отвечают «справедливым пользам и требованиям Кабинета», однако и новые предложения не учитывают различные местные обстоятельства, особенно если «иметь в виду, чтобы не стеснить инородцев». Поэтому Н.Н. Муравьев предложил поручить управляющему сбором ясака под непосредственным руководством генерал-губернатора «составить на месте проект новых правил для сбора ясака и вообще к лучшему устройству этой отрасли Кабинетских доходов»⁷⁵³.

⁷⁵³ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 911. Л. 39, 31, 36, 47.

Итак, рассмотренный проект Кабинета «Об улучшении ясачного сбора» содержал в себе те мнения и суждения, которые отразили общий взгляд правительства на народности Сибири в предреформенную эпоху как на потенциальных поставщиков пушнины. Такой взгляд был основан на прямом или косвенном признании бесправного положения этих народов в составе Российской империи. Их будущее прогнозировалось без учета тех серьезных изменений, которые происходили в социально-экономическом развитии аборигенов в первой половине XIX в.

В рассматриваемый период правительство еще не утратило надежды путем различных запретительных акций добиться резкого увеличения поступления в ясак пушнины. Это и предопределило в целом реакционный, а подчас и консервативный характер проекта императорского Кабинета. Что же касается предложений советов Главных управлений обеих частей Сибири, то их осуществление задержала не только намечавшаяся отправка в Сибирь специального чиновника. Предложения местной администрации встретили серьезное противодействие при рассмотрении их в марте 1858 г. Министерством внутренних дел.

Необходимо отметить, что министерство отнюдь не возражало против стремления сибирской администрации и Кабинета добиться увеличения поступления ясачных платежей. Возражения сводились, главным образом, к вопросу о запрещении свободной торговли, что, по мысли министерства, могло повлечь за собой еще большие злоупотребления как частных торговцев, так и должностных лиц. Министерство признавало, что купцы, «торгуя по одиночке в селениях инородцев... могут в некоторых случаях обманывать их». Однако, резонно отмечали стражи порядка, такие обманы могут повториться и в тех случаях, «когда торговцы будут ездить по селениям партиями». Не было никакой гарантии, что чиновники, сопровождающие эти партии и призванные следить за соблюдением правил торговли, будут по-настоящему заботиться «об охране интересов туземцев». Особое опасение министерству внуша-

ло то обстоятельство, что деятельность самих чиновников из-за чрезвычайной отдаленности стойбищ аборигенов «не может подлежать наблюдению и контролю». Единственный выход из создавшегося положения министерство видело в поощрении «правильной (свободной. – Л.Д.) торговли и возможном преследовании злоупотреблений в оной»⁷⁵⁴. Таково было окончательное мнение министра внутренних дел С.С. Ланского.

Поскольку речь шла об интересах «высочайшей фамилии», Ланской не решился представить свои соображения непосредственно в Сибирский Комитет. Он счел за лучшее в предварительном порядке заручиться поддержкой председателя Кабинета. Ознакомившись с мнением министра, П.К. Мейендорф ответил, что вопрос о свободной торговле и сборе ясака с сибирских народов уже рассматривался Кабинетом. В Восточную Сибирь предполагается отправить специального чиновника, которому и поручить составление нового положения об ясаке. В феврале 1859 г. Ланский вновь просил сообщить ему окончательные результаты составления нового положения. Однако к тому времени подготовка материалов для доклада Александру II еще не была завершена, и просьба министра осталась без ответа. Лишь в марте 1859 г. министр двора Адлерберг доложил императору о планах Кабинета, которые и получили высочайшее одобрение. 11 марта 1859 г. последовал именной указ о назначении в Сибирь управляющего сбором ясака.

Поскольку речь шла не о рядовом чиновнике, а о лице, облеченном «особенным доверием», Кабинет тщательно подбирал необходимую кандидатуру. Выбор Мейендорфа пал на медицинского советника Архангельского порта, статского советника Полонского. Последний характеризовался своим начальством «с самой лучшей стороны как весьма образованный и добронамеренный чиновник». Особое внимание было уделено изучению политической лояльности кандидата. С Полонского взяли расписку о том, что он не принадлежит «ни к каким массонским или тайным обще-

⁷⁵⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 911. Л. 84–86.

ствам внутри империи или вне ее существовать могущим и что впредь принадлежать к оним» не будет⁷⁵⁵. В начале апреля 1859 г. последовало решение Кабинета о назначении Полонского в Сибирь для наблюдения «за правильным сбором ясака». После предварительного ознакомления с материалами по «ясачному делу» Полонский выехал в Иркутск, куда и прибыл 6 сентября 1859 г.

Таким образом можно констатировать, что в конце 50-х гг. Кабинет предпринял еще одну попытку добиться увеличения ясачных поступлений натурой. Предложения Кабинета обрекали народы Сибири на скитание по тайге в поисках «лучшего зверя», развитие товарно-денежных отношений в хозяйстве аборигенов игнорировалось и сдерживалось. Будущее народов Сибири прогнозировалось без учета реальных потребностей. Это была типичная политика консервации, рецидивы которой на протяжении XIX в. встречаются неоднократно, политика, внутреннее содержание которой определялось самой сущностью ясака как типичной феодальной ренты.

3. Судьбы ясачного режима в проектах сибирской администрации (70-е гг. XIX в.)

Деятельность Полонского в Сибири началась с изучения ясачного законодательства и объездов «иностранческих» стойбищ и кочевий. Летом 1860 г. он посетил округа Олекминский, Вилюйский, Якутский Якутской области, а на обратном пути – Киренский, Верхоленский, Балаганский Иркутской губернии. В 1861 г. чиновник побывал в Енисейской губернии.

Первое ознакомление с состоянием пушного промысла произвело на Полонского благоприятное впечатление. Об этом свидетельствует его частная переписка. В письме от 23 октября 1860 г. он отмечает, что Якутская область «остается и останется еще надолго... источником поступле-

⁷⁵⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 911. Л. 216-222, 272.

ния ясака натурой». Причину недоимок он первоначально видел в строгости правительственных предписаний, требовавших ни в коем случае не допускать недоимок. Это обстоятельство, отмечает Полонский, приводило к тому, что «все усердие» сборщиков ясака направлялось «на взыскание ясака бездоплатно, чем бы не доплачивал инородец, а до того, чем он обложен, нет никакого дела»⁷⁵⁶. В то же время Полонский уже тогда высказал сомнение в правильности запретительной системы торговли. В ноябре 1860 г. в одном из писем он отмечает, что единственным «действенным средством к улучшению быта инородцев бродячих – будет предоставить свободу торговли, чтобы таким образом возродить конкуренцию и предоставить инородцу возможность добровольно обращаться к торговцу». В рапорте от 20 декабря 1861 г. Полонский указывал, что «положение бродячих весьма неутешительно и главною причиною тому условия, под которые они поставлены торговым классом, поработившим их из своих корыстных выгод». Здесь важно отметить, что новый генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков не разделял надежд Полонского на увеличение ясака натурой. В письме от 18 декабря 1860 г. Полонский приводит слова Корсакова о том, что даже «лучшие меры» останутся безрезультатными в таком крае, как Сибирь, где «по обширности пространства нет средств наблюдать за выполнением их». Полонский с особой тревогой обращал внимание своих кабинетских корреспондентов на то обстоятельство, что генерал-губернатор вообще считал взимание ясака несовместимым с «понятием нынешнего века» и еще Николаю I не раз предлагал «оставить этот обряд времен феодальных». Видимо, опасаясь противодействия со стороны генерал-губернатора, Полонский просил Кабинет «объясниться с ним (Корсаковым. – Л.Д.) лично по ясачному делу» и о результатах «переговоров» сообщить ему.

Можно констатировать, что в первоначальный период пребывания в Сибири управляющий сбором ясака был уверен в возможности значительного увеличения ясачных по-

⁷⁵⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 911. Л. 301.

ступлений натурой. Однако уже спустя три месяца, глубже вникнув в дело, Полонский изменил первоначальное мнение. Он пришел к выводу, что главная причина недоимок заключалась в несоразмерности ясачных окладов платежеспособности аборигенов. В рапорте от 20 декабря 1861 г. Полонский писал, что для бездоимочного сбора ясака необходимо «правильное, по средствам плательщиков, распределение окладов, несоразмерность которых допущена ясачной комиссией». Между тем Кабинет постоянно торопил Полонского с составлением нового положения о ясаке, напоминая при этом, что главная задача заключается в выяснении вопроса о возможности «иметь надежду на увеличение сбора ясака, особенно шкурами дорогих зверей»⁷⁵⁷. К началу 1861 г. Полонский выполнил возложенное на него поручение и в декабре 1862 г. представил на обсуждение Кабинета и Совета Главного управления Восточной Сибири «соображения по предмету улучшения ясачного сбора...»

«Соображения» Полонского в особенно замечания к ним, сделанные Советом Главного управления, являются важным документом, отразившим борьбу в правительственном лагере по вопросам развития ясачной политики в пореформенный период. Анализируя их, следует учитывать, что работая над составлением проекта, Полонский не мог не учесть требование Кабинета добиться увеличения ясака натурой, тем более, что сам автор проекта до конца своего пребывания в Сибири оставался убежденным в существовании такой возможности. В то же время скептицизм Корсакова, под непосредственным руководством которого работал чиновник, изучение действительного положения дел на месте и ознакомление с бытом ясачных заставили Полонского в ряде случаев отступить от явно реакционных предложений Кабинета. Указанные обстоятельства предопределили противоречивость проекта.

Проект Полонского можно условно разделить на три части. В первой автор попытался дать историческую справку о развитии ясачного сбора, обосновать задачи нового

⁷⁵⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 811. Л. 303-304, 314-315.

положения и необходимость дифференцированного подхода к туземному населению Сибири. Приступая к составлению проекта, Полонский должен был не только изучить предшествующие мероприятия правительства, но и критически переосмыслить их, выяснить причины неудачных мер» и попытаться избежать их. Однако историческая справка, приведенная Полонским, не представляет особого интереса, она заключает в себе обычную констатацию фактов без серьезной попытки анализа их. Между тем выяснение мнения Полонского о ясачной политике правительства в предшествующий период представляется весьма необходимым, ибо позволяет определить те исходные мотивы, которыми руководствовался реформатор при составлении нового проекта.

Ответ на поставленный вопрос дают имеющиеся в нашем распоряжении дополнительные источники – письма и особенно рапорты Полонского. В этих документах содержится краткая, но выразительная характеристика ясачной политики царизма в Сибири в XVII – первой половине XIX вв. с позиций консервативно-охранительных. Важно отметить, что критический анализ ясачного режима строится без учета тех изменения, которые происходили в социально-экономическом укладе жизни народов Сибири в рассматриваемый отрезок времени.

Первоначальный сбор ясака натурой являлся, по мнению Полонского, результатом отсутствия в обращении между «инородцами» денег. С этим утверждением чиновника нельзя не согласиться. Не следует, однако, забывать, что русские шли в Сибирь именно из-за пушнины, которая в XVII в. уже сама по себе являлась важнейшим источником государственных доходов⁷⁵⁸. Полонский отмечает, что ясак натурой «инородцы обязались платить ежегодно и только некоторым родам дозволялось вносить вместо... шкур китайкою или деньгами». По сведению чиновника, итоги первого ясачного сбора выразились в следующих цифрах: соболей – 200 тыс. штук, лисиц черно-бурых –

⁷⁵⁸ Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири. Красноярск, 1972. С. 103.

100 тыс., белок – 500 тыс. «В каком количестве и на каком основании был собираем ясак в последующие годы определить трудно по недостатку сведений», – пишет Полонский. Однако автору проекта было ясно, что «вкравшиеся затем злоупотребления в сбор ясака потребовали назначения для искоренения их в 1763 г. особой комиссии». Итоги действия первой ясачной комиссии оцениваются Полонским как явно неудовлетворительные. Ясак натурой не только не увеличился, но даже сократился. Основная причина этого явления, по мнению Полонского, заключалась в предоставлении аборигенам права вносить ясак натурой или эквивалентно деньгами⁷⁵⁹. В таком же примерно плане рассуждал чиновник и при рассмотрении результатов деятельности второй ясачной комиссии 1827–1835 гг. «Комиссия не достигла цели улучшения сбора ясака, ибо назначенный ею оклад в особенности шкурами дорогих зверей не увеличился», – категорично заключает Полонский. Далее он обращает внимание Петербурга на те порочные, с точки зрения самого реформатора, начала, которые предопределили провал правительственных замыслов увеличения ясака натурой. «Достигнуть этого было невозможно», – замечает Полонский, ибо комиссия должна была учитывать добровольное согласие «иностранцев» на принятие того или иного оклада.

Особенно резко критикует Полонский «Устав об управлении иностранцев» 1822 г. «Главную причину» упадка ясака автор проекта видит в «самом существе устава», в предоставлении аборигенам права свободной торговли и в «дозволении им в случае неулова заменять окладного зверя деньгами». Оценивая в совокупности ясачный режим в Сибири, Полонский с горечью замечает, что правительство в последнее время действовало «не в том духе», а «было нужно принимать решительные меры»⁷⁶⁰.

Столь категоричное заявление трудно согласуется с последующими рассуждениями Полонского. Задачу своего

⁷⁵⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 912. Л. 503об., 505об.

⁷⁶⁰ Там же. Л. 511, 515об., 543.

проекта он видит не только в соблюдении экономических выгод Кабинета, но и в подъеме жизненного уровня ясачных народов. «Не ограничиваясь защитой выгод Кабинета, положение должно обнимать собою и обеспечение благосостояния инородцев», – пишет автор. При этом он указывает, что «не одни экономические расчеты служат поводом к составлению, но и нравственные, вытекающие из рассмотрения состояния зависимости племен». Какие же мотивы являлись определяющими при разработке нового проекта? Необходимость обеспечения благосостояния «инородцев» или требование решительных мер, способных резко увеличить доходы Кабинета?

Последнее обстоятельство оказалось решающим. Свою позицию в отношении кочевых и бродячих коренных жителей Полонский формулирует на основе изучения уровня благосостояния аборигенов. Если кочевники, по убеждению автора проекта, живут в «полном» благополучии, источником которого служит «скотоводство, земледелие и торговые предприятия», то быт бродячих Полонскому представлялся в «самом неутешительном состоянии». Личное ознакомление с жизнью аборигенов привело его к заключению, что если «кочевые могли бы платить более настоящего оклада», то «положение всех вообще бродячих инородцев самое печальное и требует участия правительства, без содействия которого они могут прийти в совершенное разорение». Бедственное положение бродячих жителей Полонский объясняет, прежде всего, злоупотреблениями купечества и отдельных чиновников: «В лихорадочном стремлении к обогащению торгующие употребляют в деле обман, хитрость и даже насилие и поэтому неудивительно, что с такими средствами в пять-шесть лет приобретают состояния». В то же время злоупотребления сибирского купечества и администрации отмечаются Полонским как аномалия, как местное проявление в целом правильной и жизнеспособной правительственной линии. Поэтому Полонский призывает изменить лишь некоторые положения с учетом существующего законодательства и местных обстоятельств. Принципиаль-

ные же изменения в системе ясачного сбора признаются далеко не своевременными⁷⁶¹.

Вторая часть «Соображений» Полонского посвящена критике проекта Кабинета, анализируя ее, необходимо учитывать, что соображения Полонского составлялись в период, когда ясачные поступления натурой сокращались, а правительственные указы требовали увеличения их именно пушниной. С другой стороны, изменение социально-экономических условий жизни и быта аборигенов, изучение существующего ясачного законодательства привели Полонского к мысли о их несоответствии. Он очень осторожно намекает на это, указывая, что необходимо «обсудить, насколько справедливо и полезно по местным обстоятельствам допустить осуществление проектируемых Кабинетом мер... и... будет ли вполне соответствовать пользам Кабинета... и иностранцев имеющееся составиться положение»⁷⁶². С учетом вышеуказанных обстоятельств и той задачи, которая была поставлена перед ним, Полонский мог позволить себе строго дозированную критичность. Это относится, в частности, к вопросу о запрещении свободной торговли, о сборе ясака одной пушниной и некоторым другим.

Полонский не без сожаления отметил, что предложения Кабинета о запрещении свободной торговли составлены без учета существующего порядка вещей. В то время торговля купцов в иностранных стойбищах и кочевьях являлась основным, а подчас и единственным источником обеспечения охотников жизненно важными предметами – порохом, свинцом, мукой и т. д. Но за ограниченное время ярмарки промысловики не могли сделать годичные запасы, а отдельные семейства охотников на ярмарку вообще не являлись. Кроме того, совершенно не представлялось возможным запретить разъезды купцов по стойбищам «за расчетами и по тяжбам». Полонский счел необходимым оговорить особо, что в торговле на стойбищах и кочевьях заинтересованы не только купцы, но и сами коренные жители. Учитывая вы-

⁷⁶¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 912. Л. 10, 14, 23-28.

⁷⁶² Там же. Л. 9-9 об.

шесказанное, Полонский пришел к заключению о том, что «ни грозою штрафа, ни наказаний» невозможно прекратить эти сделки⁷⁶³. Не представлялось возможным и введение запрета на торговлю на ярмарках до уплаты аборигенами ясака. Сдача ясака старостам «иностранческих» ведомств нередко происходила в марте, а для того, чтобы попасть к началу зимы на Колыму или чукотскую ярмарку, колонии купцов выезжали из Якутска еще в сентябре и, естественно, по пути торговали с аборигенами. Полонский отмечает, что «если будет положена преграда настоящей торговле, то выйдут обыкновенные последствия, что купцы не поедут за товарами, а торговля перейдет в руки местных мелочников к крайнему вреду и стеснению» аборигенов. Исходя из этого, на предложения Кабинета о запрещении свободной торговли Полонский дает недвусмысленный ответ: «свобода торговых сношений – действительное средство к улучшению быта иностранцев». Однако теоретическая смелость автора проекта находилась в явном противоречии с конкретными предложениями. Принцип свободной торговли понимался Полонским весьма своеобразно – в консервативно-охранительном плане. Если «по местным обстоятельствам не представляется возможным» совершенно запретить свободную торговлю, то надо было существенным образом ограничить ее. Несмотря на неудачу предыдущих подобного рода экспериментов, с которыми автор проекта был хорошо знаком, Полонский не отказался от идеи ограничения торговли, твердо веря, что мера эта позволит добиться желаемых результатов – увеличения ясака пушниной. В соответствии с этим правительству предлагалось во время ярмарок «запретить торговцам расходиться по разным местам», а земским чиновникам наблюдать, чтобы они (купцы. – Л.Д.) «торговали вместе». Предлагалось значительно сузить круг лиц, имеющих право на торговлю с туземцами, обязать купцов получать специальные свидетельства об образе жизни и поведении. Качество, количество товаров, маршруты разъездов купцов следовало

⁷⁶³ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 912. Л. 30об., 31об., 34-40.

отмечать в особых «видах», за чем «строго наблюдать». Таким образом, рекомендовалось предпринимательскую инициативу купечества поставить под контроль администрации. Проект коснулся и вопроса о сословиях, имеющих право на торговлю с аборигенами. Предлагалось запретить ее чиновникам, русским крестьянам и вообще лицам, «не имеющим право производить торговлю».

Сравнивая предложения Кабинета и Полонского по вопросу о запрещении свободной торговли, легко заметить, не только некоторые расхождения, но и значительное сходство... Оба документа признают за благо ограничение торговли, а расходятся лишь в том, как эти меры осуществить. В то же время обращает на себя внимание и ряд принципиальных новшеств, содержащихся в «соображениях» Полонского и оказавших значительное влияние на судьбы ясачного режима в Сибири в последующий период. Полонским впервые было высказано предложение об уравнивании податных окладов оседлых и кочевых жителей, о передаче последних в ведение министерства финансов и др. Правительство поддержало эту идею и впоследствии довело ее до логического конца.

Анализ дальнейших событий показывает, что в правящих кругах существовали серьезные разногласия по вопросам развития ясачной политики, которые нашли прямое отражение в рассматриваемых документах. Предлагая провести новое переобложение аборигенов ясаком, автор проекта не переставал напоминать правительству о том, что кочевые жители «в настоящем быту их» ничем не отличаются от оседлых и «могут вносить более настоящего оклада». Поэтому при новой переписи их следовало бы «сравнить... по окладу с оседлыми и совершенно исключить из разряда ясачных»⁷⁶⁴. Таким образом, подразрядную систему, введенную «Уставом об управлении инородцев» (1822 г.), предполагалось упразднить. Отметим также, что если в уставе особое внимание уделялось убеждению аборигенов в том, что они «без собственного их желания не будут включаться

⁷⁶⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 912. Л. 60–60об.

в какое другое сословие»⁷⁶⁵, то в проекте Полонского содержался откровенный призыв к насильственному перечислению кочевых жителей в категорию оседлых. Автор проекта прямо указывает, что «кочевых следовало бы зачислить в оседлые, не требуя на то их согласия», тем более, что такового «едва ли можно добиться». В заключении Полонский выражает надежду, что все это «послужит к улучшению ясачной подати». Однако тезис этот понимается Полонским весьма своеобразно – как прямое увеличение ясачных платежей. По сведениям Полонского, на территории Восточной Сибири проживало 230 617 душ кочевых «инородцев», которые платили 147 445 руб. ясака из расчета по 64 коп. с работника. При перечислении их в категорию оседлых, платящих по 2 руб. 29 коп. с ревизской души, сумма подати должна была возрасти до 505 051 руб., т. е. чистая прибыль составляла 357 605 руб. Неудивительно, что такая заманчивая перспектива не могла не понравиться правительству, тем более, что оно мало утруждало себя расчетами о соответствии размеров налогового обложения платежеспособности ясачных народов. Полонский, правда, признавал, что «при новом переобложении оклад должен соразмеряться... средствами плательщика», однако тут же указывал, что следует «склонять инородцев к прибавлению оклада».

В разряд собственно ясачных предлагалось включить лишь бродячих жителей, которые бы могли «без затруднения вносить ясак зверем»⁷⁶⁶.

В соответствии с новой поразрядной системой определялись права и обязанности аборигенов, строилось их управление. Сбор податей со всех «инородцев», перечисленных из кочевого разряда в оседлые, предполагалось поручить министерству финансов «на таком же основании, как оно заведует теперь оседлыми». Общий надзор за всеми категориями туземцев по-прежнему должно было осуществлять Министерство государственных имуществ. В данном случае

⁷⁶⁵ ПСЗ-I. Т. 38. № 129126. § 25.

⁷⁶⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 912. Л. 61-62, 57, 89.

мы сталкиваемся с фактами прямой эксплуатации императорским Кабинетом служащих государственных ведомств. Если управляющий сбором ясака получал содержание из сумм ясачного сбора, то десятки и сотни чиновников министерства финансов и государственных имуществ, связанные повседневными делами с сибирскими аборигенами и фактически обслуживающие нужды «высочайшей фамилии», получали жалование из фондов государственного казначейства. Сам Полонский, видимо, хорошо сознавал это явное несоответствие, ибо указывал, что «зависимость ясачных народов от Кабинета имеет одно финансовое значение». Однако чиновник отнюдь не собирався нарушать эту весьма выгодную для Кабинета традицию, считая, что все остальные вопросы жизни и быта аборигенов «должны остаться на обязанности земской власти»⁷⁶⁷.

В соответствии с полученными от Кабинета наставлениями, особое внимание Полонский уделил вопросам раскладки и сбора ясачной подати, взиманию недоимок. Этому посвящена третья, заключительная часть проекта.

Вопрос о способах раскладки ясака имел важное значение. Каким принципом – подушным или породовым следует руководствоваться, чтобы не уменьшить доходов Кабинета? Вопрос этот на протяжении XVIII и XIX вв. поднимался неоднократно. Слется отметить, что правительство все больше склонялось к мысли о целесообразности именно породового обложения. Если ясачная комиссия 1763 г. взяла за единицу обложения каждого работника, то инструкция второй ясачной комиссии требовала раскладку ясака производить «не по душам, а по родам». В 1839 г. член Кабинета Всевожский вновь обрушился с резкой критикой на подушный способ обложения аборигенов ясаком. Такого же мнения придерживался и сенатор-ревизор И.Н. Толстой, предлагавший раскладку ясака производить не по числу душ или работников, а на «целые роды». Однако со времени второй ясачной комиссии переобложение ясаком не производилось, в 1862 г. ясачная подать взималась по

⁷⁶⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 912. Л. 84 об.

окладным книгам, утвержденным в 1835 г. Понятно поэтому, что предлагая провести новое переобложение аборигенов ясак, Полонский не мог обойти вопроса о способе его раскладки. Знакомясь с этой частью проекта, нельзя не признать, что в данном случае его автор смог предложить немного нового. Как и большинство предшественников, он рекомендовал раскладку ясака «производить не на каждого работника, а на целый род, по способам и согласию родовичей». Этот способ автор проекта стремился всячески обосновать ссылками на неудовлетворительность «частного обложения». Однако реальное значение этой идеи проявляется отнюдь не в недостатках поголовного обложения, отмеченных Полонским. Истинный смысл рекомендаций чиновника легко прослеживается в последующих рассуждениях автора проекта. Предложениями Полонского предусмотрена дополнительная раскладка ясачной подати между налогоплательщиками при сборе недоимок. В случае несостоятельности отдельных налогоплательщиков за них должны были платить остальные родовичи. Не интересуясь причинами недоимок, Полонский предлагал взыскание их не откладывать на срок более года. Таким образом, проект предусматривал обеспечение максимальных ясачных платежей, преследовал цель бездоимочного сбора подати, что отвечало фискальным интересам Кабинета. Вопрос о новой ясачной подати решался Полонским в соответствии с поразрядной системой, которая предлагалась к введению. Кочевые жители, переводимые в оседлые, должны были платить ясак деньгами или зверем по «определению общества». При этом автор проекта признавал, что «установление наиболее сообразной с местными обстоятельствами системы ясачного сбора представлялось только в денежных окладах»⁷⁶⁸. Столь же мало нового мог предложить Полонский и в вопросе о способах сбора ясачной подати с кочевых жителей. Предполагалось, что ясак наряду с другими податями будет поступать в Министерство финансов, а затем «оптом» перечисляться в Кабинет.

⁷⁶⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 912. Л. 65–66.

Таким же образом предлагалось собирать ясак с «иностранцев», перечисленных на основании Устава 1822 г. в разряд оседлых. Начиная с 1827 г., государственное казначейство ежегодно перечисляло в фонд Кабинета «сумму, причитающуюся в оброчную подать... взамен прежнего ясака...»⁷⁶⁹. Следовательно, предложение о распространении этого способа сбора ясака на кочевых жителей отражало убеждение Полонского в незыблемости прав Кабинета на ясачную подать. Более того, если в первой половине XIX в. раздавались робкие голоса о необходимости организации на землях ясачных особого управления по аналогии с удельными и владельческими имениями, о подчинении сибирских аборигенов «одной власти, действовавшей... под непосредственной зависимостью Кабинета»⁷⁷⁰, то Полонский не считал важным делать и этого. Куда проще и выгоднее было поручить министерству финансов сбор податей с аборигенов, а министерству государственных имуществ общий «надзор» за туземцами. Как видим, эксплуатация императорским Кабинетом государственного аппарата всячески оправдывалась и поощрялась.

Ничего конкретного не могли дать призывы Полонского с необходимости подъема материального благосостояния аборигенов. Речь должна была идти не о формах и методах сбора ясака и торговли с коренными жителями, а о соразмерности совокупного налогового обложения с действительной платежеспособностью «иностранцев». Однако государственные повинности последних Полонского вообще не интересовали, что же касается ясака, то, как видим, размеры его предполагалось значительно увеличить с кочевых жителей, составляющих абсолютное большинство народов Сибири. Поэтому все рассуждения Полонского о несоразмерности оклада платежеспособности аборигенов, о добровольном принятии оклада нельзя назвать иначе, чем демагогическими.

⁷⁶⁹ ПСЗ-2. Т. 2. № 1197.

⁷⁷⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897. Л. 166; Д. 909. Л. 6.

Особое внимание в проекте уделялось вопросам сбора ясачной подати с бродячих жителей. Именно они, по замыслу Полонского, должны были стать основными поставщиками пушнины. В разряд собственно ясачных предполагалось ввести около 15 330 туземцев. Это означало, что каждый шестнадцатый житель вольно или невольно должен был платить ясак пушниной. Составитель проекта отмечал, что «зачисленные в разряд ясачных вносят по окладу ясак натурой лучшим зверем и при сдаче строго проверяется... чтобы представляемый в ясак зверь соответствовал окладу». При такой постановке вопроса не могло быть и речи о привлечении десятков тысяч коренных жителей к оседлости. Проект Полонского обрекал бродячих жителей на скитание по тайге в поисках «лучшего зверя». Если в уставе 1822 г. проводилась мысль о постепенном перечислении аборигенов из одного разряда в другой, «по мере привлечения их к оседлости», то в новом проекте вопрос этот исключался. Действительно, как совместить стремление правительства к «поощрению оседлости» и требования Кабинета об увеличении ясака натурой. Здесь сталкивались интересы аборигенов и императорского Кабинета. Последнее обстоятельство оказалось решающим. Именно поэтому та часть проекта, которая посвящена вопросам сбора ясака с бродячих жителей, отличается особой консервативностью.

Стремясь застраховать Кабинет от возможных недоимок, составитель проекта указывал, «что обеспечением уплаты ясака зверем служит наличный улов всего общества». Только «наполнив ясак», аборигены получали право «продавать всех добытых ими зверей беспрепятственно... на месте и на ярмарках». Следовательно, у бродячих жителей, как и у кочевых, насаждался принцип круговой поруки, ответственности всех членов рода за уплату ясачной подати. В проекте предлагалось «решительно воспретить» взнос ясака деньгами вместо окладного зверя. Особо подчеркивалось, что при сборе ясака следует руководствоваться только окладными книгами взыскивать... именно то, что они (коренные жители. – Л.Д.) обязаны платить». Недоимка до-

пускалась «только в зверях высшего достоинства», менее ценные меха предлагалось заменять «такими, какие имеют в улове». Предполагая допущение недоимки, Полонский тут же оговаривался, что взыскание ее «не следует откладывать более чем на год, и тогда уже ее взыскивать с ясаком текущего года». В случае повторения недоимки земскому начальству предоставлялось право рассмотреть вопрос о возможности замены окладного зверя другим или деньгами. Нетрудно заметить, что составитель проекта стремился любыми путями заставить бродячих жителей платить ясак исключительно натурой. В проекте подчеркивалось, что торговля с бродячими жителями проводится с «полезными ограничениями». Без специального разрешения «всем лицам» запрещалось под каким-либо предлогом «посещать улусы и стойбища ясачных инородцев». Для предотвращения подлогов и утечки мехов сдаваемую в ясак пушнину предлагалось клеймить особой печатью.

В деле взимания ясака натурой особая роль отводилась местной администрации. Хотя ни сам Полонский, ни его высокопоставленные начальники не доверяли сибирскому чиновничеству, обойтись без их помощи Кабинет не мог, тем более что создание собственной администрации признавалось нецелесообразным. Поэтому Полонский с особой тщательностью регламентирует круг прав и обязанностей чинов земской полиции в отношении коренных жителей. Земской полиции предлагалось поручить прежде всего контроль за деятельностью родовых управлений, «надзор и проверку предоставляемого к сдаче ясака». Сборщики ясака должны были лично объезжать основные ярмарки и сугланы, систематически подавать сведения о благосостоянии инородцев». В проекте подчеркивалось, что «влияние земского начальства при сборе ясака ограничивается... надзором..., чтобы ясак был вносим по окладам лучшим зверем»⁷⁷¹. Чиновникам категорически запрещалось торговать с аборигенами. За нарушение этого положения

⁷⁷¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 912. Л. 6, 84, 90, 93-95.

предлагалось наказывать виновных конфискацией имущества.

Стремясь оградить аборигенов от злоупотреблений чиновничества, Полонский в своем проекте предоставлял вместе с тем сибирской администрации довольно широкие права по контролю и надзору за деятельностью органов самоуправления коренных жителей, сбором с них ясака и др. Если бы подобную опеку Полонский признавал вредной для аборигенов, то можно было бы легко избежать ее. Однако в условиях мощного подъема общественного движения в стране, нашедшего живой отклик и на сибирских окраинах, в условиях, когда Сибирь становилась основным местом ссылки участников освободительного движения⁷⁷², предоставление слишком большой самостоятельности органам самоуправления аборигенов внушало автору проекта серьезные опасения. Даже обсуждение этого вопроса казалось ему совершенно неуместным.

Сам Полонский, видимо, сознавал несовершенство нового проекта устройства ясачного сбора. Поэтому он указывал, что «во всех прочих случаях, которые не заключаются в настоящем положении», «надлежало руководствоваться общими узаконениями». Действие проекта предполагалось распространить на всю Восточную и ту часть Западной Сибири, «где проводится значительный сбор ясака звериными шкурами»⁷⁷³. Введение проекта в действие предполагалось «в виде опыта на несколько лет», а затем следовало в случае необходимости дополнить его. Вопрос о целесообразности оставления в Сибири управляющего сбором ясака передавался на «усмотрение начальства».

Итак, рассмотренный проект нового устройства ясачного сбора отразил взгляд правительства на народы Сибири как на основных поставщиков «мягкой рухляди». Его про- низывали те же консервативно-охранительные начала, что и проект императорского Кабинета. В то же время автор проекта, составленного год спустя после отмены крепост-

⁷⁷² История Сибири. Т. 3. Л. 1968. С. 131.

⁷⁷³ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 912. Л. 103.

ного права, в ряде случаев отходил от явно реакционных предложений Кабинета, пытался «основать» сбор ясака с учетом некоторых «местных обстоятельств».

Обсуждение и реализация предложений Полонского показали, что в правительственных кругах не было единого мнения по вопросам ясачной политики в Сибири. Эти колебания отразили в целом неуравновешенность внутриполитического курса царизма в пореформенный период, характеризующийся некоторыми либеральными усилиями и периодами открытой реакции при преобладающем влиянии последних.

Осенью 1864 г. проект Полонского рассматривался в Совете Главного управления Восточной Сибири. По указанию генерал-губернатора в Совете были сосредоточены все сведения о ясачном законодательстве, имеющиеся в распоряжении администрации. На основании этих материалов Совету предстояло вынести окончательное суждение о судьбах ясачного режима в Сибири.

При рассмотрении представленных на обсуждение материалов члены Совета отметили, что в отличие от проекта Кабинета, «предлагаемые г. Полонским меры... ближе соответствуют настоящему положению дела». Возражения членов Совета касались, главным образом, некоторых пунктов, связанных с ограничением свободной торговли с аборигенами. Совет также отметил, что «из обзора мероприятий по сбору ясака... оказывается, что местное начальство ... постоянно оставалось при мнении, что для ограждения инородцев от притеснений со стороны торгующих и улучшения сбора ясака необходимо ввести запретительную систему торговли». Однако теперь, при «строгом обсуждении этой меры оказывается, что ею не будет достигнуто желанных результатов». Совет указал, что для пресечения такой торговли с аборигенами потребовались бы целые команды сыщиков. Сомнения членов Совета в целесообразности и возможности осуществления этой меры были столь сильны, что они без обиняков вынуждены были признать, что даже в том случае, если бы «это оказалось возмож-

ным», то сами коренные жители, будучи заинтересованными именно в свободной торговле, всячески обходили бы этот запрет. Поэтому Совет признал меры по ограничению свободной торговли «стеснительным для инородцев и неудобоисполнительными со стороны земских начальников» и предложил оставить без изменений существующий закон о свободной торговле. Решение Совета – убедительное свидетельство того, что сибирская администрация уже осознала бесплодность надежд правительства на возрождение сбора ясака натурой.

Далее Совет высказался еще определеннее: «С установлением ясачного сбора деньгами не потребуются изобретать искусственные меры, которые оказываются необходимыми при обложении инородцев ясаком мягкой рухлядью и которые на деле могут оказаться несостоятельными. Поэтому Совет посчитал, что «было бы проще и правильнее обложить всех инородцев деньгами, дозволив однако же вносить ясачную подать и шкурами». Для членов Совета был очевиден крах запретительных мероприятий и нежизненность попыток собирать яsak исключительно пушшиной. Эту же мысль проводил Корсаков в донесении Комитету Министров в 1866 г. «Замечаемое по временам улучшение улова, – писал он, – зависит, как показывает опыт, от случайных причин и нисколько не должно быть относимо к улучшению пушного промысла»⁷⁷⁴. Генерал-губернатор не видел путей к увеличению ясака натурой, считая, что необходимые Кабинету меха следует покупать у аборигенов на ярмарках или у частных торговцев.

Для уяснения реального значения предложения членов Совета посмотрим на него с точки зрения сибирской администрации. На протяжении первой половины XIX в. наблюдается неуклонное падение удельного веса коренного населения по отношению к общей численности населения региона. Сибирь все больше приобретала облик крестьянско-земледельческого края, в экономике которого существенную роль играла и золотопромышленность. По признанию

⁷⁷⁴ РГИА. Ф. 486. Оп. 9. Д. 912. Л. 607-608, 612, 617, 620-624, 3об.

местной администрации, «главными производителями пушного промысла» остались лишь бродячие «инородцы», для остальных же жителей охота стала побочным занятием. Попытки увеличить ясак пушниной заканчивались безрезультатно. Парадоксально, но факт, что даже в период пребывания самого Полонского в Сибири ясачные поступления натурой не только не увеличились, но даже сократились. Когда в 1867 г. контрольная палата министерства императорского двора обратилась в Кабинет с вопросом о том, «сколько поступало сбору до определения (Полонского. – Л.Д.) и на сколько оный увеличился» под наблюдением «за сбором г. Полонского», то Кабинет вынужден был скромно ответить, что «до определения чиновника ясачного сбора звериными шкурами поступало в Кабинет погодно почти в одинаковом количестве, как и после его назначения». За период с 1855 по 1859 гг. ясачные поступления пушниной составили в денежном исчислении 109 246 руб. серебром. В первые же пять лет пребывания Полонского в Сибири, т. е. в 1860–1865 гг. натуральные ясачные поступления были и того меньше – 96 112 руб. серебром. В 1864 и 1865 гг. было соответственно собрано пушнины на 16 123 и 18 750 руб. серебром.

Таким образом, было высказано два мнения о дальнейших судьбах ясачного режима в Сибири. Мнение Полонского сводилось к предложению о выделении особого разряда ясачных, обязанных платить ясак исключительно натурой. Генерал-губернатор Восточной Сибири считал необходимым перевод всех аборигенов на уплату ясака деньгами. Несмотря на существенное различие, эти проекты пронизывала одна общая идея: ясачная подать с сибирских аборигенов рассматривалась как неотъемлемая собственность императорского Кабинета. Вопрос об упразднении ясачного сбора даже и не ставился, тем более, что ясак давал царской фамилии около 200 тыс. руб. серебром годового дохода⁷⁷⁵. Спор велся лишь о том, в какой форме – денежной или натуральной – Кабинет этот доход получит.

⁷⁷⁵ ГАРФ. Ф. 109. I эксп., 1852 г. Д. 135. Л. 50.

В декабре 1868 г. отчет Корсакова по управлению краем, содержащий и изложение мнения Совета Главного управления Восточной Сибири по проекту Полонского, рассматривался в Кабинете Министров. При этом Александр II, явно обеспокоенный затянувшимся спором, поинтересовался, «на чем же дело остановилось». Поскольку никто из присутствующих не мог дать четкого ответа, было решено обратиться за разъяснениями в Министерство императорского двора. В своем ответе, датированном 23 января 1868 г., министр двора не без укоризны отметил, что «вместо желаемого Кабинетом улучшения ясачного сбора шкурами дорогих зверей Совет полагает обложить всех инородцев деньгами». Чиновник же от Кабинета, наоборот, предлагает «определить разряд ясачных, которые по роду своей промышленности могут без затруднения вносить ясак зверем...» Дальнейшие рассуждения министра представляют особый интерес. Оказывается, он больше всего опасается невозможности причинить «ущерб интересам Кабинета», которые могут последовать от решения этого вопроса, а изменения нравственного состояния «полудиких инородцев, издавна свыкшихся с мыслью приносить лучшего зверя в ясак его императорскому величеству». Именно поэтому, утверждает министр, «Кабинет удерживался высказать окончательное заключение об ясаке, в ожидании дальнейших результатов по сбору оного натурою под наблюдением состоящего в Восточной Сибири чиновника»⁷⁷⁶.

Однако ссылку министра на возможные изменения нравственного состояния аборигенов нельзя признать иначе как лживой и лицемерной. Ведь именно правительственные указы обрекали сотни и тысячи аборигенов на скитание по тайге в поисках «лучшего зверя», препятствовали переходу к оседлости и т. д. На наш взгляд, все обстояло гораздо проще. Желание Кабинета добиться увеличения ясака пушниной объясняется чисто меркантильными соображениями. По признанию членов Кабинета, поступающая из Сибири пушнина не только шла на «удовлетворение нужд

⁷⁷⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 913. Л. 1-1об., 12, 641.

высочайшей фамилии», но и продавалась на ярмарках со значительной для Кабинета выгодой. Как мог отважиться Кабинет пойти на полную замену натурального ясака денежным, если при этом затрагивались интересы коронной фамилии? Если уж взимание ясака пушниной со всех «инородцев» становилось невозможным, то приходилось принимать компромиссное решение. Поэтому свой ответ Александру II министр двора заканчивает весьма дипломатично. «Я полагал бы полезным, – пишет он, – оставить по-прежнему сбор ясака шкурами, по крайней мере, в тех местностях, которые по исследованию чиновника Кабинета, представляют инородцам возможность... вносить ясак зверем..., остальных инородцев обложить денежным сбором, но произвести новое переобложение»⁷⁷⁷. Язвительно-вежливое замечание министра возымело свое действие. Генерал-губернатор Корсаков был вынужден согласиться с предложением Адлерберга. Корсаков лишь настаивал на том, чтобы «окончательное определение, каких именно инородцев следует обложить денежным сбором» было предоставлено сибирской администрации.

Это заявление генерал-губернатора нельзя рассматривать иначе, как отказ от своих первоначальных предложений. Конечно, в идеале местное чиновничество хотело бы видеть ясачный сбор исключительно денежным. Однако неудовольствие министра двора – лица, непосредственно приближенного к императору – не осталось без последствий. Приходилось закрывать глаза на различные местные обстоятельства, еще недавно столь часто упоминаемые. Да и как было противиться воле Адлерберга, если вопрос касался обеспечения мехами самих членов коронной фамилии. Корсаков хорошо понимал всю двусмысленность сложившейся ситуации. Поэтому ему не оставалось ничего другого, как согласиться с «предложением» министра.

Вопрос о судьбах ясачного режима в Сибири был в принципе решен. Согласие Корсакова дало Кабинету возможность приступить к подготовке проектов к утверждению.

⁷⁷⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 913. Л. 13.

При замене натурального ясака денежным сбором Кабинет предложил «заведование оным предоставить министерству финансов, а общее попечение об инородцах» – министерству государственных имуществ. Оба министерства не возражали против предложений Кабинета, ибо практически давно этим занимались⁷⁷⁸. В сентябре 1868 г. в Комитет Министров поступила записка Адлерберга с приведенными выше соображениями. Они были рассмотрены и 11 октября утверждены Александром II⁷⁷⁹. В указе говорилось, что отныне сбор ясака рухлядью должен проводиться только в тех местностях, «которые предоставляют кочующим и бродячим инородцам вносить ясак зверем». Решение вопроса о том, каких именно аборигенов «по местным условиям» следует обложить деньгами, возлагалось на генерал-губернатора.

Таким образом, изданный указ отразил компромиссную точку зрения. С одной стороны, четко прослеживается стремление правительства сохранить патриархальные, феодальные в своей основе методы эксплуатации сибирских народов. С другой – наблюдается тенденция перевода ясачной подати (rentы) в денежную форму, что в конечном итоге объясняется развитием товарно-денежных отношений и изменением условий хозяйственной деятельности значительной части коренного населения Сибири. Подобная непоследовательность и половинчатость характерна для всей внутренней политики самодержавия в пореформенный период. Обеспокоенное быстрым ростом буржуазных отношений, ростом общественного движения в стране и реальной угрозой обострения социальных конфликтов на окраинах империи, царское правительство стремилось путем полумер и незначительных уступок избежать резкого обострения классовых противоречий и сгладить наметившиеся конфликты.

В ноябре 1868 г. министр императорского двора уведомил о принятом решении генерал-губернаторов обеих ча-

⁷⁷⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 913. Л. 31-33об.; Ф. 573. Оп. 3. Д. 4630. Л. 1.

⁷⁷⁹ ПСЗ-2. Т. 43. Отд. 2. № 46341.

стей Сибири. Затем началась работа по сбору необходимых сведений. В Западной Сибири томский губернский совет предложил всех коренных жителей «обложить вместо... ясак денежным сбором». Тобольская губернская администрация не смогла предложить ничего определенного и считала возможным решение этого вопроса предоставить самим аборигенам, «смотря по тому, как они сами признают для себя более выгодным и удобным». Исходя из этого, Главное управление Западной Сибири решило «дозволить всем инородцам... платить ясак деньгами» или пушниной, «если они признают более удобным»⁷⁸⁰.

Иначе решался этот вопрос в Восточной Сибири. Вежливый, но недвусмысленный выговор, полученный Корсаковым от министра двора в 1868 г., не остался без последствий. Генерал-губернатор был вынужден вновь обратиться к предложениям Полонского, нашедшим в правительственной среде скорый и сочувственный отклик. В пространном донесении, направленном в Кабинет в декабре 1869 г., генерал-губернатор указывает, что уровень жизни большинства кочевых жителей «никак не ниже состояний крестьян». Корсаков обращает особое внимание на то, что «инородцы не носят самой тяжелой повинности рекрутской», а между тем крестьяне платят податей «вдвое против инородцев». По мнению генерал-губернатора, такое «привилегированное» положение аборигенов «в настоящее время ничем не может быть оправдано», тем более, что туземцы «неохотно переходят к оседлой жизни и избегают обращения в христианскую веру». Исходя из этого, Корсаков считал «полезным и справедливым» уравнивать размеры ясачных платежей с подушной и оброчной податью, уплачиваемой русскими крестьянами. Следовательно, в Восточной Сибири ясак должен был увеличиться почти вдвое и составлять в Иркутской и Енисейской губерниях 3 руб. 64 коп., в Забайкальской области – 3 руб. 62 коп. с каждой ревизской души. Корсаков, очевидно, сознавал, что столь значительное увеличение ясачных платежей возможно лишь при условии успешно-

⁷⁸⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 913. Л. 178 об.-179.

го развития земледелия. Поэтому он отмечал, что мера сия не только приведет к ежегодному увеличению доходов Кабинета на 300 000 руб., но и «несомненно будет влиять на привлечение инородцев к оседлости». Генерал-губернатор полагал, что «вопрос этот требует тщательной подготовки и в скором времени не может быть решен»⁷⁸¹. Поэтому он предложил обсудить это предложение первоначально в губернских и областных советах. Для личных объяснений в Петербург направлялся Полонский.

Сбор необходимых сведений и обсуждение проекта на местах продолжалось около двух лет, и в мае 1872 г. дело о ясаке было внесено в Главное управление для окончательного решения. При рассмотрении вопроса оказалось, что не все губернские советы одобрили проектируемые генерал-губернатором нововведения. Так, например, Забайкальское областное управление, признавая возможность уравнивать ясачные платежи с размером подушной и оброчной податей, в то же время считало, что «ясак следует взимать не с числа ревизских душ, от коего избавлены они (коренные жители. – Л.Д.) законом, а от числа работников». Увеличение ясака должно было касаться жителей Агинской, Урульгинской, Хоринской, Селенгинской, Баргузинской и Кударинской степных дум. В остальных же ведомствах сбор ясака предлагалось оставить на «прежнем основании». Якутское областное правление предложило увеличить ясачные платежи «инородцев» Якутского и Олекминского округов. В остальных округах рекомендовалось оставить прежние размеры ясака⁷⁸². В Енисейской губернии Ачинский окружной исправник также высказался против предлагаемых новшеств. По его мнению, уравнивание аборигенов по платежу податей с крестьянами «значило бы положительно отбить у них (коренных жителей. – Л.Д.) охоту к хлебопашеству», так как в этом случае аборигены «считали бы хлебопашество только средством к высшим платежам». Уровень доходности крестьянских и инородческих хозяйств

⁷⁸¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 913. Л. 137, 154.

⁷⁸² Там же. Л. 167-167об., 170-173, 192.

в округе был далеко не одинаков. Если у первых он составлял около 30 руб. на ревизскую душу, то у коренных жителей не превышал 10 руб. Однако представители губернской администрации смотрели на дело несколько иначе.

Учитывая, что коренные жители освобождены от рекрутской и части натуральных повинностей, вследствие чего быт их «значительно свободнее нежели крестьянина», губернский совет счел возможным ходатайствовать об увеличении ясака «до размера подушной и оброчной подати». Еще более категорично высказались члены Иркутского губернского совета. Они признали не только возможным, но даже необходимым кочевых жителей «сравнить по платежу податей и повинностей с крестьянами».

Таким образом, на рассмотрение Совета Главного управления было представлено четыре мнения губернских советов. В сущности, позиции Иркутской и Енисейской администрации совпадали. Они признавали не только возможным, но даже необходимым, во-первых, увеличить размер ясака до величины подушной и оброчной податей, во-вторых, ввести новый принцип раскладки ясака – по ревизским душам, а не по работникам. Именно против этого и возражало Забайкальское областное правление. Спор этот отнюдь не был простым столкновением мнений различных представителей сибирской администрации. Он отразил непоследовательность налоговой политики самодержавия в новый, капиталистический, период истории, а также свидетельствует об усиливающихся ассимиляторских тенденциях внутренней политики царизма, когда правительство стремилось «уравнять» аборигенов с русским населением не только в податном отношении, но и в управлении, землепользовании и других аспектах во всероссийском масштабе. Именно поэтому Совет Главного управления не принял предложение Забайкальского областного правления, а признал «своевременным и необходимым сравнить по платежу ясака с крестьянами тех из кочевых инородцев, экономическое состояние которых не хуже крестьян». Решение это встретило полное одобрение в лице министра

двора Адлерберга, который предложил новому генерал-губернатору Н.П. Синельникову внести эти предложения на утверждение в Главный Комитет об устройстве сельского состояния. Однако Главный Комитет отказался рассматривать их, отметив, что вопрос о ясаке не относится «к предметам» его ведомства. Проект Иркутского генерал-губернатора был передан в Министерство императорского двора «для дальнейшего направления сего дела в установленном порядке»⁷⁸³. После этого постановления прошло почти два десятилетия, прежде чем правительство вновь приступило к рассмотрению вопроса о ясаке. Причина столь длительной задержки объясняется отнюдь не тем, что проблема ясачного сбора была решена, скорее, наоборот. В начале 70-х гг. прошлого столетия в связи с началом подготовки землеустройства сибирского населения правительство отказалось рассматривать проблему ясачного сбора, ставя решение этого вопроса в прямую зависимость от подготовки и осуществления аграрных преобразований в крае.

Нетрудно заметить, что в первое пореформенное десятилетие правительству так и не удалось добиться количественного и качественного увеличения ясака. Это и привело к упразднению должности управляющего сбором ясака в 1870 г.⁷⁸⁴

Изменение социально-экономических условий жизни народов Сибири, развитие капиталистических отношений заставили правительство пойти на некоторые незапланированные уступки. Однако в целом сущность ясачной политики как феодальной и сущность самого ясака как типичной феодальной ренты, уплачиваемой владельцу за пользование землей, в рассматриваемый период не изменилась. Несмотря на отмену крепостного права, ясак по-прежнему поступал в Кабинет и оставался тождественным бывшей оброчной подати, уплачиваемой удельными крестьянами своему коронованному владельцу.

⁷⁸³ РГИА. Ф. 1181. Оп. 15. Д. 146. Л. 4-4об.

⁷⁸⁴ Там же. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5052. Л. 7.

4. Реформа налоговой системы и ясачная политика в конце XIX – начале XX в.

Реформа налоговой системы в Сибири, осуществленная правительством в конце XIX в., явилась следствием и дополнением земельных и административных преобразований в крае. Указом от 18 мая 1882 г. было «повелено совершить отмену подушной подати в течение нескольких лет, по мере изыскания новых источников государственных доходов». Приступая к реформе, правительство преследовало не только фискальные, но и политические цели. В записке департамента окладных сборов, направленной в Государственный совет, прямо говорилось, что «отмена подушной подати составляет одну из самых крупных мер» настоящего царствования. Авторы документа не скрывали, что ждут от реформы «сильного... впечатления... в умах». Однако на Сибирь, оседлое и кочевое население которой платило около 2 млн руб. подушных сборов, указ не распространялся. Основания для такого решения Министерство финансов видело в «особенностях местного быта и землевладения»⁷⁸⁵. Следует отметить, что, хотя действие указа и не распространялось на восточные районы империи, это не означало, что правительство вовсе не предполагало распространить на Сибирь податную реформу. В реформе налоговой системы, кроме политических и фискальных соображений, правительство видело еще и ту меру, которая была призвана «приравнять» коренное население Сибири к русскому крестьянству. Подобные тенденции в государственной политике прослеживаются и в первой половине столетия. Однако тогда речь шла, главным образом, о вопросах, связанных с организацией управления народами Сибири. Теперь внимание правительства привлекла система податного обложения аборигенов.

Впервые эта мысль в более или менее оформленном виде была высказана в 60-х гг. уже упоминавшимся Полонским. В то время эта идея не получила окончательного

⁷⁸⁵ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 4869. Л. 1, 4-5.

разрешения. В 70-х годах в связи с разработкой проектов землеустройства народов Сибири к ней обратилась комиссия Медема. Стремясь уравнивать аборигенов в отношении прав и размеров землепользования с крестьянами, члены комиссии предлагали поступить аналогичным образом и в вопросе об отбывании ими податей и повинностей. Смысл проектируемых новшеств сводился к проведению поземельного устройства и на этой основе замене ясака и других подушных сборов, уплачиваемых кочевниками, «оборочной за землю податью»⁷⁸⁶.

Иначе говоря, комиссия Медема высказалась за переложение ясачной ренты на землю. Уже сам этот факт свидетельствует, что члены комиссии видели в Кабинете, куда поступал ясак, совладельца государственных сибирских земель. Последующее превращение ясака в оброчную подать снимает какие-либо сомнения на этот счет. Это принципиальной важности явление, метко подмеченное Г.П. Жидковым при изучении форм кабинетного землевладения в Сибири⁷⁸⁷, подтверждается наблюдением и за ясачной политикой царизма.

Проектируя замену ясака государственной оброчной земельной податью, комиссия предполагала большее или меньшее увеличение податей по губерниям⁷⁸⁸. В итоге объем повинностей должен был не уменьшаться, а наоборот, возрасти. Комиссия, по ее собственному признанию, не располагала необходимыми сведениями для точного определения «системы исчисления и разверстки» оброчной подати. Поэтому решение вопроса предлагалось поручить генерал-губернаторам. Предполагаемое перечисление кочевых жителей в категорию оседлых, проведение землеустройства аборигенов по аналогии с крестьянами и, наконец, уравнивание их податных обязанностей – все это должно было значительно увеличить размеры совокупных податных платежей народов Сибири. Своей важнейшей целью

⁷⁸⁶ РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739. Ч. 2. Л. 470об.

⁷⁸⁷ Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747-1917 гг.). Новосибирск, 1973. С. 87.

⁷⁸⁸ РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739. Ч. 2. Л. 469 об.

в отношении аборигенов проектируемая реформа имела замену ясака поземельным налогом. Однако длительная – около трех десятилетий – подготовка землеустройства сибирского населения отодвинула сроки проведения податной реформы на конец 90-х гг. позапрошлого столетия.

Что же касается непосредственно ясачной политики, то в период подготовки и проведения землеустройства и податной реформы сбор ясака осуществлялся на основе указов 1827 и 1835 гг., которые точно фиксировали размер ясачной ренты. Проводившиеся ревизии (последняя, десятая – в 1858-1862 гг.) могли изменить лишь число плательщиков, а не размер обложения. В сметы Кабинета ежегодно вносилась одна и та же сумма ясачного сбора (табл. 19). Из сумм ясачного сбора взамен бывшей 44-копеечной подати ежегодно перечислялось в Государственное казначейство 99 638 руб. Кроме того, около 3000 руб. отчислялось на лечение аборигенов Якутской области и северных округов Томской и Тобольской губерний⁷⁸⁹. За вычетом этих сумм из общей массы ясачного сбора реальный доход Кабинета по «ясачному делу» с сибирских губерний составлял 425 524 руб. ассигнациями. В то же время общий размер кабинетской ренты с народов Сибири был значительно выше указанной суммы. Увеличение это происходило за счет перечисления из государственного казначейства в Кабинет оброчной подати, взыскиваемой с оседлых аборигенов (в общей массе ясака) на основе указа от 21 июня 1827 г.⁷⁹⁰ Размеры оброчной подати оседлых аборигенов составляли по Тобольской губернии 34 672 руб. серебром, Томской – 20 951, Енисейской – 2910, Иркутской – 11 273. Всего по Сибири было уплачено подати 69 807 руб. серебром. Суммируя размер ясака, уплачиваемого кочевыми и бродячими жителями, и оброчной подати, платимой оседлыми аборигенами, можно определить общий размер кабинетской ренты с народов Сибири. Эта рента составляла 222 258 руб. серебром в год⁷⁹¹. В общих доходах

⁷⁸⁹ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5092. Л. 17об.

⁷⁹⁰ ПСЗ-2. Т. 2. № 1197.

⁷⁹¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 947. Л. 23, 28.

Кабинета, исчислявшихся несколькими десятками миллионов рублей, роль ясачной и оброчной подати с народов Сибири была невелика. В 1889 г. она составляла 12,3 %, а к 1917 г. ее размеры упали до 2,2 %. Однако в силу того обстоятельства, что в доходах Кабинета абсолютно преобладала земельная рента, а доходы от сибирских земель⁷⁹², куда входили ясак и оброчная подать с коренных народов, составляли к 1917 г. четвертую часть совокупных доходов коронного ведомства⁷⁹³, можно утверждать, что ясачная рента сохранила определенное самостоятельное денежное значение. Доля ясачной и оброчной подати в общих размерах кабинетской земельной ренты в Сибири была немалой (табл. 20).

Колебания годовых размеров оброчной и ясачной подати объясняются не снижением или увеличением размеров ясака и самой подати – они, как и прежде, взыскивались на основе положений 1827 и 1835 гг., а стремлением чиновников Кабинета вносить в сметы реальное число плательщиков ясака. Последнее обстоятельство, как свидетельствуют факты, играло немаловажную роль в попытках прогнозирования возможных поступлений. Дородовой принцип раскладки ясака, взятый за основу второй ясачной комиссией, ставил народы Сибири в крайне тяжелое положение. В конце XIX в. кочевые и бродячие аборигены оплатили ясак по спискам, утвержденным 10 ревизией в 1858 г. В сентябре 1893 г. Иркутский генерал-губернатор Горемыкин ходатайствовал перед министром финансов Витте о сложении ясачной недоимки с нижнеудинских «карагасов», ко взысканию которой местная администрация не видела никакой надежды. При рассмотрении этого дела в министерстве финансов оказалось, что по 10 ревизии у «карагасов» насчитывалось 148 работников, обложенных ясаком по 4 руб. 29 коп. с души. Реальных же плательщиков в 1893 г. насчитывалось всего 72 души. Эти лица

⁷⁹² По подсчетам Г.П. Жидкова, в 1917 г. ее размер составлял 80 % (Жидков Г.П. Кабинетское землевладение... С. 91).

⁷⁹³ Подсчитано по: Жидков Г.П. Указ. соч. С. 91, 95.

и должны были выплачивать весь оклад ясачной подати, положенной на их род второй ясачной комиссией 1835 г.⁷⁹⁴

Однако недоимки по ясачным платежам наблюдаются не только при значительном сокращении числа налогоплательщиков. В 80-90-х гг. XIX в. недоимки по этим платежам стали постоянным явлением в бюджетных ведомостях казенных палат, составляя примерно четвертую часть оклада (табл. 21). Этот же вывод можно сделать и на основе погодных поступлений ясачной подати. Приводимые материалы (табл. 22) еще раз подтверждают устойчивый характер ясачной недоимки. Отмечаемое в отдельные годы относительное увеличение поступлений ясачных платежей следует объяснять отнюдь не «успехами» ясачной политики, а беззастенчивым «выколачиванием» податных сборов местной администрацией, более благоприятными природно-климатическими условиями и другими побочными факторами.

При анализе ясачной политики самодержавия следует также учитывать тот факт, что на протяжении второй половины XIX и начала XX вв. размеры ясачной ренты коронного ведомства с народов Сибири сохраняли относительно стабильный характер. В то же время значительно возросли общегосударственные налоги, сборы на земские и внутренние повинности, которые в несколько раз превышали ясачную подать⁷⁹⁵. Тяжесть податных платежей увеличивалась злоупотреблениями местных чиновников. Современники неоднократно отмечали «бесконтрольность» власти земских заседателей в отношении аборигенов, их «многочисленные злоупотребления» и «безотчетные поборы»⁷⁹⁶. Парадоксально, но факт, что аналогичные свидетельства находим и у лиц, представляющих совершенно противоположный лагерь. В 1894 г. министр двора граф Воронцов-Дашков вынужден был признать, что «производство сборов местными властями... сопровождается зна-

⁷⁹⁴ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5018. Л. 1-3.

⁷⁹⁵ См.: История Сибири. Т. 3. Л., 1968. С. 106.

⁷⁹⁶ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. С. 169.

чительными злоупотреблениями»⁷⁹⁷. От представителей администрации не отставали и «инородческие» родоназачальники – тайши, зайсаны, старшины, которые занимались откровенным вымогательством, брали взятки, совершали подлоги и т. д.⁷⁹⁸ Всевозможные злоупотребления чиновничества и «родовой аристократии» значительно увеличивали тяжесть налогового бремени. Тем не менее основной причиной ясачных и податных недоимок явилось общее несоответствие размеров податных окладов со степенью реальных доходов и платежеспособностью коренного населения. Именно в этом, а не в чем-нибудь ином следует видеть главную причину роста недоимок.

В начале 90-х гг. Министерство финансов активизировало разработку проектов податной реформы. «Сущность предполагаемого преобразования, – отмечал министр финансов в 1896 г., – должна состоять не в отмене уплачиваемых оседлым населением Сибири подушных податей, а в замене их другими сборами»⁷⁹⁹. Летом 1893 г. департамент окладных сборов разослал казенным палатам сибирских губерний циркуляр, в котором излагались основы будущей реформы. В этом документе особо подчеркивалось, что сумму поземельного сбора следует устанавливать «по каждому округу по соображению с ныне взимаемых с крестьян подушной и оброчной податями и межевым сбором». Иначе говоря, объем повинностей в процессе подготовки и проведения реформы не должен был уменьшаться. Будущую реформу предполагалось распространить на территорию всей Сибири за исключением местностей, «не имеющих земледельческого характера по суровости климата и другим причинам». Излагая основы разрабатываемой реформы, министерство особо подчеркивало государственную монополию на все сибирские земли. Новый поземельный налог следовало взыскивать «с тех разрядов крестьян

⁷⁹⁷ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5052. Л. 7об.

⁷⁹⁸ ГАИО. Ф. 24. К. 2031. Оп. 9. Д. 942. Л. 5; ЦГА БАССР. Ф. 79. Оп. 1. Д. 411. Л. 2; ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 97. Л. 3; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 171 и др.

⁷⁹⁹ Цит. по кн.: Топчий А.Т. Крестьянские реформы... С. 227.

и инородцев, в пользовании которых находятся казенные земли, равно как и с тех, которые владеют землею на праве полной собственности»⁸⁰⁰. Таким образом, можно констатировать, что у русских крестьян и оседлых «инородцев» подушная подать не ликвидировалась, а лишь теряла свое название, будучи присоединенной к сумме оброчной. Новый же поземельный налог на практике мало чем отличался от старых феодальных форм ренты. На это обратил внимание даже министр императорского двора, по словам которого Министерство финансов сводило реформу «не к замене подушных податей поземельным оброком, а к простому переименованию первых»⁸⁰¹.

Первоначально Министерство финансов предполагало распространить реформу только на оседлых аборигенов. Упразднение ясачной подати у кочевых и бродячих жителей, по мнению министерства, «не представлялось возможным». Таким образом, министерство как бы отмежевало от всех попыток 60–80-х гг., доказывающих необходимость уравнивания кочевников в податных обязанностях с русскими крестьянами. Эту же мысль развивали в своих отчетах министерству чиновники сибирских казенных палат. Тобольская казенная палата прямо писала, что «ввиду полного отсутствия точных данных об этой части населения» палата считает «наиболее уместным оставить пока ныне существующие налоги»⁸⁰². По мнению Томской казенной палаты, быт и условия жизни кочевых и бродячих аборигенов были «совершенно не изучены». Поэтому палата не видела «никаких данных и оснований» к замене податей и повинностей этой части сибирского населения. Енисейская казенная палата замену взимаемых с кочевых жителей налогов считала «неудобным» по причине отсутствия «данных об исследовании экономического быта коренных жителей».

Иначе смотрел на дело Иркутский генерал-губернатор Горемыкин. В будущей реформе он видел, прежде всего,

⁸⁰⁰ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5009. Л. 2–2об.

⁸⁰¹ Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири... С. 228.

⁸⁰² РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5009. Л. 3, 33об.

средство к обеспечению «уравнительности и бездоимочности» податных платежей. В этой фразе звучит ясно видимый подтекст. Ранее уже отмечалось, что у коренных жителей недоимка только по одной ясачной подати составляла не менее 20 % ежегодно. Понятно поэтому, что рассматривая предстоящую реформу как панацею от всех бед, этот высокопоставленный чиновник не мог не задуматься над вопросом о возможности ее распространения и на коренных жителей региона. «Я долгом считаю заметить, – писал он в министерство в сентябре 1893 г. – что инородцы Иркутской и Енисейской губерний являются кочевыми только по названию... и земледелие у кочевых инородцев Иркутской губернии развито нисколько не менее, а местами даже более, нежели среди крестьян старожилов». Горемыкин, правда, признавал, что кочевники Енисейской губернии «занимаются почти исключительно скотоводством», однако это обстоятельство ничуть не смущало верховного правителя края. Генерал-губернатор был твердо убежден в том, что проведенные в последнее время исследования хозяйственного быта этой части населения дают «полный и доброкачественный материал для определения доходности находящихся в их пользовании земель». Опираясь на этот довод, Горемыкин формулировал задачи будущей реформы в отношении кочевников. «Я считаю нужным выразить уверенность, – сообщал он, – что распространение на всех инородцев (за исключением, конечно, бродячих) обеих названных губерний проектируемой реформы не только не встретит никаких практических затруднений, но и окажется в полном соответствии с главнейшими чертами их хозяйственно-экономического быта». Мнение генерал-губернатора оказалось решающим и при рассмотрении этого вопроса в Иркутской казенной палате⁸⁰³.

Таким образом, из четырех сибирских губерний администрация лишь одной – Иркутской – считала возможным и необходимым распространение податной реформы

⁸⁰³ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5009. Л. 60, 72-73, 105-111, 190.

на оседлых и коренных жителей. Казенные палаты остальных губерний высказались против.

Рассматривая вопрос о завершении разработки податной реформы, следует отметить, что параллельно с этим в министерстве императорского двора обсуждалась идея о возможности передачи сбора ясака министерству финансов и соответствующей компенсации коронному ведомству из средств Государственного казначейства. Сама эта идея принадлежала министру Воронцову-Дашкову, «право на осуществление» ее подкреплялось ссылками министра на различные «неудобства» сбора ясака, отсутствие своей кабинетской администрации на землях аборигенов и т. д. Однако думается, что само возникновение этого проекта было порождено экономическими факторами. Подтверждение этому находим в объяснительной записке Воронцова-Дашкова к «всеподданнейшему» докладу «Об изменении способа взимания с инородцев оброчной и ясачной подати» (июль, 1894 г.). Прежде всего, министр констатировал большие недоимки «по ясачному делу». На 1 января 1893 г. они составляли около 230 тыс. руб. серебром. Особенно беспокоило Воронцова-Дашкова то обстоятельство, что «все... мероприятия, принимаемые для упорядочения сбора ясака, не имели желательного успеха». Министр обращал внимание на «значительные злоупотребления» местных властей при сборе ясака. Однако, как оказывается, автора записки волновали вовсе не сами злоупотребления и их вопиющий характер, а лишь то обстоятельство, что они касались непосредственных доходов коронного ведомства и могли в «отдаленном и малонаселенном краю вселить малоразвитому населению неверные и совершенно нежелательные представления». Министр с горечью констатировал большую коммутацию ясака, которая зашла так далеко, что поступающие в «последние годы» в Кабинет меха были «дурного» качества и не могли «употребляться для надобности Высочайшего двора. Таким образом, – резюмировал министр, – сама цель установления взимания ясака – служить для надобности двора е.и.в. совершенно

не достигается». Думается, что именно в этом следует видеть истинную подоплеку попыток коронного ведомства переложить ясачный сбор на плечи министерства финансов, а самому получать гарантированные денежные (о натуральных речи уже не шло) выплаты из средств Государственного казначейства. Возникновение идеи «выкупа» ясака весьма симптоматично. Оно указывает не только на стремление коронного ведомства в любом случае сохранить свои доходы, хотя бы и в измененной форме, но и на укоренившиеся в практике традиции «паразитирования монархии» на общегосударственный счет⁸⁰⁴.

Эта тенденция наглядно проявилась в законе 19 января 1898 г. «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчною и поземельною податями»⁸⁰⁵. Применительно к народам Сибири в законе указывалось, что подушная и оброчная подати, ясачный сбор и сбор на межевание, уплачиваемые крестьянами и оседлыми «иностранцами» Сибири подлежат отмене с 1 января 1899 г. Под это же правило попадали кочевники Иркутской и Енисейской губерний (ст. 1). Однако действие закона распространялось не на всю Сибирь и не на все категории коренного населения. Статья 2 исключала из района введения реформы Березовский и Сургутский округа Тобольской губернии, Нарымский край и Алтайский горный округ Томской губернии. В Восточной Сибири под действие закона не попадали Туруханский край Енисейской губернии и Киренский округ Иркутской губернии. Кроме того, действие податной реформы не распространялось на территорию Якутской и Приморской областей. Во всех вышеперечисленных районах «временно» сохранялся старый порядок взимания податей и сборов. Статья 3 конкретизировала действие закона в отношении отдельных категорий коренных жителей. «Бродячих иностранцев Сибири, а также кочевых иностранцев Тобольской и Томской губерний, – говорилось в законе, –

⁸⁰⁴ Жидков Г.П. Кабинетское землевладение... С. 87.

⁸⁰⁵ ПСЗ-З. Т. 18. Отд. 1. № 14908.

облагать сборами на существующих основаниях впредь до пересмотра относящихся до сих сборов узаконений...»

Податная реформа мыслилась правительством как прямое продолжение проводимого в Сибири землеустройства, при котором все земли, за исключением территорий, принадлежащих коронному ведомству, рассматривались как государственные. Поэтому в законе указывалось, что вместо отменяемых душевых сборов «за отведенные от казны земельные наделы» следует взимать государственную оброчную подать, а за земли, принадлежащие крестьянам и аборигенам на правах собственности – поземельную подать. Эта подать являлась экономическим выражением собственности казны на все сибирские земли.

Закон предусматривал и конкретный размер оброчной подати, вводимой на пятилетний срок в четырех сибирских губерниях. Разверстка оброчной подати по закону 19 января 1898 г. выглядела следующим образом: Тобольская губерния – 1 850 000 руб., Томская – 360 000 руб., Енисейская – 335 000 руб., Иркутская – 320 000 руб.⁸⁰⁶ Оброчная подать должна была раскладываться по округам на основе подушного принципа. Высказанное в литературе мнение, что «подушный принцип был выгоден Казне и Кабинету, ибо в условиях постоянного притока переселенцев позволял увеличивать общую сумму оброчной подати»⁸⁰⁷, не вызывает сомнений.

В Западной Сибири обязанности по раскладке подати возлагались на чиновников окружных по крестьянским делам присутствий, в Восточной – на особые раскладочные комиссии, в составе податного инспектора и двух членов. Размеры податных сумм должны были согласовываться на съездах уполномоченных от сельских и «иностранческих» обществ. В то же время несогласие представителей последних на принятие того или иного оклада не имело сколько-нибудь реального значения, так как решающее слово на съездах принадлежало податным инспекторам, в руки

⁸⁰⁶ ПСЗ-3. Т. 18. Отд. 1. С. 253.

⁸⁰⁷ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири... С. 254.

которых и отдавалось проведение реформы. Единственное возможное изменение, допускаемое для съездов уполномоченных законом, заключалось в том, что раскладочная сумма могла быть понижена или повышена на 25 % по сравнению с размером дореформенного обложения.

Особый, четвертый раздел закона, был посвящен вопросу о замене ясака вновь вводимой оброчной податью. В законе говорилось, что, начиная с 1 января 1899 г. государственное казначейство обязано возмещать Кабинету из своих средств разницу между среднегодовым окладом ясачного сбора 1895-1897 гг. и размером вводимого душевого оброчного сбора. Поскольку размер оброчной подати был значительно выше ясачного оклада, то возникающие в данном случае излишки должны были являться уже не собственностью Кабинета, а поступать в доходы Государственного казначейства. На основании этого закона Министерство финансов с 1899 г. по 1902 г. выплатило Кабинету кругленькую сумму в 500 609 руб. серебром⁸⁰⁸.

Однако и этого Кабинету оказалось мало. Скрупулезность и мелочность императорского Кабинета – этого главного финансового органа коронной фамилии – в денежных делах была просто поразительной. Интерпретируя по-своему положение о податной реформе, Кабинет отказался выплачивать государственному казначейству 44-копеечный сбор, введенный еще при Николае I. В общих доходах бюджета Кабинета, исчисляемых в начале XX в. в размере около 30 млн руб.⁸⁰⁹, удельный вес 44-копеечного сбора был поистине ничтожен – составлял 0,096 %. Конкретно раскладка 44-копеечного сбора по губерниям и областям Сибири выглядела так: Енисейская – 1950 руб., Иркутская – 5656, Тобольская – 1844, Томская – 1813, Забайкальская – 6078, Приморская – 428, Якутская – 10 697. Общая сумма этого вида денежного сбора исчис-

⁸⁰⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1314. Л. 8.

⁸⁰⁹ По данным Г.П. Жидкова, в 1901 г. общий бюджет Кабинета составлял 25 466 712 руб., в 1906 г. – 29 377 899 руб. (Жидков Г.П. Кабинетское землевладение... С. 91).

лялась 28 468 руб.⁸¹⁰ Однако Кабинет не хотел поступиться и этой частью своих доходов. В конечном итоге Кабинет был вынужден пойти на уступки и выплатить указанную сумму министерству финансов. Приведенный материал интересует нас не только с «математической» точки зрения, хотя и этот аспект представляется достаточно показательным и интересным. Главное видится в другом. Эти материалы достаточно убедительно свидетельствуют в пользу тезиса о совместной эксплуатации аборигенов Сибири со стороны императорского Кабинета и роли крепостнического государства, они отражают споры и противоборство Казны и Кабинета, за преимущественное право эксплуатировать народы Сибири, и наконец, еще раз указывают на паразитический характер коронного ведомства, которое практически являлось совладельцем и эксплуататором государственного хозяйства.

Издание закона 19 января 1898 г. и замена подушных сборов и ясака оброчной и поземельной податями отнюдь не означали, что коронное ведомство отказалось от сбора ясака как такового. Л.М. Горюшкин справедливо отмечает, что ясак с кочевых народов Сибири взимался в пользу Кабинета вплоть до 1917 г.⁸¹¹ По сведениям Кабинета, его доход от сбора ясака в 1908 г. составил 127 162 руб., ясачный сбор «рухлядь» исчислялся в 280 руб. По мере проведения землеустройства народов Сибири ясак как бы «выкупался» у Кабинета Министерством финансов. Ежегодный размер этих «выкупов» в первое десятилетие после опубликования закона о податной реформе составлял 125 152 руб.⁸¹²

Для ясачной подати конца XIX столетия характерным явился процесс ее дальнейшей коммутации. Если применительно к 40–50-м гг. XIX в. можно говорить о «значительном развитии» денежных ясачных платежей⁸¹³, то уже в XX столетии сбор ясака осуществлялся почти исключительно деньгами. Ясачные поступления пушниной состав-

⁸¹⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1314. Л. 11

⁸¹¹ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири... С. 256.

⁸¹² РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1325. Л. 2об.

⁸¹³ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С. 261.

ляли совершенно незначительную часть общего размера ясачной ренты. В Томской губернии только в одном округе – Кузнецком – еще сохранились ясачные платежи натурой и то в очень небольших размерах – 564 руб. Аналогичная картина наблюдается и в других губерниях и областях Сибири. В Иркутской губернии аборигены платили ясак преимущественно деньгами и лишь иногда пушшиной. Якутский губернатор в 1910 г. сообщал в Кабинет, что «инородцы 20 лет, как не платят ясак рухлядью, вносят деньгами»⁸¹⁴. По сведениям, собранным гражданскими губернаторами в 1910 г., незначительная практика сборов ясака пушшиной продолжала существовать лишь в Западной Сибири (табл. 23). В августе 1910 г. Кабинет согласился получать весь ясак деньгами, а не пушшиной. В этом же году было достигнуто принципиальное соглашение о «выкупе» Министерством финансов сборов ясака, уплачиваемых населением Нерчинского горного округа Забайкальской области.

В то же время обращает на себя внимание довольно значительная численность аборигенов, уплачивающих не оброчную подать, а ясак. Это обстоятельство объясняется медленным введением податной реформы, что явилось прямым следствием затянувшегося в Сибири землеустройства и консерватизма кабинетских чиновников. Неоднократные заявления представителей Кабинета в адрес депутатов Государственной думы в «скором времени» рассмотреть и решить вопрос о ясачном сборе⁸¹⁵ являлись обычной ложью, направленной на сохранение этой самой архаичной формы податного обложения народов Сибири. В 1914 г. ясачный сбор с сибирских аборигенов составил 71 102 руб., в том числе в губерниях: Тобольской – 7773 руб., Томской – 11 011 руб., Енисейской – 44 940 руб., Иркутской – 2903 руб., Забайкальской области – 44 940 руб.⁸¹⁶ В бюджетных

⁸¹⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1325. Л. 10об., 12.

⁸¹⁵ Стенографический отчет Государственной Думы. Доклады бюджетной комиссии 1913–1914 гг. Четвертый созыв. Сессия вторая. СПб., 1914. Доклад № 49. С. 22.

⁸¹⁶ Стенографический отчет Государственной Думы... С. 31.

ведомостях Кабинета ясачные поступления планировались вплоть до 1917 г.

В итоге отметим, что в конце XIX в. правительство отчасти осуществило замену ясачного сбора государственной оброчной податью. Однако и сам ясак как одна из форм податной зависимости народов Сибири от коронного ведомства существовал до 1917 г. Ясак, как и частично заменившая его оброчная подать, являлись одной из наиболее архаичных форм феодальной земельной ренты, выражавшей на практике не столько юридическую, сколько экономическую зависимость аборигенов от собственника земли. В царской России ясак был территориально самым распространенным налогом. Накануне 1917 г. его платили все бродячие «инородцы» Сибири, абсолютное большинство коренного населения Якутской области, кочевые «инородцы» Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской области, часть нерусского населения Архангельской и Пермской губерний. По социально-экономическому содержанию, способам взыскания и т. д. сибирский ясак имел немало общего с податными обязанностями нерусских народов других колонизируемых окраин царской России, например, кибиточной податью, взыскиваемой с народов Туркестана. Это свидетельствует о том, что аборигенное население окраин романовской империи наряду с национальным гнетом испытывало на себе самые архаичные формы податной эксплуатации⁸¹⁷. Такая политика укрепляла экономический застой, ибо вместо развития производительных сил способствовала лишь полуфеодальной эксплуатации «инородцев».

В то же время налоговая политика царизма в Сибири имела и свои особенности, обусловленные двойственным характером сибирской земельной собственности. В Сибири совместными собственниками земли выступали казна и Кабинет. Последний, как совладелец земель, взимал в свою пользу ясак. Однако и казна была совладельцем земель,

⁸¹⁷ Буковецкий А.И. Финансово-налоговая политика царизма на колониальных окраинах России // История СССР. 1962. № 1. С. 143-144.

находившихся в непосредственном распоряжении Кабинета. Казна взимала в свою пользу разницу между годовым окладом ясака и оброчной податью. Кроме того, крестьяне и «инородцы» выступали и как арендаторы кабинетских земель, ибо выполняли государственные повинности.

Раскладка податей отличалась крайней неравномерностью. Податная система всей тяжестью ложилась на плечи бедняков и середняков, размеры податей не соответствовали доходности этих хозяйств, которые в виде налогов отдавали не только прибавочный, но и часть необходимого продукта. Неслучайно недоимки народов Сибири носили устойчивый характер. Инородцы-кулаки получали гораздо больший доход, налоги отнимали у них лишь часть прибавочного продукта, поэтому остальная часть прибавочной стоимости оставалась в хозяйстве в виде прибылей и шла на расширение производства. Именно в конце XIX – начале XX в. среди нерусских народностей появилась национальная прослойка предпринимателей, ведущая свое хозяйство капиталистическими методами. Это являлось одним из проявлений процесса трансформации социально-экономической сущности феодальной ренты в капиталистическую. В то же время некоторые виды податных платежей аборигенов, как например, ясак, и в начале XX в. носили чисто феодальный характер. Поэтому можно утверждать, что подати народов Сибири носили смешанный характер капиталистической и феодальной ренты. Аналогичное положение наблюдается и у русского крестьянства. Податная политика, направленная на защиту зажиточных слоев деревни, своим важнейшим социальным последствием имела рост классового антагонизма среди сельского населения всех национальностей Сибири, вторую социальную войну, которая особенно обострилась в начале XX в. Тем самым создавались объективные предпосылки для совместной борьбы трудящегося крестьянства всех национальностей с царизмом и буржуазией.

Заключение

В период капитализма Сибирь являлась неотъемлемой составной частью России. Это единство, сложившееся еще в феодальную эпоху, обуславливалось общностью экономических, политических, социальных и иных процессов в Европейской и Азиатской России⁸¹⁸. Процесс взаимовлияния центра и периферии находил свое выражение в различных сторонах материальной и духовной жизни общества, в том числе и в единстве внутренней политики империи как в центре, так и на окраинах России. Решающее влияние на политику самодержавия оказывали имперские интересы государства, связанные со стремлением к централизации, унификации и ликвидации обособленности окраинных территорий. В известной степени на этой политике, особенно в северных районах Сибири, отражались и особенности социально-экономического и политического развития нерусских народностей, связанные с существующими пережитками патриархально-родового строя, системой ведения хозяйства и т. д.

Стержнем правительственного курса в отношении народов Сибири была аграрная политика. Применительно к крестьянскому населению края в целом и этой сословной группе в частности она рассматривалась правительством как производная от курса, выработанного в центре страны. Поэтому можно говорить о единстве имперских методов аграрной политики применительно как к русскому крестьянству, так и аборигенам. В Сибири пореформенной эпохи на всех этапах разработки аграрной политики присутствовал «иностранческий» вопрос, но решался он по-разному. Традиционной особенностью аграрной политики было стремление самодержавия отказать от признания особых сословных прав

---

⁸¹⁸ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня... С. 465; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения... С. 96.

аборигенов на «породные» земли, приравнять их в отношении прав землепользования к русскому крестьянству. Это нашло отражение в аграрном законодательстве конца XIX – начала XX вв., провозгласившем единые принципы землеустройства русского и аборигенного крестьянства. В ходе реализации законодательства, особенно в период столыпинского аграрного бонапартизма, отчетливо проявилась связь между землеустройством аборигенов и интересами переселенческой политики царизма. Дворянско-буржуазный характер землеустройства применительно к народам Сибири проявился в отказе от политики невмешательства в традиционные формы землепользования аборигенов, признания их сословных прав на «первоначально» занятые земли. Своим практическим результатом этот поворот в правительственной политике имел сокращение на 30 % размеров землепользования коренного населения, подрыв их хозяйства, особенно бедняцко-середняцких слоев. Тем самым углублялось имущественное и социальное неравенство, подрывались основы феодально-родового строя. Эти обстоятельства намного усиливали остроту аграрного вопроса и социальных противоречий среди коренного населения.

В области управления народами Сибири уже в первые пореформенные десятилетия были предприняты шаги по распространению на аборигенов действия отдельных статей общего положения о крестьянах от 19 февраля 1861 г. Однако в целом управление нерусскими народностями до конца XIX в., а в северных районах и Якутском области до 1917 г., основывалось на принципах «Устава об управлении инородцев» 1822 г. Законом 3 июня 1898 г. в Сибири был введен институт крестьянских и «иностранческих» начальников. В своей основе он имел положение от 12 июля 1889 г. о земских начальниках Европейской России, однако права крестьянских начальников относительно общественного управления аборигенов по сравнению с правами земских начальников относительно крестьян были значительно расширены. На практике крестьянский начальник становился полным хозяином в «иностранческой» волости. Новый закон по своему от-

ражал определенные изменения в характере социально-экономического развития народов Сибири, связанные прежде всего с разложением патриархально-феодалных и развитием капиталистических отношений. В то же время эта административная реформа, в конечном итоге, была направлена на усиление полицейской опеки над народами Сибири.

Основным направлением правительственной политики в области управления народами Сибири в первые годы XX в. и вплоть до 1917 г. явились мероприятия по упразднению поразрядной системы и введению волостного и сельского управления, устроенного по крестьянскому образцу. Первоначально проведение административной реформы ставилось правительством в прямую зависимость от темпов землеустройства. Однако медленный ход землеустроительных работ, стремление самодержавия к усилению административно-полицейской опеки и обрусению аборигенов предопределили переход самодержавия после третьеиюньского государственного переворота к откровенно насильственным методам проведения реформы управления. Эти же цели преследовали распространение на аборигенов паспортной системы, попытки привлечения их к воинской повинности.

В результате административных преобразований сословная обособленность сибирских «иностранцев» в области управления была в значительной степени утрачена, но не уничтожена. Последнее обстоятельство объясняется сохранением патриархальных черт в быту и слабым развитием товарно-денежных отношений в хозяйстве малых народов севера Сибири. Мероприятия самодержавия по ликвидации сословной обособленности сибирских аборигенов не могли не носить противоречивого характера. Субъективно они были направлены на упрочение позиций имперского государства среди крестьянства национальных районов.

Податная политика самодержавия в отношении народов Сибири определялась существующими экономическими условиями, когда совладельцами сибирских земель выступали казна и Кабинет. Как подданные государства, народы Сибири уплачивали определенные суммы на его содержа-

ние, участвовали в исполнении земских повинностей. Однако наиболее характерней формой эксплуатации народов Сибири был ясак. Хотя сибирские земли считались государственными, а коренные народы – подданными государства, ясак поступал в императорский Кабинет и составлял неотъемлемую собственность коронной фамилии. В конце XIX в. правительство отчасти осуществило замену ясачного сбора государственной оброчной податью. Однако и сам ясак как одна из форм податной зависимости народов Сибири от коронного ведомства существовал до 1917 г. Казна взимала в свою пользу разницу между среднегодовым окладом ясака и оброчной податью. Это указывает на известную противоположность финансовых интересов казны и Кабинета, свидетельствует об устойчивости традиции паразитирования монархии на общегосударственный счет.

Ясак являлся одной из наиболее архаичных форм феодалльной земельной ренты, выражавшей на практике не столько юридическую, сколько экономическую зависимость аборигенов от собственника земли. Всем своим существованием он был связан с коронной фамилией как одним из основных институтов самодержавия России. Ликвидация монархии в 1917 г. повлекла за собой и ликвидацию ясака как особой формы собственности.

Проделанное в ходе изложения конкретного материала сравнение основных направлений политики самодержавия в отношении народов Сибири с политическим курсом империи по отношению к нерусскому населению других окраин России (Поволжье, Башкирия, Средняя Азия и др.) позволяет заключить, что при наличии ряда местных особенностей эту политику пронизывали единые для центра и периферии интересы дворянско-крепостнического лагеря и связанных с ним общественных институтов. Для национальной политики империи на всех окраинах были характерны сословная неполноправность, административный и национальный гнет, полуфеодалльная налоговая эксплуатация.

Приложение

Таблица 1.
Динамика русского и коренного населения
Сибири в XIX в. (тыс. душ м. п.)

Год	Русское			Коренное			Всего		
	Число- век	%	Рост в %	Число- век	%	Рост в %	Число- век	%	Рост в %
1816	651	74,74	100	220	25,26	100	871	100	100
1858	1041	786,77	159,9	315	23,23	143,1	1356	100	155,6
1897	2310	84,87	354,8	413	15,13	187,2	2723	100	312,6

Примечание: таблица составлена по материалам: Кабузан В.М., Троицкой С.М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 265; Патканов С. Статические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 1. С. 3. % подсчитаны автором.

Таблица 2.
Рост численности коренного населения Сибири
в 1897–1911 гг. (в душах обоего пола)

Год	Тоболь- ская	Томская	Енисей- ская	Иркут- ская	Забай- каль- ская	Якут- ская
1897	84925	114697	50065	116361	212599	235623
1911	102798	133870	55737	134363	244003	256253
При- рост в %	21	15	11	15	14	8
Среднее по Западной Сибири – 18 %				Среднее по Восточной Си- бири – 12 %		

Примечание: таблица составлена и рассчитана автором по материалам: Азиатская Россия. – Т. 1. СПб., 1914. С. 86.

Таблица 3.
Ежегодный прирост аборигенов в 1897–1911 г., %

Губернии	Тоболь- ская	Том- ская	Ени- сейская	Иркут- ская	Забай- кальская	Якут- ская
С 1897 по 1911 гг.	21	15	11	15	14	8
Среднее за 1 год	1,4	1	0,7	1	0,9	0,5
Среднее по Сибири 0,9						

Примечание: таблица рассчитана по материалам: Азиатская Россия. Т. 1. СПб., 1914. С. 86.

Таблица 4.
**Численность и национальный состав аборигенов Сибири
по переписи 1897 г. (в тыс. душ об. п.)**

Народность и этнографическая группа	Всего аборигенов	% к общему числу
Буряты	288600	35,08
Якуты	226700	27,55
Алтае-сайанские народы, тюркские ветви	108700	13,21
Эвенки	64500	7,84
Сибирские татары	53000	6,44
Ханты и манси	27700	3,36
Чукчи	11750	1,42
Ненцы	9427	1,46
Коряки	7300	0,88

Примечание: таблица составлена и рассчитана по материалам: История Сибири. Т. 3. Некоторые малые народности, не превышающие 1000 человек, в данной таблице не учитываются: тофалары, юкагиры, энцы и др.

Таблица 5.
**Соотношение мужского и женского полов у коренного
населения Сибири (1897 г.)**

Народность, этн. группа	Буряты	Якуты	Манси	Ханты	Кизильцы	Качинцы	Сагайцы	Алтае-сайанские народы	Зап. сибир. Татары	Эвенки
% женщин на 100 мужчин	95	100	100	91	97	98	100	100	94	95

Таблица 6.
Соотношение городского и сельского аборигенного населения Сибири в 1897 г. (душ об. п.)

	Тоболь- ская		Томская		Енисей- ская		Иркут- ская		Забай- кальская		среднее по Сибири
В уезде	83868	98,75	115663	99,28	49727	99,32	115820	99,54	210850	99,18	99,21
В горо- дах	1057	1,25	834	0,72	338	0,68	541	0,46	1749	0,82	0,79
Всего	84925	100	116497	100	50065	100	116361	100	212599	100	100

Примечание: таблица составлена по материалам: Азиатская Россия. Т. 1. СПб., 1914. С. 86. % подсчитаны автором.

Таблица 7.
Соотношения категорий сельского населения Сибири (в %)

Категория населения	В 1897	В 1914 г.
Старожилы	38,6	29,2
Казачи	4,5	3,4
Переселенцы	27,4	48,9
Аборигены	29,5	18,5

Примечание: таблица составлена по материалам: Горюшки Л.М. Аграрные отношения в Сибири империализма. С. 144.

Таблица 8.
Соотношение коренного и пришлого населения Тобольской губернии в 1897 г. (душ м.п.)

Округа	Пришлого		Коренное		Всего	
Тобольский	50888	80	12727	20	63615	100
Березовский	3037	27	8208	73	11245	100
Ишимский	131414	99,3	933	0,7	132347	100
Курганский	125461	99,8	270	0,2	125731	100
Сургутский	1049	26,2	2963	73,8	4012	100
Тарский	73625	92,4	6050	7,6	79675	100
Туринский	31473	94,3	1901	5,7	33374	100
Тюкалинский	103936	97,4	2826	2,6	106762	100
Тюменский	54045	90,3	5812	9,7	59857	100
Ялуторовский	87422	97,1	2580	2,9	90002	100
Всего:	662350	93,7	44270	6,3	706620	100

Соотношение коренного и пришлого населения Томской губернии в 1897 г. (душ м. п.)

Округа	Пришлое		Коренное		Всего	
Томский	132413	94,9	7173	5,1	139586	100
Барнаульский	285731	98,9	3122	1,1	288853	100
Бийский	145177	86,7	22156	13,3	167333	100
Змеиногорский	99368	93,1	8393	6,9	107761	100
Каинский	90368	95,0	4753	5,0	95121	100
Кузнецкий	66539	83,6	13087	16,4	79626	100
Мариинский	68390	97,5	1607	2,5	69997	100
Всего:	887986	93,8	60291	6,2	948277	100

Соотношение коренного и пришлого населения Енисейской губернии в 1897 г. (душ м. п.)

Округа	Пришлое		Коренное		Всего	
Красноярский	52918	99,8	120	0,2	53038	100
Ачинский	52499	91,7	4780	8,3	57279	100
Енисейский	35295	97,7	825	2,3	36120	100
Канский	53120	99,5	438	0,5	53558	100
Минусинский	77157	83,7	15041	16,3	92198	100
Туруханский край	1615	28,3	4099	71,7	5714	100
Усинский	1021	92,1	87	7,9	1108	100
Всего:	273625	91,5	25390	8,5	299015	100

Соотношение коренного и пришлого населения Иркутской губернии в 1897 г. (душ м. п.)

Округа	Пришлое		Коренное		Всего	
Иркутский	65105	80,1	16897	19,9	82002	100
Балаганский	49779	64,4	27563	35,6	77342	100
Верхотенский	22776	63,5	13106	36,5	35882	100
Киренский	27176	92,9	2098	7,1	29274	100
Нижнеудинский	46040	97,6	1125	2,4	47165	100
Всего:	210876	77,7	60789	22,3	271665	100

Соотношение коренного и пришлого населения Якутской области в 1897 г. (душ м. п.)

Округа	Пришлое		Коренное		Всего	
Якутский	4848	6,8	66897	93,2	71745	100
Верхотенский	419	5,9	6738	94,1	7153	100

Вилуйский	452	1,4	32727	98,6	33179	100
Колымский	479	13,6	3038	66,4	3517	100
Олекминский	14612	64,6	8319	35,4	22931	100
Всего:	20810	15,3		84,7	138525	100

**Соотношение коренного и пришлого населения
Забайкальской области в 1897 г. (душ м. п.)**

Округа	Пришлое		Коренное		Всего	
Читинский	40750	55,7	32362	44,3	73112	100
Акшинский	14741	86,0	2387	14,0	17128	100
Баргузинский	6348	48,4	6778	61,6	13126	100
Вехнеудинский	58031	68,9	26274	31,1	84305	100
Керченский	48871	99,0	522	1,0	49393	100
Нерчинско-Заводской	38349	99,2	314	0,8	38663	100
Селенгинский	19600	38,7	31008	61,3	50608	100
Троицкосавский	10735	66,4	5423	33,6	16158	100
Всего:	237425	69,2	105068	30,8	343493	100

Примечание: таблица составлена на основании данных: Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912, Т. 2. С. 2-34, 130-133; Т. 3. С. 322-325, 434-437, 550-553, 710-711.

Таблица 9.

Изменение площади землепользования бурят Иркутской губернии до и после землеустройства 1913 г. (дес.)

Уезды	Площадь земель до землеу- стройства	Площадь земель после землеу- стройства	Уменьшение		Увели- чение	
Балаганский	1182166	587799	5943367	50,28	-	-
Верхотенский	363330	164770	198560	54,65	-	-
Иркутский	399834	288511	111323	27,89	-	-
Нижеудинский	65434	24570	40864	62,45	-	-
Киренский	-	-	-	-	-	-
Итого по губернии	2010764	1065650	945114	47,00	-	-

Примечание: таблица составлена по данным: ЦГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1311. Л. 231-233об.

Таблица 10.
Итоги землеустройства бурят Верхленского уезда
к 1 января 1917 г. (дес.)

Волости и ведомства	Земли до землеустройства				Земли после землеустройства				% уменьш.	% увелич.
	Всего	в т.ч. удобной	в т.ч. неудобной	удобн. на дм.п.	Всего	в т.ч. удобной	в т.ч. неудобной	удобн. на дм.п.		
Манзурская	47359	46141	1218	9,8	72520	67029	5491	14,1	-	-
Кырминская	32357	31930	427	66,1	8460	8106	354	16,7	75	-
Хоготовская	49324	48572	752	32,0	26167	24303	1864	15,8	51	-
Ользоновская	43567	42649	918	33,0	25684	22276	3408	17,0	49	-
Верхнеудинская	115320	112604	2716	48,9	46040	38480	7560	16,7	66	-
Баяндаевская	77557	76306	1251	58,7	21243	20242	1001	15,5	74	-
Итого:	365484	358202	7282	30,9	200114	180436	19678	15,4	51	-

Примечание: таблица составлена и рассчитана по материалам: Отчет заведующего переселением и землеустройства в Иркутской губернии за 1916 г. См.: ЦГАОР. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 120об.-121.

Таблица 11.
Итоги землеустройства бурят Балаганского уезда
Иркутской губернии к 1 января 1917 г. (дес.)

Волости и ведомства	Земли до землеустройства				Земли после землеустройства				% уменьш.
	Всего	в т.ч. удобной	в т.ч. неудобной	удобн. на дм.п.	Всего	в т.ч. удобной	в т.ч. неудобной	удобн. на дм.п.	
Зунгаро-Быготское	72479	67720	4759	89,4	15563	14120	1443	18,2	80
Унгинское	249683	241342	8341	52,9	98883	90001	8882	19,1	64
Нельхайское	92119	89105	3014	62,7	35951	34728	1223	18,1	72
Боханское	74221	71898	2323	26,3	55632	52798	2834	18,0	32

Укырское	53783	53453	330	42,6	26822	25763	1059	18,0	58
Улейское	21220	20441	779	23,3	18167	15964	2203	18,2	23
Молькинское	59813	57810	2003	27,5	40964	38274	2680	18,0	35
Бильчирское	180331	176975	3356	34,3	64541	59923	4618		
Кахинское					34745	32555	2190	17,9	48
Апсехабатское	47897	46474	1423	28,4	36928	32382	4546	18,2	36
Итого:	851546	825218	26328	40,2	428196	396508	31678	18,2	55

Примечание: таблица составлена и рассчитана по материалам отчета заведующего переселением и землеустройством в Иркутской губернии за 1916 г. См.: ЦГАОР. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 120–121.

Таблица 12.
Итоги землеустроительных работ в Забайкальской области к 1 января 1908 г.

	Всего в области	Занято землеустройством	%
Волостей	74	30	40
Селений и обществ	525	207	39
Надельных душ	261000	81000	31
Площадь землепользования, подлежащая землеустройству	9300000	294000	31

Примечание: таблица составлена по материалам: отчет о землеустроительных работах в четырех сибирских губерниях и области Забайкальской за 1908 г. СПб., 1909. С. 45.

Таблица 13.
Землеустроительные работы в Томской губернии в 1914–1916 гг. (дес.)

Годы	Отрезки			Прирезки			Изменение землепользования	
	Крестьяне	Ино-родцы	Итого	Крестьяне	Ино-родцы	Итого	Крестьяне	Ино-родцы
1914	236082	64474	300556	206397	11028	217425	-29685	-53451
1915	238049	66479	304528	237143	12967	250110	-906	-53512
1916	238050	70479	308529	260466	13046	273512	+22416	-57433

Примечание: таблица составлена по материалам: 1914 г. – переселение и землеустройство за Уралом в 1914 г. Пг., 1915. С. 358; 1915 г. –

ЦГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 45. Л. 5; 1916 г. – ЦГИА. Ф. 391. Оп. 10. Д. 9. Л. 3; Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 54.

Таблица 14.
Соотношение государственных и земских повинностей
кочевых «инородцев» Томской губернии (1860 г.)

Округ	Число раб-бот-ников	Государственные повинности		Губернские повинности		Волостные повинности		Всего
		руб.	%	руб.	%	руб.	%	
Томский	2134	1024	50,3	314	15,4	698	34,3	2036
Мариинский	274	131	50,4	40	15,4	39	34,2	210
Кузнецкий	2113	1014	50,3	311	15,4	692	34,3	2017
Бийский	3854	1849	50,3	568	15,4	1262	34,3	3676
Итого:	8375	4018	50,3	1233	15,4	2691	34,3	7942

Примечание: таблица составлена по материалам: ГАТО. Ф. 196. Оп. 36. Д. 24. Л. 23, 24, 27.

Таблица 15.
Соотношение податей и расходов в хакасских хозяйствах
Енисейской губернии (1892 г.)

Источник доходов и статьи расходов	Бедняки		Средняки		Кулаки	
	руб.	%	руб.	%	руб.	%
Доходы						
1. от земледелия	41,5	21,4	66,5	19,5	442,5	40,2
2. от скотоводства	22,0	11,3	257,5	75,6	450,75	41
3. от птицеводства	0,5	0,3	1,2	0,3	19,9	1,7
4. от промыслов	129	67	15,5	4,6	189	17,1
5. кредит	-	-	-	-	-	-
Итого доходов:	193,5	100	340,5	100	1102,5	100
Расходы						
1. на земледелие	5,1	3,3	2,4	0,7	225,5	21,9
2. на скотоводство	22,4	13,8	83,3	25,0	149,0	14,4
3. на птицеводство	-	-	0,2	0,2	1,8	0,2
4. на промысел	68	11,4	-	-	5,3	0,5
5. на экипаж и сбрую	-	-	0,6	0,2	18,8	1,8
6. на продовольствие	84,7	52,5	210,6	63,0	422,9	41,2
7. на одежду и обувь	10,8	6,7	11,0	3,3	95,3	9,2
8. на религиозные нужды	2,1	1,3	3,0	0,9	6,5	0,6
9. на подати и повинности	9,8	6,1	9,6	2,9	12,2	1,2

10. ссуда	30,0	-	-	-	-	-
11. разные платежи	15,3	9,5	13,5	4,0	79,7	7,7
12. на постройки	-	-	-	-	13	1,3
Итого расходов:	191,6	100	334,2	100	1030,0	100
Чистый доход хозяйства	1,9		6,3		72,15	
Доходность хозяйства или норма прибыли		0,99		1,88		7
Степень эксплуатации		8,7		4		2

Примечание: таблица составлена и рассчитана по данным: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Т. 4. Вып. 5. Иркутск, 1892. С. 396, 398.

Таблица 16.
Соотношение податей и расходов в бурятских хозяйствах
Иркутской губернии (1888 г.)

	Бурятские хозяйства, сеющие		
	10 дес.	5 дес.	3 дес.
Общий доход	1151,5 руб.	460,25 руб.	398,20 руб.
Расход			
1. на земледелие	221,78	99,61	44,60
2. на скотоводство	212	111,40	72,65
3. на питание	519,23	336,20	172,60
в т. ч. на водку	24	12	7,50
4. на одежду	69,85	48,92	52,21
5. на обувь	11	6	9
6. разные расходы	38,40	32,40	13,29
Итого расходов:	1072,26	634,53	364,25
Остаток от дохода	79,24	174,26	33,95
Подати и повинности	47,80	41,85	32,90
Чистый доход хозяйства	31,44	Общий дефицит 1,05	
Доходность хозяйства или норма прибыли	2,89%	-	0,26
Удельный вес податей в расходах	4,2%	6,2%	8,2%
Степень эксплуатации	7,5%	9,8%	13,3%

Примечание: таблица составлена и рассчитана по данным: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. 2. Вып. 5. М., 1890. С. 205–211, 214–216.

Таблица 17.

**Размер недоимки по земским платежам оседлых
«инородцев» Енисейской губернии в 1880–1884 гг., руб.**

Годы	1880	1881	1882	1883	1884	% недо- имки за 5 лет
Губернские (оклад)	1571	1751	1921	1566	1269	
Размер недоимки	729	792	858	1165	1208	
% недоимки	46,4	45,2	49,8	74,3	95,1	62,2
Частные (оклад)	1482	1583	1552	1336	1584	
Размер недоимки	918	913	1014	1244	1038	
% недоимки	61,9	57,6	65,3	93,7	78,5	71,4

Таблица 17.

(продолжение)

**Размер недоимки по земским платежам кочевых
«инородцев» Енисейской губернии в 1880–1884 гг., руб.**

Годы	1880	1881	1882	1883	1884	% недо- имки за 5 лет
Губернские (оклад)	5130	5091	6272	5744	3973	
Размер недоимки	503	503	1507	1074	1401	
% недоимки	9,8	9,8	24,0	18,2	35,2	19,5
Частные (оклад)	6502	6431	6438	6332	5824	
Размер недоимки	1540	1754	1816	2146	2983	
% недоимки	23,7	27,3	28,2	33,9	51,2	32,8

Таблица 18.

**Размер недоимки по уплате подушной и оброчной
податей оседлых «инородцев» Енисейской губернии
в 1880–1884 гг., руб.**

Годы	1880	1881	1882	1883	1884	% недо- имки за 5 лет
Подушная подать	2193	2372	2090	2036	1617	
Размер недоимки	275	137	188	190	607	
% недоимки	12,5	5,7	13,7	9,3	37,5	15,7
Оброчная подать	4473	4452	4161	4059	3915	

Размер недоимки	820	812	879	346	834	
% недоимки	18,3	18,3	21,1	8,5	21,3	17,5

Примечание: таблицы 17 и 18 составлены и рассчитаны по материалам: Волости и населенные места 1893 г. Вып. 11. Енисейская губерния. СПб., прил. 11. С. 8.

Таблица 19.
Распределение ясака (руб.) по губернии
и областям Сибири

Губерния, область	Размер ясака в ассигнациях	Размер ясака серебром
Енисейская	55253	15768
Иркутская	267698	76485
Тобольская	30588	8739
Томская	2805	8230
Якутская	128177	36662
Приморская	14639	4182

Примечание: 1) таблица составлена по данным: ЦГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 947. Л. 25–28; 2) в 1835 г. Забайкальская область входила в состав Иркутской губернии. В качестве самостоятельной административной единицы Забайкальская область образована на основании указа от 11 июля 1851 г. (ПСЗ-2. № 25394).

Таблица 20.
Удельный вес ясачной и оброчной подати в общем
объеме Кабинетской земельной ренты в Сибири

Год	Ясак и оброчная подать	Общий размер доходов Кабинета	%
1889	222258	1812022	12,3
1895	241125	2114978	11,4
1901	220725	3209930	6,9
1906	262933	4111697	6,4
1916	168638	7884358	2,1
1917	219780	10059611	2,2

Примечание: таблица составлена по данным: Жидков Г.П. Кабинетское земледелие... С. 95.

Таблица 21.
Количество ясачных поступлений
за период с 1879 по 1893 гг.

Губерния или область	Предполагалось к поступлению ясака	Фактически поступило	% поступления
Архангельская	54663	38454	70
Енисейская	367534	243542	67
Иркутская	800391	700325	87
Пермская	250	238	95
Приморская	14786	5290	36
Якутская	1162353	744085	64
Томская	193534	1592878	82
Тобольская	119996	116094	97
Забайкальская	814352	635336	75
В среднем за 15 лет			75

Примечание: таблица составлена по данным: ЦГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 458. Л. 68об-69, 70-73, 74об.-75, 76об.-79, 80-81, 82-85, 86-89, 90-93, 94об.-95.

Таблица 22.
Ежегодные ясачные платежи по губерниям
и областям Сибири

Год	Следовало собрать ясака	Фактически собрано	%
1884	229427	175580	92
1885	242952	169499	89
1886	261584	185778	71
1887	241542	191243	79
1888	239203	167408	69
1889	260918	190257	73
1890	261570	181278	69
1891	264377	188348	71
1892	264777	199941	75
1893	254308	177912	70
Процент ясака поступления за год			76

Примечание: таблица составлена по данным: ЦГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 458. Л. 65 об.-66.

Таблица 23.
Способы уплаты ясака коренными жителями Сибири
(1910 г.)

Губерния, область	Число ревизских душ, обложенных ясаком	Способ уплаты
Иркутская	1038	Деньгами
Енисейская	1740	Деньгами
Томская	7689	Деньгами (97 %) натурой (3 %)
Тобольская	7280	Деньгами (95 %) Натурой (5 %)
Якутская	107742	Деньгами
Забайкальская	28858	деньгами

Примечание: таблица составлена по данным: ЦГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1325. Л. 20об.

Таблица 24.
Рост числа членов и размеров доходов Всероссийского
Православного Миссионерского общества в 1870–1880 гг.

Год	Число членов	Доходы (руб.)	Расходы (руб.)	%
1870	6647	101674	6835	6,7
1871	9460	82222	26283	31,9
1872	8685	96515	38476	39,6
1873	7358	126371	55222	43,6
1874	6516	148723	75192	50,5
1875	6670	137705	96619	70,1
1876	7560	141698	92478	65,2
1877	6587	138728	104671	75,4
1878	6254	137033	126819	92,5
1879	6731	131218	105402	80,3
1880	7636	147810	113075	76,4

Примечание: таблица составлена по данным: ЦГИА. Ф. 796. Оп. 163. Д. 1223. Л. 18.

Таблица 25.
Удельный вес денежных дотаций ВПСМО сибирским
православным миссиям

Год	Затраты ПМО на все миссии (руб.)	В том числе на Сибирские (руб.)	% соотношение
1895	365346	121061	33,13
1899	304450	142030	46,65
1903	307467	138868	45,16
1905	170170	81026	47,61
Итого:	1147433	482985	43

Примечание: таблица составлена и рассчитана по данным: Обзор деятельности... С. 366; ЦГШИА. Ф. 796. Оп. 181. Д. 3151; Оп. 185. Д. 5894. Л. 2об; Оп. 188. Д. 7880. Л. 8.

Таблица 26.
Рост числа церквей в сибирских епархиях
в 1840–1893 гг.

Епархия	годы							Число прихожан на церковь (1880 г.)
	1840	1850	1860	1870	1880	1890	1893	
Тобольская	272	313	395	437	494	500	523	2250
Томская	215	258	533	394	396	455	479	2110
Енисейская	-	-	-	194	182	227	232	1629
Иркутская	229	253	252	413	390	478	502	1419
Якутская	-	-	-	-	45	65	72	3720
Итого	716	824	1180	1438	1507	1725	1808	-

Примечание: таблица составлена и рассчитана по данным: Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным (1840–41 по 1890–91 гг.). СПб., 1897. С. 23, 25, 120, 121.

Лев Михайлович Дамешек
Избранное
Том I
Сибирские «иностранцы»
в имперской стратегии власти
(XVIII – начало XX в.)

Монография

Корректор: М.В. Ильина
Верстка: И.В. Кравцов

Издательство «Оттиск».
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 21.02.2018 г.
Формат 60х84 1/16.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
Гарнитура Journal.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 21,3. Уч.-изд. л. 26,5.
Тираж 500 экз. Заказ № 25.
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26.
Тел./факс: (3952) 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru
www.ottisk-irk.ru